ОЧЕРКЪ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ
МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ
ВЪ XVII ВѢКѢ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

СЛОВАРЯ КНИЖНОЙ МАЛОРУССКОЙ РѢЧИ

ПО РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

140
318
Б. Житецкій
БИБЛІОТЕКА Кіевской Духовной Академіи
N 10701

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайловская ул., домъ № 4
1889.

PG
3815
Z5

Дозволено цензур. Кіевъ, 9-го Декабря 1888 г.

Институт литературы
АН СССР
им. М. Горького
36-22104

СОДЕРЖАНІЕ.

Славянская рѣчь въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII в.

I. СТРАН.

Колебанія въ выборѣ литературнаго языка во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII в.—Соображенія южнорусскихъ писателей въ пользу славянскаго языка.—Недовѣріе къ „латинской наукѣ“ со стороны народа и православнаго духовенства.—Водвореніе ея въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ.—Признаніе славянскаго языка объединяющимъ началомъ умственной жизни . . . . . 1—15.

II.

Славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго.—Задачи автора.—Идея „чистаго“ славянскаго языка.—Грамматическая регламентація.—Фиктивныя формы славянскаго языка.—Начало словопроизводства.—Употребленіе надстрочныхъ знаковъ по русскому выговору. . . . . 16—27.

III.

Синтаксическіе архаизмы въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ.—Фиктивные архаизмы, не соотвѣтствующіе церковнославянскимъ.—Подлинные архаизмы подражательнаго происхожденія.—Стилистическое значеніе церковно-славянскихъ элементовъ рѣчи въ южнорусской письменности . . . . . 27—36.

Книжная малорусская рѣчь въ XVII вѣкѣ.

I.

Славенороссій лексиконъ Памвы Берынды.—Составъ лексикона.—Значеніе польскаго языка въ средѣ малорусскихъ писателей.—Взаимодѣйствіе вліяній между нарѣ-

СТРАН.

чіями малорусскимъ и польскимъ въ лексическомъ отношеніи.—Слова, встрѣчающіяся въ нарѣчіяхъ великорусскомъ, малорусскомъ и польскомъ.—Спрягаемое причастіе на *лъ* съ глагольнымъ корнемъ *ісс*.—Дѣйствительные полонизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII в. . . . 37—51.

II.

Классификація малорусскаго матеріала въ книжной малорусской рѣчи XVII в.—Черты малорусскаго нарѣчія, сходныя съ церковно-славянскими.—Звуки гласные и согласные.—Формы имени существительнаго. Глагольныя формы. . . . . 52—72.

III.

Общерусскіе звуки и формы.—Звуки гласные и согласные.—Формы имени существительнаго.—Глагольныя формы. . . . . 73—115.

IV.

Черты малорусскаго нарѣчія, чуждыя нарѣчіямъ церковно-славянскому и великорусскому.—Звуки гласные и согласные.—Формы имени существительнаго.—Глагольныя формы. . . . . 116—136.

V.

Сводъ наблюденій надъ грамматическими свойствами книжной малорусской рѣчи XVII в.—Стилистическія особенности ея: проза историческая и ораторская. . . . . 137—146.

Схоластическая наука на южнорусской почвѣ во второй половинѣ XVII вѣка.

Національное самосознаніе въ эпоху „Руины“.—Положеніе посполитаго люда въ лѣвобережной Украинѣ.—Школа, какъ примиряющее начало въ вопросахъ внутренней жизни.—Всесословный характеръ кіево-могилянской коллегіи.—Отраженіе народныхъ понятій въ южнорусской печати временъ „Руины“ . . . . . 147—162.

Словарь книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. . . . . 1—102.

Матеріалы, на которые сдѣланы указанія и ссылки въ нашемъ изслѣдованіи, съ объясненіемъ принятыхъ нами сокращеній:

1) АЗР. = Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I, II.

2) АЮЗР. = Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, т. I.

3) Алек. = „Александрія"—списокъ съ рукописи 1697 г. изъ Румянцевскаго музея.

4) Апок. = Апокрисисъ алко ѿпокѣсъ на книжки о скорѣ крестѣйскомъ: старопечатная книга не позже 1597 г. Заглавіе приведено по Описанію славянорусскихъ книгъ Каратаева. Въ подлинникѣ, которымъ мы пользовались, недостаетъ заглавнаго листа.

5) Вир. Сак. = Вирши, сочиненныя Кассіяномъ Саковичемъ по случаю погребенія гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго въ 1622 г., издан. Голубевымъ въ приложеніяхъ къ Исторіи кіевской академіи 1887 г.

6) Г. К. = Іоанникія Галятовскаго Ключъ разумѣнія, изд. кіево-печерской лавры 1660 г.

7) Г. Наука = его же Наука алко спосо зложенна казанна, изд. кіево-печерской лавры 1659 г.

8) Г. М. = его же Месїа праведный, изд. кіево-печерской лавры 1664 г.

9) Г. Чуд. = его же Чюда пречистѣи Богородицы, изд. кіево-печерской лавры 1660 г.

10) Граматики славенскиа правильнѣе Сунтагма, потщаніемъ многогрѣшнаго Мїха Мелетїа Смотрискаго.. .. въ Євю, 1619 г.

11) Гол. гр. №...=Головацкаго Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго. 1867 г.

12) Гол.=Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ, 4 т. 1878 г.

13) Густ. л.=Густынская лѣтопись. изд. Археограф. коммиссіей, т. II. 1843 г.

14) Діар. А. Ф.=Діаріушъ Берестейскаго игумена Аѳанасія Филипповича 1646 г., изд. Археограф. коммиссіей: Русская историческая биліотека т. IV, 1878 г.

15) Дум.=Народныя малорусскія думы разныхъ изданій.

16) Εὐχαριστήριον ꙗко вдѧчность... в' дꙋбꙋрни монастиръ печ҃: к: Рокꙋ ҂ахлк.

17) Ж. Ѳ.=Житіе Ѳеодосія: Чтенія въ императ. обществѣ исторіи и древностей 1880 г. изд. Попова.

18) Іоанна Вишенскаго посланія: Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи т. II.

19) Ипат.=Лѣтопись по ипатскому списку, изд. Археографическою коммиссіей 1871 г.

20) Казꙗнье двое Леонтія Карновича 1615 г., изд. въ Чтеніяхъ импер. общества исторіи и древностей, 1875 г.

21) Кіевская лѣтопись (1241—1621): Сборникъ лѣтописей, изданный кіевской коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, 1888 г.

22) К. Х.=Кіевская хроника, принадлежитъ В. П. Науменку.

23) Кирилла Транквилліона Зѣцало кѡсолскій выдꙋвкане к монастырꙋ почаевскомꙋ рокꙋ ҂ахпі.

24) Лекс. Бер.=Лѣзіконъ славенорꙋсскій... Памкоѥ Берꙋндоѥ... зꙋломаженый... Кутеинское изд. 1653 г.

25) Луц. ев. XIV в.=Луцкое евангеліе XIV в.: Очерки изъ исторіи русскаго языка Соболевскаго 1883 г.

26) Лямент людей побожныхъ, що ся стало въ Литовской земли: Южнорусскія лѣтописи, изд. Бѣлозерскимъ въ 1856 г.

27) Лямент ѡ прыгодѣ неприѧтнѣ ѡ зѣжикѣчи и модерѣтѣ мѣчанъ Острозкіи. . рꙋ Бѣкыла ҂ахх: рукопись принадлежитъ автору.

28) Льв. л.=Львовская лѣтопись, изд. А. Петрушевичемъ.

29) Меж. л. = Межигорская лѣтопись (1608—1700 г.): Сборникъ лѣтописей, изданныя кіевскою коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. 1888 г.

30) Мечъ Б. = Мечъ Духовный еже есть глъ Божій Лазаря Барановича, изд. кіево-печерской лавры, 1666 г.

31) Пал. З. К. = Палинодія Захаріи Копыстенскаго 1621 года, изд. Археографическою коммиссіей: Русская историческая библіотека т. IV.

32) Петра Могилы „Собственноручныя записки": Архивъ Юго-Западной Россіи, изд. коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, ч. I, т. VII. 1887 г.

33) Перес. = Описаніе Пересопницкой рукописи. Кіевъ. 1876 г.

34) Пис. Б. Х. = Письма Богдана Хмельницкаго къ разнымъ лицамъ по спискамъ съ подлинниковъ, хранящихся въ Главномъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

35) Рад. Ог. = Радивиловскаго Огородокъ Мѣри Бцій, изд. кіево-печерской лавры, 1676 г.

36) Сбор. 1073 г. = Изборникъ Святослава 1073 г., изд. Морозовымъ.

37) Сбор. ц. ар. м. = Сборникъ церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи № 441.

38) Син. = Синопсисъ, изд. кіево-печерской лавры 1678 г.

39) Стр. = Страсти Христовы, рук. XVII в.

40) Тр. п. = Тріодь постная, изд. кіево-печерской лавры, 1627 г.

41) Уч. Ев. = Учительное Евангеліе, рукоп. кіево-михайловскаго монастыря, 1604 г.

42) Хм. л. = Хмельницкая лѣтопись, изд. кіевс. археографической коммиссіей, 1875 г.

43) Чуб. = Пѣсни, собранныя и изданныя Чубинскимъ въ Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, т. V.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы не имѣли возможности воспользоваться нѣкоторыми рукописями и старопечатными книгами, на которыя дѣлаемъ ссылки въ своемъ изслѣдованіи, по-

этому мы были вынуждены въ подобныхъ случаяхъ приводить текстъ памятниковъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были изданы въ наше время, т. е.—въ большинствѣ случаевъ—безъ соблюденія старинаго правописанія. Можно пожалѣть о томъ, что этотъ способъ изданія старинныхъ памятниковъ нашихъ считается, по видимому, правильнымъ съ научной точки зрѣнія.

Славянская рѣчь въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка.

I.

Колебанія въ выборѣ литературнаго языка во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.—Соображенія южнорусскихъ писателей въ пользу славянскаго языка.—Недовѣріе къ „латинской наукѣ“ со стороны народа и православнаго духовенства.—Водвореніе ея въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ.—Признаніе славянскаго языка объединяющимъ началомъ умственной жизни.

Въ XIV вѣкѣ Южная Русь вошла въ составъ литовскаго государства, но только въ XV вѣкѣ сознано было въ ней объединяющее начало политической жизни, когда Витовтъ поставилъ крымское ханство въ ленную зависимость отъ себя, а внутри страны, въ замѣнъ удѣльнаго порядка, державшагося при Ольгердѣ, началъ проводить систему государственнаго единства. Послѣ паденія демократической — собственно литовской партіи въ лицѣ Сигизмунда Кейстутовича, а также удѣльно-княжеской въ лицѣ Свидригайла, выступили на сцену *земяне*, подготовлявшіе шляхетскій строй въ литовско-русскихъ земляхъ. Эта смѣна одного порядка вещей другимъ ставила Южную Русь въ выжидательное положеніе и не давала возможности заложить въ ней основы прочной культуры. Древнерусскія книжныя преданія тянулись только въ богослужебномъ обрядѣ православной церкви, да въ старинной письменной рѣчи, которая принята была въ канцеляріяхъ литовскихъ князей. Встрѣчаются въ ней особенности то малорусскаго, то бѣлорусскаго нарѣчій, но случайно и болѣе или менѣе безсознательно.

Съ сороковыхъ годовъ XVI вѣка въ Литву начали проникать идеи реформаціи, а вслѣдъ затѣмъ идеи кальвинизма и социніанства. Онѣ коснулись и Южной Руси и вызвали здѣсь вниманіе книжныхъ людей къ народному языку, которое выразилось въ

цѣломъ рядѣ переводовъ Евангелія и другихъ священныхъ книгъ „изъ ѧзыка кльгарского на мовоу ꙗеускоуѭ", или „с польскаго ѧзыка на ꙗеть ꙗускуѭ". Явилась такимъ образомъ потребность создать письменную русскую рѣчь, какъ отдѣльное цѣлое, отличное отъ рѣчи славянской и польской. Тѣмъ не менѣе переводчики не могли отрѣшиться въ трудахъ своихъ отъ языка своихъ подлинниковъ. Сравнивая два перевода, которые мы имѣли подъ руками, мы должны отдать предпочтеніе тому изъ нихъ, который сдѣланъ „изъ ѧзыка кльгарского". Въ такой книгѣ, какъ Евангеліе, славянская рѣчь не можетъ быть совершенно лишнею, лишь бы она выражена была понятнымъ образомъ, въ духѣ народной фонетики и фразеологіи. Таковъ именно стиль Пересопницкаго Евангелія (1556—1561 г). Что касается до другаго Евангелія—Хорошевскаго (1681 г)[1]), то въ немъ польскій текстъ почти дословно переданъ русскими буквами: устранена только польская фонетика, фразеологія же вся почти поставлена польская[2]).

Какъ бы то ни было, начало было сдѣлано: народная рѣчь была допущена въ священныя книги. Въ такъ называемыхъ „Учительныхъ Евангеліяхъ", какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, мы нерѣдко встрѣчали переложенія на народную рѣчь отрывковъ изъ книгъ новозавѣтныхъ и даже ветхозавѣтныхъ[3]). Къ XVI в. относится также переводъ всей книги „Пѣснь пѣсней[4]), къ концу XVI или къ началу XVII в.—переводъ Псалтири на малорусское нарѣчіе[5]).

[1]) Переведено Валентиномъ Невгалевскимъ въ мѣстечкѣ Хорошевѣ на Волыни. Рукопись хранится въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря подъ № 1636.

[2]) Подробнѣе объ этихъ переводахъ—въ Описаніи Пересопницкой рукописи (Кіевъ 1876 г.), а такъ же въ статьѣ: „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ" (Кіевская Старина 1882 г. Ноябрь).

[3]) Таково, напримѣръ, Учительное Евангеліе 1604 г.—въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря, рукопись подъ № 1643, или же Учительное Евангеліе, напечатанное при Петрѣ Могилѣ въ 1637 г.

[4]) См. Описаніе рукописей московской синодальной библіотеки Горскаго и Невоструева. Отд. II кн. 3. № 331. Переводъ сдѣланъ съ латинскаго. Текстъ священной книги оканчивается цѣлымъ рядомъ статей, представляющихъ духовное руководство къ возбужденію въ человѣкѣ любви къ Богу. Вторая и третья статьи имѣютъ видъ молитвенныхъ воззваній.

[5]) Рукопись хранится въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 1017. Нѣкоторымъ изъ псалмовъ, начиная съ 37, предпосланы краткія введенія, въ которыхъ излагается въ немногихъ словахъ содержаніе псалма

Но не таковы были условія общественной жизни, чтобы эта мысль безъ колебаній и сомнѣній могла войти въ сознаніе южнорусскихъ грамотныхъ людей.

Прежде всего она казалась благочестивымъ людямъ орудіемъ обоюдуострымъ. Хотѣли они говорить съ народомъ на понятномъ для него языкѣ, но боялись проговориться. Такъ, гетманъ Ходкевичъ въ предисловіи къ изданному имъ въ 1568—1569 гг. „Учительному Евангелію“ говоритъ, что онъ хотѣлъ-было переложить эту книгу „вы҆ꙁ҆ꙋмѣнїѧ ꙁ҆ади простыѧ людей“ на „простꙋю молвꙋ“, но посовѣтовали ему „люди мꙋдрые, кчто писмѣ҆ ꙋчены҆е, ѩже преклада҆нїемъ ꙁ҆дравыхъ послѣдовъ на новые, помылка чинитсѧ немалаѧ. Ѩкоже и нѣкѣ ꙁ҆ꙋкрꙋтаетсѧ вкнїгахъ новаго перекладꙋ“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, не легко было писателю того времени найти въ народной рѣчи точныя выраженія для всякаго рода богословскихъ положеній, которыя были тогда предметомъ горячей полемики. Да и самая рѣчь эта звучала неодинаково въ разныхъ краяхъ литовскаго государства: это была то малорусская то бѣлорусская рѣчь, а та и другая въ свою очередь распадалась на множество отдѣльныхъ говоровъ. Поэтому можно вообразить себѣ, какія затрудненія встрѣтилъ-бы писатель, если-бы онъ рѣшился говорить чистымъ народнымъ языкомъ, не занявшись предварительно изученіемъ народныхъ нарѣчій, которое въ XVI в. не мыслимо было не только у насъ, но и въ Европѣ. Понятно такимъ образомъ, почему мысль о народной рѣчи скользнула, такъ сказать, въ умѣ книжныхъ людей, не получивъ тотчасъ надлежащаго примѣненія. Они спѣшили организовать литературную рѣчь на готовой почвѣ книжныхъ преданій, спѣшили найти въ нихъ объединяющій фокусъ, что бы не растеряться въ массѣ діалектическихъ подробностей. Такимъ литературнымъ фокусомъ былъ для нихъ церковно-славянскій языкъ. Это была своего рода униформа для всѣхъ народныхъ нарѣчій, освобождавшая, какъ писателя, такъ и читателей, отъ непосредственнаго знакомства съ этими нарѣчіями,—мало того—расчитанная не на одну Русь, но и на другихъ славянъ греческаго исповѣданія. „Русинъ либо

[1]) Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491—1730 гг. Каратаева. Вып. I, стр. 144.

сербинъ, или болгаринъ", говорится въ одномъ полемическомъ сочиненіи начала XVII в., „въ разумѣ языка славенскаго вѣдаетъ и разумѣетъ, чѣмъ спастися можетъ" [1]),—а въ книгѣ „Тріодіонъ", изданной въ кіево-печерской лаврѣ въ 1627 г., издатели просятъ другихъ славянъ, чтобы они не нарекали на нихъ за переводъ синаксарей „на россійскую бесѣду общую" [2]). Очевидно, славянскій языкъ считался неприкосновенною собственностію всего православнаго славянства, въ противоположность латинскому языку, который былъ органомъ католическаго славянства. Достоинство славянскаго языка, по мнѣнію защитниковъ его, заключалось въ томъ, что онъ по своей конструкціи ближе стоялъ къ греческому языку, чѣмъ языкъ латинскій. Мысль эта, въ послѣдствіи развитая Ломоносовымъ, въ первый разъ высказана была извѣстнымъ Захаріей Копыстенскимъ. Въ „Предмовѣ" къ толкованію Іоанна Златоустаго на 14 бесѣдъ Апостола Павла (1623 г.) онъ утверждаетъ, что, за вычетомъ греческихъ словъ, существующихъ въ языкѣ латинскомъ для выраженія „трудныхъ рѣчій", латинскій языкъ окажется „недоволный и недостаточный". „Зъ вѣку заисте, продолжаетъ ученый авторъ „Палинодіи", той славенскій языкъ есть знаменитъ, котораго Іафетъ и его поколѣніе уживало: широко и далеко ся ростяглъ, и славный былъ: для чего отъ славы славенскимъ названный есть, гды отъ Заходу Бѣлаго моря и Венецкихъ и Рымскихъ ся тыкаетъ границъ, а отъ полудня зъ Греціею въ сусѣдствѣ и братерствѣ живетъ; надъ сходъ зась солнца надъ Чернымъ моремъ до Персіи притагаетъ, а у Ледовитого моря ся опираетъ" [3]) Еще рѣшительнѣе въ этомъ направленіи высказывались менѣе ученые современники Захаріи Копыстенскаго. „Языкъ славянскій", говоритъ одинъ изъ нихъ, „правдою Божіею основанъ, збудованъ и огороженъ есть", а въ латинскомъ языкѣ „только лжа, поганская хитрость и фарисейство сѣдитъ, почиваетъ и обладаетъ" [4]). Страстная полемика велась въ то время изъ-за сла-

[1]) Петръ Могила, Голубева. Приложенія стр. 92.
[2]) Ibid. 399.
[3]) Исторія кіевской академіи. Голубева, вып. I, стр. 182.
[4]) Петръ Могила, Голубева 92.

вянскаго языка. Многіе питали мистическую вѣру въ его чудодѣйственную силу. „Въ родѣ Латинскомъ“, говоритъ тотъ-же авторъ, „нѣтъ ни единаго человѣка святаго, который бы добронравіе и запахъ красный и любимый отъ своего тѣла по смерти испустилъ и знакъ святости показалъ, но всѣ смердятъ, яко гнилые псы“:— между тѣмъ, посредствомъ славянскаго языка многіе спасли душу свою, о чемъ свидѣтельствуютъ житія „оныхъ святыхъ мужей, чудотворцевъ великихъ, которые и по смерти бѣсныхъ исцѣляли“ [1]).

Нужно замѣтить, что это не былъ уже тотъ славянскій языкъ, который мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности, напр. въ Остромировомъ Евангеліи. Онъ далеко стоялъ отъ живой народной рѣчи, которая давно уже утратила многіе звуки и формы, родившія ее нѣкогда съ старинымъ славянскимъ языкомъ. Положительно можно сказать, что этого стариннаго языка никто надлежащимъ образомъ не зналъ ни въ Южной, ни въ Сѣверной Руси. Въ богослужебныхъ книгахъ господствовалъ уже новый славянскій языкъ, который въ теченіи многихъ вѣковъ измѣнялся подъ вліяніемъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, поэтому славянскія рукописи того времени отличаются синкретизмомъ, т. е. наслоеніями всякаго рода не только діалектическими, но и хронологическими. Такимъ образомъ и новый славянскій языкъ, благодаря *нерусской* примѣси, былъ мало понятенъ народу, представляя и для книжныхъ людей образцы, не совсѣмъ удобные для подражанія. Они всѣми силами стремились усвоить литературные способы выраженія, допускаемые въ славянскихъ книгахъ,—и все таки не могли отрѣшиться отъ стихійнаго вліянія народной рѣчи, которая постоянно вторгалась въ славянскую рѣчь, какъ ясный лучъ солнца въ темное, обветшалое зданіе. Это особенно замѣтно въ раннихъ полемическихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ Уніи, напр., въ посланіи І. Вишенскаго, который, не смотря на свое религіозное уваженіе къ славянскому языку, не могъ справиться съ его тяжеловѣсной фразеологіей, то передѣлывая ее въ народномъ вкусѣ, то перемѣшивая ее съ народными словами и выраженіями, исполненными крѣпкаго малорусскаго юмора. Но въ то время какъ одни,

[1]) Петръ Могила. Голубева. Приложенія 92—73.

желая писать пославянски, не могли овладѣть славянскою рѣчью, другіе—наоборотъ, желая держаться народной рѣчи, не могли обойтись безъ славянскихъ словъ и выраженій. Такъ, Кириллъ Транквилліонъ въ „Зерцалѣ Богословія" (1618 г.) извиняется предъ читателемъ, что онъ не все писалъ „попросту", а вынужденъ былъ „кто́й книзѣ покладати просты̑ языкъ и словенскій": причина въ томъ, что многія слова славянскія не переводимы на простой языкъ,—а впрочемъ, съ огорченіемъ прибавляетъ онъ, „простакоки все кико, хочуть и наипростѣйше, а мудрій и кико́е сказити мо́же" [1]).

Но „простаковъ" было больше, чѣмъ „мудрыхъ". Нужно было такъ или иначе согласить умственные интересы тѣхъ и другихъ, а для этого нужно было создать нѣчто среднее между рѣчью славянскою и народною. Сознаніе этой нужды выразилось въ особенной терминологіи для названія народа русскаго, страны русской, рѣчи русской. Еще въ первой половинѣ XV в., подъ вліяніемъ высшей церковной іерархіи греческаго происхожденія, появились въ Юго-Западной Россіи отъ греческаго слова Ῥῶς производныя слова: *Росея* и *Росія*, *роскій* и *россійскій* вмѣсто старинныхъ *Русь*, *руський* [2]). Въ концѣ XVI в. эти слова съ прибавкой родоваго понятія *Славенороссій*, *славенороссійскій* получили особенное распространеніе [3]). Казалось книжнымъ людямъ того времени, что въ греческой передѣлкѣ эти слова болѣе соотвѣтствуютъ вѣроисповѣдному чувству русскихъ людей, говорившихъ разными нарѣчіями, которыя желательно было соединить въ одной общей литературной рѣчи для подобающаго выраженія этого чувства. Но оно уже было выражено въ церковныхъ книгахъ,—поэтому, какъ ни мудрили „мудрые", а все-же отрѣшиться отъ славянскаго языка они не могли.

На сторонѣ славянскаго языка были и вѣковыя привычки народа, который вовсе не смущался загадочной темнотой церковныхъ словъ и выраженій, видя въ ней естественное свойство священнаго языка, стоящаго выше ежедневнаго употребленія.

[1]) Изъ Библ. кіевск. духовной академіи кн. подъ № 402.

[2]) Галицкій Литерат. Сборникъ 1859 г. Вып. II, 256. Ст. А. Петрушевича

[3]) Собраніе соч. Максимовича т. II, 307—311.

Выходила путаница въ понятіяхъ и стремленіяхъ: тѣ, которые болѣе или менѣе понимали церковно-славянскій языкъ, не чужды были стремленія къ народной рѣчи,—самъ-же народъ готовъ былъ поддерживать церковно-славянскій языкъ вовсе не потому, что онъ былъ для него понятенъ, а наоборотъ—потому, что онъ возвышался надъ уровнемъ его обыкновенныхъ понятій. Многіе такъ сжились съ этимъ порядкомъ вещей, что не считали возможнымъ желать чего нибудь лучшаго, отстаивая вмѣстѣ съ славянскимъ языкомъ и темноту народныхъ массъ. Извѣстный іезуитъ Скарга доказывалъ, что Русь сама не знаетъ славянскаго языка,—да и знать его не стоитъ, потому что онъ никогда не былъ языкомъ науки [1]). Мнѣніе это вызвало отвѣтъ со стороны неизвѣстнаго намъ ревнителя православія, который „отъ своее простоты", какъ онъ говоритъ, „и глупства славянскаго языка" [2]) пишетъ: „мы глупая Русь .. глупыми быти по разсужденію свѣта сего, изволяемо, яко да спасеніе душевное получимъ" [3]). Онъ совѣтуетъ учить дѣтей „богомолебному и праведному часословцу во мѣсто діалектики, которая зъ бѣлаго черное, а зъ чернаго бѣлое претворяетъ" [4]). Онъ предостерегаетъ православныхъ отъ увлеченія латинской наукой примѣромъ тѣхъ епископовъ, которые „лакомячися на латинскую хитрость, мудрость, славу свѣтскую и тѣлесное покоище, пострадаша" [5]). И нужно сказать, что въ этихъ убѣжденіяхъ звучала нота, симпатическая для народа, который смутно понималъ, что „латинская наука" посягаетъ на свободу его совѣсти. „И гдѣ еси", обращается тотъ же авторъ къ Скаргѣ, „то въ евангеліи и апостольской наукѣ пашелъ и начиталъ, яко да учитель наказаніемъ и порадою власть свѣтскую понуждаетъ, да плѣнитъ и неволитъ волныхъ и свободныхъ" [6])? Въ самомъ дѣлѣ, это не была та

---

[1]) Это сочиненіе въ первый разъ издано было въ 1577 г. См. Петръ Могила, Голубева. Прилож. 145.

[2]) Ibid. 7—4

[3]) Ibid. 76—77.

[4]) Ibid. 73.

[5]) Ibid. 69.

[6]) Ibid. 117.

наука, которая, развиваясь на почвѣ свободной мысли, содѣйствуетъ въ свою очередь ея развитію. Напротивъ того, она не довѣряла разуму и боялась его безстрастныхъ приговоровъ. Она сторонилась отъ всего, что могло нарушить покой вѣрующаго сердца, и заботилась только о томъ, что-бы одѣть готовое знаніе во всеоружіе логическихъ построеній. Она чуждалась самостоятельнаго творчества, предпочитая форму мысли дѣйствительному ея содержанію. Однимъ словомъ, это была извѣстная ancilla теологіи—схоластическая наука, выдвинутая іезуитами для защиты католичества. Противъ этой науки возставало инстиктивное чувство народа—не потому, что-бы онъ отчетливо представлялъ ея сущность, но потому, что онъ видѣлъ ея деморализующее вліяніе въ своей же собственной средѣ. Довольно вспомнить только многіе эпизоды изъ исторіи Уніи. Не повторяя того, что болѣе или менѣе всякому извѣстно объ этомъ, скажемъ только, что Унія, поддерживая авторитетъ іерархіи, подрывала соборное начало церковной жизни, которое вполнѣ соотвѣтствовало основнымъ воззрѣніямъ народа на общественную жизнь во всѣхъ возможныхъ ея проявленіяхъ. Устами одного изъ лучшихъ своихъ представителей, Іова Борецкаго, народъ высказался за право мирянъ предлагать совѣты пастырямъ церкви: „тогда, говоритъ Іовъ, „отцы въ сынахъ и сыны въ отцахъ пребывать будутъ“, и такимъ образомъ „послѣдуетъ согласіе и приверженность къ намъ народа“ [1]). Между тѣмъ, опираясь на государственную поддержку, Унія, вопреки своему названію, вносила рознь въ народное общежитіе, отъ котораго отставали люди, любившіе плыть по теченію. Они, обыкновенно, извлекали изъ своего положенія всякія выгоды и свысока смотрѣли на младшую братію. „Вы брата своего уничижаете, обращается къ нимъ Іоаннъ Вишенскій, „хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, шевцами на поруганіе называете. Добре, нехай будетъ хлопъ, кожемяка, сѣдельникъ и шевецъ, але вспомяните, яко братъ вамъ родный во всемъ есть“ [2]). Такимъ обра-

---

[2]) Обзоръ рус. духовной литературы, Филарета. 178.

[1]) Акты Южной и Западной Россіи. II. 239.

зомъ, „латинская наука“ являлась передъ народомъ въ видѣ несимпатической для него Уніи.

Но какова-бы ни была „латинская наука“, во всякомъ случаѣ она была организованная умственная сила, съ которою можно было бороться такою же силой. Это было понято на югѣ Руси скоро послѣ появленія іезуитовъ въ Польшѣ [1]). Первая школа съ научнымъ характеромъ основана была въ 1580 г. княземъ К. К. Острожскимъ въ Острогѣ,—затѣмъ появились такія же школы и въ другихъ городахъ югозападной Руси. Въ противовѣсъ латинскому языку выдвинутъ былъ въ этихъ школахъ греческій языкъ. Въ уставѣ львовской школы (1586 г.) ничего не сказано о латинскомъ языкѣ,—называлась она школою *греческаго* и *славянскаго письма* [2]) По всему видно, что на первыхъ порахъ науку хотѣли почерпнуть изъ болѣе чистаго вѣроисповѣднаго источника. Но, по мѣрѣ открытія подобныхъ школъ, въ нихъ появляется и латинскій языкъ. Такъ, въ уставѣ виленскаго братства (1588 г.) упоминаются уже языки латинскій и польскій, хотя оба они поставлены послѣ русскаго и греческаго [3]). Изъ грамоты патріарха Ѳеофана кіевскому братству видно, что оно завело школу наукъ еллинославянскаго и *латинскаго* письма [4]),—однако же въ письмѣ къ Михаилу Ѳеодоровичу само братство называетъ свою школу „училищемъ языка *славянорусскаго, еллиногреческаго* и прочихъ дидаскаловъ“ [5]). Оно благоразумно умолчало о латинскомъ языкѣ, не жалая набрасывать на свою школу тѣнь подозрѣнія въ православной Москвѣ.

А между тѣмъ сила вещей брала свое. Само собою понятно, что въ польскомъ государствѣ нужно было учиться по-польски. Что касается до латинскаго языка, то онъ былъ въ старинной Польшѣ языкомъ церкви и школы, языкомъ гражданскихъ и политическихъ понятій, — поэтому онъ входилъ въ

---

[1]) Іезуиты водворились въ Польшѣ въ 1564 г., а въ Вильнѣ въ 1569 г.—въ годъ Люблинской Уніи.

[2]) Исторія рус. церкви, Макарія, IX. 415.

[3]) Ibid. 419.

[4]) Петръ Могила, Голубева. 296.

[5]) Ibid. 290.

самое существо польскаго общежитія, составляя необходимую приправу польской рѣчи въ кругу сколько-нибудь образованныхъ людей. Можно ли было послѣ этого южно-русской школѣ ограничиться изученіемъ языковъ греческаго и славянскаго? Очевидно, разъ сознана была на югѣ Руси необходимость въ школахъ, онѣ должны были рано или поздно сдѣлаться *латинскими школами*. „Самая главная надобность въ латинскихъ школахъ, говоритъ Сильвестръ Косовъ[1]), та, что-бы бѣдной Руси нашей не называли глупою Русью. Поѣдетъ бѣдняга Русинъ на трибуналъ, на сеймъ, или на сеймикъ, въ уѣздный городской судъ или земскій,—bez łaciny płaci winy! Ни судьи, ни стрянчаго, ни ума, ни посла. Смотритъ только то на того, то на другаго, вытаращивъ глаза, какъ коршунъ“ [2]). Это уже вовсе не то, что мы слышали раньше—отъ старшаго поколѣнія южно-русскихъ писателей, которые, съ своей точки зрѣнія, были совершенно равнодушны къ словамъ „глупая Русь“. Это голосъ окрѣпшаго національнаго самосознанія, которое не хочетъ мириться съ приниженнымъ положеніемъ въ государствѣ. Весь вопросъ въ томъ, удастся-ли новому поколѣнію защитниковъ „бѣдной Руси“ сохранить свѣжесть народнаго чувства и не усвоить вмѣстѣ съ „латинской наукой“ тѣхъ понятій, которыя чужды были народному духу.

Что бы видѣть, какъ рѣшали въ то время поставленный нами вопросъ, прежде всего обратимся къ программѣ просвѣтительной дѣятельности, которая начертана была въ тридцатыхъ годахъ XVII в. знаменитымъ Петромъ Могилою. Опираясь на симпатіи народа къ „древнему благочестію“, онъ всѣми силами старался поставить его подъ защиту науки, что-бы установить его догматическія начала, объяснить смыслъ богослужебныхъ обрядовъ, очистить ихъ отъ всякой посторонней примѣси. Нельзя сказать, что бы эта программа соотвѣтствовала всѣмъ потребностямъ жизни малорусскаго народа, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что творецъ ея не могъ найти въ условіяхъ своего времени твердой точки опоры для составленія программы

[1]) Elegesis abo danie sprawy o szkolach Kiowskich i Winnickich, w Ławrze. 1635 г.

[2]) Исторія кіевской академіи, Макарія. 76.

болѣе обширной. На первыхъ порахъ нужно было отстоять право народа держаться „древняго благочестія“, которое подвергалось самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ со стороны враговъ. Всякое отклоненіе отъ этого пункта могло бы только ослабить силы, способныя къ просвѣтительной дѣятельности. Мы вовсе не желаемъ сказать этимъ, что Петръ Могила руководствовался такимъ именно расчетомъ: мы только указываемъ на историческую логику событій, которая была обязательна для него, если только онъ желалъ добиться какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ. И нужно сказать, что на отмежованной имъ почвѣ онъ въ короткое время добился этихъ результатовъ. Подъ его вліяніемъ составленъ былъ сводъ основныхъ положеній православной догматики[1]), приведено было въ порядокъ богослуженіе православной церкви[2]). Понимая историческое значеніе святынь кіевскихъ, онъ поднялъ изъ развалинъ нѣкоторые храмы кіевскіе, другіе-же обновилъ и украсилъ. Но главнымъ дѣломъ его жизни, излюбленнымъ дѣтищемъ его души, была основанная имъ школа въ кіево-печерской лаврѣ (1631 г.), которую онъ вскорѣ соединилъ съ школой Богоявленскаго братства на Подолѣ (1632 г.). Такъ появилась знаменитая кіево-могилянская коллегія, переименованная при Петрѣ Великомъ въ академію (1701 г.). Она дала Кіеву умственный перевѣсъ надъ всѣми южнорусскими городами. Какъ во дни Владиміра Равноапостольнаго, Кіевъ снова сдѣлался центромъ просвѣщенія не только для Южной Руси, но и для Сѣверной. Правда, оно было взято не изъ перваго источника— не изъ гуманизма европейскаго, который на Западѣ стремился къ освобожденію мысли отъ подавляющаго авторитета средневѣковой теологіи, не изъ новыхъ воззрѣній Бекона на первооснову человѣческаго знанія. Но, при оцѣнкѣ всякаго умственнаго движенія, не нужно забывать хронологіи. Беконъ умеръ въ то время, когда Петръ Могила выступилъ на общественное поприще. Ре-

---

[1]) Краткій катихизисъ подъ заглавіемъ: „Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской. Первое изд. въ Кіевѣ 1645 г.

[2]) Требникъ Петра Могилы (Евхологіонъ). Первое изд. тоже въ Кіевѣ 1646 г.

ализмъ Бекона не успѣлъ еще проникнуть тогда и въ европейскія школы. Что касается до гуманизма, то онъ въ школьной обстановкѣ потерялъ ту остроту и ѣдкость, которою проникнуты были литературныя произведенія гуманистовъ. Вліяніе его ограничилось здѣсь смѣной средневѣковой латыни на классическую, при чемъ средневѣковые trivium и quadrivium остались въ полной неприкосновенности—съ тѣмъ-же преобладаніемъ наукъ trivium'а, т. е. грамматики, діалектики и риторики, надъ науками quadrivium'а, съ тою-же односторонностію метода, расчитаннаго на развитіе формальныхъ сторонъ мысли, выраженной въ изящной формѣ классической латыни. Сообразно съ этою цѣлью, изученіе классическихъ писателей не шло дальше упражненій въ слогѣ, которыя развивали механизмъ рѣчи въ ущербъ ея содержанію. Господство классической латыни давало ей видъ *втораго отечественнаго языка*, настоящій-же отечественный языкъ находился въ полномъ пренебреженіи. Такъ было всюду въ Европѣ—не только въ католическихъ школахъ, но и въ протестантскихъ, не только въ XVI в., но и въ первой половинѣ XVII в., пока идеи Амоса Коменскаго не утвердились въ школьной практикѣ. А это произошло уже послѣ Вестфальскаго мира, т. е. спустя почти двадцать лѣтъ послѣ основанія кіево-могилянской коллегіи. Само собою разумѣется, что Петру Могилѣ не оставалось ничего другаго, какъ принять за образецъ своей школы обычный въ то время типъ *латинской* школы. Такъ онъ и сдѣлалъ, насадивъ, какъ сказано въ панегирикѣ ему, Геликонъ, то есть, садъ ѹмѣ́тности, „семь наѹкъ ѿ сеѣ́ маючій“. Кромѣ извѣстныхъ наукъ trivium'а, въ панигирикѣ исчисляются и науки quadrivium'а—ариѳметика, музыка, геометрія и астрономія. Всѣ онѣ подчиняются *Ѳеологіи*, которая есть „корень и ко́рмъ всѣхъ наѹкъ и ѹмѣ́тностій“ [1]). Нечего и говорить о томъ, что въ этомъ „Геликонѣ“ могъ процвѣтать не иной методъ воздѣлыванія наукъ, какъ только схоластическій. Насажденъ былъ „Геликонъ“ для того, что-бы облечь древнее благочестіе во всеоружіе науки. Весь вопросъ такимъ образомъ сводился къ

---

[1]) Изъ Библіотеки кіевс. дух. академіи, кн. подъ № 3051.

усвоенію научной техники. Отсюда всякаго рода риторическія упражненія и диспуты,— отсюда-же и господство латинскаго языка, который въ то время былъ обязателенъ въ наукѣ.

Такимъ образомъ заслуга Петра Могилы заключается въ томъ, что онъ отстоялъ въ Южной Руси право научнаго знанія, не опасаясь того, что оно происходило изъ иновѣрныхъ источниковъ. Конечно, это было одностороннее знаніе, но все-таки оно пріучало мысль къ опредѣленному методу, который во всякомъ случаѣ могъ служить твердой точкой опоры для дальнѣйшаго движенія мысли. Важно уже было то, что схоластическая наука располагала людей уважать эту самую мысль и не бояться ея логической силы. Она была водворена въ Южной Руси не для подрыва мѣстныхъ началъ жизни, а для развитія народнаго самосознанія въ средѣ тѣхъ людей, которые, за недостаткомъ мѣстной образованности, увлекались чуженародною— польскою. На стражѣ этого самосознанія поставленъ былъ славянскій языкъ, какъ богослужебный органъ „древняго благочестія". Самъ Петръ Могила заботился о томъ, что-бы въ богослужебныхъ книгахъ строго соблюдалась орфографія „грамматичнаа діалекту словенскаго пространнаго и всякоя благости и сладости преисполненнаго" [1]). Для приведенія въ систему вѣроученія и обрядовъ православной церкви требовалось, сверхъ обширной богословской учености, грамматическое знаніе церковнославянскаго языка. Тутъ мало было простаго навыка къ славянской рѣчи,— нуженъ былъ научный методъ ея литературной обработки, нужны были талантливые представители этого метода. Однимъ изъ этихъ представителей былъ знаменитый Епифаній Славинецкій. Онъ учился въ кіевской коллегіи въ то самое время, когда учителя его, подъ руководствомъ Петра Могилы, подвизались на церковно-литературномъ поприщѣ [2]). Какъ извѣстно, Славинецкій вызванъ былъ въ Москву (1649 г.), гдѣ поручено было ему исправленіе богослужебныхъ книгъ. Онъ исполнилъ это дѣло

---

[1]) Петръ Могила, Голубева. 376.

[2]) Это были слѣдовавшіе одинъ за другимъ ректора коллегіи: Исаія Трофимовичъ (1632—1638), Софроній Почаскій (1638—1640), Игнатій Оксеновичъ (1640—1642), Іосифъ Кононовичъ (1642—1646), Иннокентій Гизель (1646—1650).

съ излишнимъ буквализмомъ, опасаясь, можетъ быть, придирчивой критики со стороны возникавшаго тогда раскола. Такъ можно думать, между прочимъ, потому что въ собственныхъ сочиненіяхъ Славинецкаго славянская рѣчь совсѣмъ иная: она не только правильна и вразумительна, но даже отличается нѣкоторымъ изяществомъ. Какъ бы то ни было, на этомъ скромномъ труженикѣ стояло тогда все дѣло патріарха Никона. Славинецкій установилъ текстъ богослужебныхъ книгъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ употребляются во всей Россіи и даже у другихъ православныхъ славянъ. Это могъ сдѣлать только человѣкъ съ серіознымъ филологическимъ образованіемъ. Современники по всей справедливости называли его „изящнымъ дидаскаломъ, искуснѣйшимъ въ еллино-греческомъ и славянскомъ діалектахъ“ [1]).

Славинецкій былъ піонеромъ южнорусскаго просвѣщенія въ Москвѣ,—въ самомъ-же Кіевѣ оставалось не мало „дидаскаловъ“, которые не уступали ему въ знаніи церковнославянскаго языка. Таковъ былъ Лазарь Барановичъ, первый ректоръ кіевскаго коллегіума изъ его воспитанниковъ (1650—1657). Это былъ громозвучный витія своего времени, любившій вносить въ свои проповѣди пышныя декораціи славянской рѣчи [2]). Она считалась умѣстной не только въ богословскихъ сочиненіяхъ, но даже въ историческихъ. Извѣстный „Синопсисъ“, приписываемый Иннокентію Гизелю, а также Густынская лѣтопись, написаны по церковнославянски [3]). Очевидно, въ кіевомогилянскомъ коллегіумѣ многіе раздѣляли убѣжденіе, что церковнославянскій языкъ годится для всѣхъ родовъ сочиненій, что на немъ можно выражать не только всѣ тонкости богословской мысли, но и бытовыя подробности жизни. Въ виду разногласія въ мнѣніяхъ и стремленіяхъ, которое часто доходило въ то время до кровавыхъ столкновеній, представители кіевской учености болѣе или менѣе чувствовали нужду въ объединяющемъ началѣ умственной жизни,

---

[1]) Обзоръ русской духовной литературы, Филарета. 234.

[2]) О стилѣ Л. Барановича можно уже судить изъ самыхъ заглавій его проповѣдей: *Мечъ духовный* (перв. изд. 1666 г.), *Трубы словесъ* (перв. изд. 1674 г.).

[3]) Синопсисъ имѣлъ много изданій въ XVIII в.; въ первый разъ напечатанъ былъ въ Кіевѣ въ 1674 г. Послѣднее его изданіе относится къ 1823 г.

поэтому многіе изъ нихъ держались за славянскій языкъ, какъ за якорь спасенія, утвержденный на религіозномъ чувствѣ народныхъ массъ, стараясь убѣдить себя и другихъ въ томъ, что народная рѣчь немногимъ отличается отъ славянской: „аще к҃ нѣкихъ ст҃ранахъ ма́лѡ что къ словесехъ и прѣмѣнися, говоритъ составитель Синопсиса, ꙗ҆ко́ чре҆ е҆ди́нымъ слове́нскимъ ѧ҆зы́комъ глаго́тъ“[1])— не только Русь, но и другіе славяне.

Каковы-же были черты этого „е҆ди́ныго слове́нскаго ѧ҆зыка“, возстановленнаго малорусскими писателями, получившими образованіе въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ? Откуда почерпали они увѣренность въ томъ, что они знаютъ этотъ языкъ въ подлинномъ его видѣ?

Обратимся сперва къ самимъ источникамъ ихъ знанія.

---

[1]) Изъ Библ. кіевской дух. академіи, изданіе 1678 г. стр. 12.

II.

Славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго.—Задачи автора.—Идея „чистаго“ славянскаго языка. Грамматическая регламентація.—Фиктивныя формы славянскаго языка.—Начало словопроизводства.—Употребленіе надстрочныхъ знаковъ по русскому выговору.

Еще въ 1586 году напечатана была въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей, „Кграматыка словеньска языка з газоопилакіи славнаго града Острога власне отчизны яснѣ вельможного княжати и пана Константина Константиновича на Острогу“ [1]). Въ 1591 году была издана въ Львовѣ „Грамматїка докрогглголикаго Єллинословенскаго ꙗзыка“. Сложена она была „ѿ различныхъ грамматїкъ сꙋдейми иже въ Лаврской школѣ“ [2]). Составители ея имѣли въ виду главнымъ образомъ греческій языкъ, но по временамъ увлекались аналогіями съ языкомъ славянскимъ. Грамматическую терминологію они заимствовали изъ славянскаго перевода греческой грамматики „О осми частѣхъ слова“, сдѣланнаго въ IX вѣкѣ Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ.—Чрезъ пять лѣтъ появилась въ Вильнѣ „Грамматїка Словенска сꙋставленна Лаврентїемъ Зизанїемъ“ [3]). „За науку можно ся имаймо“, говоритъ авторъ въ предисловіи къ своему труду, чтобы книги словенскаго языка не только „добре читати, но и право писати“ [4]). Задача была

---

[1]) Эта небольшая книжка—около 14 листовъ, по всей вѣроятности, была плодомъ грамматическихъ наблюденій надъ славянскимъ языкомъ переводчиковъ Острожской Библіи. Въ настоящее время она составляетъ библіографическую рѣдкость. Неполный экземпляръ ея находится въ библіотекѣ кн. П. Вяземскаго, болѣе полный—въ библіотекѣ Перемышльскаго собора І. Крестителя. См. Голубева, Исторія кіевской академіи. Выпускъ І.

[2]) Экземпляръ этой рѣдкой книги безъ выходнаго листа хранится въ библіотекѣ кіевской духовной академіи подъ № 346. Г.

[3]) Описаніе славянорусскихъ книгъ Каратаева, 257.

[4]) Сказанія русскаго народа Сахарова т. II, XIX.

ясно сознана, но для рѣшенія ея автору не доставало дара комбинаціи и нѣкоторой смѣлости въ установленіи славянскихъ формъ примѣнительно къ свойствамъ русскихъ нарѣчій. Тѣмъ и другимъ качествомъ въ полной мѣрѣ обладалъ извѣстный Мелетій Смотрицкій, авторъ славянской грамматики, напечатанной въ 1619 году въ Эвю (близъ Вильны).

Мы должны остановиться на этой книгѣ въ виду громаднаго вліянія ея на богослужебный языкъ православной церкви, который въ свою очередь былъ регуляторомъ книжной рѣчи у всѣхъ славянъ восточнаго исповѣданія. Отсюда ведетъ свое начало, такъ называемая, грамотность русская вообще и малорусская въ частности. Она выражается преимущественно въ умѣньи писать *грамматически* правильно. Въ Малороссіи съ бо́льшею точностію грамотныхъ людей называютъ „*письмѐнными*", такъ какъ главная трудность книжной рѣчи заключается не въ чтеніи ея, а въ письмѣ, гдѣ считается обязательнымъ употребленіе той или другой славянской буквы для выраженія разныхъ звуковъ, или-же наоборотъ — нѣсколькихъ буквъ для выраженія одного звука. Развитіе грамотности или „*письмѐнства*" обезпечено было грамматикой Мелетія Смотрицкаго, которая проникала въ самыя низшія школы посредствомъ славянскихъ букварей, и донынѣ еще сохранившихъ кое-что изъ грамматической терминологіи М. Смотрицкаго, какъ-бы во исполненіе его мысли, выраженной имъ въ обращеніи къ учителямъ школьнымъ: „Дѣтскамъ, говоритъ онъ, ꙋчи́тисѧ почина́ючимъ кꙋкварь, зкы́кле ꙗко́мый Алфавита́рь, з той-же грамма́тики вы́чеꙗшенный, а́кы склонѐнѣ́ймъ грамматичнымъ зъ лѣтъ дѣтинныхъ зъ мо́ской за́ꙗзъ пи́кыка́ми, до кыꙋ́чныꙗ пода́кмъ нехай ко́ꙋдетъ"[1]). А букварей такихъ

[1]) Первое практическое руководство для юношества, составленное на основаніи грамматики Мелетія Смотрицкаго, напечатано было въ Вильнѣ въ 1621 году подъ заглавіемъ: „Грамматика албо сложеніе письмени хотящимъ ся учити славеньскаго языка, младолѣтнимъ отрочатомъ" (См. Голубева, Исторія кіевской академіи, вып. I). Другое подобное руководство вышло въ Кременцѣ въ 1638 году (есть экземпляръ этой книги въ кременецкой духовной семинаріи). Авторъ этой книги Аѳанасій Пузина, Луцкій епископъ (1633—1649), тотъ самый, который въ 1648 году послалъ Хмельницкому, поднявшему знамя возстанія противъ Польши, деньги, по-

одна кіево-печерская лавра въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, т. е. со времени появленія грамматики М. Смотрицкаго, выпустила въ народъ безчисленное множество [1]).

Но главной задачей Мелетія Смотрицкаго было—поднять „запедалный, а цѣрки нашей природный“ славянскій языкъ до высоты литературнаго органа и такимъ образомъ доставить „славѧнскомꙋ въ народѣ нашемъ ѧзыкоки подненесенье, выразꙋмѣнье его и пожитокъ“. Для этого требовалось научить не только „читати по словенскоу и чтомое выразꙋмѣвкати“, но и „писати роздѣлне“, т. е. сочинять по славянски. Въ этомъ отношеніи Мелетій Смотрицкій возлагаетъ большія надежды на свою книгу: „она, говоритъ онъ, насучитъ порѧдкꙋ и спорѧженьѧ словъ, которіи за которыми... бедꙋтъ сочиненіа поладани быти маютъ... оукажетъ зле положенное слово, оукажетъ зкытное, оукажетъ и чого бы не достагало“. Этотъ рѣшительный тонъ объясняется убѣжденіемъ Мелетія Смотрицкаго, которое въ его время было всеобщимъ не только у насъ, но и въ Европѣ, что грамматика есть „кꙋ поимѧтью ѧзыка чистости“, т. е. она есть сводъ постановленій и правилъ, которымъ долженъ подлежать языкъ для того, что-бы имѣть достоинство и силу языка *чистаго*. Ничего нѣтъ удивительнаго въ этомъ стремленіи создать *чистый* славянскій языкъ, если два вѣка спустя знаменитый І. Добровскій въ своихъ Institutiones linguae Slavicae имѣлъ въ виду ту-же цѣль. Вся разница въ томъ, что Добровскій хотѣлъ возстановить идеальный типъ славянскаго языка, которому *долженъ былъ* соотвѣтствовать славянскій языкъ въ вѣкъ Кирилла и Меѳодія. Мелетій Смотрицкій не могъ идти такъ далеко: онъ пользовался славянскими ру-

---

рохъ, пушки и пули (Памятники кіевской коммиссіи, І. 60—63). Къ сожалѣнію, въ экземплярѣ, который былъ въ нашихъ рукахъ, нѣтъ первыхъ листовъ, на которыхъ обыкновенно помѣщалась въ тѣ времена „предмова“ къ читателю. Вообще же въ книгѣ—то-же распредѣленіе частей, та-же терминологія, тѣ-же примѣры, что и въ грамматикѣ М. Смотрицкаго.

[1]) Съ этой точки зрѣнія было-бы интересно прослѣдить исторію кіевскихъ букварей въ сравненіи съ букварями виленскими, почаевскими, львовскими и московскими. Къ сожалѣнію, въ самой кіево-печерской лаврѣ мы не могли найти букварей XVII в. Сохранились только буквари конца прошлаго вѣка. Самый древній относится къ 1791 году: въ немъ уже замѣтно вліяніе московскихъ изданій.

кописями русской редакціи, и при томъ поздними—не древнѣе XV—XVI в., поэтому въ его грамматикѣ получился не столько *чистый* славянскій языкъ, сколько языкъ *очищенный* отъ старинныхъ особенностей его, которыя могли быть свойственны нѣкогда и нарѣчіямъ древнерусскаго языка, но постепенно утратились въ немъ. Такимъ образомъ, позднѣйшіе—смѣшанные и искаженные звуки и формы русскаго языка Мелетій Смотрицкій приписываетъ *чистому* славянскому языку. Не имѣя, напримѣръ, надлежащаго понятія объ истинной природѣ глухихъ гласныхъ, онъ называетъ ихъ *припряжноглаcными* буквами, которыя сами по себѣ не произносятся, но только „ѫ дѣлое, ь-же тонкое окончаніе чтоѭтъ". Точно такъ же ему неизвѣстно было и носовое произношеніе юсовъ. Вотъ почему и формы съ глухими и носовыми гласными, видоизмѣненныя въ духѣ русской фонетики, Мелетій Смотрицкій считаетъ возможными въ славянскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, позднѣйшія формы творит. ед. именъ сущест. мужес. р. *омъ, емъ* вмѣсто *ъмъ, ьмь* онъ допускаетъ въ славянскомъ языкѣ,—винит. ед. именъ сущест. женс. р. *у, ю* тоже считаетъ чистыми славянскими формами. Повинуясь установившимся въ его время особенностямъ живой рѣчи, онъ различаетъ имена сущест. мужес. р. одушевленныя отъ неодушевленныхъ, т. е. думаетъ, что въ церковнославянскомъ языкѣ были формы винит. падежа: дѫ́ꙋга, сы́на, скиди́телѧ,—думаетъ такъ же, что въ немъ имѣло мѣсто позднѣйшее смѣшеніе въ тѣхъ же именахъ темъ *а* съ темами *у*, а такъ-же темъ *а* съ темами *і* въ родит. множ., т. е. дѫ́ꙋгѡвъ и дѫ́ꙋгъ, сынѡ́въ и сы́нъ, скиди́телей и скиди́тель.

Очевидно, Мелетій Смотрицкій далекъ былъ отъ современныхъ намъ научныхъ стремленій поставить изученіе церковнославянскаго языка на историческую почву. Методъ у него теоретическій. Онъ руководствуется грамматическими категоріями, принятыми въ языкахъ классическихъ, преимущественно въ языкѣ греческомъ. Такъ, напримѣръ,—въ ученіи о славянскомъ глаголѣ онъ старается скопировать наклоненія и времена съ

греческаго глагола[1]). Въ этомъ отношеніи онъ слѣдуетъ старинному грамматическому обычаю, ведущему свое начало отъ І. Екзарха Болгарскаго, ставить въ параллель славянскія формы съ греческими, а за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ славянскихъ формъ, Смотрицкій создаетъ фиктивныя. Таково, напримѣръ, выдуманное имъ *причастодѣтіе*[2]). Таковы-же различныя формы временъ (настоящее, прошедшее и будущее) въ неопред. наклоненіи, на самомъ дѣлѣ не существующія. Всѣ эти формы Смотрицкій образуетъ отъ соотвѣтствующихъ формъ времени изъявит. наклоненія, какъ и вообще всѣ наклоненія выводитъ оттуда-же, слѣдовательно, онъ даже не предчувствуетъ значенія глагольныхъ темъ. Любопытно, что въ своихъ апріорныхъ построеніяхъ онъ иногда наталкивался на такія явленія, которыя не укладывались въ правила,—и вотъ здѣсь является у него живая мысль о томъ, что, кромѣ грамматическихъ правилъ, „ѥсть ѡбыкъ“ или „навыкъ“, присущій живой рѣчи. Это дало ему возможность подмѣтить нѣкоторыя особенности славянскаго языка,

---

[1]) Наклоненій у Смотрицкаго шесть:

1) Изъявительное (кїѭ, чтꙋ, стоѭ).
2) Повелительное (кїй, чтй, стоѩй).
3) Молительное (ѹслы́шиш, конмѝ, при́зри).
4) Сослагательное (а҆́ще бы хотѣ́лъ, да́лъ бы).
5) Подчинительное (да кїѭ).
6) Неопредѣленное (ки́чти).

Временъ тоже шесть:

1) Настоящее (кїѭ, кїе́нъ бы́ваю).
2) Преходящее (ки́хъ, кїе́нъ ѥ҆смь).
3) Прешедшее (кїѫ́хъ, кїѫ́нъ ѥ҆смь или бы́хъ).
4) Мимошедшее (кїѫ́хъ, кїѫ́нъ бы́хъ).
5) Непредѣлное (неки́хъ, некїе́нъ бы́хъ)
6) Будущее (некїѭ, некїе́нъ бꙋ́дꙋ).

[2]) „Є҆́сть Гре́комъ, говоритъ Смотрицкій, нарѣчїе знаменова́нїѧ положи́тельнаго на ων (λεγόμενον), Латї́номъ verbum participiale in dum (legendum), намъ слаѫ́щомъ причастодѣ́тїе рече́но: є҆́сть же глаго́лъ причастенъ нꙋ́ждꙋ бꙋ́дꙋщаго дѣ́ѥствїѧ знаменꙋ́ющїй, ꙗко чита́ющо“.

преимущественно развитыя въ русскихъ нарѣчіяхъ. Такова, напримѣръ, замѣна въ русскихъ нарѣчіяхъ прошедшихъ простыхъ формъ глагола сложными[1]),—таково же русское *дѣепричастіе*, которое справедливо считаетъ Смотрицкій особеннымъ типомъ причастія, не сознавая того, что въ русской формѣ оно было чуждо славянскому языку[2]).

Особенно поучительны соображенія Смотрицкаго о такъ называемыхъ *видахъ* глагола. Собственно говоря, смутное представленіе о видахъ имѣлъ уже І. Екзархъ Болгарскій. Онъ же первый предложилъ и самый этотъ терминъ, отличивъ въ глаголахъ видъ *первообразный* (хоущѧ, пиимѧ) отъ производнаго (вѣсхоущѧ, вѣспиимѧ). Смотрицкій развилъ дальше ученіе о видахъ, подраздѣливъ производный видъ на *начинательный* (каменѣѥ — всегда съ примѣтою *ѣ*) и *учащательный* (читаѥ). Обѣ эти разновидности производнаго вида потому такъ и названы, что онѣ происходятъ отъ вида совершеннаго. *Начинательный*, по мнѣнію Смотрицкаго, обыкновенно на *ѣю* (теплѣѥ, кѣлѣѥ—отъ теплѥ, кѣлѥ), а учащательный оканчивается обыкновенно на *аю* и *яю* (кѣгаѥ, читаѥ—отъ кѣгоу, чтоу). Не ускользнула отъ Смотрицкаго и связь между видами глагола и различными формами времени, но, выясняя эту связь, Смотрицкій не избѣжалъ всякаго рода натяжекъ. Такъ, онъ говоритъ, что въ первомъ спряженіи преходящее время образуется отъ 1 л. ед. числа наст. врем. глаголовъ вида совершеннаго (отъ даѥ, бїѥ, ведоу—дахъ, бихъ,

[1]) „Времена: преходѧщее, прошедшее, мимошедшее и непредѣлное наклоненїѧ изъѧвительнаго рѹска ѩсегда ѩзыка ѩбыкомѹ дѣйствительнѣ и страдательнѣ произносима быти ѡбрѣтаемъ: сице сѹществительнымъ глаголомъ разсвѣтѹемъ, ѩко: челъ есмь, читалъ есмь, прочиталъ есмь (вмѣсто читахъ, прочитахъ" и проч.).

[2]) „Дѣепричастїѧ соуть причастїѧ чрезъ оусѣчаніе ѩли изъѧтїе сокращенїѧ и знаменованїемъ ѿ причастїй (ѿ нихъ же и составляются) нѣколикѹ различествѹющѧ, нѣколикѹ прилагательное оусѣчѧнное ѿ цѣлаго различествовати обыче". Въ дѣепричастіяхъ нѣтъ падежей, за исключеніемъ именительнаго: „читѧ, читавъ, прочтоущъ, чтомъ, чтенъ, читаемъ" и проч.

ведо́хъ).—во второмъ спряженіи отъ 2 л. ед. числа наст. времени, не поясняя при этомъ, отъ какихъ глаголовъ—совершенныхъ или несовершенныхъ, хотя примѣры взяты изъ глаголовъ несовершенныхъ (отъ таи́ти, гласи́ти, вреди́ти—таи́хъ, гласи́хъ, вреди́хъ). Къ неправильнымъ образованіямъ онъ относитъ формы преходящаго на *ахъ* (въ глаголахъ втораго спряженія: держа́хъ, стоѧ́хъ, молча́хъ).—формы на *ѣхъ* (терпѣ́хъ, колѣ́хъ, горѣ́хъ) и даже на *охъ* (кѣго́хъ—всего одинъ примѣръ). Затѣмъ уже отъ преходящаго производится *непредѣльное* время съ помощію *наращенія*, т. е. приставки (ѿда́хъ, претерпѣ́хъ и проч.). Куда-же относится *прошедшее* время, отъ котораго образуется и *мимошедшее*? Оно составляется, какъ говоритъ Смотрицкій, отъ 1 л. единст. чис. наст. вр. вида *учащательнаго*, причемъ *аю* измѣняется на *а* (чита́хъ), *яю* на *я* (кїѧ́хъ отъ предполагаемаго кїѧ́ю), *ую* на *ова* (трѣ́бовахъ). Очевидно, прошедшее время есть тотъ же аористъ, что и преходящее, слѣдовательно, одна и та же грамматическая категорія времени разбита на двѣ. Мысль у Смотрицкаго была подвести итоги временамъ и видамъ, т. е. пріурочить извѣстныя времена къ извѣстнымъ видамъ, именно времена преходящее и непредѣльное къ *совершенному* виду, а прошедшее и мимошедшее къ *несовершенному*. Вышло, однако-же, такъ, что спутаны, какъ мы видѣли, времена, спутаны и виды, ибо, по Смотрицкому, вреди́ти, держа́ти, стоѧ́ти—нужно считать глаголами совершеннаго вида. А такъ какъ эти глаголы у него считаются первообразными, то отсюда новая сбивчивость: не различены надлежащимъ образомъ первообразные глаголы отъ производныхъ. Все это произошло отъ излишней регламентаціи. Смотрицкій хотѣлъ поставить въ причинную зависимость разныя свойства глаголовъ; изъ образованія ихъ хотѣлъ вывести и ихъ видовыя свойства, а изъ этихъ послѣднихъ—формы времени, не умѣя различить при этомъ корневыхъ темъ глагола отъ глагольныхъ темъ вообще. Вышелъ такимъ образомъ сочиненный языкъ, а не дѣйствительный. По образцу формъ дѣйствительныхъ Смотрицкій часто образуетъ формы недѣйствительныя. Такъ, напримѣръ, самъ онъ утверждаетъ, что глаголы „ви́да ѹчаща́тельна пе́ршаго

суть спряженія“, однако же и во второмъ спряженіи онъ предлагаетъ такія формы, какъ творѧк, творѧлъ, творѧхъ, творѧкцій, творѧвый, и т. п.

Итакъ, въ языкѣ славянскомъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, нужно различать элементы дѣйствительно славянскіе отъ элементовъ мнимо славянскихъ, къ которымъ относятся, во первыхъ, формы фиктивныя, придуманныя Смотрицкимъ по аналогіи съ латинскими, греческими или же съ подлинными славянскими формами,—во вторыхъ, формы русскія, усвоенныя славянскому языку безъ всякаго основанія. Эти послѣднія допущены въ славянскую грамматику, конечно, непреднамѣренно. Смотрицкій вовсе не склоненъ былъ смѣшивать славянскій языкъ съ русскимъ, хотя, правду сказать, и о русскомъ языкѣ онъ имѣлъ довольно смутныя понятія, судя по тому, что въ главѣ о предлогахъ онъ обронилъ такого рода замѣчаніе: „дательнаго падежа требуютъ два предлога ко и по, сказуемое руски кедлугъ“. Во всякомъ случаѣ, онъ сознавалъ, что въ славянской грамматикѣ не можетъ имѣть мѣста иной языкъ, кромѣ славянскаго. Но такъ какъ подлинное произношеніе многихъ славянскихъ буквъ ему было неизвѣстно, то онъ или произносилъ ихъ порусски, воображая при этомъ, что произноситъ пославянски (напримѣръ, *юсы*), или довольствовался тѣмъ, что писалъ ихъ пославянски въ тѣхъ случаяхъ, когда они звучали въ разныхъ нарѣчіяхъ русскихъ различно (напримѣръ, *ѣ*). Вообще же главной заботой его было научить грамотному письму. Фонетика народныхъ говоровъ строго подчинена была *графической* грамматикѣ: „ключи подобаетъ, говоритъ онъ, и падежи въ склоненіихъ, и времянъ въ спряженіихъ, окончанія, не писать: о ключеуто ѡ, и наборотъ,—ѧ ключеуто а, и наборотъ,—ъ ключеуто ь, и наборотъ,—е ключеуто ѣ, и наборотъ,—ѣ ключеуто и, и наборотъ (последнее правило для малорусскаго нарѣчія, а предыдущее для бѣлорусскаго),—ы ключеуто и, и наборотъ“. Отсюда произошло условное употребленіе разныхъ буквъ, напримѣръ, буквы ї въ срединѣ словъ предъ гласными, или-же буквы ѡ, которую Смотрицкій совѣтуетъ писать въ пред-

логахъ *о*, *объ* и въ словахъ, въ составъ которыхъ входятъ эти предлоги, а также въ падежахъ числа множест.—родит. (тѣхъ зо́лъ), дат. (человѣ́кѡмъ), въ родит. единств. числа мѣстоименія то́й (тегѡ̀), наконецъ, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (достойнѡ, пра́вѣднѡ). Такимъ образомъ, Смотрицкій задолго до Ломоносова установилъ въ правописаніи принципъ словопроизводства, основаннаго на письменномъ преданіи, поэтому и въ иностранныхъ словахъ онъ совѣтовалъ выдерживать на письмѣ коренные звуки тѣхъ языковъ, изъ которыхъ сами слова взяты: „клюдо́мо кꙋ́ди, говоритъ онъ, въ гре́ческихъ рече́ніихъ ѿ ѡ҆рѳогра́фіи гре́ческой, въ латі́нскихъ латі́нской храмі́мчѣй кы́ги“.

Но есть отдѣлъ въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, можно сказать, фонетическій. Мы разумѣемъ ученіе его о *просодіи*. Она имѣетъ, по мнѣнію Смотрицкаго, два значенія—стихотворное, основанное на „сокраще́ніи ѿ́ или протѧже́ніи гла́снаго, ли́ко сло́га“, и графическое, основанное на „кознамѣ́ніи ѿ́ или ꙋ҆тисні́ніи гла́са пи́сменнаго въ писа́ніи ѿ́ или въ глаго́ланіи“. Первая просодія или „приѵѣ́тіе“ есть совершенная фикція, снятая съ греческой метрики. Что касается до второй просодіи, то она тоже одѣта въ греческую терминологію, но моделью ей служило подвижное удареніе, свойственное русской рѣчи. Она обозначается тремя знаками. Первый изъ нихъ называется *оксія* или *острая* (ʹ). Она ставится вообще на ударяемомъ слогѣ, не исключая и послѣдняго, если только это слогъ закрытый (чело́мъ, дверь),—надъ открытымъ же ударяемымъ слогомъ ставится *варія* или *тяжкая* (ˋ), и притомъ всегда на концѣ словъ (творѝ, зѵ́клѡ̀) Третій знакъ называется *перисполени* или *облеченная*, въ позднѣйшихъ букваряхъ *камора* (ˆ). Она можетъ стоять только на послѣднемъ и предпослѣднемъ ударяемомъ слогѣ, и именно—надъ гласными *долгими по естеству*—и, ы, ѣ. 1) На послѣднемъ слогѣ ставится *перисполени*, когда онъ есть слогъ закрытый, и притомъ *мягкій* (нꙋ́ть, ꙋ҆кожѧ́ть), но если это слогъ твердый, то ставится *оксія* и въ мягкихъ слогахъ, когда въ составъ ихъ входитъ болѣе одного согласнаго звука (сме́рть вѣ́чтвь). 2) На предпослѣднемъ слогѣ ставится *перисполени* надъ долгими гласными и, ы, ѣ.

если въ послѣдній слогъ входятъ краткія гласныя о, е, и притомъ съ *однимъ* согласнымъ (дѣ́ко, сы́не, кі́ло), но не въ такихъ случаяхъ, какъ чи́ста, и́мже. Вовсе не полагаются знаки ударенія надъ односложными словами, которыя слѣдуютъ послѣ словъ, на которыхъ стоитъ удареніе въ предпослѣднемъ и особенно въ послѣднемъ слогѣ (что́ *и*, чтѣ́ко, при́ѣхъ тѫ, сы́не мой и проч.[1]).

Какъ ни сложна эта система удареній, но все же она гораздо проще того хаоса, который господствуетъ въ славянскихъ рукописяхъ XV—XVI в. Онѣ представляютъ въ этомъ отношеніи не одну, а нѣсколько системъ, смѣшанныхъ и перепутанныхъ между собою въ слѣдствіе того, что русскіе писцы рукописей, отмѣчая мѣстное произношеніе славянскихъ словъ тѣмъ или другимъ знакомъ удареній, считали въ то же время для себя обязательнымъ сохраненіе тѣхъ знаковъ, которые они встрѣчали въ подлинникахъ, напечатанныхъ въ другихъ славянскихъ земляхъ—въ Сербіи или въ Болгаріи. Отъ этого недостатка несвободны были даже лучшія по языку рукописи, напр. Пересопницкая[2]). Смотрицкій положилъ конецъ этой пестротѣ въ

---

[1]) Кромѣ трехъ знаковъ, выражающихъ удареніе, Смотрицкій насчитываетъ еще шесть. Два изъ нихъ выражаютъ—доу́хъ,—т. е.—„ѐгѹ́щи́ѥ или ѐчеи́чи́ѥ го́лоса". Это *псили* или тонкая ('), которая ставится надъ начальными гласными въ славянскихъ словахъ (ѹ́слы́ши, ѐди́но), и *дасія* или *густая* ('), которая ставится надъ начальными гласными въ греческихъ словахъ (ѹ́мнѣ). Гораздо болѣе соотвѣтствуютъ звуковымъ особенностямъ русской рѣчи остальные четыре знака. Они выражаютъ, какъ говоритъ Смотрицкій, „сѫ́ласть", т. е. сокращеніе звуковъ, или въ формѣ сложенія двухъ слоговъ въ одинъ, или въ формѣ смягченія согласныхъ звуковъ. Это—*ерикъ*, *паерикъ* и *мякая*: въ начертаніи эти знаки очень сходны между собою (ˈ). Первые два знака имѣютъ мѣсто въ концѣ односложныхъ словъ, означая твердое и мягкое произношеніе согласныхъ (с' ми́ѕомъ, сѣ́ки'). *Мякая* отличается отъ *паерика* тѣмъ, что ставится въ серединѣ словъ надъ мягкими (сѹ́д'ка́, ѹка́л'ный). Четвертый знакъ этой категоріи называется *слитная*—въ позднѣйшихъ букваряхъ *кавыка* (˘). Она ставится надъ краткимъ *и* или же іотой. Это единственный знакъ, который сохранился и въ современномъ русскомъ правописаніи (*мой*, *свой*).

[2]) *Оксія* въ Пересопницкой рукописи часто стоитъ на томъ слогѣ, на который не падаетъ удареніе (при́шель, ка́ча). Часто нѣтъ и вообще никакого знака надъ многими словами (когдаждѣ, сгоко́ть, коѕмѣть). *Варія* и *оксія* часто встрѣчаются въ одномъ и томъ же словѣ (ѕдо́ровый, хо́щеѹ, жа́ѣтѣ).

употребленіи надстрочныхъ знаковъ. Онъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи печатнымъ изданіямъ предшествующаго времени, особенно Библіи Острожской, въ которой уже замѣтна постановка удареній по русскому выговору [1]). Такимъ образомъ, Смотрицкій вывелъ ударенія изъ области произвола, поддерживаемаго безсознательнымъ списываніемъ славянскихъ рукописей разныхъ редакцій. Существенный недостатокъ его системы заключается въ признаніи долготы за нѣкоторыми гласными, которые въ русскомъ произношеніи ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ краткихъ гласныхъ. Но такъ или иначе, важно было само по себѣ уже то обстоятельство, что русское удареніе явилось руководящимъ началомъ въ произношеніи славянскихъ словъ. Подъ защитой ударенія, поддерживаемаго грамматическимъ правиломъ, не искажались на письмѣ и малорусскія слова, сохраняя всѣ особенности живой рѣчи. Вотъ нѣсколько примѣровъ вполнѣ народнаго малорусскаго ударенія въ произведеніяхъ Іоанникія Галятовскаго, одного изъ популярнѣйшихъ малорусскихъ писателей XVII в: ко́кна (К. 149), калѣ́ка (ib. 166), калѣ́ками (Каз. 108), мѹ́зыка (ib 24), ко́книжный (К. 149), мали́нкій, подда́нными (ib. 62), нѣко́го (ib.), нѣза́цю (М. 350), дасѝ (Каз. 3), мо́жемо, гладимо̀ (К. 141),—формы повелит. накл: зберѣ́мо, чинѣ́мо, ки́носкадьмо, намалю́ймо (Каз. 24—25), напишѣ́мъ (К. 212).

Такимъ образомъ, помимо сознанія самаго Смотрицкаго, церковнославянскій языкъ, представленный въ его грамматикѣ, сближенъ былъ съ общими свойствами русскихъ нарѣчій. Писатели малорусскіе, старавшіеся усвоить этотъ языкъ, охотно брали изъ богослужебныхъ книгъ церковнославянскія буквы, не соотвѣтствовавшія русскимъ звукамъ, не менѣе охотно брали церковнославянскія формы, чуждыя русскимъ нарѣчіямъ, но не

или *тонкая*—въ позднѣйшихъ букваряхъ *звательцо*—ставится, вопреки грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, *дважды* въ одномъ словѣ надъ гласными, слѣдующими одна за другою (ꙗ҆ꙋде́йскыѧ, ꙗ҆ꙋ́дана̀). *Периспомени* часто не совпадаетъ съ удареніемъ (народи̑ мнозѝ).

[1]) Есть въ Острожской Библіи *оксія* и *варія*, и *псили*, но множество словъ оставлено безъ удареній, и притомъ словъ не односложныхъ, какъ у Смотрицкаго. *Псили* стоитъ, какъ въ Пересопницкой рукописи, не только надъ начальными гласными, но и надъ серединными. Не видно также *периспомени*.

отказывались и отъ нѣкоторыхъ особенностей живой рѣчи, если только она совпадала съ книжной рѣчью, хотя бы эти особенности составляли исключительную принадлежность того или другаго русскаго нарѣчія. Само собою разумѣется, что больше всего они дорожили сходствомъ церковнославянскихъ звуковъ и формъ съ общерусскими. Собственно говоря, этотъ языкъ можно назвать не столько церковнославянскимъ, сколько *славянорусскимъ* въ самомъ общемъ значеніи этого слова. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ послѣдовательно выдержанъ: попадаются въ славянорусскихъ произведеніяхъ малорусскихъ писателей звуки и формы общерусскія вмѣсто церковнославянскихъ, иногда даже мѣстныя—малорусскія. Но центръ тяжести славянской рѣчи—не здѣсь, а въ искусственномъ соединеніи стихій церковнославянской съ общерусскою, которая казалась сходной въ томъ или другомъ отношеніи съ церковнославянскою, при чемъ послѣдняя считалась не только регуляторомъ, но и украшеніемъ рѣчи.

Чтобы выяснить эти общія положенія, остановимся на синтаксическомъ построеніи славянской рѣчи въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ малорусскихъ писателей XVII в.

III.

Синтаксическіе архаизмы въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ.—Фиктивные архаизмы, не соотвѣтствующіе церковнославянскимъ.—Подлинные архаизмы подражательнаго происхожденія. — Стилистическое значеніе церковнославянскихъ элементовъ рѣчи въ южнорусской письменности.

Извѣстно, что въ древнеславянскихъ письменныхъ памятникахъ краткія причастія дѣйствит. залога, наст. и прошед. I, были употребляемы предикативно въ трехъ случаяхъ: 1) въ соединеніи съ различными формами глагола *быти*, напримѣръ: „и пастуси бѣхахъ въ той же странѣ къдяще“ (Остр. 250); 2) при глаголахъ воспріятія, ощущенія, наблюденія: „не пректа ся лукъзмѣрии позѣ мои“ (ib. 233), „како не обрѣтошяся къзбранышеся дати славѣ Богоу“ (ib. 109); 3) послѣ вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій, занимая въ этихъ случаяхъ мѣсто личныхъ глаголовъ: „не вѣдать ко ся чьто творяще“ (ib. 191) [1]).

О первомъ изъ этихъ случаевъ Миклошичъ того мнѣнія, что это способъ выраженія не славянскій. Мы не отрицаемъ вліянія греческаго синтаксиса, и притомъ того греческаго синтаксиса, который явился въ твореніяхъ отцевъ церкви подъ вліяніемъ подражанія образцовымъ греческимъ писателямъ, которыхъ они хотѣли вытѣснить изъ византійскаго образованнаго міра собственными произведеніями, написанными по образу и подобію древнегреческихъ. Въ нашихъ Октоихахъ и Тріодяхъ—въ тяжеловѣсной славянской одеждѣ—и донынѣ еще сохранились нѣкоторые слѣды вліянія греческихъ поэтовъ, напримѣръ, Пиндара и даже Гомера. Подлинные стихи этихъ по-

---

[1]) Miklos. Syntax. der Slav. Spr. 822.

этовъ, нужно сказать, были неясны уже и для позднѣйшихъ грековъ, поэтому неудивительно, что въ славянскомъ переводѣ смыслъ ихъ еще болѣе затмился. Тѣмъ не менѣе многіе, такъ называемые, грецизмы были свойственны и церковнославянской рѣчи. Доказательство, между прочимъ, заключается въ томъ, что въ старочешскомъ и старопольскомъ языкахъ есть обороты рѣчи аналогическіе съ церковнославянскими, которые считались грецизмами, тогда какъ чешскій и польскій языки не стояли въ непосредственной зависимости отъ богослужебныхъ книгъ, написанныхъ поцерковнославянски. Вопросъ о степени вліянія греческаго синтаксиса на церковнославянскій нельзя считать вполнѣ выясненнымъ въ наукѣ,—но и теперь уже, послѣ изслѣдованія объ этомъ предметѣ г. Потебни[1]), можно сказать, что въ самой природѣ церковнославянскаго нарѣчія заключались естественныя условія для воспріятія вліянія со стороны греческаго синтаксиса, иными словами—сама по себѣ церковнославянская рѣчь не была чужда элементовъ, сходныхъ съ греческими способами слововыраженія. Если бы было иначе, то откуда славянскіе переводчики греческихъ книгъ могли бы заимствовать формы словъ, необходимыя для синтаксическихъ построеній, сходныхъ съ греческимъ строемъ рѣчи, напримѣръ, хотя бы формы краткихъ причастій, которыя составляютъ органическую принадлежность церковнославянскаго синтаксиса? Широкое употребленіе этихъ причастій, вообще говоря, свойственно было древнѣйшему состоянію всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Было время, когда и въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ краткія формы причастій не были еще превращены въ такъ называемыя дѣепричастія, т. е. не были вовлечены въ сферу полной зависимости отъ личныхъ глаголовъ,—поэтому, какъ въ предикативномъ, такъ и въ аппозитивномъ употребленіи ихъ еще не нарушалось согласованіе съ именемъ въ родѣ, числѣ и падежѣ.

---

[1]) Мы разумѣемъ вторую часть капитальнаго труда г. Потебни: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“.

Слѣды потери краткихъ формъ причастія относятся къ первымъ вѣкамъ древнерусской письменности [1]). Въ XIV в. рѣзко выступаетъ эта потеря, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ. Въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в. постоянно встрѣчаются формы: *чтучи*, *рекучи*, *вживаючи*, при именахъ сущест. въ множ.ч [2]). Тѣмъ не менѣе, въ то самое время, какъ приходили въ забвеніе формы этихъ причастій, функціи ихъ присущи были живому чувству языка. Распредѣленныя между многими формами, функціи съ теченіемъ времени, обыкновенно, отходятъ къ немногимъ уцѣлѣвшимъ формамъ, которыя служатъ для выраженія разныхъ функцій. Такъ случилось, какъ извѣстно, съ прошедшими простыми, функціи которыхъ сосредоточились въ прошедшемъ времени на *лъ*, при чемъ самая форма эта съ теченіемъ времени поставлена была въ особенныя условія для выраженія тѣхъ оттѣнковъ времени, которые принадлежали прошедшимъ простымъ. То же самое мы видимъ и въ краткихъ причастіяхъ. Когда они перестали измѣняться по падежамъ, то на окончанія неизмѣнныя (для наст. врем. *чи*, для прошед. *ши*) перенесено было функціональное значеніе вышедшихъ изъ употребленія разныхъ падежныхъ окончаній. Въ этомъ убѣждаетъ насъ синтаксическое построеніе рѣчи, сохранившееся въ южнорусскихъ грамотахъ XVI в. Оно отражается отчасти и въ современной намъ малорусской рѣчи, особенно въ языкѣ народныхъ пѣсенъ. Приведемъ примѣры:

Предикативное употребленіе краткихъ причастій.

I. Съ глаголомъ вспомогательнымъ: „*бачучи есмо* высокіи послуги князя“ (Грам. 1552 г.) [3]) „Тую уставу нашу *давши есмо* подданнымъ нашимъ“ (Грам. 1561 г.) [4]).

---

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго (1888 г.) стр. 156, 157: здѣсь приведены примѣры изъ многихъ памятниковъ, начиная отъ XI в. до XIV включительно.

[2]) АЗР. I. 25. АЮЗР. II. 102.

[3]) АЗР. II. 143. Многіе примѣры мы взяли у Миклошича (Vergleich. Syntax der Sl. Spr.), другіе сообщены намъ О. И. Левицкимъ, за что приносимъ ему искреннюю благодарность.

[4]) АЗР. III. 114.

II. При глаголахъ воспріятія, ощущенія, наблюденія и т. п. (соотвѣтственно съ греческой конструкціей inf. cum accus.): „шла она с поля з роботы и *обачила* трех человѣковъ *трясучи* грушу ее“ (Гр. 1562) [1]), *„застали есмо* людей корсовскихъ *оручи* землю“ (Гр. 1562 г.) [2]).

„Ударили дробні дощі, ударили тучі, ймили Петра Бондарюка у Харинюка спючи“ [3]).

III. Послѣ вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій: „купцы и ремесники всякіе маютъ добровольно огонь у своихъ домѣхъ завжды держати, *коли хотяче*“ (Гр. 1506 г.) [4]) „Абы возы такъ продавали, *якъ* зъ дому *привезши*“ (Гр. 1541 г.) [5]).

„Тутъ я шапку з себе хутко, в віконце, *як моча*“ [6]).

„Нема спинку вдовиному синку, що звів з ума чужую дитинку: *як извівши*, на коника *сівши:* „будь здорова, любая розмова!“ [7]).

Аппозитивное употребленіе краткихъ причастій.

Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ, такъ называемый, дательный самостоятельный. Слѣды этой конструкціи въ изобиліи встрѣчаются въ южнорусскихъ грамотахъ: „Поведили: *женучи* дей *намъ* вепровъ кормныхъ, то пакъ панъ Окуровскій споткалъ насъ, прудко у санкахъ бегучи“ (Гр. 1564 г.) [8]); *„будучи намъ господарю* на великомъ соймѣ, донесли прозьбы свои“ (Гр. 1565 г.) [9]); *„намъ сѣдши* на отчизномъ нашомъ столцы, есмо напоминали“ (Гр. 1507) [10]). Миклошичъ называетъ эти обороты рѣчи отголоскомъ (nachklang) церковнославянскаго языка, даже въ томъ случаѣ, когда причастіе сохраняетъ форму дат. падежа, напримѣръ: „сталося... лѣта Божьего... мѣсяца... при томъ *будучимъ*“...

---

[1]) Луцк. кн. л. 179.
[2]) Ibid. л. 127.
[3]) Гол. I. 176.
[4]) АЗР. II. 3.
[5]) АЮЗР. I. 113.
[6]) Чуб. V. 655.
[7]) Ibid. 275. 8.
[8]) Луцк. кн. л. 9
[9]) АЗР. II. 138.
[10]) Ibid. II. 21.

(далѣе слѣдуютъ имена свидѣтелей: Гр. 1510) [1]). Мы тоже думаемъ, что это отголосокъ церковнославянской старины—только, во всякомъ случаѣ, не подражательный. Доказательство заключается въ томъ, что и въ народной малорусской рѣчи встрѣчаются довольно частые слѣды дательнаго самостоятельнаго: „як *тий зозулі* въ саду *кукучи,* так *вашій сестриці* там *горюючи*“ [2]); „горе *мені* на чужини, без батенька *живши*“ [3]).

Но если и теперь еще въ малорусскомъ нарѣчіи продолжается старинная традиція въ построеніи рѣчи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она составляетъ въ ней господствующее начало. Малорусское нарѣчіе въ своемъ историческомъ развитіи шло тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ другія, т. е. теряя старинную сжатость предложенія и безразличіе его составныхъ частей, постепенно переходило къ аналитическому строю рѣчи. По мѣрѣ того, какъ краткія причастія получали неподвижную форму неизмѣняемыхъ словъ, они уже не могли согласоваться съ именами существительными, и вмѣстѣ съ тѣмъ начали тяготѣть къ глаголу, какъ къ центру предложенія, которое въ слѣдствіе того получило бо́льшую грамматическую опредѣленность, бо́льшую расчлененность своихъ составныхъ частей. Въ связи съ этими перемѣнами въ причастныхъ формахъ предиката и аппозиціи, падали и, такъ называемые, вторые падежи, замѣняясь развитыми придаточными предложеніями, неопредѣленнымъ наклоненіемъ и проч.

Вмѣстѣ съ разнообразіемъ, которое при этомъ не исключало единства, обусловленнаго болѣе отчетливыми требованіями мысли, предложеніе пріобрѣтало бо́льшую выразительность, и рѣчь становилась подвижнѣе.

Таковъ общій ходъ синтаксическаго перестроя рѣчи не только литературной, подвергавшейся разнообразнымъ постороннимъ вліяніямъ, но и болѣе консервативной народной рѣчи, какъ великорусской, такъ и малорусской.

---

[1]) Vergleich. Syntax, 828.

[2]) Чуб. V. 751.

[3]) Ibid. 1041.

Безъ сомнѣнія, въ XVI—XVII в. малорусское нарѣчіе слѣдовало новому теченію рѣчи, а не старому. Въ этомъ легко убѣдиться посредствомъ сравненія письменныхъ памятниковъ одинаковаго содержанія болѣе позднихъ съ древнѣйшими.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Пересопницкаго евангелія сравнительно съ Остроміровымъ.

Предикативное употребленіе краткихъ причастій.

I. „Ѥкаѫ сѣдѧще фарисеи“ (Остр. 90, обор.).

„Ѝ сидѣли тамъ фарисеѣ“ (Перес. 34).

II. „Изиде ис и ꙋзрѣ мьздоимца именемъ леуиѩ сѣдѧща на мѧтьници“ (Остр. 92).

„Ѝ потомъ вышолъ ѝ ꙋзрѣлъ мытника ѝменѣ Левїю а ѡнъ сѣдитъ на мытници“ (Перес. 35).

III. „Въземлеши ѥго же не положъ и жьнеши ѥго же не сѣѧлъ“ (Луки 19. 21).

„Берешъ тѧ, где ѣси не положилъ ѝ пожинаешъ где ѣси не сѣялъ“ (Перес. 66).

Дательный самостоятельный мелькаетъ то тамъ, то здѣсь въ Пересопницкомъ евангеліи въ видѣ подражанія церковнославянской рѣчи, и въ этомъ случаѣ самое причастіе настоящаго врем. является не въ русской формѣ (*чій*), а въ церковнославянской (*щій*). Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ этотъ оборотъ рѣчи выражается или полнымъ придаточнымъ предложеніемъ, или независимымъ предложеніемъ съ личнымъ глаголомъ:

„Ѥще же ѥмоу не далече сѫщѫ отъ домоу посѫла къ нѥмоу сѫтьникъ“ (Остр. 95).

„Ѝ коли не далеко былъ ѿ домоу посла противъ него сотьникъ“ (Перес. 38).

„Отъмѣтаѭщемъ же сѧ вьсѣмъ“ (Остр. 101).

„Ѝ не признаѣсѧ никто“ (Перес. 43).

Вообще придаточныя предложенія, выраженныя въ Остроміровомъ евангеліи посредствомъ краткихъ причастій, передаются въ Пересопницкомъ евангеліи большею частію посредствомъ полныхъ:

„Бѣ сучѧ ꙗко на єдиномъ отъ скорпиꙗ въ скоты и ся жена дꙋхъ имѧщи недѫжьнъ ꙗ лѣтъ“ (Остр. 105).

„Быль пакь ꙗ на єдиномъ ꙋ скорпиꙗ и насучаль коуготу. была тыжь тамь жона тая которая не могла ꙋ дꙋха ꙗ лѣть“ (Перес. 55).

Встрѣчаются иногда въ Пересопницкомъ евангеліи слѣды старинпаго синтаксиса, напр., вторые падежи, но въ употребленіи ихъ замѣтно колебаніе, склоняющееся къ именит. съ творит. вмѣсто двухъ именит., къ винит. съ творит. вмѣсто двухъ винительныхъ:

„Имѣй мене ꙋреченнымъ, а въ слѣдующей строкѣ: „Имѣй мене ꙋреченна“ (Перес. 57).

„То не можеть быти моимь оучникомь“ (ib. 58).

„Вѣра твоѧ тебе здорового оучинила“ (ib. 43).

Что же представляетъ книжная малорусская рѣчь XVII в., которую мы назвали *славянорусскою?*

Мы знаемъ общественно-религіозныя и политическія условія ея появленія, поэтому и неудивительно, что въ ней господствуетъ церковнославянская старина, и притомъ не всегда подлинная, но часто—подновленная, искусственная. Любопытная особенность этого подновленія заключается въ томъ, что малорусскіе писатели не отказывались отъ изобрѣтенія такихъ формъ, которыя нельзя назвать ни старыми, ни новыми, которыхъ нельзя отыскать въ древнеславянскомъ нарѣчіи и ни въ одномъ народномъ славянскомъ нарѣчіи.—Таковы, напримѣръ, формы причастій краткихъ и полныхъ въ мужес. р. имен. пад.: живꙋчъ, сꙋщій, живꙋщій, жившій, напр.: „ꙗкъ єсть пастыр добрый полагаючъ дꙋшꙋ свою за ꙋвцы“ (Мечъ Б. 189). Вообще славянорусская рѣчь изобилуетъ широкимъ употребленіемъ причастій, съ которыми связано старинное построеніе предложеній. Замѣчательно при этомъ, что краткія формы причастій (точно такъ же, какъ и краткія формы именъ прилагательныхъ) употребляются иногда аттрибутивно, вопреки предписаніямъ грамматики Мелетія Смотрицкаго, который отрицалъ въ этихъ причастіяхъ косвенные падежи:

„Совѣтовáше нарочитѣ и разꙋменъ мꙋжъ въ великѣ Нѣвгородѣ живꙋщи Гостомыслъ“ (Син. 20).

„Еще живꙋ сꙋщꙋ Олегꙋ“ (ibid. 25).

„Турцы отруиша своего царя Баязета, яко несчастлива суща“ (Густ. л. 363).

Гораздо чаще встрѣчаются эти причастія въ аппозитивномъ употребленіи, какъ съ именит. падежемъ, такъ и съ дательнымъ (въ видѣ дательнаго самостоятельнаго): „Той иже идет за частем ꙋповакци на него“ (Мечъ Б. 134) „явися въ Полщи новая немощъ, глаголемая франца, южъ нѣкая *жена ходяще* на отпусты, принесе зъ Риму до Кракова“ (Густ. л. 360).

„Тѣло и душа, еще бꙋ рай очима сѧ прелестивше, согрѣшиста: тѣло оузрѣвши, яко запрещенный ѡко хлѣбо и красенъ: душа болꙋвши, якѡ ѡбѣрзꙋтсѧ очи еѧ“ (Мечъ Б. 129).

„Не малу времени пришедшꙋ, пріидоша трие братіѧ“ (Син. 16).

„Бꙋ тако грѣхъ ради человѣческихъ поꙋстившꙋ“ (ibid).

Вторые падежи составляютъ постоянную принадлежность славянорусской рѣчи:

„Содѣлаѧ всеѧ Россіи Самодержецъ“ (Син. 38).

„Пѧтый идолъ кꙋпало, его же Бога плодовъ земныхъ бычи миѧхꙋ“ (ibid. 43).

Это одинъ изъ греческихъ оборотовъ рѣчи, которые, какъ извѣстно, съ особенною охотою вносились въ славянскій текстъ Библіи острожскими переводчиками ея.

Причастіе прошедшее гораздо чаще употребляется съ вспомогательнымъ глаголомъ, чѣмъ безъ него. Но особенное пристрастіе замѣтно къ старинному аористу и прошедшему продолженному времени. Простыя и сложныя прошедшія смѣшиваются иногда до безразличія. Иногда одинъ и тотъ же глаголъ въ двухъ рядомъ стоящихъ строкахъ принимаетъ форму то простаго, то сложнаго прошедшаго, напримѣръ: „саранча великія шкоды *учини*“ и „огонь въ Краковѣ много шкоды *учинилъ*“ (Густ. л. 359). „Перунъ... распятіе рѣзанное *распорошилъ*“, а чрезъ нѣсколько строкъ: „распятіе паки *распороши*“ (ibid). Впрочемъ, большею частію простыя прошедшія употребляются въ

прямой рѣчи, а сложныя въ косвенной, напримѣръ: „*Устави* (Патріархъ) братства и ставропигія, *дабы* наши овцы *не повиновалися* намъ“ (Густ. л. 371). „Нынѣ мы *умыслихомъ* просити короля и всего сенату, *дабы* насъ *заховали* при волостяхъ“ (ibid).

Ко всему этому нужно прибавить, что въ славянорусской рѣчи для соединенія предложеній постоянно употреблялись церковнославянскіе союзы: егда̀, кегда̀, по́не, а̑ще, ѐва́че, поне́же, зане̑, ко́ѥже, ꙋ́ко и т. п. Изъ русскихъ союзовъ приняты были только тѣ, которые имѣются и въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Это было своего рода архаическое украшеніе рѣчи, не мало вредившее простотѣ и естественности ея.

Такъ разрѣшали задачу свою тѣ малорусскіе писатели, которые въ церковнославянскомъ языкѣ видѣли готовый литературный органъ для выраженія мыслей. Они стремились возстановить этотъ языкъ во всей полнотѣ и чистотѣ его, но, помимо ихъ воли и сознанія, это уже не былъ церковнославянскій языкъ со всѣми его типическими особенностями. Въ приведенныхъ примѣрахъ рѣчи легко видѣть значительныя погрѣшности въ употребленіи церковнославянскихъ причастій, которыя часто не согласуются съ своими существительными въ родѣ: „той ꙋпова́ющи, *жена ходяще*, тѣ́ло ѐꙋхꙋ́ѣ́ки“. Подобныя ошибки встрѣчаются на каждомъ шагу. Очевидно, малорусскіе писатели употребляли церковнославянскія формы порусски,—иными словами, съ церковнославянскими формами они не соединяли тѣхъ функцій, которыя нѣкогда были имъ присущи. Слѣдовательно, сами по себѣ церковнославянскія формы составляли нѣчто внѣшнее по отношенію къ тому языку, на которомъ они думали и говорили въ обыденной жизни. Сохранялась такимъ образомъ одна видимость церковнославянской рѣчи, которая считалась нарядной одеждой мысли, всегда обращенной къ матеріямъ болѣе или менѣе важнымъ. Это была ветхая одежда старика-отца на молодомъ организмѣ юноши-сына. Она была надѣта отчасти по нуждѣ, отчасти по убѣжденію въ томъ, что она можетъ доставить почетъ и уваженіе отъ тѣхъ людей, которые привыкли цѣнить въ человѣкѣ не столько личныя достоинства, сколько наслѣдственныя права его.

Книжная малорусская рѣчь въ XVII вѣкѣ.

I.

Славенороссскій лексиконъ Памвы Берынды.—Составъ лексикона.—Значеніе польскаго языка въ средѣ малорусскихъ писателей.—Взаимодѣйствіе вліяній между нарѣчіемъ малорусскимъ и польскимъ въ лексическомъ отношеніи.—Слова, встрѣчающіяся въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ.—Спрягаемое причастіе на лъ съ глагольнымъ корнемъ *нес*.—Дѣйствительные полонизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Въ 1627 году напечатанъ былъ въ типографіи кіево-печерской лавры *Лексиконъ славенороссскій* Памвы Берынды. Чрезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ этого—въ 1653 году явилось второе (кутеинское) изданіе этой книги. Время между первымъ и вторымъ изданіемъ ея названо въ предисловіи къ этому послѣднему *не барзо долгимъ часомъ*, въ теченіи котораго лексиконъ Берынды „такъ ѡскудѣлъ, же ѡмаль гдѣ его видетъ ка҃зо“ [1]). Главнымъ побужденіемъ къ новому изданію его служило то обстоятельство, что „великосла́бный и к мо́цѣ высо́кій ꙗзы́къ слове́нскій... тр҃ꙋдно сло и ꙗзы́кѣ... не ма́ло к' сокѣ ма́ет, зачы мно́гіи... ко-

---

[1]) Изъ библіотеки кіевскаго университета кн. за № 74. Считаемъ нужнымъ предупредить тѣхъ, кто пожелаетъ пользоваться для изученія лексикона П. Берынды изданіемъ Сахарова (Сказанія русскаго народа, т. II), что оно на каждой страницѣ представляетъ множество опечатокъ и даже рѣзкихъ искаженій стариннаго текста. Для образца выписываемъ слово *тченіе*, которое у Сахарова объясняется подъ словомъ *тупоносый* (sic) слѣдующимъ образомъ: „*тупоносый*, плосконосый; *тченіе*, тканье полотна, или сукна; *або текстъ*, исправь послѣднюю строку, отъ самаго тченія, бо, чтенія, зле тамъ есть“ (стр. 106). И дѣйствительно, *зле есть*,—только не въ подлинникѣ, а въ выписанныхъ нами строкахъ, ибо здѣсь послѣ слова *текстъ* пропущены слова: „Бе҃: а҃: л҃: ꙋкі҃“ (174), т. е. „*Бесѣды Іоанна Златоуста на посланія апостольскія*“. П. Берында предлагаетъ исправить слово „чтенїа“, т. е. вмѣсто этого слова поставить слово „тченїа“.

тóрыи не чáсто ѥго̀ зажикáю, дáлѧ никыроздѹмíнѧ ѿны҃... мáлый з҃ читáѧ ѿнóсѧ҃ пожы́то҃...“

И въ самомъ дѣлѣ, не велики были въ то время свѣдѣнія о славянскомъ языкѣ въ средѣ обыкновенныхъ читателей. Судить объ этомъ можно по тому, что въ лексиконѣ Берынды нѣкоторыя слова приводятся въ разныхъ грамматическихъ формахъ, которыя, по видимому, затрудняли многихъ читателей такъ же, какъ и самое значеніе словъ. Такъ, напримѣръ, одни и тѣ же глаголы встрѣчаются въ 1 и 2 л. един. ч. наст. вр., хотя основною формою глагола считается первая изъ нихъ: кѣси (20), дáмы (32): послѣдняя форма приведена для того, чтобы отличить ее отъ „дà“, стоящаго рядомъ съ мѣстоименіемъ „мы“. Одинъ и тотъ же глаголъ объясняется въ формѣ аориста и преходящаго времени, въ формѣ повелит. накл. и причастія, напримѣръ, глаголъ: навы́кнѹти (54), а также формы: бы́сть (11), прѣстà (122), кѣждáдѹѧ (11), кѣдѧмѹ̀ (11), конмѝ (16), кóнмѣмъ (16) и т. п. Точно такъ же имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія часто приводятся въ косвенныхъ формахъ, напримѣръ: лѹкѣ̀ (74), гадáнми (27), заматерѣ́вшы҃ (49), ѥмѹ̀же (4), мѝ (78) и т. п.

Мы видѣли, что и въ средѣ писателей свѣдѣнія о славянскомъ языкѣ не отличались надлежащей полнотой и отчетливостію. Славянскимъ языкомъ они считали языкъ славянорусскій, употребляя его иногда въ сочиненіяхъ такого рода, которыя требовали рѣчи болѣе простой и естественной. Такъ, Петръ Могила въ собственноручныхъ запискахъ своихъ говоритъ о предметахъ и явленіяхъ обыденной жизни тѣмъ самымъ языкомъ, на которомъ написаны имъ же составленныя церковныя пѣснопѣнія и каноны. Чувствуется на каждой страницѣ его записокъ слишкомъ серьезный тонъ, который не соотвѣтствуетъ бытовымъ подробностямъ жизни. Приводимъ одинъ примѣръ изъ многихъ подобныхъ: „Въ градѣ Бѣлоцерковскомъ Яну Пикгловскому родися дщи. По обычаю же баба, въспріемши отроча, пупокъ урѣза, нъ недобрѣ связа. Не внемнижъ се бабѣ, положи отроча въ корытцѣ, объ нощь же кровь изъ отрочате течаше пупкомъ, кровію же исплъвъ, умираше“ (стр. 99).

Можно полагать, что и въ то время этотъ разладъ между словомъ и его содержаніемъ не могъ производить благопріятнаго впечатлѣнія на тѣхъ читателей, которые сознавали, что съ славянскою рѣчью нельзя было обращаться запросто, не роняя ея важности и достоинства. „Евангелія и Апостола, говорилъ еще І. Вишенскій, простымъ языкомъ не выворочайте; но литургіи же для выразумѣнія людского попросту толкуйте и выкладайте“ [1]). Мысль о неприкосновенности славянскаго языка въ церковныхъ обрядахъ и богослужебныхъ книгахъ составляла общее убѣжденіе всѣхъ малорусскихъ писателей въ XVII в. Вотъ что пишетъ Арсеній Желиборскій, епископъ львовскій, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1644 году Требнику: „*что сѧ тычетъ* покꙋбышиклыхъ, *что* дѣнь ѿтмѣнныхъ, *такъ тѣжъ* ꙗко и сѣнꙋ, *иншимъ* тыпографіамъ звычайныхъ корректꙋръ и поправокъ, тымъ далисмы покой: маючи за то, же къ рыхломъ (что дай Бже) часѣ, за общимъ Архіерѣовъ православнѣ Цркве Россійскѣ совѣтомъ, и не ѡспалымъ старанїемъ, станетъ єдна якаѧ статечнаѧ и не ѡмѣшнаѧ, такъ старопечатꙋмачныхъ книгъ корректꙋра, ꙗко, и къ нашомъ словѣнскомъ ꙗзыцѣ еще не кылыхъ печатꙋмачнїе“ [2]).

Но какъ провести разграничительную линію между языкомъ *простымъ* и *непростымъ „по литургіи“*, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось говорить и писать *„для выразумѣнія людского?“*. Какъ воздержаться отъ книжнаго слова тамъ, гдѣ въ простомъ языкѣ не было подходящаго? Какъ устранить простое слово, не всегда удобное для выраженія важной мысли, тамъ, гдѣ книжное, болѣе солидное, было уже неясно?

Выходъ изъ этого положенія для малорусскихъ писателей представлялся въ сближеніи славянорусской рѣчи съ обыкновенною разговорною рѣчью грамотныхъ, *„письменныхъ“* людей. Собственно говоря, вполнѣ сознательные первые шаги въ этомъ направленіи сдѣланы были еще во второй половинѣ XVI вѣка,

---

[1]) АЗЮР. т. II, 210.

[2]) Изъ библіотеки кіевской духовной академіи кн. подъ № с. 11.

но, пока не приведены были въ извѣстность грамматическія особенности славянорусской рѣчи, оно не могло развиваться систематически. Только въ эпоху Петра Могилы, послѣ появленія грамматики Мелетія Смотрицкаго, сдѣлалось возможнымъ прочное взаимодѣйствіе между рѣчью книжною—славянорусскою и народною. Плодомъ этого взаимодѣйствія была *книжная малорусская рѣчь*, которая должна была удовлетворять, какъ людей болѣе книжныхъ своею грамматическою правильностію, такъ и людей менѣе книжныхъ своею общедоступностію. Писатели малорусскіе называли эту рѣчь *русскою мовою*, *россійскимъ языкомъ*, иногда же просто—*языкомъ русскимъ*.

Сводъ матеріаловъ этой рѣчи мы имѣемъ въ *славенороссскомъ* лексиконѣ Памвы Берынды.

Началъ онъ свой трудъ въ домѣ благочестиваго пана Ѳеодора Балабана, который понудилъ его, „аще и проста, реченія и имена славенская избирати“ [1]). По смерти Балабана, Берында занимался исправленіемъ и печатаніемъ книгъ во Львовѣ. Какъ знатокъ типографскаго дѣла, вызванъ онъ былъ Елисеемъ Плетенецкимъ въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ должности Архитипографа кіево-печерской лавры (1632). Служебное положеніе его давало ему достаточныя побужденія и средства къ продолженію давно начатаго труда, которымъ занимался онъ въ теченіи тридцати лѣтъ своей жизни. Такимъ образомъ лексиконъ Берынды есть ничто иное, какъ записная книга умнаго типографа, который не могъ относиться безсознательно къ славянскимъ книгамъ, напечатаннымъ подъ его наблюденіемъ. Составитель лексикона имѣлъ въ виду прежде всего уяснить для самаго себя значеніе непонятныхъ для него словъ, руководствуясь не столько учеными соображеніями, сколько практическою надобностію. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Буслаева, что Берында былъ *ученымъ изслѣдователемъ* [2]). Конечно, онъ былъ образованнымъ человѣкомъ своего времени: ему извѣстны были грамматическія формы словъ, правильное употребленіе и начертаніе

---

[1]) Сказанія русскаго народа, Сахарова, т. II, 7.

[2]) Историческая христоматія Буслаева, 1111.

ихъ. Но мы не нашли въ лексиконѣ его того, что нашелъ г. Буслаевъ, т. е. „сравненія формъ различныхъ славянскихъ нарѣчій“[1]). Правда, Берында для объясненія *значенія* словъ прибѣгаетъ иногда къ другимъ славянскимъ и даже не славянскимъ нарѣчіямъ, но свѣдѣнія его въ этой области сбивчивы и скудны. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) „пѣ҃тель: чѣски и ꙗски когꙋтъ, кольиски пѣ҃кинь, литоски петꙋхъ“ (133);

2) „чпагъ: кишенѫ, шабелта, кисага, чапка, капка, тлꙋмокъ, кацокъ, словацки, тоꙗка, мошна, чи: токола, мѣшо, оугорски, ꙗшены“ (204).

Въ предисловіи къ первому изданію своего лексикона Берында жалуется, что трудъ его былъ *презираемъ* со стороны какихъ-то *хульниковъ*. Мы не знаемъ, въ чемъ заключались мнѣнія этихъ *хульниковъ*. Можетъ быть, они смущались наивной этимологіей лексикографа, который думалъ, что „цѣ҃ковь названа ѥстъ ѿ царѧ, ѩжъ царскимъ домомъ ѥстъ“ (201),—этимологіей тѣмъ болѣе странной, что въ другомъ мѣстѣ самъ Берында предлагаетъ другое—болѣе вѣроятное объясненіе слова *церковь*: „ѥстъ цѣ҃ковь ѡкꙋжилъ ѡкведена и ѡкваробана цыꙗклемъ, ѿ котораго слова, и ѥтїмонъ сей, что ѥстъ, выходѣ маетъ“ (219). Можетъ быть, они недовольны были грамматическимъ безпорядкомъ, который допускалъ Берында, отступая во многихъ случаяхъ отъ грамматической формы объясняемаго слова,—переводя, напримѣръ, слово „непорочень“—словомъ: „незнаганы“ (94), слово „тꙋчи“—словами: „гꙋмъ, пꙋнъ“ (174) и т. д. Могли не соглашаться они съ самою сущностію объясненій Берынды. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что для оцѣнки труда Берынды нужно принимать во вниманіе глухой намекъ его на современныхъ ему *хульниковъ* такъ же точно, какъ и мнѣніе кутеинскихъ издателей лексикона, которые называютъ его *потребнымъ и пожитечнымъ для многихъ*. Дѣйствительно, онъ былъ *потребнымъ и пожитечнымъ*, какъ всякая

[1]) Ссылки на кутеинское изданіе, приведенныя у Буслаева, при сличеніи оказались невѣрными.

справочная книга, съ которою можно было соглашаться и не соглашаться по мѣрѣ начитанности въ славянскихъ книгахъ и ученой подготовки самаго читателя.

Въ наше время лексиконъ Берынды представляетъ интересъ этнографическій и историко-филологическій, какъ сборникъ старинныхъ понятій, вѣрованій и преданій, которыя отчасти сохранились въ народѣ и до настоящаго времени. Впрочемъ, для нашей цѣли гораздо важнѣе самый составъ *славянороссскаго* лексикона, и именно той части его, которую Берында называетъ *росскою*. Здѣсь собраны слова *подобоименныя*, которыя Берында считалъ болѣе понятными для читателя, чѣмъ слова славянскія.

Итакъ, что же Берында называетъ словами *росскими?*

Во первыхъ, *славянорусскія* слова, свойственныя славянскому и всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, напр: „горе: бѣда“ (30), „гражду: иду, прохожу“ (32), „кръвь: кровь, що к тѣлѣ є“ (68). Одно изъ этихъ словъ Берында сопровождаетъ любопытнымъ, орѳографическимъ примѣчаніемъ: „благо, говоритъ онъ, гды пишєсѧ без титлы, въ Рωсской мовѣ значитъ: не гаразд, мдле, недобре, оулоомие, зимно, лѣниво, гнюсно, блѣдо, сине, що трутѣю фарбу має“. (4). Сюда же относятся слова, выдуманныя изъ корней славянорусскихъ: „бытїе: бытность“ (11), „величїе: великоє, высокоє“ (13), „воевода: воинствоводецъ“ (16), „глубина: глубокость“ (28).

Во вторыхъ, *общерусскія* слова: „благоутишїе: погода, ꙗснаѧ погода“ (7), „ꙗже: которїй“ (63), „днесь: сегодняѧ“ (34). Большею частію слова этой группы передаются посредствомъ измѣненія фонетики церковнославянской на общерусскую: „краба: коробка“ (67), „разда: борозна“ (10), „бижду: бижу“ (14), „загражденїе: загороженье“ (47). Нѣкоторыя древнерусскія слова сдѣлались уже непонятными: такъ, слово „котора“ Берында считаетъ нужнымъ объяснить словомъ „скаръ“ (67).

Въ третьихъ, польскія слова. Они представляютъ въ лексиконѣ Берынды значительный процентъ всего состава *росскихъ* словъ, причемъ объясняемыми словами иногда являются у него тѣ же польскія слова, напримѣръ: „же: а, лечь, ишакже, или тежъ,

съкзъ сълкилѧкцї" (42); „кєлїи: чаша" (63). Полагать надобно, что въ этихъ двухъ примѣрахъ польскія слова попали не на свое мѣсто по недосмотру лексикографа. По видимому, онъ считалъ нѣкоторыя слова, имѣющія въ польскомъ нарѣчіи спеціальное значеніе, органическою принадлежностію *росской мовы* въ томъ же значеніи: такъ, по поводу слова: „дѣло" онъ говоритъ: „россійски и полски стрѣлка келикаѧ зовєтсѧ" (39). Вообще же онъ не считалъ искаженіемъ *росской мовы* употребленіе въ ней польскихъ словъ, лишь бы они написаны были славянскими буквами. Нерѣдко въ лексиконѣ своемъ онъ приводитъ *подобоименныя* польскія слова для объясненія славянорусскихъ словъ, которыя не нуждаются въ объясненіи: такъ, при словѣ „вѣра" стоятъ у него: „набожєнство, релѣга" (26), при словѣ „сила" — слова: „мѡцъ, такъ же цнота" (136) и т. п.

Можно отчасти объяснить эту широкую терпимость Берынды къ польскимъ словамъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, какъ и большинство литературныхъ дѣятелей того времени, были уроженцы волынской и галицкой земли, гдѣ съ особенною силою чувствовалось вліяніе польской культуры съ литературнымъ и общественнымъ органомъ ея—польскимъ языкомъ. Но были и другія причины, дававшія этому языку вѣсъ и значеніе въ глазахъ малорусскихъ писателей XVII вѣка. Одна изъ нихъ указана въ книгѣ, которая вышла въ свѣтъ изъ типографіи кіево-печерской лавры въ 1645 году подъ заглавіемъ: „Сѣкрѧтїе коротко на8ки ѡ артикѹлахъ вѣры православнокаѳолическои Хрїстїанскои"[1]). Въ предисловіи къ этой книгѣ, имѣвшей въ свое время для южной Руси глубоко православное значеніе, говорится, что она „часѹ недавнѡ прошлогѡ" напечатана была „дїалєктомъ полскимъ длѧ пєвныхъ и поважныхъ причинъ, а не мнѣй длѧ тєи: Ꙗкы оучта невстыдливыхъ помѡвцовъ затмованы были, которые, кѹдѹчи непрїѧтєлми головными цєркви вхоодили, дїалєктомъ полскимъ смѣли и важилисѧ розными герезїами цєрковь православнокаѳолическѹю мажѹчи, скѣтѹ ѡгнижати. Ꙗкы такимъ же дїалєктомъ (гды правдивое,

[1]) Изъ император. публичной библіотеки кн. подъ № 13 (III—5).

вызна́ніе цр҃кве чита́ти кꙋдꙋтъ), зра́жены и поганкены, кѣчне зостава́ли. Тепе́рь зась покторе та́ж сама́ж книжечка... діалектомъ ро́скимъ пре҃ дꙋкъ свѣтꙋ пꙋбликꙋетсѧ..“ Выписанныя нами строки рисуютъ живую картину того отдаленнаго отъ насъ времени. Оказывается, что польскій языкъ проникалъ, такъ сказать, въ самое святилище церковно-литературной дѣятельности—именно потому, что она стремилась освободиться отъ польскихъ вліяній. Кто хотѣлъ распространить православныя идеи въ болѣе обширномъ кругу читателей, тотъ долженъ былъ обращаться къ польской рѣчи. Понятно такимъ образомъ, почему многіе малорусскіе писатели владѣли ею въ совершенствѣ. Самъ Петръ Могила написалъ лучшее свое сочиненіе попольски [1]). Отсюда ведутъ свое начало многіе полонизмы въ книжной малорусской рѣчи, отъ которыхъ не свободны были малорусскіе писатели не только въ періодъ польскаго государственнаго режима, но даже и тогда, когда онъ отошелъ уже въ вѣчность.

Есть нѣкоторая доля польской примѣси и въ самой народной малорусской рѣчи. Мы не беремся судить о томъ, какъ велика эта примѣсь. Думаемъ даже, что задача эта въ настоящее время совсѣмъ не выполнима за недостаткомъ подготовительныхъ работъ. Она будетъ рѣшена только тогда, когда мы будемъ имѣть истинно научный *историческій* словарь малорусскаго нарѣчія. Появился недавно малорусскій словарь Е. Желеховскаго, но это—простой перечень малорусскихъ словъ, составленный безъ всякой критики источниковъ [2]). Во всякомъ случаѣ, не предрѣшая вопроса о вліяніи польскаго языка на малорусскій, считаемъ не излишнимъ замѣтить, что и въ польскомъ языкѣ не мало есть словъ малорусскаго происхожденія, которыя входили въ него въ теченіи многихъ вѣковъ совмѣстной жизни малорусскаго племени съ польскимъ. Въ основѣ современнаго намъ литературнаго польскаго языка лежитъ малопольское нарѣчіе, которое соста-

---

[1]) Λίθος abo kamiń z procy prawdy cerkwie świętey prawosławney Ruskiey. Kiow. 1644. О сочиненіяхъ на польскомъ языкѣ Сильвестра Коссова, Лазаря Барановича и другихъ малорусскихъ писателей XVII в. см. Обзоръ русской духовной литературы, архіепископа Филарета.

[2]) „Малоруско-німецкій словар“, Львів, 1886.

вляетъ юговосточную разновидность мазурскаго, сосѣдняго съ южнорусскими говорами галицкой Руси. Не могло не отразиться это сосѣдство на лексическомъ составѣ литературнаго польскаго языка. Творцы его *Кохановскій* и *Рей* были малополяне: послѣдній родился и выросъ въ Червонной Руси. Второстепенные поэты золотаго вѣка польской литературы *Шимоновичъ* (1557—1629) и *Зиморовичъ* (1597—1628) были уроженцы г. Львова. Произведенія ихъ проникнуты искренней симпатіей къ жизни малорусскаго простонародья и переполнены словами, взятыми изъ устъ его. Въ польскую рѣчь такъ называемаго образованнаго общества входили малорусскія слова и другимъ путемъ,—путемъ усвоенія польской культуры, которое сопровождалось принятіемъ католичества и отреченіемъ высшаго южнорусскаго сословія отъ своей народности. Само собою разумѣется, что въ новой обстановкѣ не всегда была возможность подавить привычки къ родной рѣчи, которая незамѣтнымъ образомъ входила въ польскую рѣчь. На этой почвѣ взаимодѣйствія получились цѣлыя массы словъ, о происхожденіи которыхъ трудно сказать что нибудь рѣшительное. Сложность вопроса увеличивается еще оттого, что есть значительное количество словъ, по видимому, польскихъ или малорусскихъ, между тѣмъ слова эти встрѣчаются и въ великорусскомъ нарѣчіи. Мы разумѣемъ не тѣ польскія слова, которыя появились въ литературномъ русскомъ языкѣ путемъ прямаго или косвеннаго заимствованія изъ языка польскаго[1]). Мы имѣемъ въ виду такъ называемыя областныя слова, которыя не легко поддаются теоріи заимствованія[2]). Есть, наконецъ, слова, общія

---

[1]) Такихъ словъ Я. Гротъ насчитываетъ 94. См. Филологическія разысканія т. I.

[2]) Представляемъ для образца нѣсколько десятковъ такихъ словъ:

Або — ли, или, иначе: *Рязанс.* Польс. *abo*, малорус. *або*.

Абы 1) дабы, чтобы: *Пенз.*, *Рязанс.*, 2) какъ-нибудь: *Казанс.*, *Рязанс.* Польс. *aby*, малор. *аби*.

Вабить — обманывать, обольщать: *Тамб.* Польс. *wabić*, малор. *вабити*.

Вадить 1) проводить время, пережидать, 2) не исполнять, обманывать: *Новг.* Польс. *wadzić* безпокоить, ссорить, малор. *вадити* — вредить.

Вежа — шалашъ, покрытый хворостомъ и дерномъ: *Арх.* Польск. *wieża* — башня, малор. *вежа* — въ томъ и другомъ значеніи.

Вечерять — ужинать: *Пенз.*, *Смоленс.* Польс. *wieczerać*, малор. *вечерити*.

нарѣчіямъ польскому и великорусскому, и чуждыя въ то же время нарѣчію малорусскому [1]). Полагать надо, что эти слова составляютъ общеславянское наслѣдство, не сохранившееся въ малорусскомъ нарѣчіи. Изъ того же общеславянскаго источника могли произойти многія малорусскія слова, существующія въ польскомъ и не сохранившіяся въ великорусскомъ нарѣчіи.

Господыня—женщина, готовящая пищу: *Тверс.* Польс. *gospodyni*, малор. *господиня*—хозяйка.

Громада—собраніе поселянъ, мірская сходка: *Курс.* Польс. *gromada* и малорус. *громада*—въ томъ же значеніи.

Добре—хорошо: *Тамб.* Польс. *dobrze*, малор. *добре*.

Дуже—очень, весьма: *Смоленс. Тверс.* Польс. *dużo*, малор. *дуже*.

Жадать—желать, хотѣть: *Вологод., Рязан., Тамб.* Польск. *żądać*, малор. *жадати*.

Жалковать—жалѣть: *Пенз.* Польс. *żałować*, малор. *жалкувати*.

Жито—рожь: *Донс. Курс.* То же въ польс. и малорус.

Жниво—запаханное поле: *Яросл.* Польс. *żniwo*, малор. *жниво*—жатва, *жниви*—время жатвы.

Жупанъ—худой кафтанъ, армякъ: *Вологод., Смоленс.* Польс. *żupan*—кафтанъ, то же и въ малорус.

Заробить—заработать: *Арх.* Польс. *zarobić*, малор. *заробити*.

Зась (междом.) замолчи: *Калуж.*; въ томъ же значеніи это слово въ малорус. и польс., но въ послѣднемъ имѣетъ еще значеніе союзовъ: *а, но, же*.

Заховать—спрятать: *Донс., Курс., Пенз.* Польск. *sachować*, малор. *заховати*.

Звычайно—обыкновенно: *Костром. Смолен.*, Польс. *zwyczajne*, малор. *звичайно*.

Знакомитый—привѣтливый, ласковый: *Ярослав.* Польс. *znakomity*—значительный, знаменитый. То же и въ малорус.

Казать—говорить: *Воронеж., Калуж., Курс. Орловс., Смоленс.* То же въ польс. и малорус.

Кій—посохъ, палка: *Псков., Смоленс., Твер.* То же въ польс. и малорус.

Конать—умирать, кончаться: *Курс., Смоленс.* То же въ польс. и малорус.

Кунтушъ—женская длинная шуба, покрытая китайкой: *Тверс.* Въ томъ же значеніи *кунтышъ*: *Рязан. и Тульс.* Польс. *kuntucz*, малор. *кунтуш*.

---

[1]) Вотъ для примѣра нѣсколько словъ:

Годи, овъ—празденство, пиръ: *Ворон., весельные годы*—свадебное празденство: *Ворон.* Польс. *gody, weselne gody*.

Онагдысь—недавно: *Пск.* Польс. *onegdaj*.

Ощера—зубоскалъ, насмѣшникъ: *Тамб.* Польс. *oszczerca*; въ малоруск. нѣтъ этого слова, хотя корень его сохранился въ глаголахъ: *щірити* зуби—скалить зубы, *ощіритись*—осклабиться.

Перезъ—черезъ: *Влад., Тверс.* Польс. *przez*.

Все это не больше, какъ только гаданія, которыя имѣютъ однако же всѣ признаки вѣроятности, на сколько мы можемъ судить объ этомъ по немногимъ болѣе или менѣе всякому извѣстнымъ лексическимъ даннымъ.

Гораздо тверже почва грамматическая.

Звуки и формы малорусскаго нарѣчія настолько своеобразны, что о польскомъ вліяніи на тѣ и другія не можетъ быть и рѣчи.

Куна — куча, группа: *Тульс.* То же въ польс. и малорус.

Лагодить — ладить: *Курс.* Польс. *łagodzić* - смягчать, умѣрять, облегчать, малор. *лагодити* - исправлять, приспособлять.

Ледва — едва: *Смоленс*; *ледвь*: *Тульс.* Польс. *ledwie*, малор. *ледві*.

Мара — призракъ: *Курс.* Польс. *mara*, малор. *мара*.

Мары — носилки для мертвыхъ: *Курс.* То же въ польс. и малорус.

Надья — надежда: *Арх.* Польс. *nadzieja*, малор. *надія*.

Нехай — пусть: *Донс*, *Курс.*, *Нижегор.*, *Смоленс.* Польс. *niech*, малор. *нехай*

Пильно — пристально, внимательно, прилежно: *Курс.*, *Смоленс*, *Твер.* То же въ польс. и малорус.

Понурый — печальный: *Тверс.* То же въ польс. и малорус.

Посагъ 1) приданое: *Орлов.* 2) свадьба: *Твер.* Польс. *posag*, приданое; то же значеніе этого слова и въ малорус.

Рачить — хотѣть: *Олонец.* Польс. *raczyć* — благоволить, удостоить. То же въ малорус.

Смажить — жарить: *Псков.*, *Тамб.* Польс. *smażyć*, малор. *смажити*.

Сподьваться — надѣяться: *Псков.*, *Тамб.* Польс. - *spodziewać się*, малор - *сподіватися*.

Трохи — немного: *Калуж.*, *Тульс.*, *Смоленс.*, Польс. *trochę*, малор. *трохи*.

Хижий — аккуратный, опрятный: *Смоленс.* Польс. — *chyży* скорый, проворный, малорус. *хижий* — хищный, жадный.

Ховать 1) прятать: *Калуж.*, *Курс.*. *Смоленс.* 2) погребать: *Курс.*; въ обоихъ значеніяхъ польс. *chować*, малор. *ховати*.

Честовать — угощать: *Арх.*, *Смоленс.* Польс. *częstować*, малор. *частувати*.

Чи — ли, или: *Донс.* 2) развѣ: *Калуж.* Польс. *czy*, малорус. *чи* — въ томъ и другомъ значеніи.

Яловка — телица, молодая корова: *Волог.*, *Тамб.*, *Тульс.* Польс. *jałówka*, малор. *яловка*.

(Матеріали для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики I — III. Спб. 1854 г. Подобныхъ примѣровъ много найти можно также въ изданномъ недавно словарѣ областнаго Архангельскаго нарѣчія. Спб. 1885 г.)

Расквелить — раздражить, разсердить: *Нижегор.*, *Тверс.*; *расквилить* — привести въ слезы: *Вологод.*, *Орлов.* Польс. *rozkwilić* — растрогать.

Тливкій, *тливый* — чувствительный къ внѣшнимъ вліяніямъ (о больныхъ членахъ тѣла), раздражительный: *Арх.* Польс. *tkliwy* — вообщо чувствительный.

Торъ — видное мѣсто, гдѣ бываетъ много народа: *Волог.* Польс. *tor* — путь, дорога, слѣдъ.

(Ibidem).

Сомнительными остаются только нѣкоторыя глагольныя формы западныхъ малорусскихъ говоровъ, преимущественно галицкихъ. Это—такъ называемыя описательныя формы прошедшаго времени, которыя въ изъявит. наклоненіи образуются посредствомъ спрягаемаго причастія на *лъ* съ глагольнымъ корнемъ *ѥс*[1]). Изъ тѣхъ же элементовъ и почти тѣмъ же способомъ образуются эти формы въ польскомъ языкѣ[2]). Только гуцульское *сми* (*ходив-сми*) съ своими варіантами—*сме*, *смо* (1 л. ед.) значительно отличается отъ соотвѣтствующей формы, какъ въ польскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ[3]). Мы думаемъ, что это *сми* образовалось изъ формы *ѥсми* (1 л. ед.), которая утвердилась въ письменныхъ русскихъ памятникахъ сѣверныхъ и южныхъ не ранѣе XV в. Представляетъ ли это *ѥсми* медіальную форму, или

---

[1]) 1-е л. един. ч. муж. р.: *ходивѥм* и *ходивсм*, *ходивѩім*, *ходивім*, *ходивим*.
У Гуцуловъ: *ходивсми* или *ходивсме* или *ходивсмо* (изъ *ѥсми*).
Женс. р. *ходилам*.
Сред. р. *ходилом*.
2-е л. един. ч. муж. р. *ходивѥси*, *ходивѥсь*, *ходивѩісь*, *ходивісь* и *ходивись*.
Женс. р. *ходилась*.
Сред. р. *ходилось*.
1-е л. множ. ч.: *ходилисьмо*, *ходилисьме*, *ходилим*.
2-е л. множ. ч.: *ходили жсте*, *ходилисьте*.
Въ 3-мъ л., какъ единс., такъ и множ. ч., вспомогательнаго глагола нѣтъ.
Точно такъ же къ корню *би* изъ *быхъ* присоединяется корень *ѥс*. Отсюда получаются формы: *би-м*, *би-сь*, *би-сьмо*, *би-сьте*. Для образованія прошедшаго условнаго времени эти формы присоединяются къ спрягаемому причастію: *ходив-бим*, *бись*,—*ходили бисьмо*, *бисьте*,—или же, сверхъ того, берутъ на помощь себѣ спрягаемое причастіе вспомогательнаго глагола: *був*, *булй*, *було*, *булй*: *був бим*, *був бись*, *був би ходив*,—*були бисьмо*, *були бисьте*, *булиб ходили* (Em. Ogonows. Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. 144—145).

[2]) 1 л. ед. chodziłem, am, om — 1 л. мн. myśmy chodzili, ły.
2 — chodziłeś, łaś, łoś, — 2 — wyście chodzili, ły
3 — chodził, ła, ło — 3 — oni, e, e, chodzili, ły.

[3]) При единствѣ метода въ образованіи этихъ формъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ наиболѣе яркіе признаки самостоятельности состоятъ только въ своеобразной фонетической окраскѣ:
Чешс. chválil *jsem*, *jsi*, chválili *jsme*, *jste*.
Словац. hvalil *sem*, *si*,—hvalili *smo*, *ste*.
Лужицко-Серб. khwalił *sym*, *sy*,—khwalili *smy*, *śce*.
Сербс. хвало *сам*, *си*,—хвалили *смо*, *сте*.
Болгарс. хвалилъ *съмъ*, *си*,—хвалили *сме*, *сте*.

же оно образуется по аналогіи съ 2 л. единс. *ѥси*, для насъ это въ данномъ случаѣ безразлично. Важно то, что гуцульское *сми* не одно и то же, что польское *м*. Гуцульская форма болѣе полная: изъ древнерусской *ѥсми* она утратила только начальное *ѥ*. Мы можемъ такимъ образомъ указать слѣды этой формы въ древнерусскихъ памятникахъ, не прибѣгая къ гипотезѣ о польскомъ происхожденіи ея. Точно такъ же въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ встрѣчается и *ѥсмо* (въ грамотахъ XIV в.), рядомъ съ *ѥсмы* (1 л. мн.), но не *есме* и не *есмя*, какъ въ сѣвернорусскихъ памятникахъ. Окончаніе *мо* появилось прежде всего въ формахъ повел. накл. (Книга поученій Ефрема Сирина XIII в.), затѣмъ распространилось и на 1 л. наст. вр. изъявит. накл.[1]). Это, во всякомъ случаѣ, не то же самое, что польское *my* въ *śmy*, поэтому окончаніе *мо* можно прямо вывести изъ древнихъ южнорусскихъ памятниковъ, а не изъ польскаго языка. То же нужно сказать и о 2 л. един. ч. *ѥсь* (*сь*), которое встрѣчается уже въ волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку[2]). Наконецъ, есть одинъ примѣръ и формы *ѥмь* въ начальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку[3]). Всѣ эти данныя располагаютъ насъ думать, что галицко-малорусскія формы прошедшаго времени возникли самостоятельно на древнерусской или, по меньшей мѣрѣ, на древней южнорусской почвѣ. Если и есть какая нибудь надобность допускать польское вліяніе, то, очевидно, оно не было безгранично, а имѣло значеніе только лишь охранительное, т. е. въ данномъ случаѣ оно укрѣпляло и поддерживало коренныя малорусскія формы, возникшія приблизи-

[1]) Мы предпочитаемъ объясненіе этой формы, предложенное г. Потебней (Зам. о малор. нарѣч. стр. 15), заявленію г. Соболевскаго, что эта форма должна быть считаема общеславянскою (Очерки изъ ист. рус. яз., 116). Думаемъ также, что книга поученій Ефрема Сирина относится къ XIII, а не къ XV в., какъ думаетъ г. Соболевскій. Историческія и палеографическія доказательства принадлежности ея XIII в., представленныя въ свое время Срезневскимъ (Свѣд. и зам. вып. I. стр 37—47), не потеряли для насъ своей убѣдительности и послѣ замѣчаній объ этомъ предметѣ г. Соболевскаго (Жур. М. Н. Пр. 1883 г. № 5).

[2]) „Брате! ты мене ни на полону ялъ, ни копьемь мя *еси* добилъ, ни изъ городовъ моихъ выбил(ъ) мя *есь*“ (Ипат. 593); „ты ми братъ *есь*“ (ibid).

[3]) „Я творилъ *емь*“ (Лавр. 105 въ выноскѣ). Это *емь* ни въ какомъ случаѣ не могло появиться здѣсь подъ вліяніемъ великорусскаго нарѣчія.

тельно въ XIII—XIV в. Что касается до восточныхъ малорусскихъ говоровъ, то и въ нихъ до настоящаго времени сохранилась наклонность къ употребленію причастія на *л* съ вспомогат. глаголомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ великорусскомъ нарѣчіи. Изъ двухъ вліяній — великорусскаго и польскаго—мы гораздо болѣе склонны допускать первое въ предѣлахъ восточныхъ малорусскихъ говоровъ, чѣмъ послѣднее въ предѣлахъ западныхъ говоровъ. Во всякомъ случаѣ, легче понять ослабленіе и утрату существующихъ формъ подъ вліяніемъ другаго языка, чѣмъ созданіе подъ такимъ же вліяніемъ новыхъ формъ, которыя никогда не были присущи чувству языка.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ произведеніяхъ тѣхъ малорусскихъ писателей, которые писали книжною малорусскою рѣчью. Здѣсь польскія вліянія очевидны, и притомъ не только въ лексическомъ подборѣ словъ, которыя служили для выраженія такъ называемыхъ культурныхъ понятій, но и въ сферѣ собственно грамматической. Замѣчая въ народной рѣчи формы, сходныя съ польскими, малорусскіе писатели сгущали иногда польскія краски безъ всякой надобности. Такъ, въ сложномъ прошедшемъ времени они предпочитали польскій типъ его малорусскому [1]). Именныя флексіи менѣе подчинялись польскому вліянію [2]), но въ употребленіи тѣхъ или другихъ падежей замѣтны иногда слѣды польскаго синтаксиса [3]). Особенно рѣзко бросаются въ глаза эти слѣды въ тѣхъ предложеніяхъ, которыя соединены польскими союзами въ замѣнъ церковнославянскихъ или народныхъ малорусскихъ [4]). Собственно говоря, это внѣшняя синтаксическая прикраса, въ сущности не измѣняющая строенія

---

[1]) *Далемъ, далесь*, а не *давѣмь давѣсь, давем, давесь* и проч.

[2]) Изрѣдка встрѣчается мѣстный падежъ един. ч. именъ существительныхъ сред р. въ польской формѣ: „на кождомъ мѣстцу, на сердцу“ (Г. К. 35. 43).

[3]) Таковъ, напримѣръ, творительный предикативный падежъ въ польской конструкціи: „кто хочетъ пріятелемъ бити свѣтовѣ, то есть непріятелемъ Божимъ“. „Всѣ люде грѣшніи суть хорыми“ (Г. Кл. 39).

[4]) Къ такимъ союзамъ относятся: *або, ды* (въ смыслѣ *когда* и *если*), *же, поневажъ* и т. п.

рѣчи—такъ же, какъ и употребленіе нѣкоторыхъ предлоговъ и нарѣчій польскихъ [1]). Гораздо важнѣе встрѣчающееся иногда *построеніе* предложеній по латино-польскому образцу [2]). Что касается до *расположенія* словъ въ предложеніи, то въ этомъ отношеніи малорусскіе писатели нерѣдко руководствовались, подобно польскимъ, латинскою конструкціей рѣчи. Отсюда же они заимствовали всѣ риторическія средства выраженія, которыя, какъ извѣстно, даютъ соблазнительную возможность мыслить безъ мыслей. Съ самодовольствомъ человѣка, вѣрующаго въ чудеса риторики, І. Галятовскій такъ повѣствуетъ объ ея секретахъ: „спытаетъ кто, ꙗкъ можетъ з'малои части (т. е. изъ темы) великое казанїе оучинити? ѡказꙋю, трика твою часть казанїѧ аплѣфікокати, розширѧти, трика придакати до неи приклады, подобенства, сентенціи, фігꙋры, то малаѧ часть великимъ казаниемъ зостанетъ" (Г. Наука, 131).

Такимъ образомъ путемъ школы, путемъ общественныхъ вліяній малорусская книжная рѣчь воспринимала чуждыя ей черты польской рѣчи, подчиняясь вмѣстѣ съ нею вліянію латинскаго синтаксиса.

Какіе же въ ней признаки собственно малорусскіе?

Въ четвертую группу *россиихъ* словъ Берында внесъ огромную массу народнаго малорусскаго матеріала, которымъ, по мѣрѣ надобности, мы будемъ пользоваться въ обзорѣ звуковъ и формъ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка.

---

[1]) *Ведлугъ, подлугъ, презъ, кыды, южъ, завше* и проч.

[2]) Таково, напримѣръ, превращеніе неопредѣленнаго наклоненія, составляющаго дополненіе не глагола или же имени, а цѣлаго предложенія, въ личные глаголы такъ называемаго финальнаго придаточнаго предложенія: „Вакулєничикове кꙋдекали вѣжꙋ, высокꙋю а҃ по҃ ибо, жебы собѣ славное имѧ на свѣтѣ оучинили" (Г. К. 23). „Идетъ до насъ Х҃ не длѧ того жебы грѣшны людей одеслалъ до пекла" (Ibid. 60).

II.

Классификація малорусскаго матеріала въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка.—Черты малорусскаго нарѣчія, сходныя съ церковнославянскими.—Звуки гласные и согласные.—Формы имени существительнаго.—Глагольныя формы.

„Людемъ потрѣкна єстъ мова“, сказано въ панегирикѣ Петру Могилѣ, ибо „что не глѹпый, зажъ не чтетъ, що не мовитъ слова?“

Отсюда—важность грамматики, которая „ѹчитъ словъ и мовы“ и даетъ возможность „что познати, где позколено по некомъ мѣстце“ человѣку, какъ „розѹмномѹ звѣрѣти“.

Очевидно, составитель этихъ стиховъ не довольствовался своею природною *мовою*, безъ которой онъ не могъ бы приступить къ изученію самой грамматики. Онъ имѣлъ въ виду *мову* книжную, принятую въ кругу людей болѣе или менѣе просвѣщенныхъ: „по мови, говоритъ онъ, знатъ рѣтора, поетѹ“...

И однако же въ его собственной *мовѣ* замѣтны слѣды народнаго просторѣчія. Видно, не легко было ему подавить въ себѣ чувство родной рѣчи, которая сопровождаетъ, какъ извѣстно, всякое движеніе мысли, сообщая ей своеобразныя краски. Не легко было и другимъ малорусскимъ писателямъ отрѣшиться отъ впечатлѣній народнаго быта, народныхъ понятій, которыя переплетаются съ народною рѣчью въ одно неразрывное цѣлое. Это, можно сказать, стихійное вліяніе народной рѣчи поддерживалось и укрѣплялось необходимостью обращаться съ живымъ словомъ къ людямъ разныхъ общественныхъ положеній, разныхъ степеней образованія, начиная отъ представителей власти духовной и свѣтской до простой *челяди*. Издавая въ свѣтъ „Сѣкрамѣнтѣ коротко наѹки ѿ артикѹлахъ вѣры“, сотрудники Петра Могилы довольно обстоятельно указали кругъ читателей, для которыхъ

предназначалась эта книга. „Пѹблікѹєтсѧ“ она, сказано въ *предмовѣ* къ ней, „длѧ сынôвъ цѣркви православнѣка, долѣчнѣкоі вхôдніи, ѿ чтôтъ цѣль и конѣцъ, їкы не тылко самыі Ієреі ѿ пастафѣѧхъ своіхъ... наѹкѹ... подавали на кождый день“, но чтобы „и свѣцкіі православныі оумѣючіи читати, не ѹмѣючимъ ѿ простѣйшимъ с покшôсти спôсобомъ наѹкѹ приподавчіи заправовали, а найказѣі родичѣ дѣтѣі своіхъ, паніве чѧлядь, приложоныі совѣ полѣглыхъ, ѡсвѣдомленнымъ ѣдинакъ спôсобомъ, їкы по школахъ всѣ дидаскалове їкѡ найпилнѣі своіхъ оучникъ заправовали“...

Такимъ образомъ народныя стихіи рѣчи вторгались и въ богословскія сочиненія не только полемическаго, но и догматическаго содержанія. Даже въ богослужебныхъ книгахъ, напримѣръ, въ Тріодяхъ, особенно постныхъ, мы встрѣчаемъ малорусскую рѣчь—именно въ *синаксаряхъ*, въ которыхъ обыкновенно разсказывается исторія праздника или святаго въ поучительномъ тонѣ. На смѣну „Учительныхъ евангелій“, преобладавшихъ въ первой половинѣ XVII вѣка, появились въ печати громадные сборники проповѣдей, написанныхъ тою же книжною малорусскою рѣчью, во второй половинѣ XVII в. Мы разумѣемъ проповѣди Іоанникія Галятовскаго и Антонія Радивиловскаго. Само собою разумѣется, что въ произведеніяхъ поэтическаго колорита — всякаго рода *виршахъ* и апокрифическихъ сказаніяхъ—народная рѣчь должна была выступить съ особенною настойчивостью. То же нужно сказать и о малорусскихъ лѣтописяхъ, какъ первой, такъ и второй половины XVII вѣка.

Трудно разобраться въ громадной массѣ изданныхъ и неизданныхъ произведеній, представляющихъ матеріалъ для изученія книжной малорусской рѣчи XVII вѣка. Въ основѣ ея лежала та же славянорусская рѣчь, черты которой указаны нами были выше. Что касается до малорусскихъ особенностей ея, то у разныхъ писателей онѣ распредѣлены неравномѣрно. Большею частію ученость писателя обратно пропорціональна народности его рѣчи. Многое зависѣло также отъ предмета рѣчи: чѣмъ дальше онъ стоялъ отъ жизни, тѣмъ меньше считалось возможнымъ говорить объ немъ обыкновенною рѣчью. На этихъ отно-

шеніяхъ предмета къ ученой эрудиціи писателя основаны разныя колебанія въ сторону книжнаго или народнаго строя рѣчи. Отсюда стилистическое разнообразіе книжной малорусской рѣчи, поддерживаемое также индивидуальностію писателя, тѣмъ или другимъ складомъ ума, тѣми или другими душевными навыками и вкусами его. Иногда ученый писатель обладалъ природною живостію мысли, поэтому о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ онъ говорилъ живою рѣчью. Таковъ, напримѣръ, былъ Іоанникій Галятовскій, составитель схоластической риторики, извѣстной подъ заглавіемъ: „Наука алко способъ ѿ зложенна казанна“. *Наука* эта не помѣшала ему сообщить книжнымъ, условнымъ формамъ выраженія рѣзкій колоритъ народной рѣчи.

Представляя опытъ научнаго анализа книжной малорусской рѣчи въ цѣломъ ея составѣ, а не въ отдѣльныхъ произведеніяхъ тѣхъ или другихъ малорусскихъ писателей, мы будемъ искать опорной точки въ тѣхъ условіяхъ обработки ея, которыя стояли независимо отъ личнаго авторства и даже подчиняли своему вліянію его своеобразные пріемы и средства выраженія. Эти условія заключались въ самыхъ свойствахъ малорусскаго нарѣчія. Мы разумѣемъ прежде всего *черты сходства его съ нарѣчіемъ церковнославянскимъ*, располагавшія малорусскихъ писателей къ употребленію тѣхъ или другихъ славянскихъ звуковъ и формъ, которыя болѣе или менѣе свойственны были и древнерусскимъ нарѣчіямъ. Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ и формъ и донынѣ еще спорадически живутъ въ разныхъ говорахъ великорусскаго и малорусскаго нарѣчій, но въ этомъ послѣднемъ большинство изъ нихъ занимаетъ выдающееся положеніе, какъ типическая принадлежность *всего* малорусскаго нарѣчія, въ которомъ, вообще говоря, церковнославянская старина менѣе забыта, чѣмъ въ нарѣчіи великорусскомъ.—Нужно отмѣтить затѣмъ въ книжной малорусской рѣчи такъ называемые *общерусскіе* элементы ея, *чуждые церковнославянскому нарѣчію*. Одни изъ нихъ составляютъ общую принадлежность *всѣхъ* великорусскихъ и малорусскихъ говоровъ, другіе же можно назвать общерусскими въ томъ смыслѣ, что они встрѣчаются въ отдѣльныхъ говорахъ, какъ ве-

ликорусскаго, такъ и малорусскаго нарѣчій. Встрѣчаются нѣкоторые изъ нихъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, которыя самостоятельнымъ путемъ пришли къ тѣмъ же результатамъ, но мы въ данномъ случаѣ отправляемся отъ мысли, что въ великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ есть такія особенности, которыя удобнѣе всего объясняются отношеніями *ближайшаго* родства между ними, располагающаго думать, что оба они возникли изъ *одного ближайшаго* источника. Поэтому мы не желаемъ безъ нужды расширять кругъ аналогій, не справляясь съ основными свойствами матеріала, къ которому онѣ прилагаются.—Наконецъ, послѣ выдѣленія общерусскихъ звуковъ и формъ, въ остаткѣ получатся *собственно малорусскіе звуки и формы*. Они тоже восходятъ къ преданіямъ древнерусской письменности, но въ то же время они чужды, какъ церковнославянскому, такъ и великорусскому нарѣчію.

Весь этотъ матеріалъ рѣчи представляетъ устойчивую, твердую почву, отъ которой не могли отрѣшиться малорусскіе писатели,—не можемъ отрѣшиться и мы въ изслѣдованіи созданной ими книжной малорусской рѣчи. Мы остановимся, главнымъ образомъ, на звуковой сторонѣ ея, а также на формахъ имени существительнаго и глагола, оставляя въ сторонѣ мѣстоименныя и сложныя именныя формы, представляющія большею частію видоизмѣненіе простыхъ именныхъ формъ. Не войдутъ въ нашъ обзоръ также звуки и формы, которыя сохранились во *всѣхъ* русскихъ нарѣчіяхъ, какъ общее наслѣдство отъ праславянской эпохи. Вообще же—для устраненія всякихъ недоумѣній, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы имѣемъ въ виду не столько грамматику книжной малорусской рѣчи, сколько ея стилистическія особенности, состоявшія въ большей или меньшей зависимости отъ грамматическаго матеріала ея. Не всѣ звуки и формы, какъ общерусскія, такъ и малорусскія, вошли въ составъ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, поэтому не всѣ они встрѣчаются и въ нашемъ изслѣдованіи. Мы рѣшились сдѣлать исключеніе только для тѣхъ звуковъ и формъ, преимущественно малорусскихъ, отсутствіе которыхъ въ книжной малорусской рѣчи немаловажно для характеристики ея.

Гласный звукъ е безъ іотнаго призвука.

Одна изъ звуковыхъ особенностей современнаго намъ малорусскаго нарѣчія, сближающая его съ нарѣчіями южнославянскими—болгарскимъ, сербскимъ и словинскимъ, есть широкое *е* безъ іотнаго призвука и, слѣдовательно, безъ смягченія предшествующаго согласнаго. Оно звучитъ твердо: а) въ полногласныхъ формахъ, а равно при сочетаніи согласныхъ съ слогами *ер*, *ре*: *бéрег*, *простéртый*, *хрéст*; б) въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляется между согласными, какъ бѣглый звукъ, для облегченія выговора: *вітер*, *сестéр*; в) вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда звукъ *е* соотвѣтствуетъ церковнославянскому *ь*: *дéнь*. Церковнославянское *ѥ* послѣ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи сохранилось только въ сред. р. именъ прилагательныхъ, въ имен. и вин. един. ч: *сїньейе*, *третьейе*, а въ сѣверно-малорусскомъ и галицкомъ говорахъ—при удвоенныхъ согласныхъ: *весїлье*, *насїнье*. Въ украинскомъ говорѣ въ этихъ формахъ слышится *я* вмѣсто *ѥ*. Слѣды этого превращенія *ѥ* въ *я* можно видѣть уже въ XIII в: *умножьнья*, *куръ глашьнья* (Типогр. еван. № 6, XIII в.)[1]). Конечно, въ древнѣйшемъ состояніи малорусскаго нарѣчія мягкое е (=*ѥ*) было звукомъ болѣе распространеннымъ, чѣмъ въ послѣдствіи:[2]) по крайней мѣрѣ, въ древнерусскихъ памятникахъ не только сѣверныхъ, но и южныхъ, мы встрѣчаемъ *ѥ* тамъ, гдѣ по церковнославянской грамматикѣ можно бы было ожидать *е*: *клевета*, *оумножите*, (Сбор. 1073 г.), *о сѥмъ* (Ж. Ѳ. XII в.), и даже въ сравнительно позднихъ южнорусскихъ памятникахъ изрѣдка стоитъ *ѥ* вмѣсто *е*: *тебѥ*, *всѥю* (Луц. еван. XIV в.)[3]). Въ замѣнъ этого *ѥ* постепенно развивалось въ малорусскомъ нарѣчіи широкое *е*, которое въ церковнославянскомъ нарѣчіи, безъ сомнѣнія, произносилось иначе, чѣмъ *ѥ*. Теперь въ малорусскомъ нарѣчіи это широкое *е* употребляется преимущественно въ открытыхъ слогахъ—въ тѣхъ сочетаніяхъ съ согласными

---

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 84.

[2]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 115.

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 81, 82.

звуками, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи было простое, не іотированное *е*: *менѐ*, *тебѐ*, *себѐ* (род. ед.), *нѐ*, *нѐбо*, *ведѐть* и проч. Вотъ это старое *е*, тождественное съ церковнославянскимъ неіотированнымъ *е*, напоминало малорусскимъ писателямъ церковнославянское нарѣчіе, поэтому іотированное *е* (*ѥ*), какъ замѣчаетъ Мелетій Смотрицкій, „ꙗ҆ꙁꙑчѣ҆ннѣ҆ннꙗ҆ ꙗ҆ꙁꙑ҆ки҆ ꙗ҆ꙁꙑ҆ка҆ꙗ҆“. Въ правописаніи малорусскомъ рядомъ съ обыкновеннымъ є установилось долгоязычное ѥ [1]). Мелетій Смотрицкій предлагаетъ употреблять эту букву въ иностранныхъ словахъ, напр., въ словѣ „ѥ҆ммꙋ҆нꙋилъ“, а также въ падежахъ множ. ч. для отличія ихъ отъ падежей един. ч: „тѐй клеѥ́тъ, тѣ́хъ клеѥ́тъ“. Въ позднѣйшей малорусской печати эта буква выражала іотированное *е* въ началѣ словъ: ѥ҆гѡ̀, ѥ҆́же, ѥ҆́сть и проч.

Губные и гортанные согласные.

Непереходная мягкость согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи менѣе развита, чѣмъ въ великорусскомъ. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе представляетъ большее сходство съ южнославянскими, чѣмъ съ сѣверными славянскими нарѣчіями, изъ которыхъ въ лужицкомъ, польскомъ и великорусскомъ *всякій* согласный звукъ можетъ быть произнесенъ твердо и мягко. Это та особенность согласныхъ звуковъ, которую Срезневскій называетъ „строгимъ отличеніемъ слоговъ твердыхъ и мягкихъ“, и которую онъ считаетъ нормальной чертой „чистаго славянскаго языка“. Образцами наиболѣе „чистаго славянскаго языка“ онъ признаетъ языкъ Остромірова евангелія, Туровскаго евангелія, Чудовской псалтири, Сборника 1073 г., Сборника XIII словъ Григорія Назіанзина, Евгеніевской псалтири [2]). Между тѣмъ, во всѣхъ этихъ памятникахъ XI вѣка есть уже болѣе или менѣе рѣзкіе слѣды смѣшенія твердыхъ слоговъ съ мяг-

---

[1]) ѥ встрѣчается уже въ Служебникѣ XII в. (Московс. синод. библіот. Горс. и Новостр. кн. 5, стр. 4). Впрочемъ, стали употреблять ѥ, говоритъ Срезневскій, только въ концѣ XIV в. (Славянорус. палеографія, см. Ж. М. Н. Пр. 1867 г., Январь).

[2]) Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, 169—184.

ками—съ преобладаніемъ первыхъ надъ послѣдними. Такъ, въ Остроміровомъ евангеліи часто стоитъ *ъ* вмѣсто *ь* послѣ шипящихъ,—буквы *а*, *о*, *ѫ* вмѣсто *я*, *ю*, *ѧ*, послѣ *з* и *р*: **кънѧза**, **нѣкнѧзоу**, **алтаꙗ** и проч. Срезневскій объясняетъ это смѣшеніе діалектическимъ наслоеніемъ разныхъ нарѣчій южнославянскихъ. Такъ или иначе, не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что въ древнѣйшей редакціи XI вѣка церковнославянскій языкъ представлялъ уже систему согласныхъ, значительно наклоненную къ твердому произношенію ихъ. Что касается до нарѣчій древнерусскихъ, то въ нихъ послѣ паденія *ъ* и *ь* появилась, какъ секундарная твердость, такъ и секундарная мягкость согласныхъ въ слѣдствіе новой группировки ихъ. На страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, сѣверныхъ и южныхъ, встрѣчаются явленія того и другаго рода, но воспользоваться ими для характеристики тѣхъ или другихъ древнерусскихъ говоровъ пока нѣтъ никакой возможности. То же нужно сказать и о превращеніи твердыхъ согласныхъ въ мягкіе, и наоборотъ, стоящемъ независимо отъ паденія глухихъ гласныхъ. Относительно южнорусскихъ говоровъ можно замѣтить только, что въ нихъ отвердѣніе согласныхъ развивалось по мѣрѣ развитія широкаго *е* и смѣшенія основнаго *и* съ основнымъ *ы*. Въ современныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія наибольшую твердость сохранили губные и гортанные согласные [1]). Правда, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ превращеній въ области гласныхъ звуковъ, губные согласные начали произноситься мягко въ малорусскомъ нарѣчіи предъ *і* изъ *ѣ*, *о*, *е*, а гортанные—предъ *і* изъ *о* и основнымъ *и*, въ нѣкоторыхъ же галицкихъ говорахъ и предъ другими іотированными гласными [2]). Тѣмъ не менѣе твердость губныхъ и гортанныхъ согласныхъ составляетъ господствующую черту малорусскаго нарѣчія, не чуждую и разнымъ говорамъ великорусскимъ, особенно бѣлорусскому, въ которомъ она, однако же, проведена съ меньшею послѣдовательностію, чѣмъ въ малорусскомъ

---

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 228—233, 248—253.

[2]) Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. E. Ogonowski, 78, 79, 80.

нарѣчіи [1]). Отмѣтили эту черту и малорусскіе писатели XVII вѣка. Такъ, мы постоянно встрѣчаемъ у нихъ: цр҃ковъ (Рад. Ог. 156), любовъ (Г. М. 202), *кровъ* (Лям. Бѣлоз.) и т. п. Нерѣдко послѣ губныхъ стоитъ ѧ: любѧтъ (Рад. Ог. 392), мовѧтъ (Ib. 301), пѧнство (Ib. 42), мѧсо (Ib. 29), но какъ произносились въ этомъ случаѣ губные, видно изъ начертаній: здоровє (Рад. Ог. 29), безпрає (Ib.), кю (Ib. 1016). кютъ (Ib. 1123). Только предъ *ѣ*=*і* губные произносились, какъ и теперь произносятся, мягко. Конечно, это правописаніе во многомъ отступаетъ отъ древнѣйшихъ образцевъ церковнославянской рѣчи, но и въ ней, какъ извѣстно, губные согласные мало способны были къ мягкому произношенію. Точно такъ же и гортанные согласные не соединяются въ малорусскомъ нарѣчіи съ іотированными и вообще съ мягкими гласными, поэтому они и донынѣ сохраняютъ старинную свою *переходную* мягкость: во флексіяхъ именъ существительныхъ, именно передъ *е*, они переходятъ въ шипящіе: *небóже*, *козáче*, *птáше*, а передъ *і*—въ свистящіе: *небозі*, *на річці*, *у стрісі*. Такъ было и въ церковнославянскомъ языкѣ, о чемъ обстоятельно говоритъ въ грамматикѣ своей Мелетій Смотрицкій. Такимъ образомъ, подчиняясь своему природному выговору, малорусскіе писатели поддерживали въ книжномъ употребленіи эту старину церковнославянскую: дꙋже (Г. К. 24), въ дорозѣ (Ib. 213), въ книзѣ (Г. М.), въ ꙋцѣ (Ib.), въ навꙋцѣ (Г. К. 219). въ флѧшцѣ (Ib. 210), монастѣ (Ib. 240).

Звучные согласные.

Есть еще одна черта малорусскаго консонантизма, созвучная съ церковнославянскимъ: это именно сохраненіе звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ частяхъ слова, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи они стояли предъ гласными звуками вообще и глухими гласными въ частности. Особенно рѣзко бросается въ глаза сохраненіе звучныхъ въ концѣ словъ: *скарб*, *рів*, *тори*, *город*, *ниж*, *віз* и проч. Но и въ срединѣ словъ звучные согласные выдер-

[1]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 67, 69—70.

живаются не только тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи они встрѣчались съ гласными звуками, но даже тамъ, гдѣ этихъ послѣднихъ никогда не было: *гребтѝ, стеретѝ, везтѝ*. Собственно говоря, ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи эта количественная слабость согласныхъ не проведена съ такою послѣдовательностію, какъ въ малорусскомъ. Что касается великорусскаго нарѣчія, то въ этомъ отношеніи оно представляетъ сплошную картину количественной силы согласныхъ, ибо въ немъ ассимилируются звучные въ отзвучные, какъ въ срединѣ словъ предъ отзвучными, такъ и въ концѣ словъ. Не повторяя того, что сказано нами было въ изслѣдованіи о количественной природѣ малорусскихъ согласныхъ [1]), считаемъ не излишнимъ указать на звучное произношеніе ихъ въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ на такую особенность, которая располагала малорусскихъ писателей къ сохраненію на письмѣ звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ они стояли и въ церковнославянскомъ нарѣчіи подъ защитой гласныхъ звуковъ, и особенно глухихъ гласныхъ *ъ* и *ь*. Въ такихъ, напримѣръ, начертаніяхъ, какъ чꙗдцѧтѝ (Рад. Ог. 385), найдорожнихъ (Ib. 11), звуки *д* и *ж* не только писались, но и произносились. Слѣдуетъ ли отсюда, что эти гласные въ малорусскомъ нарѣчіи жили долѣе, чѣмъ въ великорусскомъ [2]), объ этомъ можно спорить, но остается безспорнымъ тотъ фактъ, что потеря ихъ не отразилась въ малорусскомъ нарѣчіи на перестроѣ звучныхъ согласныхъ въ пользу отзвучныхъ, поэтому и теперь для малороссіянина не представляетъ никакого затрудненія выдержать въ правописаніи звучные согласные звуки, соотвѣтствующіе церковнославянскимъ.

Чередованіе согласныхъ звуковъ съ гласными.

Въ связи съ звучной природой малорусскихъ согласныхъ стоитъ болѣе или менѣе равномѣрное чередованіе ихъ съ гласными звуками. Уже сами по себѣ звучные согласные заключаютъ въ себѣ нѣкоторый оттѣнокъ гласности. А такъ какъ въ окончаніяхъ малорусскихъ

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 151—219.

[2]) Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. E. Ogonowski, 48.

словъ главнымъ образомъ сосредоточены гласно-звучные элементы, то понятно, почему звучные согласные скопляются большею частію въ началѣ словъ. Поэтому въ началѣ и въ концѣ малорусскихъ словъ чрезвычайная рѣдкость встрѣтить трехчленныя и особенно четырехчленныя согласныя группы, нерѣдко встрѣчаемыя въ нарѣчіяхъ западно-славянскихъ. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе принадлежитъ къ типу южнославянскихъ, не уступая имъ въ легкости согласныхъ группъ, растворенныхъ обиліемъ гласнаго элемента. Мы имѣли случай указать техническія условія этого звуковаго строя малорусской рѣчи [1]). Это именно: 1) приставка и вставка гласныхъ звуковъ для облегченія выговора согласныхъ сочетаній: *и-ржа̀*, *И-лвовъ* [2]), *и-шовъ*, и-шла̀ (Перес. еван. 26), *о-селѐдець*, *ис о-вторка* (Хм. л.), *у-весь*, ѹ̀ къ ѻ̀гонь (Сбор. ц. ар. м.), *у въ олтари* (Кіев. л. 84), *у вошли* (Меж. л. 98), *у въ иншихъ мѣстахъ* (Пал. З. К. 1006), *лев-лева*, а не *льва*, *лобъ-лоба*, а не *лба*; 2) приставка согласныхъ къ началу слова для устраненія зіянія: *в-огонь*, *в-овця* (Гал. ев. XIII в.) [3]), *в-олтарь* (Полик. ев. XIV) [4]), *в-окно* (Грам. XV в.) [5]), *г-оріх*, *ј-ангол*; 3) отбрасываніе начальныхъ гласныхъ и вокализація согласныхъ для той же цѣли: *юлка*, *му* вмѣсто *ему* [6]), *мамъ* (Полик. ев. XIV в.) [7]), ѩ̀вкѣдь (Г. К. 31), *уся*, *уси* вмѣсто *вся*, *всі* (Грам. XV в.) [8]), *оу* вмѣсто *въ*, *унукъ* вмѣсто *внукъ* (Гр. 1350) [9]). Тѣ же явленія повторяются и въ срединѣ словъ [10]). Конечно, въ церковнославянскомъ нарѣчіи они не имѣли того вида, какой имѣютъ теперь въ малорусскомъ нарѣчіи, но важно то, что, развиваясь постепенно на древнерусской почвѣ, они наклоняли малорусскій

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 151—219.

[2]) АЗР. I. 30.

[3]) Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 105.

[4]) Ibidem.

[5]) АЗР. I. 43.

[6]) АЮЗР. II. 102.

[7]) Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 99.

[8]) Древніе памятники рус. письма и яз. Срезневскаго, 687.

[9]) Гол. гр. № 2.

[10]) Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 57. 63. 90. 93

консонантизмъ къ равновѣсію его съ вокализмомъ, что, какъ извѣстно, составляетъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи особенно рѣзкую, выдающуюся его особенность.

Не мало сохранилось въ малорусскомъ нарѣчіи церковнославянскихъ архаизмовъ и въ склоненіи именъ существительныхъ.

Именительный падежъ множ. ч.

Смѣшеніе темы *а* съ темой *у* въ именит. множ. явилось уже въ церковнославянскомъ нарѣчіи, встрѣчается нерѣдко въ древнерусскихъ памятникахъ, сохранилось и донынѣ преимущественно въ галицкихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія: *птахове* (Чуб. V, 223), *ляхове* (Пис. Б. X.) „а мои *сватове*—у воді *ракове*“ (Гол. I. 74), „що то в полі за *димове* (Ib. 37),—даже въ женск. р. *громадове* (Ib. II. 33), поэтому и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: пмиоке, мена́хоке (Г. К. 62), *жидове*, *туркове и вси еретикове* (Пал. З. К. 320). Есть въ ней и другія не менѣе древнія окончанія имен. множ. муж. р: *козаци* и *козацы* (Льв. II.), *мниси* (ib.). И теперь еще не вполнѣ исчезли эти формы изъ народной рѣчи: *вовці*, *птасі*, *слузі* [1]). Вовсе нѣтъ въ малорусскомъ нарѣчіи позднѣйшихъ великорусскихъ окончаній *а*, *я* для именъ существительныхъ муж. р. [2]).

Родительный падежъ множ. ч.

Архаическія формы во множ. ч: *сім год*, *сім рік* послѣ именъ числительныхъ свойственны, какъ великорусскому нарѣчію, такъ и малорусскому. Впрочемъ, малорусскіе писатели, по видимому, избѣгали этихъ формъ. Въ галицкихъ пѣсняхъ живетъ еще старинная форма: *людій* (Гол. I. 293), которая не встрѣчается не только въ великорусскомъ, но и въ остальныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Отсюда аналогическія формы въ именахъ темы *а* мягкаго склоненія: *плечій* (Гол. III. 100), *коній* (ib. 226).

---

[1]) Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 125.

[2]) Эти окончанія появляются въ великорусскихъ грамотахъ только въ XV в. (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 140).

Слѣды этой формы есть и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „*людій погубили*“ (Хм. л.), ꙗ҃зїи вмѣсто *разъ* или *разовъ* (Рад. Ог. 396).

Дательный падежъ единст. и множест. ч.

Въ церковнославянскомъ нарѣчіи окончаніе *ови* въ единс. ч. употребляется не только въ именахъ темы *а*, но и въ именахъ темы *і* мужес. р: господеви (Остр. еван.). Въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ это была форма очень распространенная, но настойчивѣе выдерживается она въ памятникахъ южнорусскихъ и западнорусскихъ. Въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка она составляетъ такое же обычное явленіе, какъ въ церковнославянскомъ и въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи: *кумові*, *коневі* (въ галиц. *кумови*, *коневи*), при чемъ это окончаніе безразлично употребляется въ именахъ предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ.

Считаемъ нужнымъ отмѣтить также исконное согласіе малорусскаго нарѣчія съ церковнославянскимъ въ мягкомъ склоненіи именъ женс. р. *земли*, *души*,—утраченное въ великорусскомъ нарѣчіи. [1])

Архаическія формы дат. множ. слышны еще въ галицкихъ говорахъ, какъ въ темѣ *а*, такъ и въ темѣ *і*: въ послѣднемъ случаѣ иногда безъ всякаго отличія отъ церковнославянскихъ: *костем*, *людем*, но часто съ малорусскимъ видоизмѣненіемъ *е* въ *і*, а въ именахъ темы *а*—звука *о* въ *і*. Не исчезла эта старинная форма, нѣкогда жившая во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ [2]). Въ книжной малорусской рѣчи часто возстановлялись церковнославянскія окончанія *омъ*, *емъ*, какъ такія формы, которыя не были еще утрачены въ чувствѣ языка, хотя въ народномъ употребленіи и были уже окрашены малорусской фонетикой: *паномъ*, *татаромъ* (Хм. л.), *ляхомъ* (Пис. Б. Х)., ꙗ҃дичомъ (Г. К. 172), *непріятелемъ* (Льв. П.), лѣ҃демъ (Г. М. 84) и т. п.

---

[1]) Объ этомъ см. ниже.

[2]) Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, Колосова, 219.

Винительный падежъ множ. ч.

Во множ. ч. и теперь еще замѣтно въ народныхъ пѣсняхъ стремленіе сохранить старинный винит. падежъ, не замѣняя его въ именахъ предметовъ одушевленныхъ падежемъ родительнымъ: „ви, високі береги, не стискайте ми *сини*, а ти, тихий Дунай, мої *сини* не займай“ (Гол. III. 23); „присилайте *свати* въ хати“ (ib. 162). Точно такъ же и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „побили и пана, и паню, и *дѣти*“ (Льв. II.); „Мессїѧ правдивый мѣлѧ ѿкинꙋти старозаконныи ѳеѳры — колы, козлы, бараны, ѿцы, голубы, гоумцы, коурокѣ“ (Г. М. 224); „*невѣсты* исотили“ (Хмѣл. л.); „на *козаки* пошли ляхи“, но въ той же фразѣ: „побили *козаковъ*“ (ibid).

Звательный падежъ.

Въ старину формы звательнаго падежа свойственны были всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, хотя уже въ XI в. въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ встрѣчается замѣна звательнаго падежа именительнымъ. Такъ, въ новгородскихъ Минеяхъ XI в. рядомъ съ „*михаиле архистратиже*“ есть „*михаилъ архистратигъ*“. [1]) Теперь зват. падежъ сохранился во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія со всѣми церковнославянскими особенностями его: въ именахъ темы *а* съ окончаніями *о*, *е*: *жінко*, *земле*, *куме*, въ именахъ темы *у*—съ окончаніемъ *у*: *сину*,—при чемъ въ малорусскомъ нарѣчіи дальше проведено церковнославянское смѣшеніе темы *а* съ темой *у*: *царю*, *коню*, *батьку*, *дядьку* и проч. Сохранилось и церковнославянское смягченіе гортанныхъ въ этомъ падежѣ въ шипящіе предъ гласнымъ *е*: *друже*, *чоловіче*. Въ галицкихъ пѣсняхъ удержались даже такія формы этого падежа, какъ *отче*, *жено*: „ой, *отче* мій, преч від мене, не роскравай серце мое“ (Гол. I. 141); „ой рік же я до жени: ходимъ, *жено*, до куми“ (Ibid. 216). Само собою разумѣется, что въ употребленіи этого падежа

[1]) Изв. Ак. т. II, вып. V, 436. О незначительныхъ остаткахъ этого падежа въ сѣверно-великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ см. Обзоръ звук. и форм. особенностей народнаго рус. языка, Колосова, 214.

старинные малорусскіе писатели не чувствовали никакого различія между своимъ роднымъ нарѣчіемъ и церковнославянскимъ, поэтому зват. падежъ всегда составлялъ коренную принадлежность книжной малорусской рѣчи: ма́тко (Г. Чуд. 136), ма́мо (Рад. Ог. 783), пріѧ́телько (Г. К. 149), надѣ́е мо́ѧ (Стр.), дꙋше̑ (Г. Чуд. 134), дꙋ́же (Г. К. 24), ста́рче (Г. Чуд. 134), сы́нꙋ (Ib. 107), та́тꙋ, мꙋчи́телю (Ib. 185). Встрѣчается, хотя и рѣдко, зват. падежъ и въ темахъ *i*: „о ле́ксти земна́ѧ“ (Стр.).

Во множес. ч., какъ и въ церковнославянскомъ нарѣчіи, зват. падежъ замѣняется именительнымъ, и притомъ иногда въ старинной формѣ темы *у*: коро́жки́токе (Г. К. 168), па́ноке, ска́токе (К. Х.).

Творительный падежъ един. и множ. ч.

Въ творит. единс. женс. р. въ малорусскомъ нарѣчіи, согласно съ церковнославянскимъ, окончанія *ою*, *ею*, никогда не переходятъ, какъ въ великорусскомъ, въ *ой*, *ей*. То же и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: ꙋко́ю, земле́ю, даже копе́ю (Г. К. 71).

Во множ. ч. въ нѣкоторыхъ разнорѣчіяхъ галицкаго малорусскаго говора сохранились архаическія окончанія этого падежа, какъ въ именахъ темы *а*: *берегы*, *волы*, *плуны*, *цвіты*, даже съ переносомъ окончанія мужес. р. на женс. р: *слёзы*,—такъ и въ именахъ темы *i*: *кістьмй*[1]), при чемъ вліяніе этихъ послѣднихъ на первыя замѣтно не только въ галицкомъ, но и въ украинскомъ малорусскомъ говорѣ: *кіньми*, *грішми*. Тѣ же старинныя формы и то же смѣшеніе темы *а* съ темой *i* въ этихъ формахъ замѣчается и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, хотя нѣкоторыя разнорѣчія этого говора вовсе не знаютъ творит. падежа множ. ч., замѣняя его дательнымъ[2]). Малорусскіе писатели XVII в. не различали въ этомъ падежѣ темы *а* отъ темы *i*, приписывая смѣшеніе этихъ темъ церковнославянскому нарѣчію, въ которомъ, по мнѣнію М. Смотрицкаго, возможны были двоякія окончанія въ творит. множ: па́стыри, ѥпѣ́диты́ли, кра́чи, зна́мени и па́стырми, ѥпѣ́ди-

[1]) Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 127.

[2]) Обзоръ звук. и форм. особенностей народнаго русскаго языка, Колосова, 223.

тѣми, крачмѣ, знамними. Съ другой стороны, эти послѣднія окончанія они охотно употребляли въ такихъ выраженіяхъ, которыя носятъ всѣ признаки народной конструкціи рѣчи: „передъ зелеными *святы*“ (Льв. II.); „вѣчными *часы* у згодѣ жити“ (Ibid.).

Предложный падежъ един. и множ. ч.

Мягкое склоненіе именъ темы *а* въ един. ч. удерживаетъ церковнославянское окончаніе *и*: *на конѣ, на полѣ, на землѣ*. Въ великорусскомъ нарѣчіи старинное *и* замѣнено мягкимъ *е* (*ѣ*). Весьма можетъ быть, что *і* въ данномъ случаѣ сохранилось въ малорусскомъ нарѣчіи, благодаря раннему превращенію въ соотвѣтствующихъ окончаніяхъ твердаго склоненія *ѣ* въ *і*, но отрицать непосредственную связь этого *і* съ тѣмъ *и*, которое мы видимъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи, нѣтъ никакого основанія. Если это *і* образовалось изъ *ѣ* твердаго склоненія, какъ думаетъ г. Потебня[1]), то что за звукъ былъ въ этомъ падежѣ до появленія въ немъ *і*=*ѣ*, какъ не гласный, еще болѣе іотный (изъ *jai*), чѣмъ *ѣ* (изъ *ai*)? А если это былъ такой же іотный звукъ, то онъ не вновь явился здѣсь, а только получилъ поддержку въ однородномъ звукѣ изъ твердыхъ окончаній. То же *и* постоянно выдерживается и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *при коньцѝ* (Г. К. 155), *къ мо́ри* (Ib. 52), *въ Полщи* (Хм. л.) и т. п.

Во множ. ч. сохранились въ галицкихъ разнорѣчіяхъ старинныя окончанія *ех* и даже *ох*: *сынех, монастырех, грісех, столовех, торнох*[2]), *громох*[3]). Окончаніе *ех* появилось въ темѣ *а* изъ темы *і*, а *ох*, по нашему мнѣнію, есть остатокъ стариннаго смѣшенія темы *а* съ темой *у*. Уже въ Остроміровомъ евангеліи есть слѣды этого смѣшенія, напр: **къ домѣхъ**. Въ Добриловомъ еван. XII в. встрѣчаемъ то же самое слово съ замѣной *ъ* посредствомъ *о*: *домохъ*[4]). Такія же формы не рѣдки и въ другихъ древнерусскихъ, а также и южнорусскихъ памятникахъ: *оу торнохъ*, (Ib. 513), *о полякохъ* (Гр. 1543 г.)[5]), **столцо́хъ** (Перес.

[1]) Отчетъ о 20 присужденіи наградъ гр. Уварова, 782.

[2]) Studien... Ogonowski, 127, 128.

[3]) Отчетъ о занятіяхъ славян. нар. (1876 г.) Кочубинскаго, 48.

[4]) Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 115.

[5]) РАЗЮ. I. 99.

еван. 72). Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго нѣтъ окончанія *ахъ*, но окончаніе *ехъ* Смотрицкій приписываетъ церковнославянскому языку не только въ именахъ темы *і*, но и въ именахъ темы *а*, какъ въ мягкомъ склоненіи именъ мужес. и сред. р., напр: пѧтыѩхъ, кѩчѣхъ, сѩдцѣхъ, такъ и въ твердомъ: конѣхъ, дѣвѣхъ. Вся разница, по его мнѣнію, твердаго склоненія отъ мягкаго заключается въ томъ, что въ первомъ возможно рядомъ съ *ехъ* окончаніе *ихъ*. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, М. Смотрицкій, очевидно, смѣшиваетъ старое съ новымъ: церковнославянское окончаніе *ехъ* темы *і*, перенесенное въ малорусскомъ нарѣчіи на имена темы *а*, онъ распространяетъ и въ церковнославянскомъ нарѣчіи на тѣ же имена. Въ другихъ малорусскихъ произведеніяхъ XVII в. есть, какъ *ехъ*, такъ и *ахъ*: *въ послехъ* (Хм. л.), на конѣхъ (Г. К. 36), *въ пѣснехъ* (Сл. о безд.), ѿ звѣздохъ (Г. Наука). Смѣшиваясь съ *ех*, окончаніе *ах* могло переходить въ малорусскомъ нарѣчіи чрезъ *jox* въ *jix*.

Двойственное число.

Остатки разныхъ падежей двойств. ч. уцѣлѣли до настоящаго времени въ малорусскомъ нарѣчіи: „вина *дві склянці*“ (Гол. I. 186), „назадъ *руці* звязали“ (ib. I. 139), „дві *яблучці* дала“ (ib. I. 69), даже *дві слові* (ib. III. 217), *очі*, *очима*, даже *крыльма* (Гол. I. 38), *дворома* (ib. I. 18). У М. Смотрицкаго исчислены всѣ церковнославянскія формы двойст. числа, но, конечно, въ XVII вѣкѣ онѣ не могли уже существовать во всей полнотѣ ни въ народномъ употребленіи, ни въ книжной малорусской рѣчи. Въ этой послѣдней часто встрѣчаемъ: *очи*, *очима* (Сл. о безд.), двѣ наѹцѣ (Г. М. 86), а черезъ строку: двѣ наѹки (ib.), двѣ пречистѣ (Рад. Ог. 45). Творит. двойст. большею частію попадается въ именахъ числительныхъ: шестма (Г. К. 62), ѿсмма (ib. 72), двѧнадцѧтма (Г. М. 239).

Въ согласныхъ темахъ малорусское нарѣчіе представляетъ одну особенность, стоящую въ связи съ церковнославянскими формами. Мы разумѣемъ имена существительныя съ тематическимъ *т*, которыя въ малорус. означаютъ не только молодыхъ

животныхъ, но и предметы неодушевленные въ значеніи именъ уменьшительныхъ, напр: *горщà, колісчà*. Суф. *т* въ этихъ именахъ удерживается въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ церковнославянскомъ, и притомъ въ обоихъ числахъ, а не въ одномъ множ. числѣ, какъ въ нарѣчіи великорусскомъ, гдѣ суф. *т* въ единс. ч. сохранился только въ словѣ *дитя*. Слова: *теля, яня, порося, утя, лошà* только въ творит. падежѣ единс. ч. теряютъ суф. *т*: *телям, яням* и проч. Есть подобныя формы и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „кꙋдꙋчи дитѧмъ малимъ“ (Г. М. 227), звѣрѧтъ (Г. Каз. 24), межи звѣрѧты (Рад. Ог. 375), въ звѣрѧтахъ (Г. М. 94.), селѧ, на селѧти (Г. К 61), звѣрѧти (Г. М. 227), пташѧтъ, пташѧтъ (Г. Каз. 49), близнѧтамъ, близнѧтахъ (Рад. Ог. 515).

Глагольныя формы.

Въ глагольныхъ формахъ малорусское нарѣчіе значительно отступило отъ церковнославянскаго. Можно указать только немногіе остатки старины.

Неопр. наклоненіе сохраняетъ еще суф. *ти* не только подъ удареніемъ, какъ въ великорусскомъ нарѣчіи. Этотъ суффиксъ изрѣдка слышится и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ, и наоборотъ, въ малорусскихъ говорахъ, сѣверномъ и украинскомъ, рядомъ съ *ти* есть и *ть*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. окончаніе *ть* чрезвычайно рѣдко,—всюду господствуетъ въ ней *ти*—окончаніе столько же народное, какъ и церковнославянское.

Такъ называемые архаическіе глаголы не потеряли еще въ малорусскомъ нарѣчіи своихъ древнихъ окончаній во 2 л. единс. и множ. чиселъ: *дасѝ, йісѝ, дастѐ, йістѐ*. Въ сѣверномъ говорѣ великорусскаго нарѣчія изрѣдка встрѣчаются архаическія формы во 2 л. единс., но не множ. числа [1]),—есть онѣ и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи [2]). Нерѣдки эти формы и въ книжной малорус-

[1]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народ. рус. яз. Колосова, 243.

[2]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 141.

ской рѣчи XVII вѣка: оꙋвѣки (Г. М. 304), вꙑдаси (Рад. Ог. 386), даси, дасте (Г. Каз. 3).

Есть даже остатки аориста въ одномъ изъ архаическихъ говоровъ малорусскаго нарѣчія (у Гуцуловъ): „ой пішла *бих* до сестриці, сестриця ми мила“ (Гол. I. 222); „ой дам же вам, ледіники, по пив-золотого, ой *абисте* ми имили фусточку шовкову“ (ib. 223). Для обозначенія прошедшаго продолженнаго въ томъ же говорѣ употребляется причастіе на *лъ* съ *jex*: *був jex*“, при чемъ въ помощь къ *jex* появляется иногда *есми*: „косив *jex есми*“, „дивив *jex* си *есми* з горы на нёго“ [1]). Это *jex* (*ес*) образовалось по аналогіи съ *бых* въ слѣдствіе смѣшенія формъ аориста съ формами наст. времени: такъ, въ Пересопницкомъ евангеліи встрѣчаемъ: ѥхмо вм. *есмо*: „видѣли ѥхмо“. Въ той же формѣ аориста часто можно встрѣтить вспомогат. глаголъ и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „мыслѣмо ѡ то҃ ꙗ҃ бꙑмо могли тѣло ѥго҃ ѥго҃е ѥ҃ кр҃ста сн҃ти“ (Стр. 46): „мы суть присланы на тое, *абыхмо* унію приняли“ (Львов. II.); „то вабъ на васъ, же *бысте* не програли за выгране“ (ibid). Рядомъ съ *быхмо*, *абыхмо* встрѣчаются формы: *быхмы* (Пал. 3. К. 321), *абыхмы* (ib. 320), при чемъ *хмы*, *хмо* нерѣдко стоятъ вмѣсто *смы*, *смо* или же рядомъ съ этими послѣдними окончаніями: „*штохмы* увѣрили“ (Пал. 3. К. 320), *повинныхмы* (ib. 319), *естехмы* (ib.), *естехмо* (ib. 1146), *заховалисмы* (ib. 320), *слышалисмо* (ib. 1000). По всему видно, что въ XVII вѣкѣ эти архаическія формы находили еще слабую поддержку въ живой рѣчи, но, вообще говоря, малорусскіе писатели употребляли формы аориста въ ихъ подлинномъ видѣ, и притомъ не отъ одного вспомогат. глагола, только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли писать по церковнославянски. Это была одна изъ тѣхъ глагольныхъ формъ, посредствомъ которой они отличали *росскую мову* отъ церковнославянской. I. Галятовскій употребляетъ аористъ, а также прошедшее продолженное время только въ текстахъ священнаго писанія. Иногда одинъ и тотъ же глаголъ онъ ставитъ въ обычной формѣ прошедшаго времени на *лъ* и въ формѣ аориста или про-

[1]) Studien . Ogonowski, 145.

шедшаго продолженнаго, напр: „дѐкрлѫ ѥ҃ дорога Верхоны҃ Ѩ҃пла Петра и Пакла, кото́рыи ходѧчѝ по скѣтꙋ пла́кали, ке́длꙋгъ ѱалмѝсты: и пла́кахꙋсѧ“ (Г. Каз. 35).

Гораздо ближе къ народной рѣчи стоитъ прошед. сложное время изъ причастія на *лъ* и вспомогательнаго глагола *есмь*, который не сливается съ причастіемъ въ одно слово, какъ и въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Въ народныхъ думахъ довольно обычно 2 л. един. ч. вспомогат. глагола: „Ой хмеле, Хмельниченьку! *учинив еси* ясу́ и між козаками великую трусу́“ (Дум.). Изрѣдка и 3 л. един. ч. того же глагола употребляется съ причастіемъ на *лъ*: „не *есть* се насъ куля янычарська *постреляла*, а *есть* се отцева и напіматчина молитва покарала“ (Дум.). Въ чувствѣ языка глаголъ *есть*, очевидно, не имѣетъ морфологическаго значенія: онъ служитъ только риторическимъ средствомъ сдѣлать удареніе на сказуемомъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что форма *есть* стоитъ иногда при личномъ глаголѣ въ настоящемъ времени: „*есть* сія галера не *блудить*, ні світом *нудить*“ (Дум.),—стоитъ также вмѣсто 2 л: „не *есть* ви козаки, *есть* ви гайдамаки“ (Чуб. V. 706). 1-е л. множес. ч. глагола *есмь* слышно только въ Галиціи, большею частію слитно съ причастіемъ на *лъ*, иногда отдѣльно отъ причастія: „ой добре *сьмо учинили*, же *сьмо* Теклю *запубили*“ (Гол. I. 54). Не менѣе часто встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ, преимущественно галицкихъ, 2 л. множес. ч: „а насъ *есте повінчали*, що би ми ся били“ (Чуб. V. 576) [1]). Тѣ же самыя формы прошед. сложнаго времени составляютъ постоянную принадлежность книжной малорусской рѣчи XVII в: „кзилъ ѥси сокѣ жонꙋ лѣшꙋк“ (Алек.),—„се зкѣрь лютъ ѩзилъ ѥстъ ѥго—(Г. К. 5),—„ꙗкъ ѥсмо жили на скѣтѣ“ (Пь. 45),—„где ѥстѐ сѧ подѣли“ (Стр. 28). Выписанныя нами фразы не лишены народнаго колорита. Совсѣмъ иное дѣло *есмь* и *суть* съ причастіемъ на *лъ*: „ѡтмстила ѥсмь“

[1]) Едва ли возможны въ народной рѣчи формы *есмь* и *суть*, изрѣдка попадающіяся въ сборникѣ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго: „пане ти мій, пане Копитане! пусти мене до дому, хоть *есмь* заволаный“ (Гол. III. 91); „*суть* бо в мене два вартивниченьки“ (Пь. 157); „ой *суть* у мене чари готові—бідее личко, чорнії брови“ (Пь. I. 202 III. 30).

(К. X), „грѣшныи люде сѹть зачвердѣлыи“ (Г. К. 52). Въ XVII в. это были, какъ и теперь, формы книжныя, а не народныя.

Въ западныхъ говорахъ современнаго намъ малорусскаго нарѣчія распространена особенная форма будущаго времени, составленная изъ сочетанія *буду* съ причастіемъ на *лъ*: „не *будеш* ти въ насъ *робила*,—сріблом-злотом *будеш шила*“ (Гол. I. 28). Есть мнѣніе, что эта форма заимствована изъ польскаго языка [1]),—но замѣчательно, что она не составляетъ обычнаго явленія въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, которая, какъ мы видѣли, не чуждалась заимствованій изъ языка польскаго. Мы нашли всего два примѣра въ памятникахъ, нами прочитанныхъ: „уступовати *будемо мусѣли*“ (Пал. З. К. 1062), „дїаколъ не кѹдечъ моглъ задити и окрасти“ (Сбор. ц. ар. м.). Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго нѣтъ о ней и помину, хотя она была свойственна нарѣчію церковнославянскому, судя по древнѣйшимъ памятникамъ славянской письменности. [2]) Нерѣдко можно встрѣтить ее также на страницахъ древнерусскихъ и старинныхъ южнорусскихъ памятниковъ, начиная отъ XIII до XVI вѣка включительно [3]). Едва замѣтные остатки ея сохранились и въ современномъ сѣверно-великорусскомъ говорѣ [4]). Всѣ эти данныя едва ли могутъ служить къ подкрѣпленію мысли о польскомъ происхожденіи этой формы въ народной малорусской рѣчи. Она рѣдко встрѣчается въ книжной малорусской рѣчи просто потому, что оказалась излишнею рядомъ съ обычною формою сложнаго будущаго изъ глагола *буду* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, т. е. по той самой причинѣ, по которой отвергнута она и въ восточныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія.

Глаголы съ энклитическимъ *ся* въ великорусскомъ нарѣчіи и въ восточныхъ говорахъ малорусскаго являются въ непосредственномъ сочетаніи съ *ся*, которое всегда стоитъ послѣ гла-

---

[1]) Изъ записокъ по русской грамматикѣ, Потебни, II. 211.

[2]) Vergleichende Syntax der Slavichen Spr. Miklosich, 806.

[3]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 167—168.

[4]) Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей нар. рус. яз. Колосова, 249.

гола [1]). Въ западныхъ малорусскихъ говорахъ мѣстоименіе *ся* стоитъ впереди и послѣ глагола, отдѣляясь отъ него однимъ или же нѣсколькими словами, напр.: „не нагулялам ся, не находилам ся, тилько молоденька щом нажурилася“ (Чуб. V. 218); „я таки ся, моя мати, втікаты надію“ (Гол. I. 151); „не смій же ся, дівчинонько, колы з тя сь не смію“ (Ib. I. 113). Это свободное употребленіе мѣстоименія *ся* при глаголахъ было свойственно церковнославянскому языку и всѣмъ вообще древнерусскимъ говорамъ [2]). Совпадая съ народною рѣчью, оно составляетъ постоянную принадлежность и книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, напр.: „не кꙋдꙋ сѧ тѧ кожѧти ꙗко тꙋтъ кожѧнсѧ“ (Г. К. 185); „кроки сѧ ѡкланѧла (церковь), кгды сѧ кровъ сынѡкъ еѧ стꙋменѧми точила“ (Кир. Транк. 72. об.).

Таковы въ общихъ чертахъ церковнославянскіе архаизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка. Они сообщаютъ ей народный характеръ не сами по себѣ, а въ связи съ такими особенностями рѣчи, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ нарѣчіи церковнославянскомъ. Разумѣемъ прежде всего общерусскіе звуки и формы, къ обзору которыхъ мы и должны теперь обратиться.

---

[1]) Глаголы эти, по Миклошичу, соотвѣтствуютъ, какъ медіальнымъ, такъ и страдательнымъ формамъ глагола въ другихъ языкахъ (Vergleich. Syntax der Slav. Spr. 263).

[2]) Ibidem 271.

III.

Общерусскіе звуки и формы.— Формы имени существительнаго — Глагольныя формы.

Въ предыдущей главѣ указаны были нѣкоторые изъ общерусскихъ звуковъ и формъ, совпадающихъ съ церковнославянскими,—теперь же мы займемся тѣми изъ нихъ, которые чужды были нарѣчію церковнославянскому.

Одни изъ общерусскихъ звуковъ и формъ не уступаютъ въ древности церковнославянскимъ архаизмамъ: они напоминаютъ о томъ моментѣ въ жизни русскихъ нарѣчій, который выражается въ наукѣ идеей русскаго праязыка. Другіе возникли на памяти исторіи, въ тотъ или другой вѣкъ древнерусской письменности. Но есть между ними такіе, о которыхъ трудно высказаться въ рѣшительномъ направленіи: составляютъ ли они общерусское наслѣдство отъ предполагаемой эпохи праязыка русскаго, или же они возникли на почвѣ древнерусскихъ нарѣчій, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались нарѣчія великорусское и малорусское. Особенную трудность въ этомъ отношеніи представляютъ тѣ звуки, которые не повсемѣстно распространены въ русскихъ нарѣчіяхъ, хотя и не составляютъ исключительной принадлежности одного изъ нихъ, потому что встрѣчаются, какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ нарѣчіи. Мы считаемъ эти звуки общерусскими, не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ нѣтъ теперь въ томъ или другомъ говорѣ великорусскаго или малорусскаго нарѣчія. По мѣрѣ развитія этихъ нарѣчій, объемъ распространенія этихъ звуковъ съуживался, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы они по своему

происхожденію не были общерусскими, тѣмъ болѣе, что и въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, они представляютъ обычное явленіе.

Итакъ, начнемъ обзоръ свой съ звуковъ гласныхъ и согласныхъ.

Буквы ѫ *и* ꙗ.

Извѣстно, что въ самую раннюю эпоху славянорусской письменности, русскіе, какъ говоритъ Востоковъ, „не имѣли звуковъ, выраженныхъ буквами ѫ, ѧ кирилловской азбуки и вмѣсто оныхъ выговаривали *у* и *я*“ [1]). Уже въ Остроміровомъ евангеліи есть случаи замѣны юсовъ чистыми гласными. Въ Галицкомъ евангеліи 1144 г. вовсе нѣтъ большаго юса, а малый юсъ постоянно стоитъ послѣ мягкихъ согласныхъ—тамъ, гдѣ по современному великорусскому и малорусскому произношенію требуется *я* или послѣ шипящихъ *а:* конькцѧго, исхожѧще и проч [2]). Есть и въ Галицкомъ евангеліи ꙗ, но оно употребляется только въ началѣ словъ или слоговъ, при чемъ ꙗ стоитъ иногда тамъ, гдѣ, согласно съ церковнославянскимъ преданіемъ, должно было бы стоять ѩ, напр. ꙗꙗ [3]). Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. это правописаніе видоизмѣнилось такимъ образомъ, что ꙗ заняло мѣсто въ началѣ словъ, а ѧ въ срединѣ и въ концѣ словъ, какъ послѣ согласныхъ, такъ и послѣ гласныхъ. М. Смотрицкій говоритъ: „ꙗ и ѧ различествуютъ: ѿномꙋ сопеседнѝ речѐнїй, ѿкомꙋ ко средѣ̀ и ко концѝ полагаемꙋ: ꙗкаѧнїесѧ“ и проч.

Глухіе гласные ъ *и* ь

Не менѣе древней чертой всѣхъ русскихъ нарѣчій мы считаемъ паденіе глухихъ гласныхъ ъ и ь. Говоримъ это въ виду того мнѣнія, по которому „*древніе* глухіе звуки во многихъ

[1]) Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, Востокова, 8.

[2]) Матеріалы для исторіи письменъ, Буслаева, 42.

[3]) Ibidem.

случаяхъ были еще въ XIV—XV в., особенно въ сѣверныхъ говорахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ, на концѣ, въ сѣверно-великорусскомъ (спорадически) доходятъ *вплоть до нашего времени*"[1]). Считаемъ вполнѣ убѣдительнымъ замѣчаніе, высказанное по этому поводу Колосовымъ, который самъ записывалъ народныя пѣсни въ сѣверномъ краѣ. Онъ говоритъ, что глухіе гласные, слышные въ концѣ словъ (*идуты, крылечко, колодецы* вмѣсто *идутъ, крылечко, колодцы*), вызваны условіями стихотворнаго размѣра, составляя принадлежность народной метрики, а не народной фонетики[2]). Что касается до существованія глухихъ гласныхъ въ XIV—XV в., то оно утверждается на такомъ правописаніи словъ, которое, во всякомъ случаѣ, можно объяснять различно. Извѣстно, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ славянорусской письменности мы встрѣчаемъ случаи замѣны глухихъ гласныхъ чистыми, а также обратные случаи постановки глухихъ гласныхъ вмѣсто чистыхъ, наконецъ, случаи совершеннаго исчезновенія глухихъ гласныхъ. Изъ вѣка въ вѣкъ можно слѣдить за этими тремя особенностями правописанія *ъ* и *ь* въ древнерусскихъ памятникахъ, при чемъ каждая изъ нихъ увеличивается въ размѣрѣ по мѣрѣ накопленія письменныхъ памятниковъ[3]). Легче всего понять послѣднюю особенность, т. е. совершенное опущеніе на письмѣ *ъ* и *ь*: полагать надобно, что оно соотвѣтствовало дѣйствительной потерѣ этихъ звуковъ въ произношеніи. Но какъ понимать *ъ* и *ь* вмѣсто *о* и *е*, и особенно—обратные случаи? Защитники поздняго паденія *ъ* и *ь* усматриваютъ въ этихъ двухъ способахъ начертанія глухихъ гласныхъ доказательство ихъ жизни. Но мы не видимъ логическаго основанія изъ двухъ противоположныхъ явленій извлекать одинъ и тотъ же выводъ. Намъ могутъ возразить, что одни и тѣ же случаи правописанія въ разные вѣка древнерусской письменности могутъ имѣть разныя значенія. Но въ опредѣленіи

---

[1]) Къ исторіи звуковъ рус. яз. Потебня. 72.

[2]) Обзоръ... Колосова. 4.

[3]) Матеріалъ собранъ въ книгѣ Колосова: Очеркъ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. съ XI по XVI в.

этихъ значеній, по нашему мнѣнію, и заключается вся трудность вопроса. Кто имѣетъ расположеніе слышать глухіе гласные и въ современномъ ритмѣ сѣверно-великорусскихъ пѣсенъ, тотъ истолкуетъ *ъ* и *ь* вмѣсто *о* и *е* и обратные случаи въ древнерусскихъ памятникахъ въ пользу своего мнѣнія. Но, пока не устраненъ произволъ въ толкованіи древнерусскаго правописанія посредствомъ болѣе точныхъ наблюденій надъ его особенностями, мы не имѣемъ логическаго основанія считать глухіе гласные долговѣчными въ русскихъ нарѣчіяхъ [1]). Поэтому мы остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи, что „пока не будутъ указаны точныя орѳографическія примѣты, по которымъ можно бы было узнавать присутствіе глухихъ звуковъ въ произношеніи древнерусскихъ писцевъ, до тѣхъ поръ невозможны попытки хронологически опредѣлить эпоху, когда глухіе звуки исчезли въ русскомъ языкѣ“ [2]). Совсѣмъ другое дѣло вопросъ о томъ, когда глухіе гласные *начали* падать въ русскихъ нарѣчіяхъ. Положительно можно сказать, что этотъ моментъ выступаетъ въ самомъ началѣ документальной исторіи ихъ въ древнерусскихъ памятникахъ, т. е. въ XI в. Употребленіе *ъ* и *ь* вмѣсто *о* и *е* и этихъ послѣднихъ буквъ вмѣсто *ъ* и *ь*, возникшее въ XI в., по нашему мнѣнію, указываетъ на звуковую близость этихъ звуковъ, которые въ произношеніи почти не различались между собою, поэтому переписчики и смѣшивали чистые гласные съ глухими. Ясно, что индивидуальная природа *ъ* и *ь*, сознанная творцами славянской азбуки, затмилась уже въ то время, когда

---

[1]) По поводу словъ: *гонени*, *Боровескъ*, *царство* (XIV—XV в.) Колосовъ ставитъ вопросъ: „есть ли *е* этихъ формъ чистый гласный звукъ, или приблизительное выраженіе глухаго, или обозначеніе мягкости предшествующаго согласнаго“, — и затѣмъ изъ трехъ предположеній считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ второе (Обзоръ, 12). Почему онъ предпочитаетъ второе предположеніе первому и третьему, не видно изъ его книги. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ произвольнаго отношенія къ данному вопросу. Можно, конечно, на основаніи замѣны ъ и ь чистыми гласными разсуждать о неопредѣленности гласныхъ, которые выражались посредствомъ ъ и ь, но весь вопросъ въ томъ, какая это неопредѣленность - та ли, которая искони была присуща глухимъ гласнымъ и составляетъ, такъ сказать, ихъ индивидуальную природу, или неопредѣленность позднѣйшая, возникшая въ эпоху паденія ихъ.

[2]) Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 66.

начали писать эти буквы вмѣсто *о* и *е*, и наоборотъ. Трудно сдѣлать отсюда иной выводъ, хотя и отрицать спорадическое существованіе *ъ* и *ь* въ XI в. тоже трудно. Что касается до малорусскаго нарѣчія, то мы положительно не считаемъ въ немъ возможнымъ существованіе глухихъ гласныхъ въ XVI—XVII в., какъ доказываетъ это г. Огоновскій [1]), который, вопреки мнѣнію г. Потебни, полагаетъ, что *ъ* и *ь* удерживались долѣе въ малорусскомъ нарѣчіи, чѣмъ въ великорусскомъ. Онъ ссылается на ударенія надъ *ъ* и *ь* въ рукописяхъ XVI—XVII в: мѣ́ъдскати, дл́ъго (Перес. еван.). с́ькѣчъ, пл́ъть (Берында), но ударенія здѣсь показываютъ только, что *ъ* и *ь* произносились, какъ гласные звуки. Для подтвержденія своей мысли онъ указываетъ также на преобладаніе въ малорусскомъ нарѣчіи звучныхъ согласныхъ надъ отзвучными. Но это явленіе во всякомъ случаѣ не тождественно съ дѣйствительною жизнію глухихъ гласныхъ въ народномъ употребленіи. На звучные согласные перенесенъ былъ оттѣнокъ гласности, принадлежавшій вообще гласнымъ звукамъ, а не однимъ только глухимъ гласнымъ, поэтому мы можемъ сказать только, что въ звучныхъ согласныхъ сильнѣе выступаетъ гласный элементъ, чѣмъ въ отзвучныхъ, не болѣе того, но опредѣлить частныя свойства этого элемента, тотъ или другой спеціальный характеръ его, мы не имѣемъ никакой возможности. Кто утверждаетъ, что преобладаніе звучныхъ гласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи доказываетъ существованіе глухихъ гласныхъ въ такое позднее время, какъ въ XVI—XVII в., тотъ долженъ признавать существованіе глухихъ гласныхъ и въ наше время, потому что и теперь звучные согласные не перестали быть звучными въ малорусскомъ нарѣчіи. Съ другой стороны, еслибы М. Смотрицкій произносилъ *ъ* и *ь*, какъ глухіе звуки, то онъ охотно приписалъ бы это произношеніе и церковнославянскому языку, которому онъ усвоилъ множество звуковыхъ и формальныхъ особенностей русскаго произношенія. Между тѣмъ, о *ъ* и *ь* онъ выражается самымъ рѣшительнымъ образомъ, что они „сами собою гласа издати не могутъ“.

---

[1]) Studien .. Ogonowski, 48.

Полногласіе.

Полногласіе, какъ исконная черта всѣхъ русскихъ нарѣчій, проходитъ чрезъ всѣ вѣка южнорусской письменности. Въ малорусской книжной рѣчи XVII в. полногласныя формы встрѣчаются въ особенномъ изобиліи: сѣромъ (Бер. 154), нагорѣда (Рад. Ог. 367), ѡколокъ (Ib. 371), ѡкорочаютъ (Ib. 394), колесница (Ib. 400), солодкій (Ib. 475). Такъ называемое второе полногласіе (сѣвернорус: *молонья*, *беревно* = церковносл: млѣнии, крѣкно) встрѣчается, какъ извѣстно, въ малорусскомъ нарѣчіи довольно рѣдко.[1]) Такъ же рѣдко встрѣчается оно и въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ. Въ Галиц. еван. 1144 г. г. Ягичъ нашелъ всего два примѣра: *дълъжника*, *пръстъ*[2]). Въ старину, какъ и теперь, оно, видимо, было свойственно главнымъ образомъ сѣвернорусскому говору. Мы не нашли никакихъ слѣдовъ этого явленія и въ позднѣйшей малорусской письменности XVII в. Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, не есть ли употребленіе двухъ полугласныхъ при плавныхъ *л*, *р* признакъ затменія слогообразовательной природы этихъ звуковъ, повидимому, не утраченной въ нѣкоторыхъ горскихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія? Думаютъ, обыкновенно, что *ь* въ словахъ: *врьхъ*, *трьвати*, *теперь*, *рьчи*, *рьчете* (Головац. Розправа о яз. южнор. 50), *кърма*, *крътыця*, *кърнына* (Кочуб. 1 Отчетъ, 1876 г. 41) слышится въ произношеніи, какъ глухой гласный звукъ[3]). Слѣды слогообразовательнаго употребленія плавныхъ звуковъ замѣтны и въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ: *дьври*, *дьвремъ*, *клънущая* (Галиц. еван. XIII в.), *крве*, *крви* (Поликарп. еванг. XIV в.), *кълнеться* (Луц. еванг. XIV в.)[4]). Въ южнорусской печати XVII в. есть начертанія: по крки (Г. Мес. 212), крѣкавый (Ib.), на крѣхъ (Ib. 214), хотя при *р* въ подобныхъ случаяхъ большею частію стоитъ *и* или *ы*: ѡкжицтко (Г. К. 185), ѡкрыбаблено (ib. 5), дрыжатъ (ib. 50).

---

[1]) Studien... Ogonowski, 53.

[2]) Четыре критико-палеогр. статьи, Ягича, 97.

[3]) Studien... Ogonowski, 42.

[4]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 72.

Буква ѣ для выраженія і изъ ѣ и основнаго и.

Къ общерусскимъ звукамъ мы причисляемъ и тѣ звуки, которые въ обоихъ русскихъ нарѣчіяхъ великорусскомъ и малорусскомъ соотвѣтствуютъ церковнославянскому *ѣ*[1]). Объ этихъ звукахъ высказано было много мнѣній, но вопросъ о томъ, какіе именно звуки скрывались въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ подъ церковнославянскою буквою *ѣ*, до настоящаго времени остается спорнымъ. Принимаютъ обыкновенно за исходную точку этихъ нарѣчій въ произношеніи буквы *ѣ* долгое *е*. И мы въ своемъ изслѣдованіи о буквѣ *ѣ* не отрицали этого мнѣнія, допуская, что въ *праязыкѣ русскомъ* возможно было долгое *е*, какъ выразитель того звука, для котораго въ церковнославянскомъ нарѣчіи придумана была буква *ѣ*[2]). Но можно ли въ звукахъ *е* или *ѥ*, посредствомъ которыхъ въ памятникахъ XI и особенно XII в. замѣняется буква *ѣ*, видѣть долгое *е*?[3]) Одни считаютъ это *е* приблизительнымъ выразителемъ долгаго *е*, но эта *приблизительность*, очевидно, не рѣшаетъ вопроса о томъ, существовало ли долгое *е*=*ѣ* въ самомъ началѣ древнерусской письмен-

[1]) Мы продолжаемъ считать тождественными звуками малорусское и сѣверновеликорусское *і*=*ѣ*, вопреки мнѣнію г. Потебни, который высказался противъ нашей мысли въ разборѣ сочиненія нашего „Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія“ (Отчетъ о 20-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, 791—794) Тождественны эти звуки 1) по своему происхожденію, если допускать, что это *і* образовалось изъ долгаго *е*=*ѣ*: 2) по результатамъ, если будемъ разсматривать ихъ съ качественной стороны. Повидимому, *і*=*ѣ* малорус. и сѣверно-великорус. не представляютъ сходства только по условіямъ образованія своего или, какъ говоритъ г Потебня, по процессамъ измѣненія своего. Но эти процессы отличаются полною ясностію только въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ. Если мы допускаемъ, что они были возможны и въ украинскомъ говорѣ, то почему не допустить того же и для сѣверновеликорусскаго говора? Если въ немъ мы не видимъ ихъ теперь, то также точно не видимъ и въ украинскомъ говорѣ. Но то, что утрачено теперь въ этомъ послѣднемъ, могло быть утрачено и въ первомъ. *Навѣрное* можно сказать только одно, что условія измѣненія *ѣ* въ *і*, какъ остатки старины, въ настоящее время сохранились только въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ.

[2]) Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 93—94.

[3]) Случаи такой замѣны см. Колосова Очеркъ.... 60 и Соболевс. Очерки... 81.

ности [1]). Другіе высказываются болѣе опредѣленно, утверждая, что въ то время, когда произошло исчезновеніе глухихъ гласныхъ, *ѣ* былъ еще долгимъ звукомъ [2]). Но и это мнѣніе нуждается въ доказательствахъ. Поэтому мы остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи, что „*въ историческую эпоху* долгое *е* въ русскихъ нарѣчіяхъ не было звукомъ, присущимъ живому чувству русскаго языка“ [3]). Мы признаемъ долгое *е* вмѣсто *ѣ* за исходную точку для русскихъ нарѣчій, стоящую за предѣлами документальныхъ данныхъ, которыя представляютъ намъ древнѣйшіе памятники русской письменности. Здѣсь уже мы видимъ не только *е* и *іе* вмѣсто *ѣ*, и обратно—*ѣ* вмѣсто *е*, но также *и* вмѣсто *ѣ*, а равно *ѣ* вмѣсто *и*. Тотъ и другой обмѣнъ *ѣ* то съ *е*, то съ *и*, встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ XI в., какъ сѣверныхъ (въ новгородскихъ Минеяхъ 1096—97 г.), такъ и южныхъ (Сбор. 1073 г.). Можно объяснить эту двойственность произношенія буквы *ѣ* тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сознаніи русскихъ писцевъ были два представленія объ этой буквѣ—одно книжное, а другое народное. Первое принесено было вмѣстѣ съ священными книгами южнославянскими учителями, произносившими *ѣ*, какъ *е*. Само собою разумѣется, что оно могло совпадать съ народнымъ произношеніемъ *ѣ*, какъ *е*, въ тѣхъ или другихъ древнерусскихъ говорахъ. Но и помимо этого условія, такое произношеніе *ѣ* могло установиться въ кругу грамотныхъ людей при чтеніи и перепискѣ богослужебныхъ книгъ. Этимъ объясняется преобладаніе *е* вмѣсто *ѣ* надъ *і* вмѣсто *ѣ*. Что касается до произношенія буквы *ѣ*, какъ *і*, то оно не имѣло за собою въ XI в. книжнаго преданія, и потому появленіе *и* вмѣсто *ѣ* въ письменности объясняется только вторженіемъ въ нее народнаго выговора. Такъ или иначе, не подлежитъ сомнѣнію, что въ XI в. буква *ѣ* въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ звучала не одинаково.—Гораздо сложнѣе вопросъ о происхожденіи *е*, *и* вмѣсто *ѣ*. Примыкаютъ ли эти звуки прямо и непосредственно

[1]) Очеркъ... Колосова, 38.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 81.

[3]) Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 94.

къ долгому *е*. или между ними и долгимъ *е* посредствующими звуками были дифтонги *ѝје*, *ијѐ*, сохранившіеся въ сѣверныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія? Мы имѣли случай высказаться за это послѣднее предположеніе и не имѣемъ причинъ предпочитать ему первое. Мы думаемъ, что сѣверно-малорусскихъ дифтонговъ нельзя вывести изъ краткихъ *е*, *и*, смѣнившихъ *ѣ*: они могли появиться только изъ долгаго *е*. Если же они существуютъ теперь, какъ архаизмы, то еще болѣе могли существовать нѣкогда, какъ новообразовавшіеся звуки, давшіе жизнь великорусскому *е* и малорусскому *и* вмѣсто *ѣ*. Къ сожалѣнію, по письменнымъ памятникамъ нельзя опредѣлить времени ихъ появленія въ устахъ народа, и въ этомъ заключается слабая сторона нашего предположенія. Тѣмъ не менѣе оно имѣетъ за себя всѣ теоретическія основанія. По крайней мѣрѣ, въ чешскомъ нарѣчіи *іе* было посредствующимъ звукомъ между древнѣйшимъ *ѣ* и позднѣйшими *е*, *і* [1]). Правда, въ чешскихъ памятникахъ *іе* появляется сравнительно поздно — въ XIV в., но въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ дифтонги могли появиться въ разное время. Нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что латинская азбука болѣе располагала къ фонетическому письму, чѣмъ церковнославянская. Если бы чешскіе писатели употребляли эту послѣднюю, то, можетъ быть, чешское *іе* пришлось бы возстановлять апріорнымъ путемъ такъ же, какъ и предполагаемые нами въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ дифтонги *ѝје*, *ијѐ* вмѣсто *ѣ*. Древнерусскіе писцы получили букву *ѣ* вмѣстѣ съ юсами, вмѣстѣ съ ѱ, ѯ, ѧ, ѵ и другими условными знаками, подъ которые должны были подставлять звуки того языка, на которомъ сами говорили,—и вотъ мы видимъ, что они употребляютъ букву *ѣ* для выраженія разныхъ звуковъ, которыхъ, надо полагать, вовсе не имѣлъ въ виду изобрѣтатель ея. Они ставятъ букву *ѣ* не только тамъ, гдѣ она требуется церковнославянскимъ правописаніемъ, но и тамъ, гдѣ она была вовсе неумѣстна. Въ этомъ случаѣ они руководствовались то книжнымъ произношеніемъ этой буквы, то народнымъ. Можно, однакоже, въ южно-

---

[1]) Hattala, Zvukaslovi, 69.

русской письменности прослѣдить изъ вѣка въ вѣкъ постепенный ростъ народнаго произношенія этой буквы, какъ *і*. Все чаще и чаще она выступаетъ, какъ выразитель не только *і* изъ *ѣ*, но и *і* изъ *е*. Въ XVII в. буква *ѣ* равнозначительна буквѣ *и*: она постоянно употребляется для выраженія звука *і*. Встрѣчается буква *и* тамъ, гдѣ, по требованію славянскаго правописанія, должна стоять буква *ѣ*. Вотъ нѣсколько примѣровъ: не ѣдѧтъ и не ꙗдѧтъ (Г. М. 238), ѣзилъ (Г. К. 5), зѣлъ (ib. 8). *изъивъ* (Хмел. л.), *поили* (Льв. Н.), *издилъ* (ib.), приѣздъ (Лям. Острож.), кѣихаю (ib.). Гораздо чаще встрѣчаются обратные случаи: нерѣдко даже основное *и* пишется черезъ *ѣ*: кѣнски (Г. К. 40), напѣктъ (ib. 44), пѣктъ (ib. 155), пѣкла (ib. 198), нѣ кѣкъ, не лѣѧ (ib. 62), кѣнскокъ (ib. 57), кѣзѣй (*козій*), кѣмѣнѣй, кѣрѣвѣй, ѣленѣй (Бер. 140) и т. п. Особенно рѣзко бросается въ глаза эта особенность правописанія въ такихъ иностранныхъ словахъ, какъ *Унья, комисья* (Хм. л.), *мѣтеръ* и тамъ же: *мѣтерами* (Пал. З. К. 999), мѣнѹта (Г. К. 16), ѣнтелѣгѣбиле (intelligibile) „чѣе ѣо ꙗзѹмѣетсѧ“ (Г. М. 301).

Превращеніе неударяемаго а въ о.

Извѣстно, что въ окающихъ говорахъ великорусскаго нарѣчія неударяемый гласный звукъ *о*, за немногими исключеніями, не переходитъ въ *а*. То же консервативное отношеніе къ звуку *о* мы видимъ и въ малорусскомъ нарѣчіи, которое не превращаетъ неударяемаго *о* въ *а*: *зоря, козак, отаман, Олекса, Опанас* и проч. Это предпочтеніе звука *о* звуку *а* есть старинная черта древнерусскаго вокализма, въ которомъ замѣчается склонность превращать неударяемое *а* въ *о*: *полать* (Чуд. псал. XII в.), *сотона* (Ж. Б. и Гл. XII в.) и т. п.[1]). Она утрачена въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ говорахъ, гдѣ, наоборотъ, неударяемое *о* превращается въ *а*[2]). Въ современномъ

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 77, 91.

[2]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей русскаго яз. Колосова, 54—56.

малорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ книжной малорусской рѣчи XVII в., ударяемое и неударяемое *а* часто превращается въ *о*: кождый (Г. Каз. 145), ꙁо́зный (Г. М. 220), ꙁо́зꙋмъ (ib. 206), мѡдѧ́ницѣ (ib. 298), ꙁозмеклѧ́ли (Г. Каз. 143), *Оловъ* (Меж. л.) и т. п.

Превращеніе е въ о (је въ јо).

Еще рѣшительнѣе въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ выступаетъ превращеніе начальнаго *е* въ *о*. Такъ, въ Остромировомъ еван: *олеи* вмѣсто *елеи*, въ Сбор. 1073 г: *оже* вмѣсто *еже* и т. п. Мнимая ли это особенность древнерусскаго вокализма, или подлинная, не подлежитъ сомнѣнію, что изъ современныхъ нарѣчій русскихъ она сохранилась главнымъ образомъ въ малорусскомъ и отчасти въ сѣвернорусскомъ[1]). Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. она встрѣчается рѣдко.

Превращеніе *е* въ *о (јо)* послѣ мягкихъ согласныхъ есть тоже давнее явленіе въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ[2]). Въ XIII в. появляется превращеніе *е* въ *о* подъ вліяніемъ ударенія: *жонъ, шолъ, у чомъ*[3]). Это, какъ извѣстно, черта современнаго южно-великорусскаго говора, въ которомъ для перехода *е* въ *јо*, *о* послѣ согласныхъ требуется удареніе надъ *е* вмѣстѣ съ твердостію слѣдующаго за *е* слога. Эти условія не всегда обязательны въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ и совершенно не обязательны въ малорусскомъ нарѣчіи. Не были они обязательны и въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ. Весьма вѣроятно предположеніе г. Соболевскаго, что ограниченіе перехода *е* въ *о* въ южно-великорусскомъ говорѣ стоитъ въ зависимости отъ развитія въ немъ такъ называемаго *ѧканья*[4]). Въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ XII—XIII в. появляется *ю* вмѣсто *е*: *ужасаються*—3 л. един. ч. (Добр. ев. XII в.).

---

[1]) Ibid. 69—70; Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 139.

[2]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 52—53.

[3]) Очеркъ .. Колосова, 93.

[4]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 55.

июдѣюмъ (Галиц. ев. XIII в.), *щюдръ* (Типогр. ев. XII—XIII в.)[1]). Полагать надобно, что это *ю* образовалось изъ посредствующаго *jo*, и что оно стоитъ внѣ всякой зависимости отъ ударенія. Во всякомъ случаѣ, *о* вмѣсто *е* послѣ согласныхъ, и именно шипящихъ, представляетъ обычное явленіе и въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія: *чого̀* (Г. М. 301), *нѣчѝго* (Стр. 25), *щоко̀ю* (Г. Каз. 141), *пи́шо̀кии* (Г. М. 307) и т. п.

Перегласованіе о, а въ е.

Широко развито въ великорусскомъ нарѣчіи перегласованіе звука *о* и особенно *а* въ *е* и даже въ *и* подъ вліяніемъ предшествующей іоты и даже шипящихъ согласныхъ, заключающихъ въ себѣ іоту, и вообще согласныхъ мягкихъ. Разница въ этомъ отношеніи между сѣверно-великорусскимъ и южно-великорусскимъ говоромъ состоитъ въ томъ, что послѣдній не допускаетъ перегласованія въ ударяемомъ *а*, тогда какъ въ первомъ перегласованіе составляетъ обычное явленіе, какъ въ ударяемомъ, такъ и въ неударяемомъ *а*. За исключеніемъ украинскаго говора, въ остальныхъ малорусскихъ говорахъ—въ сѣверномъ, и особено въ галицкомъ, перегласованіе составляетъ органическую принадлежность народной фонетики. Въ галицкихъ говорахъ оно представляетъ полное сходство съ сѣвернорусскимъ, т. е. послѣ всѣхъ согласныхъ, въ которыхъ явно или скрыто существуетъ іота, подлежитъ перегласованію ударяемое и неударяемое *а*: *пиметь*, *тебий*, *жнель*, *щестю*, *месо*. Не переходитъ *а* (*я*) въ *е*, когда съ гласнаго начинается слово или слогъ: *я*, *пбясъ*, *стоя́ти*,— изрѣдка и послѣ согласныхъ, особенно послѣ *л*: *дл́я*, *л́ях*, *пул́яти*. Въ свою очередь и *е* перегласуется дальше—въ *і* (*ай*): *щісьтє*, *мі́сіць* и т. п. Перегласованіе отмѣчено уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ: въ Сбор. 1073 г: *въпрашетеемыхъ*, *добростворение дьля*, *сего дьле*, *камыкъ преточение*[2]); въ новгородской Минеѣ 1091 г: *въжедия*, *супрже-*

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93.

[2]) Ibidem, 103.

нинъ[1]). Въ Галицкомъ евангеліи 1144 г. послѣ шипящихъ стоитъ, какъ мы видѣли, *ѫ*, изрѣдка *а*[2]), иногда *ѣ*: *множьйши*[3]). Послѣдній случай можно объяснить перегласованіемъ, какъ бы ни звучала буква *ѣ*, какъ *е* или какъ *і*. Въ южнорусскихъ грамотахъ XIV—XV вв. нерѣдко встрѣчаются такія формы, какъ *розвезати*, *поледать* и т. п.[4]). Подобныхъ примѣровъ немало найти можно и въ книжной малорусской рѣчи, особенно въ произведеніяхъ, написанныхъ въ первыя десятилѣтія XVII в. Такъ, въ Учительномъ евангеліи 1604 г: *кни́жиго*, *подо́жиго*; въ *Казаньяхъ* Карповича 1615 г: *се* вмѣсто *ся* (90), *хотечи* (89); въ Кіевской лѣтописи 1621 г: *бачечи*, *светого* (81), *поднялсе* (80), *наставльшего* (82), *езыкъ* (87) и т. п. Впрочемъ, примѣры, выписанные нами, напоминаютъ бѣлорусское перегласованіе неударяемаго *а* въ *е*[5]).

Замѣна ы звукомъ у въ формахъ отъ глагола быти.

Во всѣхъ формахъ глагола *быти* въ малорусскомъ нарѣчіи является звукъ *у* вмѣсто *ы*: *бути*, *був*, *бувши*, отсюда—*бувати*, *бував*, *бувавши*. Это *у* вмѣсто *ы* свойственно и нѣкоторымъ великорусскимъ говорамъ, особенно бѣлорусскому[6]). Одни объясняютъ *у* въ глаголѣ *быти* „памятью о низкомъ произношеніи *ы*“,[7]) другіе выводятъ его изъ двоегласнаго *уі*, предполагая, что *у* вытѣснило *і*[8]), но, принимая во вниманіе, что въ другихъ случаяхъ, за исключеніемъ немногихъ словъ, въ сѣверно-малорусскомъ говорѣ *ы* не измѣняется въ *у*, можно скорѣе всего согласиться съ мнѣніемъ гг. Брикнера и Огоновскаго, что *у* здѣсь появилось изъ формы *буду* = церковносл. бꙋдꙋ.[9]) Мало-

[1]) Лекціи по исторіи русскаго яз Соболевскаго, 67.

[2]) Четыре критико палеографическія статьи, Ягича, 91—93

[3]) Матеріалы для исторіи нис. Буслаева, 12.

[4]) Dokumenta mold. Kalużniacki, 8. См. также Acta grodzkie i ziemskie. . Lwów (1868), т. 1.

[5]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 46.

[6]) Ibidem, 55.

[7]) Два изслѣдованія о звукахъ рус. яз Потебни, 122.

[8]) Ягичъ, Archiv, II, 358.

[9]) Ibidem,—Studien... Ogonowski, 39—49.

русскіе писатели XVII в. большею частію удерживали коренное *ы* въ формахъ отъ *быти*, но встрѣчаются и формы съ *у*: *буе*, *були* (Хм. л.), *бувши*, *збути* (Сл. о безд.).

Замѣна о звукомъ у въ глаголахъ съ тематическимъ ова.

Такъ же точно встрѣчается въ бѣлорусскомъ нарѣчіи *у* вмѣсто *о* въ глаголахъ съ тематическимъ *ова*, какъ и въ малорус: *дарувати*, *панувати*, бѣлорус: *даруваци*, *панувици* [1]). Это послѣднее *у*, равно какъ и предыдущее, мы не можемъ считать въ бѣлорусскомъ нарѣчіи заимствованіемъ изъ малорусскаго, потому что оно распространено въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ малорусскаго народонаселенія, напр. въ витебской губерніи. Малорусскіе писатели XVII в. избѣгали употребленія *у* въ глаголахъ на *ова*, хотя въ народной рѣчи, безъ сомнѣнія, въ то время слышалось въ этихъ случаяхъ и *у* рядомъ съ *о*. Въ нѣкоторыхъ формахъ этихъ глаголовъ появляется *у* и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Смѣшеніе у съ в.

Смѣшеніе *у* съ *в*, какъ въ начальныхъ, такъ и въ серединныхъ слогахъ, есть явленіе рѣдкое въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, болѣе частое въ южно-великорусскомъ, обычное— въ бѣлорусскомъ и во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Начиная съ XI вѣка, оно встрѣчается въ памятникахъ только южныхъ, напр. въ Сбор. 1073 г: *уселенъи*, *вгюдно*, *вчинены*: въ Ж. Ѳ. XII в: *вгодникъ*, *вгодникомъ* [2]). Съ XIII в. мы видимъ его, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ [3]). Очевидно, смѣшеніе *у* съ *в* не было одинаково распространено и въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ, хотя, съ другой стороны, оно не было свойственно исключительно южнорусскимъ говорамъ. Въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи оно проведено съ безусловною строгостію: въ немъ невозможно, напримѣръ, превращеніе *в* въ *ф* передъ отзвучными согласными (*лафка*, *фторникъ*), какъ въ большинствѣ говоровъ великорусскаго нарѣчія. Проходя

[1]) Обзоръ... Карскаго, 55.

[2]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 62—78.

[3]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 87—88.

съ особенною настойчивостію чрезъ всѣ вѣка южнорусской письменности, смѣшеніе *в* съ *у* постоянно встрѣчается и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.: оукѣсь, ѹкѣсь (Бер. 14), пкрожай, на Вкраинѣ, кничель (Г. М. 35), оучѣкастъ (Рад. Ог. 473).

Смѣшеніе л съ в и вокализація в въ у.

Нѣкоторое сходство съ предыдущимъ явленіемъ представляетъ смѣшеніе *л* съ *в* и затѣмъ вокализація этого послѣдняго звука въ *у*. Обыкновенно это бываетъ тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи стоитъ согласный + лъ + согласный: *влъкъ = вовк = воук*, *плъный = повний = поуний*. Въ причастіи прошедшемъ на *лъ* конечное *л* тоже превращается въ *в*, *у*: *далъ*, *ходилъ = дав*, *ходив = дау*, *ходиу*. Въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ серединнымъ превращеніямъ соотвѣтствовало сочетаніе *ъл* вмѣсто церковнослав. *лъ*. Во всякомъ случаѣ, вокализація *л* чрезъ *в* въ *у* находится въ связи съ потерей *ъ*, въ которомъ твердый согласный *л* нѣкогда имѣлъ свою поддержку, какъ имѣетъ и теперь въ гласныхъ звукахъ *а*, *о*, которые являются въ томъ же причастіи женс. и сред. р: *дала*, *дало*, *ходила*, *ходило*. Что касается до формъ: *сокіл*, *орел*, въ которыхъ удерживается *л*, то весьма вѣроятно, что здѣсь глухой *ъ* потерянъ былъ позже[1]). Какъ бы то ни было, только превращеніе *л* въ *в* и *у* свойственно не только малорусскому нарѣчію, но и бѣлорусскому, отчасти и нѣкоторымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ[2]). Въ малорусской письменности въ первый разъ мы встрѣчаемся съ этимъ явленіемъ въ концѣ XVI в: выдѣкѹю (Лексисъ Зизанія 1596 г.)[3]). въ XVII в. оно встрѣчается очень часто: вѣкна, мокчѹ (Бер. 157), счѣкчный (ib. 156). Въ спрягаемомъ причастіи рядомъ съ *л* не менѣе часто встрѣчается и *в*, и притомъ у одного и того

---

[1]) Studien... Ogonowski 68. Тамъ же приведены оригинальныя формы, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи: *сокія*, *кужів*, *горівка* вмѣсто *сокіл*, *кужіль*, *горілка*.

[2]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особен. народнаго рус. яз. Колосова, 165—166.

[3]) Studien.. Ogonowski, 68.

же писателя: „Хс нѣкого не знекажалъ, нѣ кикъ, нѣ лаж“ (Г. К. 62), *ишолъ* и *ишовъ* (Льв. П.), *збивъ, погнавъ, звоевавъ* (Меж. л. 97), *спаливъ* (ib. 98) и *спалилъ, взялъ* (ib. 99).

Различныя формы смягченія д и т.

Изъ общерусскихъ явленій въ сферѣ согласныхъ звуковъ самымъ давнимъ и наиболѣе распространеннымъ нужно считать смягченіе *д* и *т* въ *ж* и *ч*. Оно постоянно выдерживается и въ малорусскомъ правописаніи XVII в: *потвержаетъ* (Пал. З. К. 1025), кожъ, кожа (Г. М. 152), оупежакачи (ib. 212), накорачаютъ (ib. 215).

Какъ малорусскому, такъ и великорусскому нарѣчіямъ свойственно и *жд* изъ *дj*, но въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи есть еще *дж* изъ того же *дj* = церковнославянскому *жд*, а также *ждж* изъ *здj*, напр: *прижджати*, бѣлорус. *прийаджаць*. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи *дж* къ *жд*, замѣтимъ, что *жд*, *ждж*, есть одна изъ старинныхъ примѣтъ малорусскаго консонантизма. Она встрѣчается уже въ древнѣйшемъ южнорусскомъ памятникѣ—въ Галицкомъ евангеліи 1144 года: *дъжчить, рожчье, ижченеть* и проч.[1]). Можно полагать, что здѣсь *жч* образовалось изъ *ждж* посредствомъ диссимиляціи *дж* съ предыдущимъ *ж*, или *ж* съ предыдущимъ *жд* (у Берынды: кыждчаю 155), а затѣмъ въ современныхъ малорусскихъ формахъ: *дошч, рішчье* (*рожджинє*) произошла ассимиляція *ж* съ звукомъ *ч*—можетъ быть, подъ вліяніемъ отвердѣнія *ч*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. есть та и другая форма: дожчъ, дожчи (Г. К. 53) и *дощъ* (Льв. П.), кружчати (Бер. 50), рожчка (Г. Каз. 193), наконецъ, рєчкою (Бер. 77), рєщкою (Рад. Ог. 1130), рєщчѣ (ib. 893)[2]). Всѣ формы смягченія *д* встрѣчаются у малорусскихъ писателей XVII в: гождж8, крыджѹєж (Бер. 180), приклѹджѹю (ib. 123), дрожджѣ (Бер. 170),

---

[1]) Четыре критико-палеографич. статьи, Ягича, 86.

[2]) Въ *исправленіи погрѣшеній* при *Огородкѣ* Радивиловскаго правильнымъ считается з рєщкою, а не з рєкою.

пайжджаютъ (Рад. Ог. 2), *отъѣжжали* (Льв. П.). Впрочемъ, они охотно замѣняютъ *жд*, *ждж* простымъ *ж*, а при сочетаніи *ж* и другихъ шипящихъ съ свистящими во многихъ случаяхъ они слѣдуютъ народному выговору: къ оукозчкѣ (Г. Каз. 105) и оукозчка (Рад. Ог. 293), пореццко (Г. Каз. 72), скѣдоццко (Г. М. 151), чекарисчко (ib. 109) и проч. Здѣсь *жьс*, *чьс*, *щьс* путемъ ассимиляціи превратились въ *зс*, *цс*, *сс*, при чемъ второе *с* неслышно въ произношеніи. Форма людзкій (Г. М. 392) явилась по аналогіи съ формой козкій (ib. 303), иногда встрѣчается и лідскій (Рад. Ог. 390); въ бѣлорус. *боській* изъ *бозькій*, *люцкій* изъ *лютскій*, *людскій*[1]). Мы не встрѣтили, между прочимъ, народной формы *різдво*, (въ бѣлорус. *роство*)[2]), которая образовалась изъ *рождьство* чрезъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ: *рожество*, *рожство*, *розство*, *роство*, *роздво* (*д* въ *т* посредствомъ прогрессивной ассимиляціи), наконецъ, *різдво*. Вмѣсто этой формы постоянно употребляется подновленная въ русскомъ вкусѣ церковнославянская форма: *рождество*.

Отвердѣніе шипящихъ.

Шипящіе согласные, образовавшіеся посредствомъ переходнаго смягченія зубныхъ *д* и *т*, а также гортанныхъ согласныхъ, въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ произносились мягко. Только съ XIV в. появляются слѣды отвердѣнія шипящихъ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ древнерусскихъ памятникахъ[3]). Теперь мягкость шипящихъ соединяется въ галицкихъ говорахъ большею частію съ перегласованіемъ гласныхъ: *жель*, *чес*, *щестк*, *шепка* и т. п. Независимо отъ случаевъ перегласованія, въ горныхъ діалектахъ, преимущественно въ гуцульскомъ, шипящіе произносятся мягко: *начяти*, *чесати*, *чёго*, *чюжий* и т. п.[4]). Эта древнерусская мягкость шипящихъ сохранилась и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, но въ южно-великорусскомъ и бѣлорус-

---

[1]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 74.

[2]) Ibidem, 79.

[3]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93—94.

[4]) Studien... Ogonowski, 74.

скомъ шипящіе большею частію отвердѣли [1]). То же нужно сказать и объ украинскомъ малорусскомъ говорѣ, въ которомъ мягкіе шипящіе слышатся только въ существительныхъ на *ин* и *ѧт*: *збіжжя, лоша*. Въ малорусской книжной рѣчи XVII в шипящіе тоже постоянно тверды, вѣроятно, подъ вліяніемъ украинскаго говора: мѣчъ (Г. Каз. 71), полночъ (Рад. Ог. 151), *дожчу* (Сл. о безд.), идꙋчы (Лям. острожс.), молчы, межы (ib.), чего (Г. М. 301) и т. п.

Мягкость свистящихъ.

Зато вполнѣ сохранилась въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія древнерусская мягкость свистящихъ согласныхъ. Согласный *с* въ малорусскомъ нарѣчіи произносится мягко въ суф. *ьск: жидивський, паньський* [2]), отсюда же по аналогіи и мягкое произношеніе *з* въ словахъ: *низький, близький*. Слѣды мягкаго *с* есть и въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ: *галилѣйськую, сидоньськыя* (Луц. ев. XIV в. [3]). Въ именахъ существительныхъ съ тематическимъ *ц* этотъ звукъ только предъ *е* произносится твердо, предъ остальными гласными—мягко: *отець, отця, отцю, лице, лиця, лицю, молодиця, молодиць* и проч. Въ галицкомъ говорѣ это *ц* отвердѣваетъ, особенно въ имен. пад. ед. ч. [4]). Сѣверно-великорусскій говоръ въ этомъ отношеніи сходенъ съ малорусскимъ,—въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ *ц* отвердѣло [5]). Мелетій Смотрицкій призналъ за церковнославянскимъ нарѣчіемъ твердое *ц*: ѻ҆тѣ́цъ, ѻ҆тца́, ѻ҆тцꙋ́, пѣ́жица,—поэтому и въ малорусской *печати* подобныя формы представляютъ твердое *ц*, но въ *письменныхъ* малорусскихъ памятникахъ XVII в. нерѣдко можно встрѣтить мягкое *ц*, напр. въ Львовской лѣтописи: *сонця, сонцю* и т. п.

---

[1]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народнаго яз. Колосова, 156—157.

[2]) Г. Огоновскій объясняетъ мягкое *с* въ этихъ словахъ мягкостію слѣдующаго за *с* гортаннаго (Studien... 72).

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 75.

[4]) Studien... Ogonowski, 74.

[5]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народнаго яз. рус., Колосова, 155.

Обмѣнъ свистящихъ съ шипящими.

Извѣстно, что въ древнѣйшихъ памятникахъ новгородскаго письма, начиная съ XI вѣка, встрѣчается взаимный обмѣнъ *ц* и *ч*: *циновъ*, *лѣцьба*, *млиденьча*, *вѣцьчемь* (Минея 1096 г.)[1]) Эта черта вполнѣ сохранилась въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ[2]), Она чужда малорусскому нарѣчію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ діалектовъ галицкаго говора: *чємный* и *цємный*, *нічє* и *нїцє*, *чюю* и *цюю*[3]). Не есть ли это остатокъ древнерусской старины? Мы ставимъ этотъ вопросъ, имѣя въ виду обмѣнъ согласныхъ *ц* и *ч* въ южнорусскихъ памятникахъ, начиная съ XIII вѣка[4]). Даже въ XVII в. изрѣдка встрѣчается этотъ обмѣнъ въ малорусской письменности: *ци* вмѣсто *чи* (Уч. ев. 1604 г.), *ци ли* вм. *чили* (Стр.), *цудне* вм. *чудне* (ib.).

Смягченно-удвоенные согласные.

Гораздо болѣе своеобразно для малорусскаго нарѣчія смягченіе согласныхъ, соединенное съ удвоеніемъ ихъ, хотя и это явленіе, чуждое говорамъ сѣверно-великорусскому и южно-великорусскому въ именахъ существительныхъ сред. р. темъ *ja*, свойственно, какъ извѣстно, бѣлорусскому говору. Оно имѣетъ мѣсто въ именахъ существительныхъ съ суфиксомъ *ие*, причемъ *и* сокращается въ *ь*, а *j* ассимилируется съ предыдущимъ согласнымъ, смягченнымъ посредствомъ *ь*. Такъ получается изъ *веселие* чрезъ *веселье* сѣверно-малорус. *весільле*, украинс. *весільля*. Въ галицкихъ говорахъ стягивается обыкновенно *иje* въ *je*, при чемъ смягчается предшествующій согласный звукъ часто безъ удвоенія. Конечно, исходной точкой въ этомъ удвоеніи нужно признать сокращеніе *и* въ *ь*. Оно встрѣчается уже въ Сборн. 1073 г. (*приѧтье*, *очьѩ*) и въ другихъ памятникахъ XI вѣка. Хотя это *ь* вмѣсто *и* не составляетъ исключительной принадлежности древнерусской письменности, но въ ней оно явилось

[1]) Изв. Ак. т. X, вып. II, стр. 431—435.

[2]) Обзоръ... Колосова, 181—184.

[3]) Studien... Ogonowski, 75.

[4]) Очерки... Соболевскаго, 111.

совершенно самостоятельно, подъ вліяніемъ древнерусскихъ говоровъ. Оно было свойственно преимущественно тѣмъ изъ нихъ, изъ которыхъ образовалось малорусское нарѣчіе. Такъ можно думать въ виду рѣшительнаго предпочтенія сокращенныхъ сочетаній *ьє, ьа, ью, ьи* предъ полными *ие, ия, ию, ии* въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ. Въ Галицкомъ еван. 1144 года, говоритъ г. Ягичъ, „такъ много примѣровъ этого рода сочетаній, что собственно слѣдовало бы подобрать тѣ, гдѣ противъ правила имѣется полная форма [1]). Въ XIV в. появляются въ южнорусскихъ грамотахъ подобныя формы, но уже безъ *ь: падания* [2]), *по божіемъ нароженъ, обличе* [3]); въ XV в: *печатю, милостю, широкостю* [4]); въ XVI в: ѣдѣнїѧ, кы́ченїѧ, замі́лованїѧ, зко́жѧ, написанїѧ (Перес. ев.). Отсутствіе *ь* ясно указываетъ на то, что въ этихъ формахъ произошелъ уже процессъ удвоенія согласныхъ [5]). Въ малорусскомъ правописаніи XVII в. удвоенныя согласныя пишутся рѣдко: намъ встрѣтился одинъ только случай такого рода: скі́нне вм. скинне (Уч. ев. 1604 г.),—если не считать, вѣроятно, подновленныхъ издателемъ формъ: *въ пивиженьню, для збыраньня, кореньня* (Сл. о безд.); обыкновенно отмѣчается только мягкость согласныхъ посредствомъ надстрочнаго знака, а не удвоенія самихъ согласныхъ: камѣ́ніє (Г. К. 57), камѣ́нємъ (ib. 33), камѣ́нїѧ (ib. 166). Иногда же согласные непосредственно присоединяются къ іотированнымъ гласнымъ безъ всякаго знака смягченія: *на свитаню* (Льв. II.), *за помочю* и *за помочу* (ib.) и т. п.

Согласный г.

Въ малорусскомъ нарѣчіи и въ большей части южно-великорусскихъ говоровъ нѣтъ звука *г = g*; только въ иностранныхъ словахъ употребляется *г = g: данокъ, дудзь*. Сохранились однако же въ малорус. рефлексы этого звука: въ словахъ *дзвін, джерело*,

[1]) Четыре критико-палеографич. статьи, Ягича, 90.

[2]) АЗР. I. 23.

[3]) АЮЗР. I. 1.

[4]) Гол. гр. №№ 3, 9.

[5]) Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 213—217.

какъ *аз*, такъ *дж*, изъ г = g [1]). Въ виду этого обстоятельства, а также соображеній объ отношеніи церковносл. ѕ къ χ, мы не считаемъ возможнымъ настаивать на своемъ прежнемъ мнѣніи, что *г* въ церковнославянскомъ нарѣчіи всегда произносилось, какъ *h*, и что г = h древнѣе г въ малорусскомъ нарѣчіи, чѣмъ г = g. Есть слѣды образованія *h* = *г* изъ *г* = *g* въ XII—XIII в.: *блаѕловите*, *блаѕловленъ* изъ *благословите*, *благословленъ* [2]), — хотя, конечно, не всякое малорусское *г* = *h* образовалось изъ *г* = *g*. Мы совершенно согласны съ Колосовымъ, что древнерусскій языкъ зналъ, какъ придыхательное *h*, такъ и нѣмое *g*. Но сознательное различеніе того и другаго звука въ малорусскихъ памятникахъ началось только въ XIV вѣкѣ, когда для выраженія нѣмаго *г* начали употреблять начертаніе *кг*: *Скиркайло* (Гр. 1387 г.), *буркимистру* (Гр. 1393 г.) [3]). Вмѣсто сложнаго начертанія *кг* въ XVII придумана была для обозначенія *г* = *g* особенная буква ґ: ꙗґѹмнъ, чїнеґлафїѫ (Бер.).

Согласный ф.

Нѣтъ также въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ бѣлорусскомъ, звука *ф*. Никогда не переходитъ въ малорусскомъ произношеніи звучный *в* въ отзвучный *ф* ни въ концѣ, ни въ срединѣ словъ предъ отзвучными, какъ въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ. Звукъ *ф* замѣняется въ малорусскомъ нарѣчіи согласнымъ *х*, особенно въ сочетаніяхъ съ *р*: *хрест*, *хранцуз*, или *хв*: *Хвефор*, *хвортуна*, *хвіялочка*. Только въ галицкомъ говорѣ, и то большею частію въ словахъ заимствованныхъ, слышится *ф*: *фляшка*, *файныи*, *фрасуватися*. Тѣмъ же путемъ заимствованія переходилъ звукъ *ф* и въ древнерусскія нарѣчія, изъ коихъ одни были расположены къ нему больше, другія—меньше [4]). Въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ *х* не только вмѣсто *ф*, но и вмѣсто *к*: *нехталимля* (Галиц. ев. XIII в.), *хрол* (Луц. ев. XIV в.) [5]),—*хрьститель*, *хрьщаю*, *хрьщеньє* (Галиц.

[1]) Studien... Ogonowski, 72—75.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 106.

[3]) Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, Потебни, 71.

[4]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 99.

[5]) Ibidem.

ев. 1444 г.)[1]), *хто* (Грам. XIV в.)[2]) Изрѣдка встрѣчается это народное правописаніе и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *хто* (Хм. л.), *ньхто* (Льв. П.). Но, вообще говоря, малорусскіе писатели охотно слѣдовали совѣту Мелетія Смотрицкаго—строго различать *ф* отъ *хв*, т. е. писать: *форма*, а не *хворма*, *хвала*, а *фвала*, поэтому въ иностранныхъ словахъ они постоянно удерживаютъ *ф*: фо́рма (Г. Каз. 43), фе́кра (ib. 39), фрасѹнокъ (ib. 46).

Извѣстно, что въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ существовали многія формы имени и глагола, сходныя съ церковнославянскими. Но само собою понятно, что перемѣны въ области звуковъ должны были непосредственно отражаться на искаженіи и потерѣ самыхъ формъ. Особенно сильное вліяніе въ этомъ отношеніи должно было производить паденіе глухихъ гласныхъ, которое вызвало цѣлые ряды словъ съ согласными окончаніями. Старыя звуковыя комбинаціи, смѣшиваясь съ новыми, давали богатый матеріалъ для нивеллирующаго дѣйствія такъ называемой аналогіи, которая не только сама шла по слѣдамъ звуковыхъ превращеній, но и вызывала эти послѣднія. Такимъ образомъ, въ замѣнъ однихъ морфологическихъ пропорцій, являлись другія, то сходныя въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, то различныя.

Согласно съ нашимъ планомъ, мы остановимся сперва на сходныхъ, т. е. на общерусскихъ формахъ имени существительнаго.

Буква ѣ въ мягкомъ склоненіи именъ существ. женс. р. родит. един. и винит. множ., и мужес. р. въ именит. и винит. множ. ч.

Во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ падежи родит. единс. ч., а также именит. и винит. множественнаго, въ темѣ *ja* именъ женс. рода оканчиваются на *и*, при чемъ единс. число отъ множ. отличается только удареніемъ: *землй*, *душй* (родит. ед.), *зе́млй*, *ду́шй* (именит. и винит. множ.)[3]). То же и въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ мужс. р., какъ въ сѣверныхъ,

---

[1]) Четыре критико-палеографич. статьи, Ягича, 97.

[2]) АЗР. I. 20.

[3]) Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ встрѣчается вмѣсто *и* окончаніе *е* (см. Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 309).

такъ и въ южныхъ нарѣчіяхъ, винит. множ. въ слѣдствіе смѣшенія съ именит. множ. принялъ форму этого послѣдняго падежа: *мужи, кони, лучи*, при чемъ въ именахъ одушевленныхъ уже въ XIII в. этотъ падежъ началъ смѣшиваться съ родит. множ. Этому *и* въ церковнославянскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ ѧ, а въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, *ѣ*: такъ, уже въ Остромировомъ еван: *недѣль* (родит. ед.), въ Сбор. 1073 г: *пѣтинѣ* (именит. множ.), въ Сбор. 1076 г: *вѣдовинѣ* (винит. множ.) [1]). Въ XII—XIII вв. вмѣсто *ѣ* встрѣчаются въ этихъ падежахъ звуки *и* (послѣ шипящихъ—*а*) *е* и *и*: **сѹгыѧ Кїа** (родит. ед. въ Ж. Б. и Г. XII в.), *про свое мужа* (винит. множ. въ гр. 1230 г.), *бортнои земли* (родит. ед. въ Р. Прав. XIII в.), *овци* (винит. множ. ibid.) и т. п. [2]). Существуетъ мнѣніе, что *ѣ* во всѣхъ этихъ формахъ есть окончаніе праславянское, искони отличавшее русскій языкъ отъ церковнославянскаго, что оно соотвѣтствуетъ ѧ, такъ же, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ *ы* соотвѣтствуетъ ѫ [3]). Но мы не видимъ *ѣ* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ стоитъ *ꙗ* въ соотвѣтствіи съ ѧ: нѣтъ, напримѣръ, *ѣ* въ формахъ: *бия, время*. Если бы *ѣ* = ѧ такъ же, какъ *ы* = ѫ, то получились бы формы: *бинь, времнь*. Поэтому необходимо перенести замѣну ѫ посредствомъ *ѣ* съ праславянской почвы на древнерусскую.—Какъ же произносилось въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ это *ѣ*? Г. Соболевскій утверждаетъ, что *ѣ* произносилось иначе, чѣмъ *е*, потому что въ противномъ случаѣ это *ѣ* = *е* превратилось бы въ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ—звуковой процессъ, который начался въ XIII в., и котораго не замѣчаемъ мы въ *ѣ* [4]). Съ своей стороны считаемъ нужнымъ замѣтить, что если съ *е* изъ *ѣ* не сдѣлалось того же, что съ основнымъ *е*, то потому именно, что *е* изъ *ѣ* еще до XIII в. въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ получалось изъ дифтонговъ—такъ же, какъ въ другихъ говорахъ оттуда же образовалось и

[1]) Много примѣровъ изъ памятниковъ XI, XII, XIII вв. см. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. Колосова, 69, 82—83.

[2]) Подробнѣе—ibidem, 83, 94—96.

[3]) Русскій филологич. Вѣст., 1881 г. № 3.

[4]) Ibidem, 1881 г. № 3, 5.

и, слѣдовательно, въ чувствѣ языка не исчезло еще въ то время различеніе *е* изъ *ѣ* отъ основнаго *е*, потому-то *е* изъ *ѣ* и не пошло тѣмъ путемъ превращенія послѣ мягкихъ согласныхъ въ *о* (*jo*), какъ основное *е*. По нашему мнѣнію, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ буква *ѣ* произносилась въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ, какъ звукъ мягкій, который можно было противопоставить твердому *ы*, слѣдовательно, буква *ѣ* выражала звукъ, вызванный аналогіей отъ этого самаго *ы*, звукъ *не тождественный съ ы, но подобный ему*. Весьма можетъ быть, что это былъ звукъ *и* въ тѣхъ древнерусскихъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ буква *ѣ* произносилась, какъ *и*, но ничего нѣтъ невѣроятнаго и въ томъ, что въ другихъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ буква *ѣ* произносилась, какъ *е*, этотъ звукъ *е*, выраженный посредствомъ *ѣ*, сохраняя слѣды своего происхожденія изъ *ѣ*, противопоставлялся твердому *ы*. Когда въ этихъ послѣднихъ нарѣчіяхъ смѣнилось *е* на *и*, то, полагать надобно, это было уже дѣйствіе фонетическаго закона —такъ называемаго перегласованія, хотя и нельзя объяснять однимъ этимъ закономъ появленія *и* въ мягкихъ окончаніяхъ, гдѣ нѣкогда въ церковнославянскихъ нарѣчіяхъ стоялъ ѧ въ противоположность юсовому *ы* твердыхъ окончаній. Поэтому мы думаемъ, что въ однихъ нарѣчіяхъ звукъ *и* въ разсматриваемыхъ формахъ утвердился вмѣсто церковнославянскаго ѧ только подъ вліяніемъ аналогіи отъ *ы*, въ другихъ—при помощи перегласованія, но въ томъ и другомъ случаѣ *разные* писцы пользовались буквою *ѣ* для выраженія неодинаковыхъ звуковъ—то *е*, то *и*. Южнорусскіе писцы выражали буквою *ѣ* преимущественно этотъ послѣдній звукъ, сохраняя и въ XVII в. преданіе древней южнорусской письменности. Вопреки славянской грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, который въ родит. един. и винит. множ. именъ существительныхъ мягкихъ окончаній пишетъ ѧ (сїнѧ, мꙋ́жѧ), они употребляли во всѣхъ этихъ случаяхъ букву *ѣ*, которую произносили, конечно, какъ *и*. Такъ, родит. единс: ꙁ землѣ (Г. К. 39), есть и землѝ (ib. 187), *зо всеи душѣ* (Пал. З. К. 978), слꙋжѣ́бницѣ (Стр. 26), *до ролѣ* (Льв. П.);—именит. множ: *кулѣ* (Льв. П.); винит. множ: сꙋ́кнѣ (Г. К. 81), ꙁимнѣ (К. Х.), кꙋ́-

плѣ (Рад. Ог. 642), шáклѣ (ib 1081). То же *ѣ* и въ винит. падежѣ мужес. р., гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи былъ *ѫ*: *конь* (Хм. л.), есть и *кони* (ib.), *олтарь* (ib.). Но такъ какъ *ѣ* произносили, какъ *и*, то и въ имен. множ. ч. муж. рода, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи было *и*, въ малорусской книжной рѣчи часто видимъ *ѣ*: *гостѣ*, *приходѣ* (Каз. Л. Карп.), *учитель* (Пал. З. К. 977), кнѧзѣ, кзолѣ, царѣ (Г. К. 61), *нѣмцѣ*, *отцѣ* (Льв. П.).

Гораздо рѣшительнѣе выступаетъ дѣйствіе аналогіи въ тѣхъ формахъ имени существительнаго, которыя появились въ слѣдствіе смѣшенія темъ, а также смѣшенія родовыхъ окончаній и падежей.

Смѣшеніе темъ въ именахъ существительныхъ.

Къ давнимъ явленіямъ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ относится смѣшеніе именъ темы *а* съ именами темы *у* въ род. един. (*льну* Сбор. 1073 г.) и въ предлож. един (*въ тиру* Рус. Правда по спис. ок. 1282 г.) [1]). Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. это смѣшеніе представляетъ тоже одно изъ заурядныхъ явленій, особенно послѣднее: ѡ чáкку (Г. Каз. 104), *по отцю*, *у великомъ страху* (Льв. П.), к кѧзеню (Г. Каз. 116).

То же нужно сказать и о смѣшеніи именъ темы *а* съ именами темы *і* въ родит. и дат. един. ч: *гостя*, *оня* вмѣсто *гости*, *они*. Въ малорусскихъ памятникахъ XVII в. послѣднія, болѣе древнія формы вовсе не встрѣчаются. Въ родит. множ. уже въ XIV в. появляется форма: *людей* [2]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, образовалась ли она изъ *ьи*, замѣтимъ только, что во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ она глубоко проникла въ темы *и*: даже въ славянской грамматикѣ М. Смотрицкаго встрѣчаемъ: пáстырей, мѧчéней и проч.

Въ томъ же родит. множ. уже въ XI в. обнаружилось смѣшеніе именъ темъ *а* съ именами темѣ *у*: *грѣховъ* (Остр. ев.

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка Соболевскаго, 121, 122.

[2]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 109

255 в.), *врачевъ* (ib 243 в.), *вождевъ* (Сбор. 1076 г.)[1]). Съ развитіемъ древнерусской письменности постепенно усиливается преобладаніе окончаній *овъ*, *евъ* надъ *ъ*, *ь*. Въ малорусской книжной рѣчи XVII в. замѣтно колебаніе въ этомъ падежѣ между темами *у* и *і*: ѡ҆ц҃ѣ҃лѣіскꙋ (Г. К. 17) и ѡ҆ц҃ѣ҃тлій (ib.), зкѣ-ді́скꙋ (ib. 56) и зкѣді́й (ib.).

Смѣшеніе родовыхъ окончаній въ именахъ существительныхъ.

Въ дат., творит. и предлож. падежѣ множ. ч. имена существительныя мужес. и сред. р. во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ принимаютъ окончанія именъ существительныхъ женс. р: *амъ-ямъ*, *ами-ями*, *ахъ-яхъ*. До XVI в., повидимому, держались еще старинныя окончанія этихъ падежей. Въ одномъ памятникѣ XII в. мы встрѣтили окончанія *ами*, *ями*: *прекрасными лучами* (Монаст. уст.)[2]), но этотъ единственный случай не можетъ служить доказательствомъ ранней аналогіи въ этихъ формахъ отъ именъ существительныхъ женс. р. Зато въ XIV вѣкѣ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ, рѣшительно выступаетъ дѣйствіе этой аналогіи[3]). Вѣроятно, раньше всего подчинились ей имена существительныя средняго р., въ которыхъ именит. множ. оканчивается на *а*. Въ предложномъ падежѣ посредствующей формой отъ *ѣхъ* къ *ахъ* могли быть окончанія *ѣхъ*, *охъ*, перешедшія изъ темы *а* въ тему *у* и весьма нерѣдкія въ южнорусскихъ памятникахъ, даже сравнительно позднихъ[4]). Впрочемъ, въ книжной малорусской рѣчи XVII в. разсматриваемыя нами формы, безъ сомнѣнія, были уже во всеобщемъ употребленіи, какъ и теперь въ народной рѣчи. Въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго стоятъ рядомъ формы: пꙋрокамі, дꙋгамі и пꙋрꙋки, дꙋги, но падежи дат. и предлож. выдержаны по церковнославянски.

---

[1]) Изв. Ак. т. X. 5.

[2]) Ibidem.

[3]) Примѣры у Колосова, см. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка, 109—110.

[4]) См. выше стр. 66—67.

Смѣшеніе родовыхъ окончаній выразилось также въ имен. пад. един. ч. собственныхъ именъ, которыя послѣ паденія глухихъ гласныхъ охотно начали принимать окончаніе *о*, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ: *Данило, Федорко* (Смол. гр. 1284 г.), *Михайло* (Нов. гр. 1317 г.)[1].—То же въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в: *Стенко, Васько, Осташко, Гнѣко, Михайло*[2]). Для объясненія этого явленія едвали можно обращаться къ теоріи о долговременномъ существованіи глухихъ гласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ, даже и въ сѣверномъ, гдѣ обыкновенно встрѣчаются такія формы, какъ *Ролфо, Тумаше* (Смол. гр. 1229 г.), *Павле, Инате* (Новгор. купч. XIII—XIV в.), *Окьмифо, Марке, Ѳедоро, Ивановиче* (Новгр. гр. XIV в.). Смѣшеніе глухихъ гласныхъ съ чистыми въ такихъ и подобныхъ случаяхъ, по нашему мнѣнію, есть ничто иное, какъ графическая замѣна однихъ буквъ другими, легко объясняемая привычкой малограмотныхъ писцевъ произносить *ъ* и *ь*, какъ *о* и *е*, поэтому въ сѣверныхъ грамотахъ мы часто встрѣчаемъ эти послѣднія буквы вмѣсто первыхъ, и наоборотъ. Такъ, иногда въ одной и той же грамотѣ одни и тѣ же слова пишутся двоякимъ образомъ: *миро* и *миръ, будьте* и *будьть, битосѧ* и *битъсѧ, око* и *окъ* (Смол. гр. 1229 г.). Къ такимъ же ошибкамъ въ правописаніи мы относимъ аналогическія формы въ южнорусскихъ памятникахъ: *есте* вмѣсто *есть, придьте* вмѣсто *придьть* (Добр. ев. XII в.), *дамо* вмѣсто *дамъ* (Типогр. ев. № 7. XIII в.), *къ людемо* вмѣсто *къ людемъ* (Луц. ев. XIV в.)[3]). Что касается до именъ существительныхъ, относящихся къ названію лицъ и званій, то въ великорусскомъ нарѣчіи смѣшеніе родовыхъ окончаній въ этихъ именахъ пошло дальше, чѣмъ въ малорусскомъ. Уже въ XIII—XIV вв. въ сѣверно-великорусскихъ грамотахъ встрѣчаемъ окончаніе *а* рядомъ съ *о* съ соотвѣтствующими косвенными падежами женс. р: *Самуйлѣ* (дат. ед.), *Гаврилу, Данилу* (винит. ед.) и т. п.[4]). Въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

---

[1]) Изв. А т. X. 5. 6

[2]) Год. гр. №№ 3, 7.

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка. Соболевскаго. 71.

[4]) Лекціи по исторіи русскаго языка. Соболевскаго. 132.

господствуетъ окончаніе *о*: Марко (Г. М. 336), *Михайло*, *Григорко* (Гус. л. 372) и т. п. Нерѣдки также формы: митрополита (Г. Чуд. 143), *патріарха*, *екзарха*, *езуита* (Густ. л. 369—370). Впрочемъ, *а* въ этихъ формахъ, очевидно, явилось, какъ и въ польскомъ языкѣ, подъ вліяніемъ латинскихъ формъ.

Смѣшеніе падежей въ именахъ существительныхъ.

Зват. падежъ въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ мы видѣли, сохранился до настоящаго времени, не замѣняясь падежемъ именительнымъ. Обратная замѣна именит. падежа звательнымъ въ именахъ существит. мужес. р. встрѣчается иногда въ народныхъ пѣсняхъ: „приїзжає *синку* к своєму двору“ (Чуб. V. 706), „ой занедужав молодый *чумаче*“ (ib. 1048). Это явленіе общерусское, и притомъ давнее, возникшее въ XII — XIII в. [1]). Встрѣчается оно и у малорусскихъ писателей XVII в: Николае вмѣсто *Николай* (Г. Каз. 20), Арїе вмѣсто *Арій* (Рад. Ог. 709).

Не менѣе древнею общерусскою особенностью въ формахъ имени существит. нужно считать смѣшеніе винит. падежа въ именахъ одушевленныхъ мужес. рода съ родительнымъ, а также во множ. ч. смѣшеніе винит. падежа съ именительнымъ. Первое смѣшеніе встрѣчается уже въ памятникахъ XI—XII в., какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ: „памѧть жнкоѧ кѣчьнаго“ (Остр. ев. 8. в.), „къзаѣкї кї всего мира“, „ѫдѫїй хлѣка“ (Галиц. еван. 1144 г.) [2]). Употребленіе винит. вмѣсто именит., и обратно, во множест. ч. началось не позже XIII в. [3]). Всѣ эти общерусскія явленія составляютъ обычную черту и книжной малорусской рѣчи XVII в. Въ винит. множ. Мелетій Смотрицкій старается приблизиться къ церковнославянскимъ формамъ: кра́ты, па́стыръ, кра́чѧ, но ко́ня, дѹ́ба, сы́на, кра́ча́ и тому подобныя замѣны винительнаго падежа формами родительнаго онъ приписываетъ, какъ мы видѣли, и языку славянскому.

---

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 137.

[2]) Описаніе с кіевскихъ рукописей, Горскаго и Невост. отд. I 214.

[3]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 139.

Не менѣе значительны общерусскія отклоненія отъ церковнославянскихъ глагольныхъ формъ.

Суффиксы неопред. наклоненія ти, ть, чь.

Въ неопр. накл. съ XII в. началось уже колебаніе между формами *ти* и *ть*. Такъ, въ договорной грамотѣ Ярослава Владиміровича съ нѣмцами (1195 г.) читаемъ: „а кого Богъ поставить князя, а съ тѣмъ миръ *потвердить*“ [1]). Нужно, впрочемъ, сказать, что форма *ть* встрѣчается довольно рѣдко не только въ XIII, но и въ XIV в: „оу желѣза *оусадить*“ (Смол. гр. 1229 г.). [2]) „жидоге маютъ утягати и *выстерегаться*“ [3]) Гораздо чаще встрѣчается *ть* въ XV в. [4]), не устраняя и въ послѣдующихъ вѣкахъ стариннаго *ти*. Эта живучесть окончанія *ти* не можетъ служить къ пользу предположенія, что достигательное наклоненіе начало выходить изъ употребленія въ XV в. подъ вліяніемъ прекращенія *ти* въ *ть* и послѣдовавшаго затѣмъ смѣшенія этого послѣдняго окончанія съ суффиксомъ достигат. накл. *ть*. Можно указать въ древнерусскихъ памятникахъ примѣры появленія *ть* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ старину употреблялось *ть*: даже *ти* въ древнѣйшихъ памятникахъ стоитъ иногда вмѣсто *ть*, напр: „идѣ оуточокати мѣкчо камѣ“ (Остр. ев. 45, в). Поэтому мы полагаемъ, что удобнѣе говорить о замѣнѣ достигат. наклоненія посредствомъ неопредѣленнаго, чѣмъ о фонетическомъ воздѣйствіи одной формы на другую. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ вмѣсто достигат. накл. является неопредѣлен. съ общерусскимъ окончаніемъ *чи* [5]), которое въ настоя-

[1]) Грамоты, касающіяся сношенія сѣверозап. Россіи съ Ригою, Наніерскаго, изд. Археогр. комиссіей.

[2]) Славянская христоматія Воскресенскаго, 65. Колосовъ считаетъ въ этомъ случаѣ ь графической замѣной звука *е*, который въ свою очередь стоитъ вмѣсто *и* (Очеркъ.. 98). Это, очевидно, фонетическая натяжка. Нельзя также считать *оусадить* формой повелит. накл., потому что она не соотвѣтствовала бы контексту рѣчи, въ которой постановленія договаривающихся сторонъ всюду выражены въ формѣ неопред. наклоненія.

[3]) АЗР. I, 25.

[4]) Ibid I, 71, 83

[5]) Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Потебни, 299

щее время сохранилось, какъ въ сѣверномъ великорусскомъ, такъ и въ галицкомъ малорусскомъ говорѣ.

Вызвано это *чи* вліяніемъ согласныхъ темъ наст. времени. Въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ окончаніе *чи* послѣдовательно идетъ, начиная съ XIV в: *рьчи* (Гр. 1385 г.) [1]), *отвеpечися* (Гр. 1386 г.) [2]), *мочи* (Гр. 1486 г.) [3]), пожечи, стречи, сѹкечи (Пересоп. ев. XVI в.), *забьчи* (Пал. з. К. 1083), *вмьчи* (Льв. II), кѝмочи (Рад. Ог. 385), печи (Г. К. 185.).

Личныя окончанія наст. времени изъявит. наклоненія.

Въ изъявит. наклоненіи не всѣ личныя окончанія наст. времени сохранились въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и малорусскомъ. Съ XIII в. начали колебаться формы двойст. ч. [4]), въ XIV в. онѣ постепенно вымирали. Какъ ни усиливался Мелетій Смотрицкій поддержать эти формы въ своей грамматикѣ, онѣ не привились къ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Въ единс. и множес. числахъ настоящаго времени личныя окончанія получили не тотъ видъ, какой они имѣли въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Такъ, юсы уже въ XI в. иногда замѣняются чистыми гласными въ 1 л. единс. и въ 3 л. множес. ч: *приимоу* (Туровс. ев. XI в.) [5]), *розоумью, глаголоть* (Сбор. 1076 года) [6]). Архаическое окончаніе 1 л. единс. ч. *мь* тоже въ XI в. начало превращаться въ *мъ:* уже въ Остром. евангеліи съ особенною настойчивостію употребляется форма имамъ. Подобныя формы встрѣчаются также въ XII и XIII в. [7]) Глаголъ *есмь*, вѣроятно, подъ вліяніемъ аналогіи отъ 2 л. единс. ч. *еси*, съ давнихъ временъ получилъ форму *есми* [8]). Въ слѣдствіе пре-

[1]) АЗР. I. 27.

[2]) АЗЮР. II, 102.

[3]) АЗР. I, 80.

[4]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 99.

[5]) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизв. и неизв. памятникахъ, Срезневскаго, №15, 108.

[6]) Историческая христоматія, Буслаева, 300.

[7]) Свѣдѣнія и замѣтки... Срезневскаго, № 31, стр. 4. Древніе памятники русскаго письма и яз. Срезневскаго, 192, 214, 227, 232.

[8]) Колосовъ указываетъ одинъ примѣръ изъ XII в. (Очеркъ.. 85). Въ XIII и XIV в форма сложнаго прошедшаго съ *есми* рѣдко встрѣчается, а въ XV в. она

вращенія *мь* въ *мъ* 1 л. множес. ч. совпало съ 1 л. единс. ч. Можетъ быть, это обстоятельство было поводомъ къ превращенію во множ. ч. *мъ* въ *мы*: уже въ Сбор. 1073 г.—*есмы* [1]). Вообще же въ глаголахъ сохранилось во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ окончаніе 1 л. множ. ч. *мъ*—конечно, безъ всякой примѣси глухаго гласнаго звука.

Во 2 л. един. ч. рано появилось окончаніе *шь* вмѣсто *ши*: въ памятникахъ XII—XIII в. находимъ: *тружаешь* (еван. XII в. кіевс. церко. по-арх. муз.), *прьткнешь* (еван. XII—XIII в. Рум. муз. № 104) [2]), *вѣдаешь*, *дѣлаешь*, *посулишь* (гр. 1229 г.) [3]). Допуская въ русскихъ нарѣчіяхъ раннюю потерю глухихъ гласныхъ, думаемъ, что окончаніе *шь* уже во время появленія своего означало не болѣе, какъ мягкій шипящій звукъ, поэтому не лишено основанія предположеніе г. Соболевскаго, что окончаніе *ши* въ древнерусскихъ памятникахъ есть особенность церковнославянская, а не русская [4]). Послѣ отвердѣнія шипящихъ, *ь* въ окончаніи *шь* не было уже знакомъ мягкости согласнаго *ш*, а въ книжной малорусской рѣчи XVII в., согласно съ народнымъ произношеніемъ, принято было за правило писать *шъ*, а не *шь*: наꙋчáенъ, мáешъ, хнáйдешъ (Г. М. 122. 123).

Въ 3 л. един. и множ. ч. украинскій говоръ малорусскаго нарѣчія вмѣстѣ съ бѣлорусскимъ и южно-великорусскимъ ближе стоитъ къ церковнославянскому нарѣчію, удерживая мягкое *т*, т. е. *ть*. Въ галицкомъ малорусскомъ и сѣверномъ великорусскомъ, а также въ литературномъ русскомъ, *т* отвердѣло. Хотя предъ *ся* это отвердѣніе *т* встрѣчается уже въ Мстиславовомъ еван. XII в. (ꙁꙋсрамлѧютсѧ, ѡставлѧютсѧ) [5]), но явленіе это съ особенною силою выступаетъ въ болѣе позднихъ памятникахъ XV в. [6]). Мелетій Смотрицкій, примѣняясь къ западнымъ мало-

составляетъ обыкновенное явленіе, какъ въ южнорусскихъ, такъ и въ сѣверорусскихъ памятникахъ.

[1]) Описаніе слав. рукописей, Горскаго и Невостр. Отд. II, кн. 2, 392.

[2]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 112.

[3]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 97.

[4]) Лекціи... Соболевскаго, 112.

[5]) Историческая христоматія. Буслаева, 37, 38,

[6]) Очеркъ.. Колосова, 145.

русскимъ говорамъ, установилъ для 3 л. един. и множ. ч. окончаніе *тъ*: оно принято было и въ книжную малорусскую рѣчь XVII в.—Что касается до опущенія *ть, тъ* въ 3 лицѣ един. и множ. ч., то оно отвергнуто было малорусскими писателями XVII вѣка, какъ особенность простонародной рѣчи. Между тѣмъ, это одна изъ характерныхъ ея особенностей. Является она уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности—въ припискѣ къ Остромірову евангелію, въ Сборникѣ 1073 г. Въ настоящее время формы безъ *ть, тъ* въ 3 л. един. ч. распространены преимущественно въ малорусскомъ и сосѣднихъ съ малорусскими бѣлорусскихъ говорахъ; гораздо рѣже встрѣчаются онѣ въ остальныхъ великорусскихъ говорахъ.

Замѣна прошед. простыхъ прошедшими сложными.

Относительно прошедшихъ простыхъ установилось мнѣніе, что въ первые вѣка славянорусской письменности они не чужды были древнерусскимъ нарѣчіямъ. На страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, какъ аористъ, такъ и прошедшее продолженное время, составляютъ обычное явленіе. Такъ, въ болѣе поздней редакціи ихъ XII и XIII в. мы видимъ прежде всего рѣзкое преобладаніе такъ называемаго аориста, который въ глаголахъ 1 класса на гласную тему иногда употребляется въ 3 л. един. ч. безъ *тъ, ть*: *нача* (Пролог. новгор. соф. библ. 1150 г.) *поча* (Кормч. 1284 г.)[1]) и т. п. Наоборотъ, въ прошед. продолженномъ времени 3 л. един. и множ. ч. часто является съ окончаніемъ *ть*, которое встрѣчается иногда и въ южнославянскихъ памятникахъ, но преимущественно—въ памятникахъ древнерусскихъ. Видно, что это окончаніе не было навѣяно вліяніемъ южнославянской письменности. Особенно интересно въ древнерусской книжной рѣчи своеобразное построеніе прошед. продолжен. времени: большею частію оно образуется подъ вліяніемъ аналогіи отъ темъ глагольныхъ на *а*: идѣлаше (Остр. ев. 4 в.), идѫлаше (ib. 34, б), жикѣлаше (ib. 9, в.), — есть и идѣкаше (ib. 95, г.), жикѣкаше (ib. 41, в.). Гораздо чаще встрѣчаются сокращенныя формы: *поняше, живяше* (Арх. ев. 1092 г.), *тьрьняше, поняше*

[1]) Древніе памятники русскаго пис. и яз. Срезневскаго, 231, 237.

(Мин. 1095 г.) [1]). Въ XII—XIII вв. эта однообразная форма прошед. продолжен. времени встрѣчается еще чаще, указывая на затменіе этой категоріи времени въ живой рѣчи. Вообще же нужно сказать, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ русской редакціи замѣтно уже предпочтеніе сложныхъ формъ времени простымъ. Можетъ быть, ближайшимъ поводомъ къ этому предпочтенію служило стремленіе отличить 2 л. един. ч. въ прошедшихъ простыхъ отъ 3-го, поэтому для втораго лица сперва употреблялась сложная форма, а затѣмъ она начала проникать и въ другія лица. Такое предположеніе мы допускаемъ на томъ основаніи, что въ древнерусскихъ памятникахъ съ особенною настойчивостію употребляется сложная форма прошед. времени во 2 л. един. ч. Въ XIII в. встрѣчаются уже ошибки въ употребленіи прошедшихъ простыхъ: такъ, въ галицкомъ спискѣ еванг. чтеній конца XIII в. встрѣчается: „другая не *имѣше* глубины земл҃ѧ“ [2]). Формы прошедшихъ простыхъ казались тѣмъ менѣе обязательными, что съ опущеніемъ вспомогат. глагола въ сложныхъ прошедшихъ, которое нерѣдко встрѣчается уже въ XII в. („язъ *ѡалъ*“ Грам. Мстисл. 1130 г., „се *вдалъ* Варламе“ Грам. хут. 1192 г.), [3]) формы сложныхъ прошедшихъ являлись въ упрощенномъ видѣ. Какъ бы то ни было, въ XIII—XIV вв. формы прошед. простыхъ были уже пережитымъ моментомъ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, хотя и были понятны народу, поэтому онѣ и не выходили изъ книжнаго употребленія не только тогда, но и гораздо позже. Конечно, вымираніе этихъ формъ происходило не сразу: нѣкоторыя изъ нихъ могли продолжать свое существованіе, какъ остатокъ старины. Судить объ этомъ мы можемъ по тому, что и теперь еще жалкіе остатки ихъ, какъ мы видѣли, не исчезли окончательно. Вообще говоря, въ обыденной рѣчи онѣ казались излишними: здѣсь причастіе спрягаемое на *лъ* сдѣлалось замѣстителемъ прошедшихъ простыхъ. Впрочемъ, и въ книжной малорусской рѣчи XVII в. онѣ тоже отсутствуютъ.

[1]) Лекціи... Соболевскаго, 114.

[2]) Свѣдѣнія и зам. о малоизвѣс. и неизвѣс. памятникахъ, Срезневскаго, № 15. 113. Примѣры ошибокъ въ употребленіи прошедшихъ простыхъ изъ разныхъ вѣковъ см. Лекціи... Соболевскаго. 165.

[3]) Древніе памятники русскаго письма и яз. Срезневскаго, 198, 510.

Виды глаголовъ въ южнорусской письменности XI, XII, XVII вв.

Въ связи съ этимъ явленіемъ, по нашему мнѣнію, находится развитіе въ русскихъ глаголахъ тѣхъ особенностей, которыя въ грамматикахъ принято называть *видами* глаголовъ или *степенями дѣйствія*, выражаемаго посредствомъ глаголовъ [1]).

Извѣстно, что въ образованіи кратной степени во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ самое рѣшительное вліяніе имѣетъ гласный звукъ *а*, поэтому глаголы V класса съ тематическимъ гласнымъ *а* представляютъ наиболѣе удобную почву для передвиженія глаголовъ изъ продолженной степени въ кратную. Тема этихъ глаголовъ расширяется посредствомъ суффикса *а*, который видоизмѣняется въ нарѣчіи великорусскомъ въ звукъ *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ, и въ звукъ *и* послѣ гортанныхъ, а также послѣ мягкихъ согласныхъ, при чемъ для устраненія зіянія между суффиксомъ кратной степени и тематическимъ гласнымъ вставляется *ь*, удареніе же большею частію передвигается съ тематическаго гласнаго на корень, въ которомъ гласный звукъ иногда усиливается: *дѣлать - дѣлывать*, *толка́ть - та́лкивать* и т. п. Форму кратной степени могутъ принимать и глаголы другихъ классовъ, но всегда подъ условіемъ перехода этихъ глаголовъ

[1]) Миклошичъ раздѣляетъ славянскіе глаголы на *совершенные* и *несовершенные*, и затѣмъ—въ послѣднихъ различаетъ дѣйствіе длящееся (verba durativa) отъ дѣйствія повторяющагося (verba iterativa). Эти послѣдніе глаголы, обыкновенно обозначаемые суффиксомъ *а*, усиливаютъ итерацію посредствомъ удвоеннаго суффикса *а*, являясь такимъ образомъ итеративными второй степени: чешс. *sedám*—глаголъ итеративный отъ *sedu*, *sedávám*—итеративный отъ sedám (Vergleich. Syntax der Slav. Spr. Miklosich, 276—277).—Некрасовъ раздѣляетъ русскіе глаголы по *степенямъ дѣйствія* на *краткіе*, *продолженные* и *кратные*. „Краткость и кратность, говоритъ онъ, суть виды общаго, родоваго понятія продолжительности. Въ нихъ противоположность представляется конкретнѣе, съ проявленіемъ дѣйствія на самомъ дѣлѣ (О значеніи формъ русскаго глагола, 1865 г, 155). Недостатокъ этой послѣдней классификаціи заключается въ томъ, что въ ней не дано надлежащаго мѣста глаголамъ совершеннымъ, которые не имѣютъ суффикса краткой степени *ну*,—зато она представляетъ менѣе обычности въ разграниченіи первой и второй степени. По Некрасову, *кидáть*, *бросáть*—глаголы просто продолженные (у Миклошича verba iterativa первой степени), *кидывать*, *брáсывать*—глаголы кратные (у Миклошича verba iterativa второй степени). Поэтому, принимая общепринятое въ славянскихъ грамматикахъ дѣленіе глаголовъ на совершенные и несовершенные, мы будемъ держаться терминологіи Некрасова въ отношеніи къ глаголамъ несовершеннымъ.

въ V классъ, хотя переходная форма эта въ глаголахъ великорусскихъ не всегда употребляется. Такъ, отъ глагола *дать* (1 кл.) чрезъ *дава* (*давáть*)—*дáвывать*,—отъ *быть* (1 кл.) чрезъ *быва* (*бывáть*)—*бывывать*,—отъ *сидѣть* (III кл.) чрезъ *сиѣ+а*, *сидя+а*—*сíживать*,—отъ *ходить* (IV кл.) чрезъ *ходи+а*, *хожа*—*хáживать* и т. д. Иногда глаголы 1 класса, принимая тематическій гласный звукъ глаголовъ V класса, сразу получаютъ значеніе кратной степени: *ѣсть*—*ѣдáть*, *пить*—*пивáть* и т. п. [1]).

Таковы въ общихъ чертахъ отношенія между степенью продолженной и кратной въ великорусскомъ нарѣчіи. Само собою разумѣется, что они установились не сразу. Собственно говоря, кратная степень возникла уже на памяти исторіи. Она неизвѣстна была церковнославянскому нарѣчію въ тѣхъ комбинаціяхъ, которыя встрѣчаются въ нарѣчіи великорусскомъ, хотя, по мнѣнію Миклошича, въ сферѣ славянскихъ нарѣчій система глаголовъ совершенныхъ и несовершенныхъ послѣдовательно была выдержана уже до начала славянской письменности, т. е. до IX вѣка [2]). Во всякомъ случаѣ, только съ того времени, по мѣрѣ появленія памятниковъ славянской письменности, является возможность слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ степеней дѣйствія въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Вопросъ этотъ, сколько намъ извѣстно, не былъ еще разработанъ съ историко-сравнительной точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе можно считать несомнѣннымъ, что въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ движеніе глаголовъ по степенямъ дѣйствія не остановилось на той стадіи, которую мы видимъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Особенно это нужно сказать о нарѣчіяхъ великорусскомъ и чешскомъ, въ которыхъ кратная степень дѣйствія проведена съ большею силою и выразительностію, чѣмъ въ остальныхъ нарѣчіяхъ.

Что же представляютъ въ этомъ отношеніи древнерусскія нарѣчія?

Мы видѣли въ древнерусскихъ памятникахъ прошедшее продолжен. время въ особенной, или лучше сказать, стяженной

---

[1]) Замѣну звука *а* звуками *ы*, *и* въ великорусскомъ нарѣчіи Миклошичъ объясняетъ отсутствіемъ надъ *а* ударенія (Vagleich. Syntax der. Slav. Spr. 309).

[2]) Vergleich. Syntax der. Slav. Spr. Miklosich. 294.

конструкціи на *аахъ, яхъ*. Это была, конечно, вымирающая форма, но такая однако же, въ которой весьма замѣтно обнаружилось стремленіе языка восполнить старое новымъ. Самая форма прошедшаго продолженнаго времени выходила изъ употребленія, но функція его была присуща живому чувству рѣчи, которая нуждалась въ выраженіи дѣйствія незаконченнаго, продолженнаго. И вотъ мы видимъ въ древнерусской книжной рѣчи то же явленіе, которое наблюдали во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ при образованіи кратной степени дѣйствія, т. е. переходъ глаголовъ разныхъ классовъ въ V классъ. Поэтому намъ кажется, что аористъ раньше вышелъ изъ употребленія, чѣмъ прошедшее продолженное время, въ которомъ чувствовалась болѣе настоятельная нужда. Окончательное паденіе прошед. продолженнаго времени, по нашему мнѣнію, наступило тогда, когда вполнѣ окрѣпла аналогія отъ глаголовъ V класса. Такимъ образомъ прошед. продолженное время мало по малу получило въ кратныхъ формахъ глагола свое выраженіе, т. е. онѣ сдѣлались какъ бы описательными формами прошед. продолженнаго времени. Можно было бы назвать этотъ способъ выраженія прошед. продолженнаго времени *степеннымъ* описаніемъ его.

Слѣды кратной степени можно замѣтить уже въ самыхъ раннихъ памятникахъ древнерусской письменности. Такъ, въ Остромировомъ евангеліи мы встрѣчаемъ формы: **отъкѣрлкати** (есть и **отъкѣрати** 83. а), **отъкѣрлкалаше** (185 в.) и, что особенно важно, **отъкѣрлкаѥаши** (162)—въ наст. времени, какъ въ народномъ великорусскомъ нарѣчіи. Въ XII—XIII в. является и характеристическое *ы* вмѣсто *а*: *утьрпывати* (Ж Б. и Г. XII в.) [1], *повьдываемъ* (Тріодь XIII в.) [2], *посдуживати* (Гр. полоц. кн. Изясл. около 1265 г.), *поискивати* (Гр. литовск. кн. Герденя 1264 г.) [3]. Въ XIV в. являются эти формы и въ малорусскихъ памятникахъ: *слюбовати* (Гр. 1393 г.) [4], *потверживати* (Гр.

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 99.

[2]) Ibidem.

[3]) Грамоты... Непіерскаго, изд. Археогр. Коммиссіи.

[4]) АЗР. II. 204.

1375 г. [1]). Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ онѣ встрѣчаются въ малорусскихъ памятникахъ въ самой разнообразной конструкціи. Приведемъ возможно большее число примѣровъ въ неопр. накл. для того, чтобы сдѣлать приблизительный расчетъ относительно движенія этихъ формъ въ малорусскомъ нарѣчіи.

XV вѣкъ: *бирати* [2]), *давати* [3]), *тягивати* [4]), *ложивати* [5]), *ромахивати* [6]), *поискивати* [7]), *осаживати* [8]), *заступовати* [9]), *отправовати* [10]), *приймовати* [11]), *приложатися* [12]).

XVI вѣкъ: *дѣливати* [13]), *ловливати* [14]), *опытывати* [15]), *отказывати* [16]), *переховывати* [17]), *подпрошиватися* [18]), *пробовливати* [19]), *спрошивати* [20]), *узрушивати* [21]), *давати* [22]), *пивати* [23]), *заслуговати* [24]), *найдовати* [25]), *поступовати* [26]), *справовати* [27]), *выймовати*, *запорожновати*, *захововати*, *заѣдовати*, *наглядовати*, *оболокиватися*, *отхожовати*, *перекажовати*, *помаговати*, *послу-*

---

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія. 355.
[2]) АЗР. I 110.
[3]) Ibidem.
[4]) АЗЮР. I. 19.
[5]) АЗР. I. 119.
[6]) АЗЮР. I. 10.
[7]) Ibidem II. 109.
[8]) Ibid I. 10.
[9]) АЗЮР. II. 109.
[10]) АЗР. I. 50.
[11]) Ibid I. 49.
[12]) Ibid. I. 39.
[13]) АЗЮР. I. 49.
[14]) Ibid. I. 54.
[15]) Ibid. I. 51.
[16]) АЗЮР. I. 51.
[17]) Ibid. I. 108.
[18]) Ibid I. 39.
[19]) Ibid I. 52.
[20]) Ibid. I. 130.
[21]) Ibidem
[22]) Ibid I. 56.
[23]) АЗЮР. I. 28. Пересопн. еван. 32.
[24]) АЗЮР. I. 88.
[25]) Ibid. I. 144.
[26]) Ibid. I. 98.
[27]) Ibid. I. 41.

*ювати, прихожовати, пророковати, прошовати, розгоровати*ся, *розрывовати, хожовати, чиновати, оучовати, ядати*[1]), *лотовати*[2]), *напорожати*[3]), *наѣздчати*[4]), *стискати*[5]), *стяатися*[6]).

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ три типа кратныхъ степеней: 1) *ива* 2) *ова* 3) согласный + *а*. Два послѣдніе типа сохранились и въ современномъ намъ малорусскомъ нарѣчіи съ тѣмъ различіемъ, что *ова* въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ звучитъ, какъ *ува*[7]), и притомъ чаще употребляется въ обыденной рѣчи, чѣмъ третій типъ, сохранившійся преимущественно въ народной поэзіи[8]). Что касается до глаголовъ на *ива*, то въ настоящее время ихъ почти нѣтъ въ малорусскомъ нарѣчіи, за исключеніемъ двухъ-трехъ глаголовъ 1 класса съ односложнымъ корнемъ, оканчивающимся на *и*[9]). Образованіе глаголовъ на *ива* до такой степени чуждо малорусскому нарѣчію,

---

[1]) Пересоп. еван. 35, 70, 3–5, 22, 22, 38, 18, 62, 111, 16, 70, 3–4, 88, 113, 38, 3–8, 3–24, 72, 78.

[2]) АЗЮР. I, 57.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibid. I. 33.

[5]) Ibid. I. 148.

[6]) Ibid I. 89.

[7]) По мнѣнію г. Потебни, это *у* явилось не въ силу одного отсутствія ударенія, но и отъ ассимилирующаго вліянія звука *в* (Замѣтки о малорус. нарѣчіи. 50). Ягичъ думаетъ, что *у* въ *ува* появилось подъ вліяніемъ аналогіи отъ 1 л. един. ч. (Arch. für Slav. Philol. II. 358). Во всякомъ случаѣ, это явленіе сравнительно позднее. Въ грамотѣ Александра, господаря молдавскаго (1407 г.), есть форма *торгувати* (АЗР. I. 31). По единственному случаю нельзя придавать особеннаго значенія – тѣмъ болѣе, что самая грамота напечатана не съ подлинника а со списка, доставленнаго Д. Зубрицкимъ.

[8]) „Будуть дівки *приходжати*, тое зільє рвати“ (Гол. I, 93); „по світлоньці походжае, у скляночці мед *пошае*“ (Чуб. I, 1088); „в чистим полю, край дороги, на копику все *їзджае*“ (Гол. I. 265); „з вербів грушок не *зїдала*, дівок в злоті не *видала*“ (Чуб. V. 336); „ой и скалав пан Канівський рублі поміняти, абы єго бондарівні три дні *видзвоняти*“ (Гол. I. 65); „ой до твоі, Абазине, писанні скрині? Ой побрали кражі ляхи, що *пасали* свині“ (ibid. 13).

[9]) „Хто тую горілку *пиває*, від неї біди зазнає“ (Чуб. V. 1088); „прощай мене, мати, як я *живав* в світі“ (Гол I. 135); „мене мати годувала, в головоньку не *бивала*“ (Чуб. V 610).

что въ заимствованныхъ великорусскихъ пѣсняхъ окончаніе *ивать* обыкновенно передѣлывается въ *увать*[1]).

Всегда ли такъ было?

Судя по даннымъ, приведеннымъ нами выше, въ XIV и XV в. нерѣдки были глаголы на *ива*. Въ XVI в. они замѣтнымъ образомъ начали выходить изъ употребленія, уступая свое мѣсто глаголамъ на *ова*, т. е. начали идти по аналогіи съ глаголами VI класса, пока эти послѣдніе не смѣшались съ первыми въ общемъ образованіи на *ува*[2]). Рядомъ съ этимъ образованіемъ шло стяженіе *ива* въ *а* съ перенесеніемъ ударенія на этотъ послѣдній звукъ. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. любимою формой являются образованія на *ова*, въ которыхъ, какъ и въ глаголахъ VI класса, тема наст. времени оканчивается на *у*: знайдоска́лисѧ (Г. Каз. 110), пріймовали (Рад. Ог. 1111), пристꙋпова́ли (ib. 1112), заке́лкитъ (Тр. п. 22), пріймꙋитъ (ib. 915), подстꙋпꙋитъ (ib. 945). Эти образованія предпочитаются стяженнымъ формамъ: сдоки́мо (Лекс. Бер. 99), а не *сажаемо*, похо́жꙋю (ib. 186), а не *похожаю*. Впрочемъ, есть перѣшкожа́ю и перѣшко́жꙋю (ib. 100); даже Мелетій Смотрицкій, перечисляя въ своей славянской грамматикѣ глаголы, сложенные съ предлогами, обронилъ народную форму: похожа́ю. Изрѣдка встрѣчаются образованія на *ива*, при чемъ *и* относится къ корню глагола: *бирали* (Пал. З. К. 992), пика́лъ (Рад. Ог. 880), лѥкка́ли (ib. 767). Не менѣе рѣдки и народныя образованія на *ува*: поскꙋпо́вꙋвалъ (Рад. Ог. 915), *подкопували* (Хм. л.) и т. п. Вообще говоря, этихъ послѣднихъ избѣгали малорусскіе писатели, регулируя народное произношеніе книжнымъ употребленіемъ, которое въ данномъ случаѣ казалось имъ болѣе правильнымъ.

---

[1]) „Журавушка по бережку *похо́жуває*, тонковую та травушку *сощипуває*, холодною водицею *закусуває*“ (Чуб. V. 805).

[2]) Въ сербскомъ нарѣчіи, по наблюденіямъ Даничича, до самаго конца XVII в. существовали еще образованія на *ова* и *ева*, смѣнившіяся теперь образованіемъ на *ува* (Историја облика, 254). Склонность къ образованію на *ива*, *ева* замѣтна и въ польскомъ нарѣчіи, тогда какъ въ чешскомъ господствуетъ *ива*.

Прошедшее условное время.

Во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ условное прошедшее образуется при помощи частицы *бы* изъ аориста *быхъ*, который до XIV в., повидимому, составлялъ принадлежность живой рѣчи. Въ XIII—XIV в. является рядомъ съ *быхъ* и *бы* въ соединеніи съ разными союзами: *а*, *ажъ*, *алижъ*: „что есте просили насъ, *а быхомъ* васъ пустили торговать, *а бы* вамъ не закажали, мы хочемъ ради то учинити“ [1]); „*ажъ бы* то было не изменано“ [2]); „судья жидовскій ..... къ суду не маетъ предъ себе приводити, *оли жъ бы* чрезъ скаргу былъ наведенъ“ [3]). Впрочемъ, въ книжной малорусской рѣчи XVII в. рядомъ съ *бы* часто употребляется, какъ мы видѣли, и *быхъ*, *быхмо*, *бысмо*, *бысте* подъ вліяніемъ западныхъ малорусскихъ говоровъ, въ которыхъ эти формы и теперь еще живутъ въ устахъ народа.

Повелительное наклоненіе.

Въ повелит. накл. 2 л. един. ч. во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ теперь звучитъ одинаково: подъ удареніемъ выдерживается суф. повелит. накл. *и* (*идй*), безъ ударенія онъ замѣняется посредствомъ *ь*, т. е. посредствомъ смягченія согласнаго звука (*стань*) [4]), послѣ гласныхъ *и* превращается въ іоту (*ламай*). Потеря суффикса *и* изъ един. ч. перешла и во 2 л. множ. ч. (*стáньте*). Это—давнее явленіе въ русскихъ нарѣчіяхъ: уже въ XIII вѣкѣ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ, встрѣчаются формы: *украдь*, *оставьте*, *обидьте* (Галиц. еван. XIII в.), *сядьте* (Вѣнск. окт. XIII в.) [5]), *не давиньте*, *не*

---

[1]) Изв. Ак. т. X., вып. 6: снимокъ съ грамоты послѣ 1341 г.

[2]) Ibidem., 688.

[3]) АЗР. I. 25.

[4]) Въ галицкомъ малорусскомъ говорѣ даже ударяемое *и* переходитъ въ неударяемое, т. е. удареніе переносится на корень со смягченіемъ послѣдняго звука въ корнѣ и безъ смягченіе: *хвалъ*, *подь*, *прид*, *под* (у лемковъ). Изрѣдка въ этихъ случаяхъ нѣтъ смягченія и въ украинскомъ говорѣ: *подерж* (Studien... Ogonowski, 141—142).

[5]) Очерки изъ исторіи русскаго яз., Соболевскаго, 79.

обидьте (Новг. купч. XIV в.)[1]). Тѣ же формы повторяются и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Не менѣе древнею общерусскою особенностію нужно считать смѣну *ѣ* на *и* подъ удареніемъ въ 1 и 2 л. множес. ч. повелит. наклоненія, которая, полагать надобно, произошла подъ вліяніемъ аналогіи отъ 2 л. един. ч. Мы видимъ эту смѣну въ памятникахъ XI—XII в: **прикедите** (Остр. еван. 73, б.). **сеганичеѭ** (ib. 230. а). Въ XIII—XIV вѣкахъ *и* вмѣсто *ѣ* не составляетъ уже рѣдкости, особенно въ сѣверныхъ памятникахъ[2]). Въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ гораздо настойчивѣе удерживается въ этихъ случаяхъ *ѣ*, но объ этомъ *ѣ* въ книжной малорусской рѣчи XVII в. мы скажемъ ниже.

Къ общерусскимъ явленіямъ нужно отнести также 1) вліяніе наст. врем. изъявит. накл. на тематическіе согласные повелительнаго наклоненія, хотя самимъ качествомъ согласныхъ великорусское нарѣчіе отличается отъ малорусскаго: *пекй, пекйте, помогй, помогйте* (великорус.), *печй, печіть, поможй, поможіть* (малорус.); 2) замѣну 1 л. множеств. повелит. накл. 1 лицемъ множеств ч. изъявит. наст. времени съ значеніемъ будущаго: *пойдёмъ* (великорус.), *підемо* (малорус.). Первое явленіе вовсе не встрѣчается въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, второе—очень рѣдко.

Причастія наст. и прошед. врем. дѣйст. залога.

Считаемъ нужнымъ остановиться еще на причастіяхъ наст. и прошед. времени дѣйст. залога, какъ на отглагольныхъ формахъ общерусскаго происхожденія, имѣвшихъ немаловажное значеніе въ конструкціи книжной малорусской рѣчи XVII в.

Извѣстно, что въ согласныхъ темахъ причастія наст. врем. дѣйст. зал. въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, оканчивается на *и* въ именит. един. мужес. рода, а не на *ы*, какъ въ языкѣ славянскомъ: *река* (Сбор. 1073 г.), *мога* (Мин. 1096 г.), *чьтаи* (Добр., еван. 1164

---

[1]) Историческая христоматія, Буслаева, 560

[2]) Свѣдѣнія и замѣтки.., Срезневскаго, № 29, стр. 79.

г.) [1]). Другая форма того же причастія, соотвѣтствующая церковнос. ѧ, есть *я*. Съ теченіемъ времени эта послѣдняя форма вытѣснила первую. Самые древніе слѣды замѣны *а* посредствомъ *я* относятся къ XIV в. [2]) Рядомъ съ формами *идя*, *ведя* появляются въ XIII и особенно въ XIV в. окончанія: *яче*, *ячи*, *учи*, *ючи*: *исправяче* (въ записи Пантел. еван. XIII в.) [3]), *исправляваюче* (Галиц. еван. XIII в.) [4]), *чинячи*, *мовячи*, *хотячи* (Гр. 1388 г.), [5]) *рекучи* (1361 г.) [6]) *вживаючи* (Гр. 1340 г.) [7]). Въ малорусскомъ нарѣчіи эти послѣднія окончанія, соотвѣтствующія именительному множ. (въ церковнос. *ѧте*) сдѣлались господствующими. Формы на *и*, *я* въ народномъ языкѣ встрѣчаются рѣдко, большею частію въ пословицахъ: „у Бога все *моя*"; „хліб та одежа, йів бы козак *лежа*"; „худоба *переходя* живе" [8]). Можно полагать, что уже при самомъ появленіи своемъ формы *ячи*, *учи* имѣли значеніе такъ называемыхъ дѣепричастій: въ древнерусскихъ памятникахъ мы не встрѣтили этихъ формъ въ склоняемомъ видѣ. Любопытно, однако же, что въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в. онѣ являются уже въ видѣ членныхъ причастій: „князь Ѳедоръ, воевода Луцкій, *будучій* того часу"; „мы, Александръ, або Витовтъ, знаменито чинимъ тымъ нашимъ листомъ нинѣшнимъ и потомъ *будучимъ*"; „*заказуючіи* (жидамъ) вину намъ мають заплатити" [9]). Формы эти не находятъ подтвержденія въ народномъ языкѣ, но въ памятникахъ южнорусской письменности, отличающихся народнымъ складомъ рѣчи, онѣ составляютъ обычное явленіе. То же мы видимъ и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: мáючій (Г. М. 161), мокячого (Г Каз. 111), *маючому* (Сл. о безд.) и т. п.

---

[1]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 116. Другіе примѣры тамъ же.

[2]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 14. Лекціи.. Соболевскаго, 185.

[3]) Лекціи .. Соболевскаго, 183.

[4]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. его же, 20.

[5]) АЗР. I, 23.

[6]) АЮЗР. I. 1.

[7]) Ibid. II. 102.

[8]) Українські приказки и прислівъя, Номиса, 36

[9]) АЗР. I. 26, 23, 26.

Въ народной рѣчи, какъ великорусской, такъ и малорусской, сохранилась краткая форма прошед. прич. дѣйст. залога, употребляемая въ смыслѣ дѣепричастія, съ окончаніемъ *ши*, которому въ гласныхъ темахъ предшествуетъ согласный *в*. Это окончаніе соотвѣтствуетъ именит. множ. (церковнос. *ше*). Оно утвердилось въ народной рѣчи въ замѣнъ литературнаго русскаго *въ*, а также старинныхъ формъ съ тематическими согласными: *идъ, сѣдъ, несъ, возьмъ, начьнъ* (въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ *ьм, ьн*, изъ ѧ) Что касается до членныхъ прошед. причастій дѣйст. залога, то ихъ нѣтъ въ народныхъ нарѣчіяхъ ни великорусскомъ, ни малорусскомъ. Они существуютъ только въ литературномъ русскомъ языкѣ, какъ существовали и въ книжной малорусской рѣчи, въ которую перешли изъ книжной славянорусской рѣчи.

IV.

Черты малорусскаго нарѣчія, чуждыя нарѣчіямъ церковнославянскому и великорусскому.—Звуки гласные и согласные.—Глагольныя формы.

Намъ остается еще сдѣлать обзоръ звуковъ и формъ собственно малорусскихъ, входящихъ въ составъ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Гласный і изъ о и е.

Самая рѣзкая особенность малорусскаго вокализма—это превращеніе въ извѣстныхъ случаяхъ основныхъ *о* и *е* въ *і*.

Объ этомъ явленіи мы въ свое время достаточно высказались [1]). Указавъ на связь его съ потерей глухихъ гласныхъ, мы обратили вниманіе на сѣверно-малорусскія замѣны основныхъ *о* и *е*, допуская три стадіи въ развитіи *і* изъ *о* и *е*: древнѣйшую—*оо*, *ее*, среднюю, на которой подъ вліяніемъ ударенія явились дифтонги *уо*, *ѭо* и стяженія ихъ *у*, *ѭ*, позднѣйшую—*уі*, *ѭі* и стяженіе ихъ *і*. Затѣмъ, сблизивъ сѣверно-малорусскіе дифтонги двухъ типовъ *уо*, *уо* съ дифтонгами *іе*, *іе* (изъ *ѣ*), мы сдѣлали вѣроятныя заключенія о дальнѣйшемъ развитіи изъ этихъ дифтонговъ ихъ великорусскихъ и малорусскихъ замѣстителей,—о времени появленія малорусскаго *і* изъ *о*, *е*,—наконецъ, по южнорусскимъ памятникамъ, начиная съ XIV вѣка, мы указали превращенія звуковъ *о* и *е*.

---

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 107—123.

Противъ этихъ положеній высказано было нѣсколько замѣчаній, сущность которыхъ сводится къ вопросу о времени появленія въ малорусскомъ нарѣчіи той или другой количественной замѣны серединныхъ гласныхъ.

Такъ, г. Потебня полагаетъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи возможно было одновременное существованіе серединныхъ глухихъ (*сън*) и удлиненіе чистыхъ (*коонь*). По его мнѣнію, „какъ замѣна глухихъ чистыми, такъ и удлиненіе чистыхъ въ среднихъ слогахъ суть вознагражденія не за потерю, а лишь за ослабленіе конечныхъ глухихъ". Означая ступень паденія глухихъ, среднюю между нынѣшнею и древнею, посредствомъ значка', „я, говоритъ Потебня, представляю себѣ такую постепенность формъ: 1) *ко-нь, съ-нъ:* 2) *кон', сон'* (т. е. *о* еще далеко отъ двухъ явственныхъ *оо*, близкихъ къ дифференцированію въ *уо*, а *ъ* еще отличимо отъ *о: коон', сон'*" [1]). Мы получили такимъ образомъ не цѣлые звуки, а только дроби звуковъ, съ которыми, во всякомъ случаѣ, не легко справиться: въ словѣ, напримѣръ, *сон'* три гласныхъ звука, изъ которыхъ первый—полный, другой—отличимый отъ перваго (вѣроятно, половинный), а третій—неизвѣстно какой, такъ какъ онъ означаетъ „ступень паденія глухихъ, *среднюю между нынѣшнею и древнею*"... Все дѣло въ томъ, что почтенный изслѣдователь въ позднѣйшихъ трудахъ своихъ отступилъ отъ прежняго мнѣнія своего о времени потери глухихъ гласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ. Прежде онъ думалъ, что они потеряны были въ XII в. и даже раньше [2]),—теперь онъ думаетъ, что „до полнаго уничтоженія глухихъ *дѣло не дошло и теперь*, если взять во вниманіе, что сохраненіе разницы въ малорус. между конечными звучными и отзвучными (*біб, піп*) невозможно безъ сохраненія нѣкотораго остатка глухаго звука" [3]). Интересно, между прочимъ, сближеніе въ этомъ отношеніи малорусскаго нарѣчія съ польскимъ. „Фактъ въ томъ, говоритъ г. Потебня, что въ польскомъ литературномъ языкѣ въ

[1]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51.

[2]) Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, 14.

[3]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51.

среднихъ слогахъ предъ звучными стоитъ *ó* (изъ *oo*, *'yo*), а предъ отзвучными *ŏ*: *bób* и *pop*, *chód* и *kot*, *bóg* и *bok*. Объясненіе состоитъ въ томъ, что конечный глухой звукъ долѣе удерживается здѣсь послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ), требовавшихъ большаго напряженія дыханія, чѣмъ послѣ звучныхъ, почему предъ послѣдними появилось удлиненіе основнаго *o* въ то время, какъ предъ первыми нѣтъ" [1]). Для насъ кажется непонятнымъ, что въ польскомъ нарѣчіи конечный глухой звукъ долѣе удерживается послѣ отзвучныхъ, между тѣмъ въ малорусскомъ нарѣчіи предполагается слѣдъ глухаго звука даже и теперь—именно послѣ звучныхъ, которые отличаются (конечно, какъ и въ польскомъ нарѣчіи) меньшимъ напряженіемъ дыханія, слѣдовательно, меньше обезпечиваютъ цѣлость глухихъ гласныхъ. Какъ бы мы, во всякомъ случаѣ, ни отодвигали потерю глухихъ гласныхъ отъ первыхъ вѣковъ древнерусской письменности, все таки едва ли можно утверждать положительно, что „два-три столѣтія назадъ такія слова, какъ *сон* (въ малорусскомъ нарѣчіи) были близки къ двухсложности, а между тѣмъ *o* изъ *ъ* въ нихъ уже существовало" [2]). Если среднее *o* въ словѣ *сон* уже тогда существовало, то не было необходимости въ *ъ*, потому что самое *o* могло быть вызвано не ослабленіемъ, а самой потерей *ъ*, слѣдовательно, слово *сон* не было тогда двухсложнымъ. Если же оно было двухсложнымъ, то средняго *o* не существовало, а былъ на его мѣстѣ глухой гласный звукъ. Если слѣдствіе допускается, то и причина должна быть принята, потому что слѣдствіе безъ причины, какъ извѣстно, не бываетъ. Что касается до тѣхъ соображеній, которыя основываются на положеніи, что во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ *ъ* въ словѣ *сон* (*сънъ*) звучитъ, какъ *o*, а не какъ *yo*, *y* или *i*, а это неизбѣжно должно было бы случиться въ малорусскомъ нарѣчіи, еслибы въ то время, когда начали говорить *куонь*, *кунь*, *кінь*, глухой *ъ* въ словѣ *сънъ* превратился въ *o*,—то на это можно замѣтить, что *o* въ такихъ словахъ, какъ *сон* не могло превратиться въ *yo*, *y* или *i* въ слѣдствіе краткости *o*, образовавшагося изъ *ъ*.

[1]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51—52.

[2]) Ibidem.

Недавно явилось въ наукѣ документальное подтвержденіе того положенія, что первоначальнымъ моментомъ въ образованіи *і* изъ основнаго *о* было *оо*, — именно въ южнорусскихъ памятникахъ XIII—XIV в. есть формы: *въ воовьия, воовьчихъ* (Галиц. еван. XIII в.), *вооца, вооци* (Поликар. еван. XIV в.) [1]). Такимъ образомъ долгое *о*, записанное въ одномъ изъ гродненскихъ говоровъ, существуетъ не менѣе шести вѣковъ. Но такъ какъ всякое звуковое явленіе возникаетъ и развивается раньше, чѣмъ появляется въ письменныхъ памятникахъ, то образованіе *оо* можно передвинуть съ XIII къ XII и даже XI в., т. е. къ начальной эпохѣ древнерусской письменности. Отсюда изъ *уо—у*, изъ *уі—і*. Кромѣ этого пути въ образованіи *у*, *і*, г. Соболевскій предполагаетъ и другой путь. Онъ думаетъ, что послѣ паденія глухихъ гласныхъ „долгое *о* сначала звучало открыто, потомъ стало звучать закрыто и приближаться къ *у*, въ которое оно и стало переходить еще въ XII вѣкѣ, и которое мы находимъ въ *ужасаються* 3. л. ед. ч. (Добр. еван. XII в.), *тюфръ, субутный* (Типогр. еван. № 6, XII—XIII в.). Въ современномъ малорус. это *у* изъ *о* долгаго сохраняется во многихъ говорахъ: *бу*, *кунь*, *муй*" и проч [2]). Но *у* въ приведенныхъ словахъ есть ничто иное, какъ звукъ, стяженный изъ *уо*, какъ доказываютъ тѣ же говоры, въ которыхъ говорятъ *бу* и *буо*, *кунь* и *куонь*, *муй* и *муой*. По нашему мнѣнію, нѣтъ никакой надобности осложнять вопросъ новой гипотезой, предполагая между *оо* и дифтонгами долгое *у*, когда это *у* въ народномъ произношеніи есть звукъ краткій, и когда предъ нами на лицо всѣ градаціи этого звука, какъ вверхъ, такъ и внизъ, изъ коихъ большая часть скрѣпляется свидѣтельствомъ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятниковъ. Не видимъ скачка въ развитіи *ů* изъ основнаго *о* и въ чешскомъ нарѣчіи: и здѣсь изъ основнаго *о* явилось долгое *о*, изъ этого послѣдняго *ио*, а изъ *ио*—позднѣйшее *ů*. Другое дѣло—образованіе краткаго *у* изъ краткаго (неударяемаго) *о*. Здѣсь нѣтъ условій для образованія дифтонга,

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 97.

[2]) Ibibem, 96—97.

поэтому въ словахъ: *яблуня, упйать, пужар* и т. п. *у* явилось прямо изъ *о*. Это явленіе, собственно говоря, общерусское, но оно не отмѣчено нами въ обзорѣ общерусскихъ звуковъ, между прочимъ, потому что намъ не встрѣтилось оно въ позднѣйшей малорусской книжной рѣчи. Первые слѣды этого явленія относятся къ XI в: такъ, уже въ Сбор. 1073 г. творит. пад. женск. р: *которивуѭ* вмѣсто *которивоѭ* [1]).

По аналогіи съ долгимъ *о* нужно допустить и долгое *е*, но этотъ предполагаемый архаизмъ не отысканъ въ народныхъ говорахъ, можетъ быть, потому что долгое *е* очень рано начало превращаться въ *joo*, и отсюда обычнымъ путемъ чрезъ *juo* въ *ju* (*ю*): *ѣдуцюмъ, мытаромъ* (Холмс. еван. XII—XIV в.), *людьюмъ* (Галиц. еван. XIII в.), *отрочищюмъ* (Холм. еван.) [2]). Безъ всякаго сомнѣнія, *е*, подъ вліяніемъ потери конечныхъ глухихъ гласныхъ, уже измѣнилось во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ мы видимъ *ѣ* вмѣсто *е*. Это явленіе рѣзко обозначилось въ XIII в: такъ, въ Добриловомъ евангеліи 1164 г. очень часто пишется *ѣ* тамъ, гдѣ прежде (напр. въ Галицкомъ евангеліи 1144 г.) стояло *е: знамѣнье, учѣнье, камѣнье, корѣнья, ремѣнь, учитѣль, зѣлье, пѣщь, сѣдмь, шѣсть, въ нѣмъ, о сѣмь, въ нѣй, сѣй, будѣть* и проч. [3]).

Какъ звучалъ этотъ *ѣ*?

Г. Соболевскій называетъ его *новымъ* въ отличіе отъ древняго *ѣ*, который, по его мнѣнію, одинъ только изъ всѣхъ звуковъ „при распаденіи общеславянскаго языка перешелъ въ отдѣльныя славянскія нарѣчія, въ томъ числѣ и въ русскій языкъ, въ качествѣ долгаго звука“ [4]). Въ древнѣйшее время онъ произносился, какъ мягкое *е*, и вмѣстѣ съ *е* имѣлъ способность

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 62.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93. По наблюденію г. Потебни, предъ твердыми согласными и предъ *j* основное *е* превращается въ *i* чрезъ *jo*: *вев = вjов = вiдов*, — *jej = jaj = juoj* и т. д, а предъ мягкими согласными *je* прямо превращается въ *ji* (*i*): *лебідь* изъ *лебедь*, *весілле* изъ *веселле*. (Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, 32, 33).

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 2, 3, 4.

[4]) Ibidem, 80. Въ послѣднемъ сочиненіи своемъ г. Соболевскій выражается объ этомъ съ большею осторожностью: „ѣ, говоритъ онъ, *какъ кажется*, былъ един-

сильно смягчать предшествующій согласный звукъ, но всегда имѣя склонность къ переходу въ *i*, съ теченіемъ времени онъ началъ отклоняться къ іотному *i*. Относительно новаго *ѣ* г. Соболевскій думаетъ двояко: съ одной стороны это было долгое *е*, которое однако же въ нѣкоторыхъ случаяхъ „не смотря на исчезновеніе глухаго или *и* въ послѣдующемъ слогѣ, не подвергалось измѣненію и осталось краткимъ“ [1]). Эта двойственность въ воззрѣніи на новый *ѣ* выступаетъ еще рѣзче въ слѣдующихъ словахъ: „новый *ѣ* первоначально отличался отъ *е* только количествомъ. Имѣя всѣ качества *е*, и въ ихъ числѣ склонность къ переходу въ *о*, которой не имѣлъ древній *ѣ*, онъ никогда не былъ тождественнымъ съ этимъ послѣднимъ“ [2]). Впрочемъ, въ этомъ новомъ *ѣ* сохранилась и еще черта, роднящая его съ древнимъ *ѣ*. Можно думать, говоритъ г. Соболевскій, что *ѣ* переходитъ въ *о* чаще, чѣмъ *е*, вѣроятно потому, что онъ сохранилъ древнюю мягкость“ [3]). Такимъ образомъ, новый *ѣ* есть отчасти долгій, а отчасти краткій звукъ; кое-что онъ сохранилъ изъ древняго *ѣ*, но не все, кое-что изъ основнаго *е*, но не все; въ немъ есть всѣ условія для того, чтобы сдѣлаться всѣмъ, чѣмъ угодно. По нашему мнѣнію, удобнѣе говорить о видоизмѣненіяхъ основнаго *е*, которыя происходили подъ разными условіями, а также—объ этихъ самыхъ условіяхъ, которыя породили разные рефлексы звука *е*, выраженные, между прочимъ, и буквою *ѣ*,—а не о новомъ фиктивномъ *ѣ*, составленномъ изъ разнообразныхъ и отчасти несовмѣстимыхъ элементовъ. Но этого мало: въ изслѣдованіи г. Соболевскаго, кромѣ новаго *ѣ* изъ *е*, указаны по галицко-волынскимъ памятникамъ еще два новые *ѣ* [4]). Самъ по себѣ и старый *ѣ* представляетъ не малую загадку въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и въ разныя эпохи письменности въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій.

ственный долгій звукъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшаго періода“ (Лекціи по исторіи русскаго языка, 40).

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, 89.

[2]) Ibidem, 92—93.

[3]) Ibidem, 93.

[4]) Ibidem, 93—64.

Теперь же выступаютъ предъ нами нѣсколько *новыхъ ѣ* въ южнорусской письменности, и всѣ они представляютъ варіаціи стараго, въ наукѣ недостаточно выясненнаго, т. е. къ одной малоизвѣстной величинѣ присоединяется нѣсколько новыхъ, еще менѣе извѣстныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлались ли яснѣе самые звуки послѣ того, какъ обозначающая ихъ буква названа №№ 1, 2, 3? Такую нумерацію можно бы было примѣнить почти ко всякому звуку для обозначенія всѣхъ переходовъ его въ другіе звуки. Такъ, напримѣръ, *ы* въ малорусскомъ нарѣчіи переходитъ въ *у, о, е, і* [1]),—и вотъ изъ одного *ы*, со включеніемъ основнаго, можно было бы составить пять номеровъ, знаніе которыхъ имѣло бы интересъ болѣе орѳографическій, чѣмъ лингвистическій. Намъ кажется, что этотъ методъ изслѣдованія, отвлекая вниманіе отъ звука къ буквѣ, невольно располагаетъ къ *буквенному* представленію звука, т. е. ко внесенію въ это представленіе того, что намъ извѣстно не столько о звукѣ, сколько о буквѣ. А такъ какъ орѳографія буквы *ѣ* въ древнѣйшей русской письменности даетъ намъ сравнительно немного данныхъ безспорныхъ и точныхъ, то отсюда неизбѣжно должна получиться неопредѣленность и сбивчивость и въ представленіи того звука, который послѣ паденія глухихъ гласныхъ образовался изъ основнаго *е*, и который со второй половины XII вѣка началъ обозначаться въ южнорусскихъ памятникахъ посредствомъ буквы *ѣ* [2]). Можно сказать только, что въ данномъ случаѣ основное *е* могло перейти въ растяженное, долгое *е*, и эта *позднѣйшая, секундарная* долгота могла быть выражена посредствомъ буквы *ѣ*. А такъ какъ *е* предъ мягкими согласными переходитъ въ *і* (*ji*), то позволительно думать, что буква *ѣ* уже въ XII вѣкѣ, послѣ паденія конечныхъ глухихъ гласныхъ, могла выражать и звукъ *і* (*ji*), сходный съ тѣмъ *и*, который въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ является въ XII и даже XI вѣкѣ на мѣстѣ основнаго *ѣ*.

---

[1]) Studien... Ogonowski, 39—40.

[2]) О другихъ недостаткахъ теоріи г. Соболевскаго, пріуроченной къ этнографическому распредѣленію древнерусскихъ племенъ, мы надѣемся поговорить въ другое время.

Считаемъ своею обязанностію отнестись критически и къ собственному мнѣнію о значеніи малорусскихъ дифтонговъ изъ основныхъ *о*, *е*. Въ изслѣдованіи своемъ объ этихъ звукахъ мы считали ихъ первозвуками, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались стяженные гласные, какъ великорусскіе *о*, *е*, такъ и малорусскіе *у*, *ю*, *і*. Мы отодвигали ихъ къ общему моменту въ жизни русскихъ нарѣчій, который соотвѣтствуетъ идеѣ русскаго праязыка. Противъ этого мнѣнія съ особенною убѣдительностію высказано было нѣсколько замѣчаній г. Ягичемъ. „Что удобнѣе, говоритъ онъ, выводить ли великорус. *бог*, *стол* изъ *буог*, *стуол*, или же сказать, что и по паденіи конечнаго *ъ* великорусское *о* удерживаетъ тотъ же вѣсъ безъ всякой количественной перемѣны? Охотно можно согласиться съ тѣмъ, что въ великорусскомъ *бог* звукъ *о* нѣкогда произносился протяженнѣе, какъ и теперь въ сербскомъ *бо̏г*... Слѣдовало бы и ограничиться этимъ положеніемъ,—слѣдовало бы сказать, что въ великорусскомъ нарѣчіи *о* качественно осталось неизмѣннымъ, а количественно съ теченіемъ времени сократилось, а въ малорус. изъ *бо̏г* = *боог* явилось не только *буог*—*буг*, но и *буїг*—*біг*" [1]). Не споримъ, что въ привлеченіи великорусскаго нарѣчія къ малорусскимъ дифтонгамъ изъ *о*, *е* была добрая доля преувеличенія, объясняемаго желаніемъ вывести великорусскій и малорусскій вокализмъ изъ одного первоисточника, но мы всегда считали мнѣніе свое не болѣе, какъ гипотезой, на смѣну которой должно придти другое болѣе вѣроятное объясненіе, поэтому мы охотно допускаемъ возможность движенія двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій не отъ дифтонговъ, сохранившихся въ подлясскомъ малорусскомъ говорѣ изъ *о*, *е*, а отъ удлиненныхъ, или же, какъ говоритъ г. Ягичъ, растяженныхъ гласныхъ (*оо*, *ее*), образовавшихся въ эпоху паденія *ъ* и *ь*.

Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. мы вовсе не встрѣчаемъ дифтонговъ, какъ нѣтъ ихъ и въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ. Что касается до стяженныхъ звуковъ, то они составляютъ въ ней обычное явленіе: кѹль вмѣсто *боль*

---

[1]) Archiv für Slaw. Philologie, II, 254—255.

(Кир. Транк. 56), хо́ꙋѹмъ вмѣсто *хоромъ* (ib. 61), плѹтъ вмѣсто *плотъ* (Лекс. Бер. 198), ꙋѹкъ вм. *ровъ* (ib. 216), ꙋѹгъ вм. *ровъ* (ib. 140), гꙋѹмъ вм. *громъ* (ib. 174), намєтъ вм. *наметъ* (ib. 115), к'ній вм. *въ ней* (ib. 116), своій вм. *своей* (Г. К. 218), *облюнъ* вм. *облегъ* (Хм. л.), зѣыча́ютъ, пытѣ́ютъ вм. *зычаемъ, пытаемъ* (Рад. Ог.). Стяженіе *у, ю* было популярно въ средѣ писателей въ теченіи всего XVII вѣка и, повидимому, распространено было далеко за предѣлами сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ: такъ, мы постоянно встрѣчаемъ эту старинную особенность малорусскаго вокализма въ перепискѣ Богдана Хмельницкаго: *свуй, поклунъ, мунъ, нунъ, понувъ, посланцувъ* и т. п. Что касается до *і* изъ *у, ю*, то оно—тоже не рѣдкость на всемъ пространствѣ XVII вѣка, при чемъ *і*, какъ изъ *ю* (*е*), такъ и изъ *у* (*о*), обозначается иногда буквою *ѣ*, а въ слѣдствіе смѣшенія *и* съ *ы*—гласный *і* изъ *у, о* обозначается и буквою *ы*: пѣйде вм. *пойде* (Кир. Транк. 52 об.), ꙋ́кѣръ вм. *уборъ*, зтѣ́къ вм. *зтекъ* = сѣ́ныхъ кѣ́ный (ib. 153), *горщикъ* вм. *горщокъ* (Кіев. л. 85), *о укрѣпляющимъ* вм. *щемъ* (Діар. А. Ф. 144), *въ козацкимъ* вм. *комъ* (Льв. П.), *килька, кѣлько* вм. *колько* (ib.), *въ единьмъ* вм. *въ едномъ* (ib.), къ гѣ́цкимъ вм. комъ (Г. Каз. 104), ꙋ́ чи́мъ вм. с чемъ (ib. 122), на бесо́лымъ вм. ломъ (Рад. Ог. 893), по чѣ́ымъ вмѣсто по чтомъ (ib. 1083), пѣ́чъ и на той же страницѣ: к' пе́чѣ (ib. 695), кы́кѣлъ вмѣсто быкелъ (ib. 945), *на другій недѣли* (Меж. л. 97).

Смѣшеніе основнаго и съ основнымъ ы.

Не мало затрудненій въ исторіи русскихъ нарѣчій представляетъ также звукъ *ы*. Въ изслѣдованіи своемъ объ этомъ звукѣ мы указали по народнымъ говорамъ и по памятникамъ древнерусской письменности звуковыя замѣны основнаго *ы* въ связи съ образованіемъ этого звука, что привело насъ къ заключенію о вѣроятномъ произношеніи *ы* въ древнерусскую эпоху, какъ *и*. Этимъ объяснили мы развитіе въ XIV в. секундарнаго *ы* вмѣсто основнаго *и*, а также вообще стремленіе малорусскаго вокализма къ губному порядку гласныхъ. Что касается до средняго украин-

скаго *и*, то оно, какъ результатъ смѣшенія основнаго *и* съ основнымъ *ы* и перехода того и другаго въ широкое *ы*, есть звукъ поздній, не получившій въ южнорусской письменности надлежащаго выраженія [1]).

Противъ этого мнѣнія высказано было не мало возраженій, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются крайнею неумѣренностію тона. Съ особенною рѣзкостію выразился по этому поводу г. Колосовъ [2]). По его мнѣнію, мы не обратили вниманія на губной характеръ звука *ы*. Это положеніе, установленное дедуктивно, Колосовъ защищаетъ прославленіемъ дедукціи, хотя бы она и не согласовалась съ очевидными фактами. „Если бы и не разъ, а много разъ встрѣтилось въ памятникахъ на мѣстѣ *ы* сочетаніе буквъ, которое не соотвѣтствуетъ природѣ этого звука, я бы, говоритъ онъ, попытался объяснить себѣ такое сочетаніе такъ или иначе, но не усумнился бы въ вѣрности сдѣланныхъ выше заключеній“. Но самъ Колосовъ, противъ воли своей, выводитъ наружу вредъ чистой дедукціи, указывая на то, что Шлейхеръ, желая подыскать соотвѣтствіе *ы* = *гв*, допустилъ *и* = *ьj* (*бьюнъ*), тогда какъ здѣсь *и* сократилось въ *ь*, слѣдовательно, нѣтъ здѣсь ничего похожаго на разложеніе *ы* въ *гв*. Слѣдуя, однако же, дедуктивному методу, Колосовъ утверждаетъ, что въ древнеславянскомъ языкѣ ряды звуковъ *и*, *і*, *у* будто бы никогда не смѣшиваются между собою,—будто бы, сверхъ того, находятся въ *полномъ* соотвѣтствіи между собою. Но въ данномъ случаѣ мы считаемъ болѣе убѣдительнымъ мнѣніе Шлейхера, который ставитъ примѣтой сѣверо-восточнаго семейства языковъ смѣшеніе, напримѣръ, ряда *і* съ рядомъ *а* [3]). Что касается до соотвѣтствія звуковъ, то оно, какъ видно изъ статьи самого Колосова, совсѣмъ *не полное*. Такъ, по его мнѣнію, *ы* (*гв*) соотвѣтствуетъ *и*, но *и* не разлагается: гдѣ же тутъ *полное* соотвѣтствіе? Затѣмъ, съ тѣми же пріемами дедуктивнаго упрямства Колосовъ вступаетъ въ полемику не съ нами только, но и съ

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 124—143.

[2]) Загадочные звуки въ исторіи русскаго яз. Колосова, 1876 г.

[3]) Compendium, Schleicher, 126.

Миклошичемъ, Шлейхеромъ, Гатталой и Гейтлеромъ, которые не отрицаютъ, какъ извѣстно, небнаго элемента въ звукѣ *ы*. По его мнѣнію, изъ элементовъ *ъи* образовалось *ы*—„звукъ порядка губнаго, произношенія котораго мы навѣрно не знаемъ“,—но при этомъ предполагаетъ, что въ древнеславянскомъ языкѣ *ы* звучало такъ, какъ звучитъ теперь въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ [1]). „Было ли когда *ы* двоегласнымъ звукомъ, и это, говоритъ онъ, неизвѣстно“ [2]). Итакъ, этотъ *неизвѣстный какъ извѣстенъ* только тѣмъ, что онъ былъ *чисто губной* звукъ. Колесовъ упрекаетъ насъ за то, что мы, какъ и другіе, дали большое значеніе фрейзингенской замѣнѣ *ы* посредствомъ *ui*. Допустимъ, что это такъ, что *ui* въ данномъ случаѣ не выражаетъ дифтонга. Откуда же все-таки *i* въ томъ же фрейзингенскомъ памятникѣ вмѣсто *ы*, т. е. откуда небный элементъ въ *ы*? Случаи замѣны *ы* посредствомъ *i* въ памятникахъ русской редакціи, указанные нами, Колосовъ объясняетъ діалектическими наслоеніями. Допустимъ, что это черта не русская,—но откуда же небность въ *ы*, хотя бы и не русскомъ? И какимъ образомъ славянскія нарѣчія, утратившія *ы*, взяли для замѣны его звукъ изъ другой категоріи, т. е. именно звукъ *i*, если вѣрить Колосову, что въ нихъ категоріи гласныхъ звуковъ не смѣшиваются между собою? Колосовъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сбивчиво. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „*i* нарѣчій, утерявшихъ *ы*, или непосредственно явилось изъ *ы*, равнаго великорусско-польскому *ы*, или чрезъ ту ступень, которую представляетъ среднее *и* на мѣстѣ *ы* въ малорусскомъ“ [3]),—а въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что между основнымъ *ы*—(произношеніе котораго намъ невѣдомо) и современной его замѣной *i* посредствующимъ звукомъ было то *ы*, которое удержалось въ русскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ по настоящее время“ [4]). Но если *i* изъ *ы* явилось непосредственно, то въ *ы* заключался небный элементъ, выступившій въ *i*. Если же между *ы* и *i* былъ посредствующій звукъ, то ка-

---

[1]) Загадочные звуки русскаго яз., 2.

[2]) Ibidem, 19.

[3]) Ibidem, 19.

[4]) Ibidem, 15.

кой именно—великорусско-польское *ы* или малорусское среднее *и*? Одинъ разъ древнѣйшее произношеніе *ы* Колосову вѣдомо, въ другой разъ—невѣдомо. И если невѣдомо, то можно ли говорить о посредствующей ступени между величинами, изъ которыхъ одна совершенно неизвѣстна? Можно ли съ увѣренностію утверждать послѣ этого, что „въ эпоху появленія первыхъ письменныхъ славянскихъ памятниковъ *ы* произносилось такъ, какъ произносится теперь въ русскомъ и польскомъ?“ [1]) Нужно согласиться, что и это есть не болѣе, какъ гипотеза, можетъ быть, болѣе вѣроятная, чѣмъ наша гипотеза о древнерусскомъ произношеніи *ы*, какъ *и*. Нужно и то еще сказать, что въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ есть слѣды дифтонга въ произношеніи *ы* [2]), и поэтому догадка г. Потебни объ образованіи нѣкоторыхъ современныхъ звуковъ изъ дифонга *ы* не лишена серіознаго значенія [3]). Въ виду всего сказаннаго можно вполнѣ согласиться съ г. Колосовымъ только въ томъ, что *ы* дѣйствительно одинъ изъ загадочныхъ звуковъ въ русскихъ нарѣчіяхъ. Что касается нашихъ соображеній о звукѣ *ы*, то для насъ они имѣютъ нѣкоторое значеніе лишь на столько, на сколько согласуются съ письменными памятниками. Остается несомнѣннымъ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ русской редакціи нерѣдко встрѣчается замѣна основнаго *ы* буквой *и*, а въ южнорусскихъ памятникахъ XV—XVI в.—обратная замѣна основнаго *и* и даже *і* изъ *ь* буквой *ы*. Это именно тотъ моментъ смѣшенія *и* съ *ы*, который выразился въ преобладаніи этого послѣдняго звука надъ первымъ, и на которомъ стоятъ современные галицкіе, подольскіе и волынскіе говоры малорусскаго нарѣчія. Онъ отразился довольно рѣзко и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: скоѝмы, надъ ны́мъ, с кѣ́ры (Уч. ев.), *Володимеровы* (дат. ед. Пал. З. К. 1107), приносекла́лы (Тр. п. 10), запра́вилы (ib. 131), пры́чынѹ, дѣ́ны, ѹ́тыскъ, выражалы (Лям. Острожск.), въ *листы*

[1]) Загадочные звуки русскаго яз., 19.

[2]) Отчетъ о занятіяхъ славянс. нарѣчіями, Кочубинскаго, I, 45; II, 47. Grammatyka jezyka małoruskiego, Wagilewicza, 1845 г., предисловіе, стр. XVIII.

[3]) Отчетъ о 20 присужденіи наградъ гр. Уварова, 805—807.

вмѣсто въ *листъ* (Діар. А. Ф. 63), *колоныхъ* (Льв. П.), *пожнвыты* (Хм. л.), тыранъ (Г. К. 5), нечистоты (род. ед. Рад. Ог. 929), кровы (ib. 1079), къ вѣры вмѣсто *въ вѣрѣ* (ib. 115). Можно думать, что въ это время уже существовало и позднѣйшее украинское среднее *и*. Мы видимъ его тамъ, гдѣ встрѣчаемъ постановку *и* вмѣсто *ы*, которая къ концу XVII вѣка постепенно усиливается: тижча (Уч. ев.), *владиками* (Пал. З. К. 1045), *пастирству* (ib. 1046), *подстаростимъ* (Хм. л.), сокирки (К. Х.), рики (Рад. Ог. 433), и т. п.

Коренные согласные въ старинномъ малорусскомъ правописаніи.

Основная черта малорусскихъ согласныхъ—преобладаніе звучныхъ надъ отзвучными и твердыхъ надъ мягкими указана нами выше. Съ этой стороны малорусскіе согласные сравнительно съ церковнославянскими и великорусскими представляютъ различіе въ отношеніи количественномъ, а не качественномъ, поэтому мы и не могли причислить ихъ къ звуковымъ особенностямъ собственно малорусскимъ, т. е. безусловно чуждымъ тому или другому говору великорусскаго нарѣчія. Такъ, напримѣръ, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи губные и гортанные произносятся твердо въ такихъ же случаяхъ, какъ и въ малорусскомъ [1]): звучные согласные устойчивѣе въ бѣлорусскомъ, чѣмъ въ сѣверно-великорусскомъ и южно-великорусскомъ [2]). Что касается до малорусской книжной рѣчи XVII в., то въ ней замѣтно стремленіе держаться словопроизводства, поэтому мы видимъ коренные согласные тамъ, гдѣ въ народномъ произношеніи имѣли мѣсто иные звуки, образовавшіеся путемъ ассимиляціи: *гадка*, а не *гатка*, *молодший* а не *молотший*, *отче*, а не *оче*, *коротший*, а не *корочий*, *лучший*, а не *лучий*, *доцить*, а не *доциць*, *книжить*, а не *книзить*, *хвалишся*, а не *хвалисся*, *хвалится*, а не *хвалиця*, и т. п. Расположеніе къ сохраненію на письмѣ коренныхъ согласныхъ поддерживалось отчасти навыкомъ къ грамматическому сравненію словъ малорусскихъ съ церковнославянскими,

[1]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 67. 70.
[2]) Ibidem, 65, 66, 68, 73, 84.

отчасти твердой позиціей въ малорусскомъ консонантизмѣ звучныхъ согласныхъ, не подчиняющихся ассимиляціи съ отзвучными, на что было указано выше. Впрочемъ, народный выговоръ часто оказывался сильнѣе всякихъ этимологическихъ соображеній. Особенно охотно слѣдовали ему малорусскіе писатели, когда онъ совпадалъ съ коренными звуками въ словѣ, поэтому нерѣдко можно встрѣтить у нихъ такія формы, какъ кѣгчи, а не *бьлчи* (Рад. Ог. 1112), склгчи, а не *облехти* (Г. К. 73)—формы, какъ извѣстно, позднѣйшія, возникшія путемъ народной этимологіи изъ стремленія къ этимологической ясности слова. Еще сильнѣе сказалось вліяніе народной фонетики въ тѣхъ случаяхъ, когда отзвучные согласные встрѣчались съ звучными: здѣсь ассимиляція отъ согласныхъ звучныхъ часто брала верхъ надъ коренными согласными: такихъ примѣровъ, какъ *дожчъ* (Г. М. 147), *збырання*, *збуты* (Сл. о безд.), можно было бы привести чрезвычайное множество.

Звуковыя особенности въ склоненіи именъ существительныхъ.

Въ склоненіи именъ существительныхъ малорусское нарѣчіе сохранило, какъ мы видѣли, много старинныхъ окончаній, сходныхъ съ церковнославянскими. Есть въ галицкомъ говорѣ немногія оригинальныя формы, возникшія на древнерусской почвѣ: такова, напримѣръ, форма творит. падежа темы *a*, *ja* въ именахъ существит. женс. р: *рибоу(в)*, *землеу(в)*, отсюда и въ именахъ существительныхъ темы *i*: *костеу(в)*. Объясняютъ эти формы потерей *j* между *o* и *y* [1]), но мы болѣе склонны думать, что онѣ образовались по аналогіи отъ именъ существительныхъ мужес. р: *домовь*, *доловь* (*домови*, *долови*), при чемъ произошло смѣшеніе падежей дательнаго съ творительнымъ. Форма *домовь* встрѣчается уже въ XII в. въ одной смоленской грамотѣ [2]), *доловь*—въ южно-русскихъ грамотахъ XIV в. [3]). Не менѣе оригинальна форма того же падежа въ нѣкоторыхъ галицкихъ разно-

[1]) Замѣтки о малорус. нарѣчіи, Потебня, 55. Studien Ogonowski, 121.

[2]) Изв. Ак. т. X. вып. 6, 602.

[3]) Приложенія къ Очерку звуковой исторіи малорус. нарѣчія.

рѣчіяхъ: *рибом, землем.* По нашему мнѣнію, здѣсь простой обмѣнъ однородныхъ согласныхъ *в* и *м* [1]). Тѣхъ и другихъ формъ мы не встрѣчаемъ въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, конечно, оттого, что онѣ и въ то время не были въ общемъ употребленіи.

Зато писатели малорусскіе не чуждались тѣхъ народныхъ особенностей во флексіяхъ именъ существительныхъ, которыя обусловлены малорусской фонетикой.

Такъ, мы уже приводили не мало примѣровъ переходнаго смягченія гортанныхъ въ шипящіе предъ *е* (зват. падеж.), въ свистящіе предъ *і* (дат. падеж. женс. р. и предложный всѣхъ трехъ родовъ).

Есть флексіи, сложившіяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ смягченно-удвоенныхъ согласныхъ, и притомъ съ превращеніемъ *е* въ *я*, свойственнымъ украинскому говору: дубѣ́ (имен. ед: Лекс. Бер. 200), пе́рѣ=слав. *пе́рїе* (ib. 102), пе́рѣмъ (твор. ед. ib.), камѣ́нѣмъ (твор. ед.), есть и камѣ́нємъ (Г. К. 63). на́чинѣмъ (Рад. Ог. 641). И въ наращаемомъ *дитя* звукъ *я* по аналогіи съ предыдущими именами въ творит. един. сохраняется: „кꙋдꙋ́чи дитѣ́мъ мали́мъ“ (Г. М. 362).

Такъ же точно оставили свой слѣдъ на формахъ имени существит. и своеобразныя особенности малорусскаго вокализма. Стяженные гласные встрѣчаются иногда въ родит. пад. множ. ч. въ именахъ существит. мужес. р., но замѣчательно, что это все то же старинное *у*, болѣе близкое къ дифтонгамъ, чѣмъ *і*, которое, какъ мы видѣли, тоже употреблялось, только не въ родит. множ. Впрочемъ, окончаніе *овъ* считалось болѣе умѣстнымъ въ книжной рѣчи. Рядомъ съ этимъ окончаніемъ встрѣчаемъ иногда послѣ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ *јов*, послѣ шипящихъ *ов*: пипе́їовъ (Г. Каз. 105), когачо́въ (Рад. Ог. 90), *дожчовъ* (Меж. л. 99),—а звукъ *јо* представляетъ, какъ извѣстно, одну изъ переходныхъ стадій въ развитіи малорусскаго *і* изъ *е*. Въ мягкомъ склоненіи именъ существит. сред. р. есть еще формы родит. п. множ. ч. особаго образованія:

[1]) Отчетъ о присужденіи наградъ гр. Уварова, 781—782.

ꙋшінь (Рад. Ог. 768), прислѣдокань (ib. 1073), нипай (ib. 853). По видимому, формы эти образовались по аналогіи съ церковнославянскими *поль. моръ.* но такъ какъ онѣ не встрѣчаются въ народной рѣчи, то самое образованіе ихъ нужно отнести къ разряду грамматическихъ насилій надъ языкомъ, возникшихъ въ средѣ литературной, а не народной. Въ современной галицкой литературѣ формы эти пользуются широкимъ употребленіемъ.

Особенно характерно въ малорусскомъ нарѣчіи смѣшеніе мягкаго склоненія съ твердымъ въ именахъ темы *а*, *ja*—въ дат. падежѣ именъ существ. женс. р. и въ предложномъ всѣхъ трехъ родовъ. Признаемъ совершенно справедливымъ замѣчаніе г. Потебни, что это явленіе нужно объяснять не притяженіемъ аналогіи, которая шла отъ мягкихъ окончаній, какъ объясняли мы, а простой фонетической замѣной *ѣ* посредствомъ *і* [1]). Той же фонетической замѣной *ѣ* посредствомъ *е* нужно объяснять смѣшеніе твердаго склоненія съ мягкимъ и въ великорусскомъ нарѣчіи. Съ этой точки зрѣнія—въ обоихъ русскихъ нарѣчіяхъ твердыя окончанія вытѣснены мягкими съ тою разницею, что въ малорусскомъ выразителемъ мягкости явилось іотное *і*, въ великорусскомъ—іотное *е*, при чемъ для обозначенія *і* въ малорусской письменности употреблялась та самая буква *ѣ*, которая на сѣверѣ означала звукъ *е*: мѧтцѣ (Г. К. 162), прикѧзѣ (Г. М. 350), на мѣцѣ (ib.), къ нѣкѣ (ib.) и т. д. Иногда вмѣсто *ѣ* является *и*, а въ слѣдствіе смѣшенія *и* съ *ы*—эта послѣдняя буква: *въ повѣти* (Діар. А. Ф. 52), *въ Кіеви* (ib. 15), *на дорози* (ib. 91) и тамъ же: *въ дорозѣ* (58), по тѣли (Г. Каз. 118), *въ мѣсти* (Х. л.), *въ вѣры* (Пал. З. К. 1006), *въ листы* (Діар. А. Ф. 63). Это *и* въ соотвѣтствующихъ формахъ есть явленіе ана-

[1]) Отчетъ о 20 присужденіи наградъ гр Уварова, 781—782. Встрѣчается эта замѣна и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ, но „она не часта, говоритъ Колосовъ, даже и въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ смѣшается на и почти каждое *ѣ*, принадлежащее корню слова“ (см. Обзоръ... 26), – поэтому *і* вмѣсто *ѣ* въ разсматриваемыхъ формахъ, какъ спорадическое явленіе въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для отчисленія самихъ формъ къ разряду общерусскихъ.

логическое съ *е* вмѣсто *ѣ* въ старинной великорусской книжной рѣчи, напр: *жене* (дат. ед.), *на леднике* (Домост. Сильвест.) и проч. [1]). Въ мягкомъ склоненіи, какъ мы видѣли, удерживалось старинное *и*, но иногда и сюда вторгалось широко распространенное *ѣ*, проникая даже въ имена темы *i*: ѥтеренїѣ (Сбор. ц. ар. м.), ѥмыслѣ (Рад. Ог. 428), есть и ѥмыслн (ib.), ѥнечѣ (ib.).

Звуковыя и морфологическія особенности въ спряженіи глаголовъ.

Въ спряженіи глаголовъ малорусское нарѣчіе представляетъ своеобразныя особенности не только звуковыя, но и морфологическія. Какъ тѣ, такъ и другія отразились въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

1-е л. множ. ч. во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія удерживаетъ старинное окончаніе *мо*. Появилось оно еще въ XIII в. (*изонимо* Галиц. еван. XIII в.) [2]) и затѣмъ не исчезало изъ малорусской письменности во всѣ вѣка ея существованія. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. оно составляетъ самое обычное явленіе, рѣшительно преобладающее надъ окончаніемъ *мъ* [3]).

Въ прошед. времени изъявит. наклоненія, которое выражается, какъ извѣстно, причастіемъ на *лъ*, коренные гласные звуки *о* и *е* въ закрытыхъ слогахъ обыкновенно удерживаются въ малорусскомъ правописаніи XVII в: *могъ* и *моглъ* (Льв. П.), *знелъ* (ib.), но нерѣдко также, согласно съ народнымъ произношеніемъ, вмѣсто *е* является *ѣ* (*i*): прикѣлъ (Г. Каз. 106), *стерѣлъ* (Льв. П.).

Сложныя формы прошед. времени по своему составу напоминаютъ соотвѣтствующія церковнославянскія формы, поэтому

---

[1]) Историческая христоматія Буслаева, 838.

[2]) Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ, Шимановскаго, 77.

[3]) Окончаніе *мо* встрѣчается и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи (Обзоръ звуковъ и и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 143, 147, 150, 153), — но мы не имѣемъ достаточныхъ основаній считать эту форму коренною бѣлорусскою, потому что примѣры взяты изъ западныхъ бѣлорусскихъ говоровъ, сосѣднихъ съ сѣверными малорусскими. Въ примѣрахъ, приведенныхъ у Карскаго изъ сборниковъ Безсонова и Носовича (147, 153), вовсе не обозначены мѣстности. Самъ Карскій относится съ недовѣріемъ къ этимъ сборникамъ (стр. 8).

онѣ указаны нами выше въ обзорѣ малорусскихъ формъ, сходныхъ съ церковнославянскими. Что касается до ихъ фонетической окраски, то онѣ представляютъ такія особенности, которыхъ нѣтъ въ церковнославянскихъ формахъ: начальный звукъ корня *ѥс* послѣ согласныхъ удерживается, послѣ гласныхъ выпадаетъ; согласный *с* во всѣхъ лицахъ (1 и 2 един. и множ.) постоянно звучитъ мягко, при чемъ самый глаголъ вспомогательный большею частію ставится послѣ причастія на *лъ*, непосредственно съ нимъ сливаясь [1]). Какъ въ этомъ послѣднемъ видѣ, такъ и въ отдѣльности отъ причастія, сложныя формы прошед. времени составляютъ постоянную принадлежность книжной малорусской рѣчи XVII в. [2]).

Одна изъ сложныхъ формъ будущаго времени, распространенная во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, своеобразно развита въ немъ и не повторяется ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій. Образуется она слѣдующимъ образомъ: къ неопред. наклоненію присоединяется глагольный корень *им* (отъ ꙗ*ти*) съ личными окончаніями наст. времени, при чемъ два гласные звука *и* (конечный гласный суффикса *ти* и начальный корня *им*) стягиваются въ одинъ звукъ: *ходити(и)му*, *ходити(и)меш*, *ходити(и)ме*, *ходити(и)мемо*, *ходити(и)мете*, *ходити(и)муть* [3]). Въ горныхъ разнорѣчіяхъ галицкаго говора и въ нѣкоторыхъ

---

[1]) См. выше, стр. 48—49.

[2]) Въ галицкихъ грамматикахъ проводятъ обыкновенно сложныя формы прошед. времени по всѣмъ наклоненіямъ, при чемъ накопляются вспомогат. глаголы въ такомъ количествѣ, что самыя формы становятся положительно неудобными въ живой рѣчи. Таковы, напримѣръ, формы страдат. залога: *був бим похвалений був*, *зістав бим був похваленим* и т. д. (Грамматика руского языка, Осадцы, 181). Мы считаемъ эти формы логической фикціей, потому что онѣ не подтверждены примѣрами народной рѣчи.

[3]) Г. Карскій приписываетъ эту форму и бѣлорусскому нарѣчію (Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, 155), но не указываетъ мѣстностей, въ которыхъ она существуетъ. Такъ, онъ отнесъ говоръ шипчуковъ, въ которомъ встрѣчается эта форма, къ бѣлорусскому нарѣчію, между тѣмъ это одинъ изъ сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ. Поэтому мы считаемъ сложное будущее съ корнемъ *им* въ слитной формѣ особенностью малорусскаго нарѣчія. Если же она и живетъ гдѣ нибудь въ подлинномъ бѣлорусскомъ говорѣ, то, полагать надобно, она проникла туда изъ сѣверо-западныхъ малорусскихъ говоровъ.

разнорѣчіяхъ сѣверно-малорусскаго говора глагольный корень *им* часто ставится впереди неопред. наклоненія, не сливаясь съ нимъ окончательно [1]). Этотъ болѣе архаическій видъ сложнаго будущаго составляетъ обычное явленіе въ памятникахъ XIV—XV в., какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ. Что касается до слитной формы, то, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ она появилась въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ только въ XVI в. [2]). Затѣмъ она встрѣчается уже довольно часто въ книжной малорусской рѣчи XVII в: дїпꙋтока́тимꙋ (Лекс. Бер. 159), ѡпꙋ́чтимѣтєѧ (ib.), мокитимєтъ (Г. К. 140), ки́дѣчтимꙋтъ (ib. 139), ка́читимꙋтъ (ib. 140), лежа́тимєнъ, лежа́тимєтє (Рад. Ог. 281), мѣ́тимꙋтъ, ма́тимꙋтъ (ib. 329).

Въ образованіи сложнаго прошед. времени условнаго наклоненія галицкій говоръ отличается отъ украинскаго присоединеніемъ къ корню *би* (*бы*) корня *нес*, отсюда получаются формы: *би-м, би-сь, би-сь-мо, би-сь-те*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. галицкія формы не менѣе часты, какъ и украинскія.

Потеря суффикса *и* въ повелит. наклоненіи, при отсутствіи ударенія, перешла въ малорусскомъ нарѣчіи не только во 2 л. множ., о чемъ была рѣчь выше, но и въ 1 л. множ: *гляньмо, станьмо*. Эта форма болѣе употребительна, чѣмъ описательная: *глянем, глянемо, станем, станемо*, въ которой 1 лице множ. повелит. накл., какъ и въ великорусскомъ нарѣчіи, замѣняется 1 ли-

---

[1]) „Прийди, прийди, красный хлопче, щось ти *йму казати*“ (Гол. III, 160); „ступай, ступай, Бондарочко, ти *мем мати* муку“ (ib. I, 66); „котрий иде у старости, *ме* горівку *пити*, лише най ся добре варує, ледви не *мут бити*“ (ib., III, 215); „идіть собі, люде, съ хати, бо ми *мемо спати*“ (ib. I, 50); „ой чи *мете*, выбранчики, від насъ *утікати?*“ (ib. I, 142). Въ этомъ видѣ, т. е. въ отдѣльности отъ неопред. наклоненія, и притомъ съ сохраненіемъ въ корнѣ *им* начальнаго *и*, форма эта существуетъ въ немногихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (Обзоръ, Колосова, 243).

[2]) „Не толко тыхъ, але других людей *иматиму, бютиму* и вѣшати их буду“ (1561 г. Луцк. кн. л. 159, об.); „то держу и вживаю, и *держатиму*“ (1566 г. Луц. кн. л. 98, об.); „нехай мене у короля полыжетъ, я ему *уметиму* отказать“ (1567 г. Луцк. кн. л. 19). Примѣры выписаны изъ рукописей кіевскаго центральнаго архива и сообщены намъ О. П. Левицкимъ.

цемъ множ. изъявит. наклоненія. Подъ удареніемъ суф. *и* въ малорусскомъ нарѣчіи сохраняется въ 1 и 2 л. множ., какъ въ тѣхъ глаголахъ, которые имѣютъ *и* въ церковнославянскомъ нарѣчіи: *хвалим*, *хвалите*, малорус. *хвалім*, *хвалíте*,—такъ и въ тѣхъ глаголахъ, въ которыхъ стоитъ *ѣ*, а не *и* въ церковнославянскомъ нарѣчіи: *несѣмъ*, *несѣте*, малорус. *несім*, *несíте* [1]). Полагать надобно, что это *и* съ давняго времени въ малорусскомъ нарѣчіи смѣшалось съ *і* изъ *ѣ*. Уже въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ во множ. ч. повелит. наклоненія вмѣсто ожидаемаго *и* мы встрѣчаемъ иногда *ѣ*: *осяжѣте*, *ищѣте*, *связжѣте* [2]). Тѣ же формы и въ галицкомъ евангеліи XIII в. [3]), а въ памятникахъ XIV в. *ѣ*, а не *и* даже въ глаголахъ IV класса: *отвалѣте* (Полик. еван.), *хранѣтеся*, *творѣте* (Луцк. еван.) [4]). Окончаніе 1 л. множ. ч. *мо* безусловно сохраняется, когда суф. повелит. накл. *і* превращается въ іоту или замѣняется смягченіемъ согласнаго: *даймо*, *стáньмо*; но когда суф. *і* удерживается, то окончаніе *мо* иногда сокращается въ *м*: *ходім*, *несім*. Окончаніе 2 л. множ. ч. *те* охотнѣе сокращается въ *ть*, въ особенности послѣ *і*: *берíть*, *несíть* (въ галицкомъ говорѣ: *берíт*, *несíт*), но всегда сохраняется при тѣхъ же условіяхъ, какъ въ окончаніи *мо*: *дáйте*, *стáньте*. Слѣды сокращенія *те* въ *ть* можно уже видѣть въ XII в: *вѣпросить*, *пьиться* (Добр. еван.) [5]). Всѣ эти формы повелит. наклоненія въ большомъ изобиліи встрѣчаются въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, при чемъ суф. *і*, по преданію отъ древнѣйшихъ временъ, почти всегда

[1]) Уже въ церковнославянскомъ нарѣчіи суф. *и* во 2 л. един. ч. повелит. наклоненія представляетъ, по мнѣнію Миклошича, сокращенную форму, замѣняя *ь* (соединительная гласная *е*+*и*=*ь*), которое подъ защитой личныхъ окончаній сохранилось въ 1 и 2 л. множ. ч. Миклошичъ объясняетъ это явленіе необходимостью болѣе быстраго произношенія, соотвѣтствующаго самому характеру повелѣнія: *ид-и* вм. *идь*=*ид-е-и* (Vergleich. Formenlehre, 98),—Шлейхеръ - конечнымъ мѣстомъ дифтонга въ словѣ (Die Formenlehre der Kirch. Slav. Spr. 89). Одно объясненіе не исключаетъ другаго, хотя ни то, ни другое неубѣдительно.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 7.

[3]) Ibidem, 20.

[4]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 177.

[5]) Очерки... его же, 74.

обозначается посредствомъ буквы *ѣ*: пла́чмо (Г. К. 191), ѹва́жмо (Рад. Ог. 12), кы́гѹкмо (ib. 822), захова́ймо (Г. К. 84), не лѣпѹ́ймосѧ (Г. Каз. 121), шмѹ́ймо (Рад. Ог. 399), напи́шѣмъ (Г. Каз. 212), и҆дѣмъ (ib. 6), пойдѣмъ (Рад. Ог. 177), пр҆и҆млѣмо (Г. Каз. 40), молѣмосѧ (ib. 44), гладѣмо (ib. 269), пр҆ишлѣте (К. Х.), *чиньте* (Льв. II.), згѹбѣте (Рад. Ог. 861), любѣтъ (Лекс. Бер. 74), посѣть (ib. 98), *пріймѣтъ* (Льв. II.), пр҆исмотрѣтѧсѧ (Рад. Ог. 642).

V.

Сводъ наблюденій надъ грамматическими свойствами книжной малорусской рѣчи XVII в. Стилистическія особенности ея: проза историческая и ораторская.

Намъ не оставили малорусскіе писатели XVII в. ни одной замѣтки, изъ которой мы могли бы познакомиться съ техническими способами слововыраженія, которые они употребляли въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли писать по малорусски. Каждый изъ нихъ участвовалъ въ созданіи литературной малорусской рѣчи по мѣрѣ своего умѣнья и таланта, независимо отъ той или другой готовой теоріи. Конечно, болѣе или менѣе они знакомы были съ грамматической теоріей Мелетія Смотрицкаго, но она служила для нихъ только исходной точкой, отъ которой далеко отступали они подъ вліяніемъ живыхъ потребностей мысли, давая предпочтеніе въ большинствѣ случаевъ звукамъ и формамъ общерусскимъ и малорусскимъ предъ церковнославянскими. Группируя разнообразные элементы рѣчи, они вырабатывали такимъ образомъ отчасти грамматическія, отчасти стилистическія требованія, которыя считались обязательными въ литературной практикѣ, хотя и не были возведены въ научную теорію.

Сведемъ всѣ данныя, которыя указываютъ на эти требованія. Для этого остановимся прежде всего на правописаніи, въ которомъ является предъ нами книжная малорусская рѣчь XVII вѣка.

По всему видно, что малорусскіе писатели стремились найти такую норму рѣчи, въ которой книжное начало сохранило бы свою централизующую силу, безъ всякаго однако же

ущерба для народныхъ элементовъ ея, поэтому и въ самомъ правописаніи они старались примирить этимологическое начало съ фонетическимъ.

Въ сферѣ согласныхъ звуковъ малорусскіе писатели избѣгали звуковыхъ комбинацій, появившихся въ народной рѣчи подъ вліяніемъ качественной ассимиляціи согласныхъ (по органамъ произношенія). То же начало они старались выдержать и въ сферѣ количественной ассимиляціи (по способу произношенія). Они сохраняли звучные согласные, какъ въ срединѣ, такъ и въ концѣ словъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи послѣ нихъ слѣдовали глухіе гласные, и такимъ образомъ незамѣтно для самихъ себя переходили на почву народной фонетики, которая отклоняла ихъ отъ этимологическаго пути въ тѣхъ случаяхъ, когда отзвучные согласные предъ звучными сами переходили въ звучные. Та же двойственность въ принципѣ и то же господство народнаго, фонетическаго начала въ результатѣ замѣчается и въ отношеніи къ смягченію согласныхъ. Такъ, мы видимъ въ малорусскомъ правописаніи XVII в. твердые свистящіе вопреки народному произношенію, но рядомъ съ этимъ и твердые шипящіе, которые составляли принадлежность большинства малорусскихъ говоровъ,—видимъ также народное смягченіе гортанныхъ, совпадавшее съ церковнославянскимъ преданіемъ, и не совпадавшее съ нимъ народное смягченіе зубныхъ, наконецъ, смягченно—удвоенные согласные. Звукъ *л* предъ согласными и въ концѣ словъ большею частію выдерживается, не превращаясь въ *в*, зато этотъ послѣдній согласный нерѣдко смѣшивается съ *у* даже у такихъ писателей, которые обладали достаточными грамматическими познаніями.

Въ сферѣ гласныхъ звуковъ мы видѣли тѣ же два параллельныя теченія—этимологическое и фонетическое, съ преобладаніемъ послѣдняго. Такъ, въ закрытыхъ слогахъ принято было за правило возстановлять коренные гласные *о* и *е*, народное *і* вмѣсто *о* и *е* попадается очень рѣдко, но *у* и *ю*, какъ звуки, въ которыхъ основные *о* и *е* становятся болѣе различимыми, чѣмъ въ *і*, встрѣчаются нерѣдко. Можно полагать, что *і* вмѣсто *о* и *е* въ XVII в. не было еще такъ распространено, какъ въ

настоящее время, ибо малорусскіе писатели съ нѣкоторымъ выборомъ относились къ особенностямъ родной рѣчи, избѣгая такихъ звуковъ, которые не были во всеобщемъ употребленіи. Такъ, напримѣръ, они не вводили въ правописаніе перегласованія *и* въ *е*, особенно со второй половины XVII вѣка, избѣгали *у* въ глаголахъ на *ова*, потому что это были спорадическія явленія въ самомъ малорусскомъ нарѣчіи. Зато широкое мѣсто они дали въ правописаніи тѣмъ гласнымъ звукамъ, которые составляютъ органическую принадлежность всѣхъ малорусскихъ говоровъ. Сюда относятся: 1) давнія черты общерусскаго вокализма, напримѣръ, обычное выраженіе юсовъ посредствомъ *у*, *ю*, *я*, замѣна глухихъ гласныхъ чистыми и полногласіе; 2) спеціальныя черты малорусскаго вокализма, которыя проходятъ чрезъ всѣ говоры малорусскаго нарѣчія. Таково, напримѣръ, смѣшеніе *ы* съ *и*, при чемъ замѣтить можно, что къ концу XVII в. все чаще и чаще пишется *и* вмѣсто *ы*—знакъ, что среднее малорусское *и* достаточно созрѣло уже въ устахъ народа. Таково же употребленіе буквы *ѣ* для выраженія звука *і* не только тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи было *ѣ*, что составляетъ, какъ мы видѣли, особенность и нѣкоторыхъ великорусскихъ говоровъ, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда *і* образовалось не изъ *ѣ*.

Эта послѣдняя черта, своеобразная въ старинномъ малорусскомъ правописаніи, наложила рѣзкую печать народной фонетики на формы имени и глагола, отмѣченныя въ XVII вѣкѣ. Мы видѣли, что буква *ѣ* писалась иногда 1) даже въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ, въ дат. пад. един. ч. женс. р. и въ предложномъ всѣхъ трехъ родовъ (вопреки церковнославянскому преданію); 2) въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ женс. р., въ родит. един., именит. и винит. множес. ч., и мужеск. р. въ именит. и винит. множес. (тоже вопреки церковнославянскому преданію, но согласно съ древнерусскимъ преданіемъ); 3) въ 1 и 2 л. повелит. накл. (отчасти согласно, отчасти не согласно съ церковнославянскимъ преданіемъ). Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ буква *ѣ* произносилась, какъ *і*, смягчая предшествующій согласный звукъ. Независимо отъ всѣхъ этихъ формъ, связанныхъ съ произношеніемъ буквы *ѣ* и

употребленіемъ ея въ книжной малорусской рѣчи XVII в., мы видѣли въ ней самыя типическія формы малорусскаго глагола,— напр. 1 л. множ. ч. съ окончаніемъ *мо* и будущее время изъ неопред. наклоненія, слившагося съ глагольнымъ корнемъ *им*. Но съ особенною охотою пользовались малорусскіе писатели тѣми народными формами имени и глагола, которыя представляли большее или меньшее сходство съ церковнославянскими: въ нихъ они видѣли прочную опору для сліянія народной рѣчи съ книжными преданіями. Мы разумѣемъ слѣдующія формы: 1) звательный падежъ въ именахъ муж. и женс. р.; 2) дательн. един. ч. въ именахъ муж. р. на *ови* и *еви*; 3) именит. множ. ч. въ тѣхъ же именахъ на *ове* и *еве*; 4) неопр. накл. съ окончаніемъ *ти*; 5) передвижное *ся* при глаголахъ; 6) сложное прошед. изъ спрягаемаго причастія на *лъ* и глагольнаго корня *нес*; 7) условное прошед. изъ того же причастія и аориста *бих*. Впрочемъ, послѣднія двѣ формы напоминаютъ церковнославянскія только составомъ своимъ, а не способомъ сложенія.

Таковъ былъ грамматическій матеріалъ, изъ котораго выстроена была книжная малорусская рѣчь XVII в. Въ разныхъ пропорціяхъ и соотношеніяхъ онъ выступаетъ предъ нами въ разныхъ произведеніяхъ малорусскихъ писателей, но въ общемъ преобладаютъ народныя стихіи рѣчи надъ книжными, церковнославянскими. Эти послѣднія являются уже въ славянорусской редакціи, въ которую вплетаются черты мѣстныхъ нарѣчій. Въ первой половинѣ XVII в. замѣтны еще вліянія бѣлорусскія, которыя легко узнать можно по двумъ фонетическимъ признакамъ, если только встрѣчаются они въ одномъ и томъ же памятникѣ: это именно—*е* вмѣсто *ѣ* и перегласованіе *а* въ *е*, которое болѣе свойственно бѣлорусскому, чѣмъ малорусскому нарѣчію. Самымъ типическимъ памятникомъ этого рода можно считать знаменитый „Апокризисъ“ Христофора Филалета, напечатанный въ 1597 г. въ Вильнѣ. Здѣсь мы находимъ: на тѣлѣ з'ѣздѣ, на сонодѣ и на сонодѣ, оу ѕоздѣлѣ и к' ѕоздѣле, о наѹце и кѣзе, оскерѣнѣ, хотечи и т. п. Тѣ же особенности бѣлорусской рѣчи встрѣчаются въ Учительномъ евангеліи 1604 г., въ Казаньяхъ Леонтія Карповича 1615 г., въ Кіевской лѣтописи

1621 г., въ Панегирикѣ Петру Могилѣ 1632 г., въ Ляментѣ острожскомъ 1636 г. и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ. Но по мѣрѣ того, какъ центромъ просвѣщенія становился Кіевъ, особенности народнаго малорусскаго нарѣчія, и прежде сообщавшія главную окраску книжной малорусской рѣчи, выступаютъ съ большею рѣшительностію и опредѣленностію: какъ съ фонетической, такъ и съ морфологической стороны, въ теченіе всего XVII вѣка преобладаютъ особенности сѣверныхъ и западныхъ малорусскихъ говоровъ. Со второй половины XVII в. народныя вліянія становятся замѣтными даже въ произведеніяхъ, напечатанныхъ славянорусскою рѣчью, напр: хꙋанѣмъ (Мечъ Б. 194), пꙋшлѣте (Син. 27), пꙋзы (ib. 65), кѣꙋи (ib.), гвозды (Мечъ Б. 393), лжы (ib. 423) и т. п.

Что касается до церковнославянскихъ звуковъ и формъ, то они далеко не имѣли въ книжной малорусской рѣчи того значенія, какое имѣли въ славянорусской рѣчи. Къ нимъ обращались преимущественно въ текстахъ св. писанія. Такъ, І. Галятовскій, лучшій стилистъ своего времени, пишетъ: на ѡклозахъ и въ текстѣ: на ѡклацехъ (Г. М. 105), кꙋжнимсѧ и на той же страницѣ въ текстѣ: кꙋжащимсѧ (ib. 162), сокѣ и въ текстѣ: сокѣ (ib. 368), сꙋгꙋшого, кжого и въ текстѣ: члѣческаго (ib. 253). Мы уже упоминали о томъ, что прошедшія простыя встрѣчаются у этого писателя тоже исключительно въ текстахъ св. писанія. Большая также рѣдкость встрѣтить у Галятовскаго и у другихъ современниковъ его, писавшихъ книжною малорусскою рѣчью, причастія наст. вр. дѣйст. зал. съ окончаніемъ *щій* внѣ текстовъ св. писанія: всюду господствуетъ народная форма краткихъ причастій съ окончаніемъ *чи* и образованная отъ нея полная форма съ окончаніемъ *чий*. Впрочемъ, нужно сказать, что употребленіемъ причастій, какъ дѣйствительнаго, такъ и страдательнаго залога, книжная малорусская рѣчь больше всего сближалась съ рѣчью славянорусскою, подчиняясь въ то же время вліянію латинскаго синтаксиса, которое выразилось, напримѣръ, въ постановкѣ глагольнаго сказуемаго на концѣ предложенія и вообще въ симметрическомъ расположеніи предложеній, которое свойственно періодическому теченію рѣчи. Нужно

вспомнить при этомъ, что и въ народныхъ малорусскихъ думахъ глагольное сказуемое постоянно ставится на концѣ предложенія, а періодическое построеніе рѣчи составляетъ обычную принадлежность думъ. Полагать надобно, что оно не противорѣчило интеллектуальному настроенію народа, ибо не противно было народному вкусу, тѣмъ болѣе, что въ книжной малорусской рѣчи оно растворялось разговорнымъ теченіемъ ея и оживлялось сравненіями, поговорками, ироническими замѣчаніями, прямо выхваченными изъ жизни. Такими свойствами обладала не только историческая проза, но и ораторская [1]).

---

[1]) Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ львовской лѣтописи и изъ „Огородка" Антонія Радивиловскаго:

„(Потоцкій) досить анѣмушно строфовалъ до Хмелницкаго: „хлопе, мовитъ, чимъ же такъ зацному рыцерству ордъ татарскихъ заплатишъ?" Которому отповѣлъ Хмелницкій не глупо: „тобою и иншими съ тобою".

„(Дорошенко) завелъ былъ ляховъ хорошенько, а не (sic) бити, мусѣли бо ся просити".

„Небожата ляхи, повергши пыху, мусѣли пѣхотою ходити".

„Ото жъ Унія... лежитъ Русь съ поляками" (*на полѣ битвы*).

„Нѣмцѣ, якъ мухи погинули".

„Жидовъ рѣзали, якъ куръ".

„Не хочу я зъ Гриями воевати, нехай идутъ до ролѣ, або свинѣ пасти" (слова гетмана Жолкевскаго о козакахъ).

„Умеръ панъ Лукашъ Жолкевскій, староста переяславскій, що съ козаками орѣхи грызъ".

„Скоро я встану съ той хоробы (слова канцлера Замойскаго), я тое поганство знесу, а ежели умру, на вѣки имъ нѣхто нѣчого не вчинитъ". И такъ розгнѣвавшися, жебы пророчество его сполнилося, умеръ".

„Не крычи и не гдачъ, якъ кꙋрка, знесши яйце крычитъ и и кꙋдкꙋдачетъ" (Рад. Ог. 39).

„Єсть дакный звычай ꙋ посполитыхъ людей, же гды на сей праздникъ з Церквы придꙋ до домꙋ з верхою, звыли ключи нею домовыхъ своихъ юного ꙋжикати присложъ: не та тебе ю, верха тебе ю" (1019).

„Правда камъ колетъ очи" (390).

„На тебе ю, что мнѣ негоже" (637).

„Заживай скꙋта, поки слꙋжа лꙋта" (849).

Приведенныя ниже поговорки и пословицы или прямо взяты проповѣдникомъ изъ устъ народныхъ, или слегка передѣланы имъ на книжный ладъ. Пріемъ этотъ съ точки зрѣнія современной проповѣди считается несовмѣстнымъ съ поучительно-религіознымъ содержаніемъ ея, поэтому южнорусская проповѣдь XVII вѣка вызвала въ наше время довольно рѣзкіе упреки въ безцѣльномъ пустословіи, въ излишествѣ риторическихъ украшеній, расчитанныхъ на то, чтобы доставить слушателю пріятное развлеченіе, а не душевную пользу. „Это было искусство для искусства", говоритъ одинъ изъ современныхъ критиковъ старинной южнорусской проповѣди, „помимо всякаго практическаго приложенія. Слушатели могли безъ скуки присутствовать при замысловатыхъ, иногда веселыхъ, иногда печальныхъ разглагольствованіяхъ проповѣдника, могли посмѣяться, пожалуй поплакать, но практическаго вывода изъ церкви не выносили" [1]).

„Искра лихаѧ и поле выжигаетъ, и сама почто гинетъ" (394).

„Тонучій хватаетсѧ и меча" (404).

„Накладаетъ (тяжущійся), поки к калитѣ стукаетъ" (563).

„Мокатъ посполите люде: якое ѡдѣжие, такое и пошанокае: як тѧ кидѧ, так тѧ чежъ и пишутъ" (382).

„ — : Празни кемчника не быкае" (382)

„ — : Трафила коса на камене" (408).

„ — : У витому тыко покажи кіи, ажъ заразъ утекаетъ" (473).

„ — : Смѣлшаѧ далеко баба за стѣнок, нежели рыцерь к полю" (537).

„ — : Палцемъ на него (обѣдневшаго человѣка) тыкати будутъ" (393).

„ — : Я ни на волосокъ засути неможетъ" (780).

„ — : Гды кто утѣкъ, якъ десяти побилъ" (788).

„ — : — Ѡружіе приноситъ миръ" (790).

„ — : — : З силнымъ коротнѧ, смерть на умѣ" (901).

„ — : Новый ца, новое и право" (1023).

[1]) Южнорусское проповѣдничество XVI и XVII вв., Ф. Терновскаго, 75.

Дѣйствительно, по сознанію самихъ проповѣдниковъ, „многого было в церкви такихъ учителей, что не такъ ся стараютъ о жизнь приклонный, яко о слова пѣнкный и вымоку риторичными фигурами оздобленую“ (Рад. Ог. 596). То было время, когда риторика казалась могущественною силою, ничуть не меньшею, какъ могущество власти: „цо на свѣтѣ, сказано въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка, могутство яко риторика, что въ церкви святои чинит покора“ (Сб. ц. ар. М.). Могущество это сказалось прежде всего на самихъ проповѣдникахъ, которые, сознавая иногда непригодность риторическаго оружія, тѣмъ не менѣе охотно употребляли его при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Съ помощію этого оружія они добывали матеріалъ для своихъ поученій, извлекая его изъ источниковъ самыхъ разнообразныхъ: изъ апокрифическихъ сказаній, изъ средневѣковыхъ книгъ нетрезваго содержанія „ѡ звѣрох, птахахъ, гадахъ, рыбахъ, дерева, звѣлах, камѣнѣхъ, и розмаитыхъ вода, которыи в морю, в рѣкахъ, в студенѣхъ, и на инишы мѣстца знайдуюся“ (Г. Наука, 146),—наконецъ, изъ исторіи рода человѣческаго: „клуканючися по свѣту памятію моею, говоритъ одинъ изъ нихъ, „по весоломъ полю исторій свѣтовыхъ, яко межи цвѣтами, межи ѡбажными цвѣй и гетманковъ спрабами“, припомнилъ я... далѣе слѣдуетъ извѣстная исторія о пребываніи Ѳемистокла у Ксеркса, царя персидскаго. Собирая медъ краснорѣчія съ разныхъ цвѣтовъ, они предлагали его слушателямъ своимъ въ видѣ замысловатыхъ діалоговъ, аллегорій, параболъ и всякаго рода сравненій.

Все это такъ.

Но мы должны вспомнить при этомъ, какое назначеніе имѣла южнорусская проповѣдь по понятіямъ самихъ проповѣдниковъ. Апотеоза христіанскихъ добродѣтелей—вотъ въ чемъ заключалась главная цѣль ея, поэтому въ большинствѣ случаевъ южнорусскіе проповѣдники имѣли въ виду нарисовать своимъ слушателямъ свѣтлыя картины христіанской жизни, прославляя подвиги святыхъ, угодившихъ Богу. Они стремились увлечь слушателей въ этотъ идеальный міръ, не похожій на современную имъ дѣйствительность, чтобы найти тамъ, въ этомъ мірѣ,

нравственное успокоеніе отъ тревогъ и невзгодъ жизни и выйти изъ него обновленными и освѣженными, съ вѣрой въ правду и добро. Они старались ободрить своихъ слушателей на пути спасенія, не допуская ихъ до унынія и отчаянія: „стараніе", поучаетъ І. Галятовскій проповѣдника, чтобы ты словомъ своимъ „не приключилъ людей до ѿчаяніе, до розпачи, ко з розпачи... многіи задаю самі смерть свою, зачи же бы ты не былъ чтобы грѣхъ участникомъ, не приходи нѣкого до ѿчаяніе" (Г. Наука, 131). Этимъ объясняется многое въ южнорусской проповѣди: и риторическія краски ея, слишкомъ яркія, и *блуканіе* „по веселомъ полю нечорній свѣтовыхъ", посредствомъ которыхъ хотѣли „покаяти людей до слухане" (Г. Наука, 243), и популярный, отчасти простонародный тонъ ея, объясняемый тѣмъ же побужденіемъ, и наконецъ, самый языкъ ея, близкій къ народному и переполненный, какъ мы видѣли, поговорками и пословицами народными. Они желали сдѣлать рѣчь свою удобопонятною для слушателей: „если будешъ, говоритъ І. Галятовскій, обращаясь къ проповѣднику, слово Божое проповѣдати, а нѣкого его не розумѣетъ, тоді самого будь проповѣдати и выслалати, а не слово Божіе" (Г. Наука, 244). Вотъ почему онъ предпочиталъ малорусскую рѣчь всякой иной въ собственныхъ своихъ произведеніяхъ. Онъ не сомнѣвался въ литературной правоспособности малорусскаго нарѣчія и ставилъ его рядомъ съ польскимъ и латинскимъ, заявляя, что книгу свою „Мессія праведный" написалъ „малороссійскім, полскимъ и латинскімъ діалектомъ, ко к малой Россіи и к королевствѣ полскомъ и к панствѣ латинскихъ жидовъ... из ха праведнаго Мессіи и зо всего народу христіанскаго разуманіе" (Г. М. Предисловіе). Не нужно упускать изъ виду, что это говоритъ ректоръ кіево-могилянской коллегіи, первый составитель науки „о зложеніи казаня", талантливый представитель малорусскаго литературнаго слова въ школѣ и въ жизни. Безъ сомнѣнія, понятія Галятовскаго раздѣляли въ его время многочисленные читатели и ученики его.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Галятовскій посвятилъ свое сочиненіе „Мессія Праведный" Алексѣю Михай-

ловичу, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что „малороссійскій діалектъ“ будетъ принятъ въ Москвѣ доброжелательно. И дѣйствительно, во второй половинѣ XVII в. еще не былъ поставленъ въ Москвѣ вопросъ о „малороссійскомъ діалектѣ“. Московское духовенство относилось съ недовѣріемъ къ югозападнымъ ученымъ по вопросамъ вѣры, а не языка. Такъ, въ 1696 году московскій патріархъ Адріанъ далъ свое дозволеніе митрополиту кіевскому переложить новоизданный полный переводъ православнаго исповѣданія на *малороссійское нарѣчіе* [1]).

Посвящалъ свои сочиненія тому же Алексѣю Михайловичу и другой малорусскій писатель, предпочитавшій славянорусскую рѣчь малорусской, покровитель І. Галятовскаго, Лазарь Барановичъ. И его труды встрѣчали въ Москвѣ полное радушіе.

Такимъ образомъ двѣ школы малорусскихъ писателей, которыя отличались одна отъ другой болѣе языкомъ, чѣмъ міровоззрѣніемъ, существовали въ теченіи всего XVII в. рядомъ, не сознавая, куда прибьетъ ихъ волна политической жизни.

Но прежде чѣмъ говорить о судьбѣ той и другой школы, считаемъ нужнымъ бросить обратный взглядъ на весь пройденный нами путь.

---

[1]) Описаніе славянс. рукописей московс. синод. библ. Горскаго и Невоструева, отд. II, 597.

Схоластическая наука на южно-русской почвѣ во второй половинѣ XVII вѣка.

Національное самосознаніе въ эпоху „Руины“.—Положеніе посполитаго люда въ лѣвобережной Украинѣ.—Школа, какъ примиряющее начало въ вопросахъ внутренней жизни.—Всесословный характеръ кіево-могилянской коллегіи.—Отраженіе народныхъ понятій въ южнорусской печати временъ „Руины“.

Въ началѣ изслѣдованія нашего мы поставили вопросъ: „удастся ли новому поколѣнію защитниковъ „бѣдной Руси“ сохранить свѣжесть народнаго чувства и не усвоить вмѣстѣ съ „латинскою наукой“ тѣхъ понятій, которыя чужды были народному духу?“

На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ* безъ оговорокъ.

Собственно говоря, идея народности въ современномъ значеніи этого слова была чужда старшему поколѣнію представителей южнорусскаго просвѣщенія, къ которому принадлежали Іоаннъ Вишенскій, Захарія Копыстенскій, Іовъ Борецкій. Только религіозная ревность побуждала нѣкоторыхъ представителей этого поколѣнія нисходить къ понятіямъ „простыхъ людей“, „для вырозумѣня“ которыхъ они рѣшались писать „простою мовою“. Только политическія соображенія наталкивали ихъ на мысль о народной массѣ, о „россійскомъ родѣ“, какъ говорили тогда. Внѣ религіи и политики эта самая масса была для нихъ темная книга, въ которой они не умѣли читать. Болѣе или менѣе проникнутые народнымъ настроеніемъ, они не чуждались

народныхъ понятій и даже самого метода народной мысли, который съ особенною выразительностію выступаетъ въ народномъ языкѣ, но, безъ всякаго сомнѣнія, этотъ методъ не былъ для нихъ исходной точкой въ развитіи идей просвѣщенія. Черпали они эти идеи изъ того же схоластическаго источника, какъ и позднѣйшее поколѣніе малорусскихъ писателей, получившихъ образованіе въ кіево-могилянской коллегіи. Правда, эти послѣдніе учились по латинскимъ книгамъ, тогда какъ писатели первой четверти XVII в. предпочитали греческія книги. Но и въ тѣхъ, и въ другихъ книгахъ царила одна и та же наука, съ однимъ и тѣмъ же методомъ оправданія готовыхъ истинъ, а не открытія новыхъ. Въ виду этихъ соображеній мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ недавно въ почтенныхъ трудахъ г. Сумцева, будто бы „въ южнорусскую науку вторглась чуждая ей римско-католическая схоластика, мало по малу заглушившая хорошіе всходы національной украинской письменности на греко-славянскихъ началахъ“ [1]). Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII в. украинская письменность выступила съ неменьшею сознательностію, какъ и въ греко-славянскую эпоху южнорусскаго просвѣщенія,—увидимъ въ послѣдствіи, что эта сознательность не исчезала во все продолженіе XVIII в.,—если же ослабѣвала иногда, то вовсе не подъ вліяніемъ римско-католической схоластики, которая въ XVIII в.—по крайней мѣрѣ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра—не представляла серьезной опасности для національнаго самосознанія. Безъ сомнѣнія, въ первой четверти XVII вѣка южнорусскіе люди не были еще такъ утомлены борьбой за свое существованіе, какъ въ печальную эпоху такъ называемой „Руины“. Современники Сагайдачнаго больше были воодушевлены вѣрой въ народное дѣло, чѣмъ современники П. Дорошенка. Самыя задачи политической жизни послѣ Андрусовскаго мира (1667 г.), послѣ раздѣленія Малороссіи между двумя государствами—московскимъ и польскимъ, сдѣлались сложнѣе. Будущее становилось все болѣе и болѣе загадочнымъ. Послѣ изнурительныхъ войнъ Богдана Хмельницкаго страна нужда-

[1]) „Кіевская Старина“, 1885 г., апрѣль, 655.

лась въ продолжительномъ и прочномъ покоѣ, чтобы сосчитать, какъ потери, такъ и выгоды свои отъ перенесенныхъ ею потрясеній, чтобы подвести итоги своему прошлому и собраться съ силами для новой жизни, для новыхъ испытаній. А между тѣмъ ей посылала судьба одни испытанія, но не покой. Ежеминутно висѣла надъ ней гроза непріятельскихъ нашествій со всѣми ужасами грабежа и кровопролитія. Съ надеждой она обращала взоры свои на сѣверъ. Но оттуда вмѣстѣ съ войсками, которыя болѣе или менѣе охраняли лѣвобережную Украину отъ внѣшнихъ враговъ, приходили воеводы, приносившіе съ собою новыя политическія понятія и необычные порядки жизни. Возникали недоразумѣнія и смуты, которымъ, казалось, и конца не было. Являлись искатели приключеній, которые торговали совѣстью своею и счастьемъ родины своей. „Тогда умножишася въ Украинѣ, говоритъ позднѣйшій лѣтописецъ, дѣтство котораго прошло подъ впечатлѣніями „Руины“, найпервѣй въ значнихъ, потомъ и въ посполитихъ козакахъ, гнѣвы, несогласія, властолюбія, раздвоенія, измѣненія, рвенія, зависти, вражди, междоусобія съ кровопролитіемъ, и иная тимъ подобная злоключенія и непотребства“ [2]). Въ такую эпоху трудно сохранить бодрость духа и вѣру въ собственныя силы. И однако же, мы все таки не скажемъ вмѣстѣ съ г. Сумцевымъ, что „по силѣ національнаго самосознанія южнорусскіе люди начала XVII вѣка стояли выше южнорусскихъ людей конца XVII вѣка“ [2]). Самъ Сумцевъ прекрасно обрисовалъ pia desiderata общественной жизни, которыя вовсе не двусмысленно высказывали малорусскіе писатели, принадлежавшіе къ кружку Лазаря Барановича [3]). Глубоко огорчало ихъ отдѣленіе правобережной Украины отъ лѣвобережной:

Подолле плаче, рыдая,
Волынь стогне, вздыхая...
О гордости, твое то дѣло,
Иже отечество не цѣло! [4])

---

[1]) Лѣтопись Величка. II, 7.

[2]) І. Вишенскій, Сумцева. „Кіевская Старина“, апрѣль, 655.

[3]) Характеристика южнорусской литературы XVII вѣка, Сумцева. „Кіевская Старина“, 1885 г., январь, 11.

[4]) Южнорусскія лѣтописи, издан. Бѣлозерскимъ, 1856 г., 160.

Такъ горюетъ на развалинахъ отечества своего неизвѣстный намъ составитель плохихъ стиховъ подъ названіемъ „Ляментъ людей побожныхъ“. Писатели малорусскіе временъ „Руины“ сожгли корабли позади себя. Они на вѣки разстались съ Польшей, но, отдаваясь подъ крѣпкую руку московскихъ царей, они хотѣли бы сохранить единство и цѣлость своего отечества, съ независимою церковью, съ его старинными порядками и учрежденіями, основанными на выборномъ началѣ, которое одухотворяло всѣ формы жизни церковной, войсковой, городской и сельской. Соблюдая вѣжливость и угодливую предупредительность по отношенію къ Москвѣ, они мечтали о мирной жизни подъ покровительствомъ ея на основаніи statu quo, въ которомъ засталъ Малороссію моментъ присоединенія ея къ московскому государству. „Мы, вибивши изъ Украины Ляховъ, пишетъ Лазарь Барановичъ Алексѣю Михайловичу, доброхотне, православни суще, православному монарсѣ поддалися, хотячи на волностяхъ нашихъ козацкихъ древнихъ подъ православною монархою жити“ [1]). Въ другихъ письмахъ своихъ онъ увѣряетъ царя, что козаки „обѣщались вѣрне царскому пресвѣтлому величеству служити, точію милости его просятъ, чтобы не было воеводы, и на волностяхъ, старому Хмельницкому наданихъ, чтобы жили“ [2]). „Свободою убо, ею же Христосъ насъ свободи, помазанниче Божій, пресвѣтлый царю, ихъ свободи, да стоятъ на свободѣ“ [3]). Въ письмахъ къ Симеону Полоцкому Лазарь Барановичъ впадаетъ въ лирическое изліяніе своихъ чувствъ по поводу храбрости козаковъ. Онъ не отрицаетъ угловатости въ натурѣ ихъ, сравниваетъ духовный чинъ среди козаковъ съ розами между терновникомъ, но, говоритъ онъ, „безъ этой колючести не было бы ничего добраго... Воеводъ отнюдъ не хотятъ: для козака воевода—великая невзгода... А если это родное нашего украинскаго края, то чѣмъ его перекрестить? Покропить только освященною водою, и хотя онъ (козакъ) черенъ, записати въ бѣлую книгу,

---

[1]) Письма Л. Барановича, изд. 2-е, Черниговъ, 1865 г., 121.

[2]) Ibidem, 59.

[3]) Акты З. и Ю. Россіи, VII, 67.

не гнушаться на Украинѣ украинскими свитками" [1]). Вообще говоря, малорусскіе писатели второй половины XVII вѣка были мирные, благожелательные люди, которые не желали чужаго и не отказывались отъ своего. А чужое они знали не съ одной польской стороны, но и съ московской, поэтому они были богаче опытомъ жизни, чѣмъ представители греко-славянской эпохи южнорусскаго просвѣщенія. Можетъ быть, они уступали этимъ послѣднимъ въ цѣльности національнаго самосознанія, но никакъ не въ отчетливости и разносторонности его. Они чувствовали потребность сознать въ себѣ не только общія, родовыя особенности русской жизни, которыя не могли согласоваться съ условіями католическаго и шляхетскаго режима, но и видовыя черты мѣстной малорусской жизни, которыя не укладывались въ общественно-политическую норму, созданную московскимъ государствомъ. Питая къ главѣ государства безусловное уваженіе, они вовсе не желали превращенія Украины въ одно изъ воеводствъ великорусскаго типа.

Есть, однако же, одно темное пятно въ міровоззрѣніи писателей, о которыхъ мы говоримъ. По своему общественному положенію они принадлежали къ высшимъ рядамъ духовенства, которое владѣло „подданными", не задумываясь надъ соціальнымъ значеніемъ этого владѣнія, надъ противорѣчіемъ его съ завѣтными стремленіями народа, рвавшаго на себѣ путы крѣпостной неволи. Правда, суровая участь посполитыхъ, повидимому, смягчалась проповѣдію духовенства о милосердіи къ нимъ. Но хорошія слова имѣютъ силу только тогда, когда они сопровождаются высокимъ подвигомъ самоотверженія. А къ этому подвигу вовсе не располагали крѣпостные порядки, которые застала въ московскомъ государствѣ лѣвобережная Украина, только что вырвавшаяся изъ „ярма лядскаго". Напротивъ того, въ московскомъ государствѣ положеніе крестьянъ было еще хуже, чѣмъ подъ „регментомъ" козацкой старшины. При Алексѣѣ Михайловичѣ великорусскіе крестьяне постоянно перебѣгали „за рубежъ" въ гетманщину: въ 1672 году великорусскіе помѣщики

---

[1]) Письма Л. Барановича, 53—54.

жаловались царю на малорусское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ за укрывательство бѣглыхъ крестьянъ, въ особенности на Лазаря Барановича, у котораго поселилось всякихъ „прихожихъ людей“ больше пяти тысячъ,—„а выдачи, писали жалобщики, никому нѣтъ“ [1]). Такимъ образомъ, въ новой политической обстановкѣ возобновлялись старые порядки, манившіе къ себѣ сословными удобствами привиллегированнаго положенія, котораго начали добиваться люди, только что вырвавшіеся изъ „лядской неволи“.

Но далеко еще было то время, когда вполнѣ созрѣли плоды этихъ домогательствъ. На стражѣ народныхъ интересовъ стояла запорожская Сѣчь. Она глубоко чувствовала страданія родины: „непрестанно насъ тое мулило и долѣгало, писали Запорожцы къ гетману И. Самойловичу, что за невзгодою и непріязнію обосторонныхъ Днѣпра гетмановъ, приходило намъ пустую и мертвую Малую Россію, матку нашу, полними слезъ оглядати очима, и красніе жилища отцевъ и праотцевъ нашихъ зрѣти дивіемъ звѣромъ водвореніемъ“ [2]). Она стояла на сторонѣ московскаго царя, но въ то же время рѣзко порицала своекорыстную политику Самойловича, который враждой къ П. Дорошенку вызвалъ паденіе Чигирина: „если бысь, говорили Запорожцы, не добывалъ его и не взялъ подъ свою власть зъ Дорошенкомъ, то и Турчинъ добывати его не приходилъ бы, а за часомъ, чрезъ розумніи медіяціи, могла бы и вся сегобочная Украина отъ власти турецкои и безъ такого кровопролитія подъ великую руку монархи православнаго зъ Дорошенкомъ приклонитися“ [3]). Такъ смотрѣли Запорожцы въ эпоху „Руины“ на политическое положеніе своей родины. Она была для нихъ дорогою матерью, страдавшею отъ междоусобія неразумныхъ дѣтей своихъ. Нельзя сказать, чтобы сами они были вполнѣ свободны отъ упрека въ этомъ неразуміи, но въ основныхъ стремленіяхъ своихъ они всегда ставили интересы *всей* Украины выше лич-

---

[1]) Акты Зап. и Юж. Р. IX, 857.

[2]) Величко III, 468.

[3]) Ibid. 470.

ныхъ счетовъ, которые обострились въ слѣдствіе насильственнаго раздвоенія Украины на двѣ половины. Особенно чутко они относились къ бѣдствіямъ *посполитаго* люда, безусловно отрицая всякую тѣнь крѣпостнаго права, какъ въ старой шляхетско-польской формѣ, осложненной религіозными гоненіями, такъ и въ подновленной формѣ—безъ всякой примѣси религіознаго угнетенія. Если бы страна поставлена была въ лучшія условія политической жизни, то не одни „козацкія вольности" нашли бы въ ней своихъ защитниковъ, но и завѣтное стремленіе народа къ уравненію правъ посполитыхъ съ козаками, къ уничтоженію всякихъ поползновеній козацкой старшины къ крѣпостному насилію. Конечно, все это не могло бы произойти само собою, безъ борьбы и внутреннихъ потрясеній, но во второй половинѣ XVII в. козацкая старшина не успѣла еще сформироваться въ родовую знать, которая могла бы безъ всякой посторонней поддержки выдержать напоръ народныхъ стремленій. Она не успѣла еще забыть о своемъ происхожденіи: еще такъ недавно она стояла въ рядахъ посполитаго люда, дѣлила съ нимъ радости и горе жизни. Волны народнаго движенія вынесли ее на верхъ, поэтому она не могла не сохранить нѣкотораго уваженія къ самому этому движенію, къ самодѣятельному участію народа въ его собственной жизни.

Есть, наконецъ, еще одна выразительная особенность въ умственномъ строѣ той эпохи, о которой мы говоримъ, — особенность, которая могла вносить примиряющее начало въ спорные вопросы внутренней жизни. Мы разумѣемъ возбужденность мысли, затронутой просвѣщеніемъ, которое рано или поздно должно было привести къ выводамъ, болѣе благопріятнымъ для народныхъ массъ, чѣмъ крѣпостныя формы жизни, нѣсколько видоизмѣненныя въ лѣвобережной Украинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, школа давно уже сдѣлалась потребностію малорусскаго населенія. Особенно дорожило оно кіево-могилянской коллегіей, для которой наступили трудные дни по смерти Петра Могилы. Въ вихрѣ событій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, коллегія не могла оставаться спокойнымъ пріютомъ для учащейся молодежи, которую манила жизнь съ ея

бурями и военными тревогами. Поэтому высшіе и средніе классы въ коллегіи опустѣли, — да и эти послѣдніе, послѣ козацкихъ неудачъ въ борьбѣ съ поляками, отразившихся на матеріальныхъ средствахъ коллегіи, тоже исчезли [1]),—и вотъ въ 1666 г. кіевскіе жители начали хлопотать о возобновленіи кіевскихъ школъ. Московское правительство не считало возможнымъ отвѣчать имъ на заявленіе объ этомъ рѣшительнымъ отказомъ. „Буде имъ, писали въ томъ же году изъ Москвы, противъ ихъ волностей не въ оскорбленье будетъ, и тѣхъ бы школъ нынѣ не заводить“ [2]). Но такъ какъ „перевесть тую старую школу, по мнѣнію кіевскаго воеводы Петра Шереметьева, никоторыми мѣры нельзѣ, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ въ великое оскорбленіе“, то „великій государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводить и людей въ нихъ учить кіевскихъ жителей“ [3]). Вопросъ о школѣ считался въ то время чрезвычайно важнымъ, поэтому онъ былъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ, какъ съ Москвой, такъ и съ Польшей. Въ инструкціи Петра Дорошенка, данной посламъ войска запорожскаго, которые отправлены были на сеймъ польскій въ 1670 г., говорится: „Академію въ Кіевѣ фундовати волно, въ которой грецкимъ, латинскимъ и рускимъ языкомъ учити Русь маетъ... Другую также Академію въ Могилевѣ Бѣлорусскомъ, албо тутъ на Украйнѣ... фундовати. Кгимназія, тежъ школы, въ которыхъ бы по латынѣ учено, и друкарнѣ, колко ихъ потреба будетъ, абы безъ трудности становити было волно, и волно науки отправовати, и книги всякіе друковати“ [4]).

Но существуетъ мнѣніе, высказанное болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, что „заведеніе въ Кіевѣ коллегіи не было потребностію народа, что объ этомъ заботилась только шляхта и высшее духовенство въ видахъ собственныхъ пользъ“, — поэтому коллегія не имѣла ничего общаго съ народомъ [5]).

---

[1]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіей, Аскоченскаго, I. 209.

[2]) Акты Зап. и Юж. Россіи VI. 93.

[3]) Ibidem.

[4]) Акты Зап. и Юж. Руси IX. 302—303.

[5]) Представители кіевской учености, Пекарскаго, Отеч. Зап. 1862 г. 391—392.

Намъ кажется это мнѣніе чрезвычайно рѣзкимъ. Нужно вспомнить только, что коллегія была всесословнымъ учрежденіемъ, въ которомъ учились дѣти духовенства вмѣстѣ съ дѣтьми козаковъ, мѣщанъ и даже посполитыхъ. Причина этой всесословности заключалась въ томъ, что всѣмъ одинаково дорого было „древнее благочестіе", которое считалось тогда наиболѣе выразительнымъ признакомъ народности. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ верхніе слои южнорусскаго населенія переходили въ католичество, самыя сословія Южной Руси опредѣлялись не столько происхожденіемъ, сколько занятіями. Самымъ обыкновеннымъ явленіемъ было въ то время движеніе посполитыхъ въ мѣщане, а тѣхъ и другихъ въ козаки. Нерѣдко было и обратное передвиженіе по нисходящей линіи, часто невольное, иногда добровольное, особенно изъ козаковъ въ мѣщане,—лица же духовнаго званія выбирались изъ посполитыхъ, мѣщанъ и козаковъ, поэтому духовнаго сословія въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ теперь, вовсе не было не только въ XVII, но и въ XVIII в.[1]). Слѣдовательно, говорить о своекорыстныхъ сословныхъ цѣляхъ, которыя будто бы преслѣдовали люди, подобные Петру Могилѣ, именно—сподвижники и ближайшіе преемники его, во всякомъ случаѣ, неосновательно. Не таковы были эти труженики мысли, для которыхъ не было вопроса о томъ, кто долженъ учиться въ школахъ — званные или избранные. Они не могли себѣ представить даже, чтобы ученье было удѣломъ только имущихъ и знатныхъ людей,—тѣмъ болѣе, что и плоды ученія въ то время не всегда были сладки. „Не дивуйся, читателю, говоритъ І. Галятовскій, заканчивая свой „Ключъ разумѣнія", ты помыкаю, которыи ся кто-й книзѣ знайдуть. Та книга такого часу робилася, к который колиж ісмо сутѣкали и на смерть нежели на книгу тую поглядали. Ни єдиного имѣ покоя ни дня, но во всѣм жорка́ше: кнѣ суду брали,

[1]) При Богданѣ Хмельницкомъ во главѣ козацкихъ движеній становились иногда священники („Кіевс. Старина", 1888 г., іюль, 25). Бывали случаи, что одно и то же лице нѣсколько разъ смѣняло рясу на боевые доспѣхи (Лѣтопись Грабянки, 183).

кнѹчꙗ ѹдѹ ст҃ꙗхи“ [1]). Очевидно, представители южнорусскаго просвѣщенія трудились не въ „видахъ собственныхъ пользъ“, не для своихъ „власныхъ приватъ“, какъ говорили тогда, а для добра общаго. Они почерпали свое вдохновеніе не въ правительственной поддержкѣ, а въ сознаніи той нравственной пользы, которую они приносили народу.

Можно ли сказать, что это была мнимая польза?

Почти положительно отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ г. Сумцевъ. „Наука во второй половинѣ XVII в., говоритъ онъ, была въ Южной Руси явленіемъ *почти вполнѣ мертворожденнымъ и крайне далеко отстояла отъ жизни*“ [2]). „Преподаваніе богословія пріучало учениковъ къ ханжеству и внѣшней обрядности“ [3]). „Схоластическому богослову (южнорусскому) не было никакого дѣла до того, какъ народъ относится къ христіанскому вѣроученію съ своей національной точки зрѣнія, что внесъ и вноситъ въ него изъ своей національной жизни“ [4]). Говоря объ І. Галятовскомъ, г. Сумцевъ утверждаетъ, что „грозныя и многознаменательныя событія прошли мимо него, не затронувъ ни его ума, ни его чувства, засушенныхъ безжизненной школой“ [5]).

Мы думаемъ, что это мнѣніе въ значительной степени навѣяно общей репутаціей схоластической науки, которая по всей справедливости не пользуется сочувствіемъ въ средѣ образованныхъ людей,—думаемъ такъ на томъ основаніи, что въ трудахъ самого г. Сумцева есть положенія не совсѣмъ согласныя съ тѣми, которыя мы привели выше. „Нѣтъ надобности, говоритъ онъ, доказывать, что идеалы Л. Барановича, Ин. Гизеля и І. Галятовскаго исходятъ изъ малорусской дѣйствительности; идеалы эти не разрываютъ съ нею связей, они только очищаютъ ее отъ недостатковъ и такимъ образомъ возводятъ на опредѣленную, во всякомъ случаѣ значительную по высотѣ степень внутренняго и внѣшняго совершенства“ [6]). Очевидно, вопросъ о

[1]) Ключъ разумѣнія, 253 обор.

[2]) „Кіевская Старина“, 1884 г., апрѣль, 588.

[3]) Ibid., январь, 6.

[4]) Ib., 16.

[5]) Ib., февраль, 199.

[6]) „Кіевс. Старина“ 1885 г. январь, 14.

южнорусской наукѣ въ XVII в. вовсе не исчерпывается тѣмъ положеніемъ, что это была схоластическая наука, слѣдовательно, ей были свойственны *всѣ* особенности схоластическаго метода мысли. Это положеніе есть ничто иное, какъ готовая формула, снятая съ аналогическихъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ умственной жизни средневѣковой Европы. Какъ только мы сопоставляемъ эту формулу съ историческими данными, она во многихъ отношеніяхъ оказывается несостоятельной. Особенно сильно чувствуется несостоятельность ея въ трудахъ г. Сумцева, который не поскупился на историческія краски для того, чтобы представить южнорусское просвѣщеніе XVII в. въ его истинномъ видѣ. Къ сожалѣнію, уважаемый нами авторъ сходитъ иногда съ исторической почвы, ослабляя собственные свои выводы и положенія, добытыя путемъ непосредственнаго изученія малорусскихъ писателей въ связи съ исторической обстановкой жизни и дѣятельности ихъ. Такъ, напримѣръ, онъ смотритъ на Ин. Гизеля, какъ на человѣка, „проникнутаго евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему", какъ на писателя, который былъ защитникомъ христіанской жизни по духу, а не по формѣ [1]). Что же тутъ общаго съ „ханжествомъ и внѣшней обрядностью", которая, какъ извѣстно, никогда не пользовалась въ южнорусской церкви значеніемъ господствующаго, всепоглощающаго начала ея жизни? Конечно, южнорусскіе іерархи заботились объ исправленіи церковныхъ обрядовъ, объ устраненіи изъ богослужебныхъ книгъ народныхъ суевѣрій [2]), — но они никогда не забывали, что сущность православія заключается не въ однихъ церковныхъ обрядахъ, но и въ живомъ общеніи вѣрующихъ, безъ различія званій, сословій и состояній. Въ томъ собственно и заключается коренная особенность южнорусской церкви, что въ ней іерархія не была заражена идеей своей непогрѣшимости.

[1]) „Кіевс. Старина" 1884 г. октябрь, 212.

[2]) Въ богослужебныхъ книгахъ до Петра Могилы были молитвословія апокрифическаго и даже мифологическаго характера (молитвы о 12 пятницахъ, колядки). Голубева, П. Могила, 374. См. также „О поврежденіи церковной обрядности и религіозныхъ обычаевъ въ южнорусской митрополіи" Е. Крижановскаго. Руководство для сельскихъ пастырей, 1860 г.

что она сама привлекала мірянъ къ широкому участію въ дѣлахъ церкви, которое выражалось въ соборахъ и особенно въ братствахъ. Не могла она не прислушиваться къ голосу народа, хотя бы уже потому, что этотъ голосъ, по установившемуся обычаю, имѣлъ громадное вліяніе на замѣщеніе церковныхъ должностей. Вліяніе это постепенно ослабѣвало въ теченіе XVIII в., когда сельскія и городскія общества потеряли право выбора священниковъ. Этотъ народный строй южнорусской церкви выражался, между прочимъ, и въ самой обстановкѣ богослуженія: и теперь еще въ глухихъ мѣстностяхъ Малороссіи можно слышать церковные напѣвы, напоминающіе народную мелодію,—можно видѣть старинныя иконы съ изображеніемъ святыхъ рядомъ съ лицами мірянъ въ обыкновенныхъ костюмахъ[1]). Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ можно ли утверждать, что представители южнорусскаго просвѣщенія были равнодушны къ тому, „что внесъ и вноситъ народъ въ христіанское вѣроученіе изъ своей національной жизни?“ Можно ли сказать, что они стояли въ сторонѣ отъ этой жизни, какъ посторонніе зрители грозныхъ и многознаменательныхъ событій ея?

Предъ нами произведенія южнорусской печати временъ „Руины“. Остановимся на двухъ извѣстныхъ писателяхъ того времени—І. Галятовскомъ и А. Радивиловскомъ.

„Милаѧ и вдѧчнаѧ мнѣ ѥстъ таѧ праца“, говоритъ І. Галятовскій въ предисловіи къ сочиненію своему „Месіа правѣдный“. А совершилъ онъ ее „по трудны и безмѣрны дорогах (вѣздѧчи), оуши́ко здоровѧ и шкоды великіи понесѧ и, и смерти сѧ ѡкрутнои не поѣдинокраѣ подвергаючи“. Такъ не говорятъ люди, изсушившіе свой умъ и сердце въ безжизненной школѣ.

[1]) Не далѣе какъ въ началѣ настоящаго вѣка (1814 г.) былъ составленъ планъ расписанія Спасскаго собора въ Черниговѣ: предполагалось изобразить всѣхъ черниговскихъ князей, начиная отъ Мстислава Ярославича, заложившаго храмъ въ 1031 г., а также черниговскихъ архіереевъ, начиная отъ Л. Барановича, всѣхъ русскихъ царей, начиная отъ Алексѣя Михайловича до Александра Павловича включительно, тмочисленное Наполеоново воинство, посрамленное русскимъ оружіемъ. Но предположенные рисунки замѣнены другими (Черн. Епарх. Вѣдом. 1863 г., 283—290).

Глубокою скорбію звучала рѣчь ихъ, когда они касались бѣдствій родины. „Пришолъ до насъ, говоритъ въ одномъ изъ казаній своихъ А. Радивиловскій, мечъ гнѣвъ Божій, а пришолъ не трезвый, але казнь пяный... а оупилася кроки христіанской“ („Огородокъ“, 1078). „Войска поганскій, говоритъ онъ въ другомъ казаньи своемъ, не единъ к нашей Россійской земли цковъ, не единъ монастыръ, не єдинъ мощный и до довытяя трудный градъ з грунтъ выкерпули... не одного о смерть, то ю меча, то ю глада, то ю зимна прирабили“ (411). „О Боже мой! восклицаетъ онъ въ третьемъ казаньи своемъ, якъ много є мати, который видячи сыны свои и дщеры к неволе турецкую и татарскую позабираный, плачуть“. (934). „Оукеселй, обращается онъ къ Ѳеодосію Печерскому въ четвертомъ казаньи своемъ, засмученые сердца наши.... знесеи порушеня поганскіе, якыся погамовали к запачиковости своей... зостановили течеиіе кроки христіанской, якыся оуже колиіе не лялъ ю меча поганского... высушили слезы з очей нашихъ текучихъ“ (313)[1]). Выписанныя нами строки достаточно доказываютъ, что *грозныя и многознаменательныя* событія до глубины души потрясали писателей, получившихъ образованіе свое въ кіево-могилянской коллегіи. Нужно удивляться еще, какимъ образомъ совсѣмъ не прекратилась литературная производительность ихъ „к тыи жалостный а праве нещасливый часы“ (381). Утѣшали они себя мыслію о лучшихъ временахъ, когда подъ властію единовѣрнаго Монарха „никого не будутъ выгонятти зъ отчизны, зъ маетностей, изъ домовъ, за вѣру христіянскую“ (Ключъ, 35),—когда славянскіе народы соединятся въ одну дружную семью для борьбы съ магометанствомъ, стариннымъ врагомъ христіанства (Лебедь съ періемъ своимъ)[2]), когда внутри страны евреи не будутъ „на податки, на чинши панскимъ, грешни христіянски давати, и тыми грошми розныи товары на жармарки сокѣ купувати, мѣсчи, села, мыта и арынды закупувати, и шаты сокѣ дорогіи справувати“ (Мессія Праведный, 398). Въ такой политической обстановкѣ представляетъ І. Галятовскій бу-

---

[1]) См также „Огородокъ“ стр. 294. 389, 425, 456, 514, 534, 535, 550, 554, 717, 726, 784, 816, 909, 922, 927, 965, 966, 975, 1074.

[2]) Костомарова, Рус. исторія въ жизнеописаніяхъ. Отд. II. 367—368.

дущее родины своей. Обращаясь къ настоящему, рисуетъ намъ онъ идеальныя черты человѣка своего времени. Онъ подсказываетъ проповѣднику, который хочетъ сказать надгробное слово,— „добрыи учители умѣлого чл҃вка“, если этотъ человѣкъ „великіи пѣнцы и трꙋды для цѣркви Божеи и для вѣчнѣзны подыимокалъ“, если онъ „былъ милосердный на людеи убогихъ, накладалъ на цѣрквы, на монастыри, на шпиталѣ“, если онъ „приимокалъ к домъ свои гостеи, приходнекъ, пелгрымокъ, выкꙋпокалъ неволниковъ з неволѣ погаискои“ (Наука 24). Нельзя сказать, чтобы въ этихъ „благихъ пожеланіяхъ“ звучала нота рѣшительная, которая давала бы намъ знать, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ творческой силы и таланта, съ вдохновеннымъ писателемъ, способнымъ увлечь за собою народныя массы. Галятовскій былъ человѣкъ средней силы, не созданный для обновленія жизни посредствомъ великихъ идей. Онъ раздѣлялъ многіе предразсудки своихъ современниковъ и, между прочимъ, ихъ нетерпимость по отношенію къ иновѣрцамъ, ихъ недомысліе по разнымъ вопросамъ внутренней жизни. Наконецъ, въ его воззрѣніяхъ, дѣйствительно, не мало есть схоластической примѣси, которая нерѣдко ставила его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Такъ, напримѣръ, въ одномъ казаньи своемъ, разсуждая о „трехъ станахъ“—посполитомъ, панскомъ и духовномъ, онъ утверждаетъ, что первый станъ предназначенъ служить панамъ и духовенству (Каз. 213),—а въ другихъ казаньяхъ онъ напоминаетъ своимъ слушателямъ, что „всѣ христіане—богатыи и убогіи, паны и слꙋги, потентатове и неволники сꙋть пѣшими ближними и братіею нашею“ (Каз. 207),—что „люде пѣшніи, которыи теперъ не хотѣтъ товаришитися зъ людми убогими“, а также люди, „которіи чꙋжіи грꙋнты, пѣнцы и дворы отіимꙋютъ и совѣ пространное, а людемъ тѣсное мѣсце чинятъ... вꙋдꙋтъ мѣсти товариство зъ дѣяволами, вꙋдꙋтъ къ пеклѣ, якъ къ скринѣ желѣзной тѣсной замкнени на кѣки“ (Каз. 58—59). Не могъ не знать Галятовскій, что въ его время многіе становились „панами и потентатами“ путемъ захвата чужой собственности, поэтому разсужденіе его объ отношеніяхъ посполитыхъ къ панамъ и духовенству есть ничто иное, какъ схоластическое пустословіе, поддерживаемое

страстью ко всякаго рода риторическимъ „прикладамъ и недекнчствамъ“. Безъ сомнѣнія, эта риторика состояла въ нѣкоторомъ знакомствѣ съ старымъ грѣхомъ *панскихъ* и *потентатскихъ* преданій, унаслѣдованныхъ отъ Польши и не смытыхъ потоками крови въ бурную эпоху войнъ Богдана Хмельницкаго. Но мы были бы неправы, если бы ничего другаго не видѣли въ ней, кромѣ этого грѣха. Не онъ породилъ на свѣтъ южнорусское просвѣщеніе XVII в., не въ немъ оно находило свою силу и поддержку. Появилось оно исторически, какъ потребность угнетенной народной массы сознать себя народомъ съ историческимъ правомъ существованія среди другихъ народовъ,— развивалось оно на почвѣ русскаго самосознанія, отмѣченнаго индивидуальными признаками мѣстной жизни съ ея старорусскими преданіями, не возбранявшими народу принимать участіе въ его собственной судьбѣ. Символомъ этого самосознанія была „благочестивая вѣра“, для защиты которой призвана была схоластическая наука. Въ Южную Русь эта наука перешла не въ чистомъ ея видѣ, но съ доброю примѣсью положеній, выработанныхъ въ Европѣ въ эпоху возрожденія. На новой этнографической почвѣ, среди новыхъ историческихъ условій, она должна была получить своеобразныя черты. Конечно, представители ея не были людьми непосредственнаго народнаго чувства, но прогрессъ народной жизни невозможенъ, какъ извѣстно, безъ культурной мысли, оплодотворяющей народное чувство въ великій, сознательный подвигъ, который является не случайностію минуты, а плодомъ строго обдуманнаго плана. Въ хаосѣ понятій, наступившемъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, предложено было нѣсколько плановъ политической и общественной жизни, но ни одинъ изъ нихъ не выражалъ народной воли въ подлинномъ ея видѣ. Не было въ странѣ силы, которая могла бы поддержать тотъ или другой планъ на болѣе продолжительное время, хотя бы въ видѣ опыта—для того, чтобы путемъ мирнаго прогресса придти къ разрѣшенію трудныхъ вопросовъ жизни, къ примиренію разнообразныхъ теченій ея. Винить въ этомъ мы не можемъ схоластическую науку,— не можемъ говорить о ней, какъ о какой то демонической силѣ, которая явилась на Украину для ея разрушенія. Мы не отри-

цаемъ схоластическаго происхожденія и метода южно-русской науки. Вмѣстѣ съ другими мы могли бы, конечно, пожелать, чтобы представители ея шире и свободнѣе смотрѣли на міръ Божій, чтобы они рѣшительнѣе и тверже высказывали свои убѣжденія, чтобы они не путались въ собственныхъ мысляхъ, не впадали въ излишнее многорѣчіе и въ праздное стихоплетство. Но мы знаемъ, что всѣ эти желанія могутъ быть заявлены, какъ говорится, заднимъ числомъ, поэтому и сужденія, изъ нихъ вытекающія, не могутъ удовлетворить требованіямъ исторической критики, которая должна считаться съ руководящими идеями изучаемаго нами вѣка. Съ точки зрѣнія этихъ идей мы видимъ въ южнорусской наукѣ XVII в., какъ первой, такъ и второй половины его, живую душу, которая постоянно отзывалась на всѣ текущія явленія жизни живымъ голосомъ. Это былъ тотъ самый голосъ, который слышимъ мы въ народныхъ южнорусскихъ думахъ, изображающихъ боевыя схватки съ врагами христіанства—турками и татарами, съ врагами „благочестивой вѣры"—панами-ляхами, съ врагами народнаго благосостоянія—жидами-орандарями.—Тѣ же темы мы встрѣчаемъ и въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей временъ „Руины". Такъ, І. Галятовскій въ обширныхъ трактатахъ своихъ противъ мусульманъ, поляковъ и евреевъ не проронилъ ни одного слова, несогласнаго съ народнымъ чувствомъ. Не говоритъ онъ, конечно, языкомъ этого чувства, какъ говорили творцы народныхъ думъ, но отъ ученыхъ трактатовъ нельзя требовать языка поэзіи. Довольно и того, что современники Галятовскаго, усвоивъ латино-польскую науку, не отрѣшились отъ народныхъ стремленій, возникшихъ въ первую эпоху просвѣщенія, и готовы были дать этимъ стремленіямъ широкое примѣненіе. Они продолжали развивать книжную малорусскую рѣчь въ томъ направленіи, съ которымъ она выступила еще во второй половинѣ XVI вѣка, какъ литературный органъ народнаго самосознанія. Мы видѣли, что народное начало проведено было въ этой рѣчи сознательно, хотя и не вездѣ послѣдовательно....

СЛОВАРЬ КНИЖНОЙ МАЛОРУССКОЙ РѢЧИ

ПО

РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

(Приложеніе къ первой части сочиненія: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в.").

Въ библіотекѣ кіево-печерской лавры, подъ № XII, 17, хранится рукопись подъ заглавіемъ: „Синонима славенороссская". Она переплетена въ одну книгу съ грамматикой Мелетія Смотрицкаго. Экземпляръ грамматики полный, съ фортой, на которой обозначенъ 1619 годъ. Грамматика отдѣляется отъ рукописи двумя листками. Первый листокъ чистый, на второмъ написанъ „уставъ, како чернило дѣлати". Пагинаціи въ рукописи нѣтъ. Всѣхъ листковъ 185, на которыхъ однимъ и тѣмъ же почеркомъ написаны „Синонима славенороссская". Это—ничто иное, какъ словарь книжной малорусской рѣчи съ объясненіемъ каждаго слова посредствомъ синонимическихъ славянскихъ словъ.

Словарь расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Алфавитъ строго не выдержанъ, особенно въ третьихъ буквахъ. Алфавитъ второй буквы (напр. *ба*, *бе*, *би* и проч.) отмѣчается въ новой строкѣ, составляющей заглавіе, подъ которымъ помѣщаются соотвѣтствующія слова. Между отдѣльными группами словъ оставлены пустыя мѣста неодинаковыхъ размѣровъ, иногда на цѣлую страницу, для вписыванія новыхъ словъ. Гдѣ нѣтъ пустыхъ мѣстъ, тамъ встрѣчаются приписки на поляхъ рукописи. Иногда слова одного корня разнесены по недосмотру въ разныя группы: такъ, слово *гнѣвъ* стоитъ послѣднимъ въ ряду словъ, начинающихся слогомъ *го*, а *гнѣваюся* стоитъ первымъ въ группѣ словъ, начинающихся буквами *гн*. Иногда два объясняемыя слова пишутся въ одну строку, напр: „*Англія—Британія; Антмушъ—щастство*". Нерѣдко также черезъ нѣсколько словъ повторяется выше стоящее съ тѣми самими или же иными синонимическими объясненіями. Нѣкоторыя слова оставлены безъ всякихъ объясненій, другія объясняются посредствомъ простыхъ повтореній объяс-

няемаго, напр. „*дуна — дуна: духъ — духъ; женихъ — женихъ*“ и т. п.

По всему видно, что мы имѣемъ дѣло съ черновой работой, предназначенной не для печати, а для личнаго употребленія. Видно это, между прочимъ, изъ правописанія рукописи. Знаки препинанія поставлены случайно. Двоеточіе встрѣчается иногда между объясняемымъ словомъ и объясняющимъ, по большею частію между этими словами нѣтъ никакого знака. То же и съ запятой: иногда она стоитъ, гдѣ слѣдуетъ, иногда же нѣтъ ея тамъ, гдѣ слѣдовало бы поставить. Надстрочныхъ знаковъ мало: они стоятъ только надъ *о* (ѿ) и надъ *н* (н҃), титла—надъ немногими словами, такими, напр., какъ клїе, гдь и проч. Изъ гласныхъ буквъ ꙗ предпочитается буквѣ ѫ: послѣдняя изрѣдка встрѣчается только въ словахъ славянскихъ; напр: „*брѧцало*—брѧцало; *вырѣкаюсꙗ*—отмѣкꙗкѫ“. Во всей рукописи замѣтно рѣзкое смѣшеніе *ы* съ *и* съ рѣшительнымъ преобладаніемъ перваго надъ послѣднимъ. Это обстоятельство произвело значительную путаницу въ алфавитномъ распредѣленіи словъ, которыя начинаются предлогомъ *вы*. Для звука *у* есть три буквы: ȣ, оу и ꙋ: первая встрѣчается чаще другихъ, послѣдняя рѣже другихъ. Согласный *h* отличенъ отъ согласнаго *g*: первый отмѣчается посредствомъ обыкновенной буквы *г*, а послѣдній посредствомъ прописной буквы *Г*, которая пишется не только въ началѣ, но и въ срединѣ слова. Въ печати она получила бы форму ґ, поэтому мы и передаемъ ее посредствомъ этой буквы.

Лексическіе пріемы составителя словаря нельзя назвать удачными. Часто синонимы не соотвѣтствуютъ другъ другу грамматической формой словъ, напр: „*забавно—косню; забытися—изумленіе*“. Начальной формой глагола, какъ и И. Берында, составитель принимаетъ 1 л. наст. времени изъявит. накл., но иногда объясняетъ глаголъ не въ этой начальной формѣ, а въ косвенной, напр: „*засмѣялося—возсмѣяся; заволай—вопій*“,—объясняетъ также цѣлыя фразы, не возстановляя основнаго слова въ его начальной формѣ: „*за волею Божею—волею Божіею; за мя—мене ради*“. Ко многимъ словамъ синонимы подобраны крайне неточно и даже противорѣчиво, напр: „*чуденіе—восклицовеніе; дерево—на пнь стебель; дрождь—тина; дѣвчина—юности; затвердѣ-*

лость—умиленіе". Встрѣчается масса сочиненныхъ словъ, никогда не существовавшихъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, напр: „*высокость—преимителство; ганю—соменшаю, пятвю; гамую—сопрятоваю; гину—погиблю; збитнее богатство — вящшество, лишество*" и т. п. Не смотря на эти недостатки, словарь представляетъ значительный научный интересъ уже по тому самому, что наглядно показываетъ намъ, съ какимъ напряженіемъ работала мысль въ старину надъ матеріаломъ славянскимъ, чтобы извлечь изъ него все, что было возможно, для своего выраженія. Многія изъ этихъ словъ не вошли въ литературный оборотъ рѣчи ни славянорусской, ни книжной малорусской, другія—пережили ту и другую, и нынѣ существуютъ въ литературной русской рѣчи, поэтому словарь нашъ можетъ способствовать до нѣкоторой степени уясненію состава и происхожденія этой послѣдней.

Что касается до словъ объясняемыхъ, то это отчасти слова польскаго, отчасти народнаго малорусскаго происхожденія. Мы не видимъ въ словарѣ и сотой доли этихъ послѣднихъ, главнымъ образомъ, потому, что составитель словаря мало интересовался конкретными словами, обращая главное вниманіе на слова съ отвлеченнымъ значеніемъ, которыя переходили въ книжную малорусскую рѣчь большею частію изъ языка польскаго. Можно предполагать, что и задуманъ былъ словарь именно съ цѣлію вытѣснить изъ нея польскія слова синонимическими славянскими словами. Впрочемъ, не мало разсѣяно въ словарѣ любопытныхъ малорусскихъ словъ, проливающихъ свѣтъ на старинныя представленія и понятія, и донынѣ сохранившіяся въ народѣ.

Кто былъ составителемъ словаря, объ этомъ нѣтъ никакихъ указаній въ рукописи. Видно только, что въ рукахъ составителя былъ „Лексиконъ Славенорусскій" П. Берынды, трудомъ котораго онъ постоянно пользовался. По поводу глагольныхъ формъ *былъ, быть*, есть даже ссылка на „Лексиконъ" Берынды: „*зри о сихъ словѣхъ въ лексиконѣ словенскомъ*", гдѣ подъ формами „кѣ: кылъ, кыла, кыло" читается слѣдующее: „чтое речение ѿ нашемъ оуко глаамо ѥстѣтвѣ, прошедшее времѧ знаменуѥт на, и сіе оукочано: егда же ѿ Бгъ прекѣчнѣ и пресвѣтіе намъ ѩвлѧетъ". Такимъ образомъ „Синонима славенорусская" составлены не раньше

1627 года. Судя по употребленію буквы *у*, а также ꙗ вмѣсто ѧ и по рѣшительному преобладанію *и* надъ *ы*, можно полагать даже, что рукопись словаря относится не къ первой, а ко второй половинѣ XVII вѣка.

Печатаемъ словарь съ подлинника, отъ котораго мы рѣшились сдѣлать слѣдующія отступленія:

1) Всѣ слова приведены нами въ надлежащій алфавитный порядокъ.

2) Устранены слова, стоящія безъ объясненій, а также тѣ слова, въ которыхъ объясняющее слово есть ничто иное, какъ повтореніе объясняемаго.

3) Соединены вмѣстѣ слова, объясненныя нѣсколько разъ въ разныхъ группахъ.

4) Сведены къ одному слову выраженія, посредствомъ которыхъ объясняется это слово.

5) Слова не разобранныя обозначены точками.

6) Слова, начинающіяся предлогомъ *вы* (въ подлинникѣ то *вы*, то *ви*), сведены въ одну группу словъ съ начальнымъ *вы;* въ остальныхъ случаяхъ слова, въ которыхъ смѣшивается *ы* съ *и*, переданы согласно съ подлинникомъ.

7) Такъ какъ надстрочныхъ знаковъ и титлъ мало въ подлинникѣ, то словарь напечатанъ обыкновеннымъ шрифтомъ, при чемъ раскрыты сокращенія и титла, въ которыхъ предполагаемыя буквы не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній.

А.

Або—зане, яко.

Абовѣмъ—или, ибо, поне.

Аболшъ—прочееже.

Авиджe—обачеже.

Авшакъ—убо, сице, обаче.

Адалѣй—прочее, прочееже.

Аедпакъ—ибо, аще, негли.

Ажъ—дондеже, донѣлеже, даже.

Азажъ—еда.

Азали—еда.

Азбука—алфавитъ, буква.

Азвлаща—найпаче, паче, обаче.

Аиншее—потомъ, прочее.

Албо—или.

Алюбарта—дреколь.

Англія—Британія.

Анѣмушъ—щапство.

Анѣмушовато—щапственнѣ.

Анелянія—нареченіе.

Анрето—тѣмъ же, убо, поне.

Аптека—врачебница, хранителница.

Арфа—гусль.

Арфиста—гудецъ.

Астрономія, астрологія—звѣздословіе, звѣздозаконіе, звѣздозорство.

Атакъ—убо.

Атоли—убо, аще.

Афектъ—страсть, причастіе, движеніе сердечное.

А хотяй же—и убо, аще и.

Ахъ, ахже—горе, увы, оле.

Ачъ, ачъ кольвекъ—убо, аще убо, ащежъ убо.

Б.

Баба—старица, баба.

Бабка—зѣля троскотъ.

Бавлю—продолжаю.

Бавлюся—косню, медлю, закоснѣваю, замедлѣваю.

Баволна—бумага.

Бадаѡйая—испитанная, истязанная.

Бадачъ—испитатель, истязатель.

Бадаюся—истязую, испитую.

Байка—баснь, блядобаяніе.

Байки повѣдаю—баснословлю, блядословлю.

Байстеръ—прелюбодѣйчищъ.

Баламутъ—ложъ, блядивый.

Баламутия—ложъ, блядъ

Балванъ—идолъ, кумиръ.
Балванъ вылитый—истуканъ.
Балвохвалство—идолослуженіе.
Банка—для оливы чванецъ.
Банкетъ—пиръ, пированіе, пиршество, вечера, учрежденіе, чрежденіе гощенія, гоститва, ликованіе.
Банкетовци—пиряне.
Банкетуюся—сонаслаждаюся, совоспитываюся.
Баня иде соль робятъ—слатина.
Баранъ—овенъ, агнецъ.
Бардишъ—сѣчиво.
Барзо—зѣло.
Барзо мало—премало.
Барзо много—премного, колже паче, множае, найпаче же.
Барзо радъ—нетяжестенъ.
Бачность-благоухищреніе, мудрость, остроуміе, остроразуміе.
Бачный—благоухищренный.
Бачмани—виступцѣ.
Бачу—вижду, созерцаю.
Бачъ—мнѣніе, васнь, мудрованіе.
Башта—вежа, столпъ, пиргъ.
Баюра або зтыкъ водъ—соимъ водъ.
Бедра—лядвія, чресла.
Безбожность—беззаконіе.
Безбожный—беззаконникъ.
Безвстыдный—мѣдноличенъ, безстуденъ.
Безвоптпеня—право, явѣ, истиннѣ, извѣстнѣ исповѣдуемъ.
Безвстиду—дерзостнѣ, дерзко.
Бездолюкъ—безкровный.
Безцный—нечестивъ.
Безцность—нечестіе.
Безжарту—тщиво.
Безженецъ—холостый.
Безодня—бездна.
Безпечно—извѣстно, дерзостнѣ дерзновенно, дерзко.
Безпечность—извѣство (sic), отрада, необиновеніе, опаство, утвержденіе, дерзновеніе.
Безъ—кромѣ, развѣ, свѣне.
Безъ замѣреня кресу—неустаннѣ, непредѣлнѣ.
Безъ паганы—непорочный.
Безъ омешканія—безъбѣдно, безъвещественнѣ, непреткновенно, невозбранно, непресѣкомо.
Безъ перешкоды—безъ спони возбраненія.
Безъ розсудку—безъ разсужденія, всуе, тупе.
Безъ ума—безумнѣ.
Бенкартъ—прелюбодѣйчицъ, рабичицъ.
Бервено—бервно.
Берегъ—брегъ.
Берегъ морскій—поморіе, приморіе.
Берегъ прикрий—стремнина.
Берло—скипетръ.
Беру—емлю, поемлю, приймую, возимаю.
Бесѣда—бесѣда.
Бесѣда знаменитая—гощеніе.
Бирки или лѣоси—жребія.
Бисапа—чпагъ, ташка, канса.
Битва—брань, подвигъ, рать, страданіе, страдалчество.

Битвуюся—разсвѣрѣпѣваю.
Бичую—уязвляю.
Бичъ—жезлъ, бичъ.
Благаю—умилостивляю, умилосержаю
Блазенство—уродство.
Блазенъ—кощунникъ.... уродъ, юродъ, уродословъ.
Блазнованіе—буесловіе.
Блазную—кощунствую, юродствую.
Близкій—искренній, ближній.
Близко—близъ, искръ (sic).
Близна—рана.
Близнякъ—близнецъ.
Блискавица—молніе, блистаніе.
Блукаю—скитаю.
Блукаюся—скитаюся.
Бѣлхарня або прачка—бѣлилница.
Бѣлхаръ или прачъ—бѣлилникъ.
Блюзнѣрство—хула, хуленіе, гажденіе.
Блюзнѣрскій—хулный.
Блюзнѣрца—хулникъ.
Блюзную—хулю.
Бляскъ—блистаніе.
Бо—убо, понеже, зане, занеже.
Богатыръ—храбрый.
Богатство—богатество, обиліе, имѣніе, держава, газа.
Боюбойность—благочестіе, богобоязненіе.
Боюбойный—благоговѣйный, говѣйнъ.
Благомислецъ—скитникъ, подвижникъ, обучителникъ, страдалецъ.
Богомислности мѣсце—скитъ.
Бодецъ—стрекало, остенъ.
Бондаръ—пугаръ.
Боду—ухопляю, угризаю.
Божница—капище, сонмище, оборище.
Божуся—рочуся.
Бой—зри *битва*.
Бой—брань, борба.
Бокотливый (sic) *або заикуючійся*—медленоязычный, косноглаголивый и проч.
Бокъ—бедро, чресло.
Болезнь задаю—оболестняю (sic).
Болотный—тинявый.
Болото—бреніе, гной, тина.
Болтъ—стрѣла, ратище.
Болше личбою—колми паче, множае.
Болшій—болій, вящшій, множайшій.
Болѣсть—болѣзнь, скорбъ, туга съ тяжестію, безсластіе.
Болю—недугую.
Болячка—вредъ, гной, рана.
Борецъ—страдалецъ.
Борода—брада.
Бороню—предстателствую.
Борюся—съражаюся, сплѣтаюся.
Боти—сапоги, обущи, нестягавы.
Бочка—делва.
Бошію—убо, спроста, надаремно, отнюдъ.
Бою—подвизаюся.
Боязливость—говѣніе.
Боялливый—малодушный, страшливый.

Боятися починаю—утерпаю.

Брами—врата.

Брамы—фалди рясны.

Брання—поемленіе.

Братство—братство, содружество.

Брви—брови.

Бреханіе—лаяніе, рыканіе, лжа.

Брехачъ—лаятель, ложъ.

Брешу—лаю.

Бридкость—мерзость, гнюсъ, туга, безсластіе, несладость, скорбъ, сокрушеніе.

Брижуся—гнушаюся, недугую, унедостояю, омержаю.

Брмьня—звѣцаніе, звукъ.

Врмю—помикаюся (sic).

Бродъ—водотечъ.

Бронь—оружіе, броня.

Брязкало—бряцало.

Бубонъ—тимпанъ.

Будка—кущa, колиба, сѣнь, скинія, селеніе.

Будованя — зданіе, зиждительство, созданіе, тектура.

Будовникъ—здатель, созидатель, сождитель, строитель, тектонъ, архитектонъ.

Будучее—сущее.

Будучій—сущій.

Будую—жижду, зидаю, созидаю, сооружаю, соустрояю.

Бужене мясо—сушеница.

Буй—юродъ, невѣжа, неблагоразуменъ, неистовъ, юродивый, юродословъ.

Буйволъ—буйвулъ.

Буйный—величавый, великоумный.

Бунтовникъ—возмутитель, ковникъ, крамолникъ, мятежникъ, расколникъ, раздорникъ, ..., распрѣтворецъ, распрѣватель.

Бунты—возмущеніе, ковъ, расколъ, крамола, мятежъ, раздоръ.

Бунтуюся—возмущаюся, крамолюся.

Бура—буреніе, волна, волненіе, навалность вѣтровъ, примракъ.

Бурда—звада, молва.

Бурштинъ... прудъ.

Бута—гордость, досада, киченіе, гординя, явленіе.

Бутный сетемъ или роспутный—шатаюсь бутно.

Бучно—хуниво.

Буяю—разсверепѣваю.

Быдло—скотъ, говяда.

Быдля—говядо.

Быдлячій—скотскій, говяжій.

Быкъ молодикъ—юнецъ ярокъ... быкъ.

Былье—зеліе.

Былъ, бы, Была Было — Зри о сихъ словѣхъ въ лексиконѣ славенскомъ.

Бынамный—невелико, премало, чимало.

Быстраго ока—быстрозрѣніе.

Быстрость—острость, скорость.

Быстрость розуму—высокоуміе, остроуміе.

Быстрость водняя—быстрь.

Быстрый—острый, скорый.
Бытность—бытіе, существо.
Бьяня—рыстаніе.
Бьяю—выскакую, рыщу, рыстаю.
Бьылецъ—бѣгунъ, бѣглый.
Бьылость—благоискушеніе, козацтво (sic).
Бьуика—стуженіе чрева.
Бьда—напасть, искушеніе, увы, горе, уфъ.
Бьда мнѣ—увы мнѣ.
Бьдкій—бурный, вредный.
Бьдженяся—подвизаніе, подвигъ, борба, рать, страдалчество.
Бьжалъ—выминулъ, угонзнулъ.
Бьлю—убѣляю.
Бьнда албо ченецъ, бьндалникъ—вѣнецъ.

В.

Вабъ—овава (sic), оваяніе, оавленіе.
Вага—мѣрило, превѣсъ, вѣсъ.
Важнийший—усилный.
Важуся—которуюся, боруся, ратуюся.
Валахъ—каженикъ, евнухъ, скопецъ.
Валашеный—требный.
Валечный—ратуючій, возбранный, храбрый.
Валка—подвигъ, борба, страданіе, противленіе, страдалчество, подвизаніе.
Валъ—на водѣ волна.
Валъ—стѣна.
Вандрованіе—странствіе, шествіе.
Вандровный—странный, путникъ, шествующій.
Вандрую—шествую, странствую.
Ванна—банка.
Ватно—мѣлъ.
Варгі—уста, устна.
Варило—вареніе.
Варстатъ—дѣлателница, дѣлателище
Варуюся—уклоняюся.
Вацокъ або торба—чнагъ, влагалище, пира.
Ввертаю—вмѣтаю.
Ввиваю—ваяю, изваяю, чертаваю.
Вгору подношу—возвожду, воздежду, воздѣю.
Вданіе—врученіе.
Вдобрый часъ—благовременно.
Вдова—вдовица.
Вдовецъ—вдовъ.
Вдячне—благодарнѣ, израдне, усердно.
Вдячне приймую—благопріемлю.
Вдячность—благодарствіе, усердіе.
Вдячный—благодарный, благодарственъ, изрядный, коварный (sic).
Ведлугъ—по.

Веду—влеку.

Вежа зри *башта*.

Вежа вязеня—хранило, хранилище.

Возголовокъ—возглавіе, возглавница.

Велблю—величаю.

Велетъ—ґіґантъ, исполинъ, ґіґансъ, щудъ.

Великіе рѣчи молвлю—велерѣчую.

Великій—велій, високъ, голѣмій.

Велико—голѣмо.

Великость—величіе, величествіе.

Велможа—властелинъ, властитель.

Велможность—велелѣпота, величествіе, держава, достоинство.

Велможный—силный, могущественный.

Вещъ—убо, болѣй, заправды.

*Вереск*ъ—грохотъ, вопль, кличъ.

Верненяся — возвратъ, возвращеніе.

Веровка—вервъ.

Верста—четвертая часть милѣ.

Верутный лотръ—сквернавый.

Верховнины (sic)—явленіе.

Верховый—конный всадникъ.

Верхъ — вершокъ, високость, крайнина.

Верхъ одержую—одолѣваю.

Вершки деревяніе—пружіе, акриды.

Веселій—благоувѣтливый, шуменъ.

Веселость—празднованіе, смѣхотвореніе.

Веселюся—радуюся, плещу.

Веселя—радость, радованіе, сладость.

Веселя або женитва—бракъ.

Веселя справую — бранѣкую, брачуся.

Весло корабленное—гребло.

Весна—пролѣтіе, весна.

Веснякъ—поселянинъ.

Весь-свѣтъ—вселенная, міръ.

Ветую—истрясую.

Взадся вернути—воспяти.

Взброяк—прибираю, в зброю вооружаюся.

Взгарда — щапство, малодушіе, поносъ, уничиженіе, отриновеніе, нераденіе, преобыдѣніе, презорство, укоризна, безчестіе, оклеветаніе.

Взглядъ—умиленіе.

Взгордитель — презоривъ, свѣрѣняйся, напрасливъ, дерзкій.

Взгордѣлъ—попралъ, отверже.

Взгоржаю — презираю, пренебрегаю.

Взгорженъ — уничиженъ, обезчествованъ, укоренъ, посмѣянъ, поруганъ, смиренъ.

Взмѣнка—поменъ.

Взношу— воздвизаю.

Взростъ—возрастъ.

Взрушую—движу.

Взятя—поемленіе.

Видится—мнится, подобится.

Видокъ—позорище.

Вижу— вижду.

Винень есмь—долженъ есмъ.

Винная — матица, лоза, виничіе.

Винникъ—винаръ.

Виннница—виноградъ.

Винный—виновный, повинный.

Винный прутъ—лоза.

Вино молодее—мустъ.

Виную—порицаю, оглаголую.

Вирпаю—перу.

Виръ в водѣ—сопреобращеніе, заверхъ, примракъ.

Витаніе—рукодаяніе, цѣлованіе.

Витаю—цѣлую, витаю.

Вкидаю—вмѣтаю.

Вкладалъ—въдѣаше.

Вкладаю—въдѣяю.

Вколо—стояніе, обстояніе.

Вкушеніе—вкусъ, вкушеніе.

Влади—владыка, Господь, властелинъ, властитель, строитель.

Владну — обладаю, властителствую, державствую, строю.

Власность—естество.

Власный—истый, свойственный, присвоенный, усвоенный.

Влочня—луща, дреколь, ратище.

Вмякости—безщука (sic).

Внебитности — не сущи, внебытіи.

Внего—вонь.

Внетъ—абіе.

Внутрности—внутрняя.

Внутрь—внутръ.

Вньвецъ обертаю—испражняю, упражняю, истребляю, искореняю.

Военный—храбрый.

Вожъ—князь, вождь, началникъ, народоводитель, настоятель, правитель, наставникъ, учитель.

Вездерживость—воздержаніе.

Возница, звозчикъ — звозникъ, управитель, снузникъ, возотай (sic).

Возница надъ мулами—прилежай о мулахъ.

Возный — проповѣдателникъ, проповѣдникъ.

Возъ—колесница, яжденіе (sic).

Война—борба, брань, рать, пря, прѣніе, рвеніе, тяжба, распря, подвигъ.

Войну подношу—ратую, рать движу, брань подвизаю.

Войско—полкъ, полчище, воинство.

Войско шикуючій—подвигоположникъ.

Воистинну—тако есть, правда, неложно.

Воланя—вопль, кличъ, грохотъ, вопіеніе, воскликновеніе.

Волаю — возглашаю, воззиваю, вопію, восклицаю.

Волнимъ зостаю - свобождаюся, измѣняюся.

Волнимъ чиню—упразняю, свобождаю.

Волно—лѣпѣ естъ, послѣдовательно.

Волность—отрада, свобода, самовластіе, любочестіе, любодарованіе, наслажденіе.

Волоки—поля, ланы.

Волоку—рѣю, влеку.

Волоцюга—бѣгунъ, лестецъ.

Волоченіе—рѣзаніе, рѣніе, резба (sic)

Волоченя се—скитаніе.

Волочуся—скитаюся.

Волхованіе—образованіе.

Воля—разумъ, предложеніе, хотѣніе, маніе, мановеніе, помаяніе.

Вонность—воня, благоуханіе.

Вонтливость—недоумѣніе,...., недослишаніе, закоснѣніе, размышленіе, неудобство, сумнѣніе.

Вонтливый—сомнѣнникъ, сомнителникъ.

Вонтлю—сумнѣваюся, недоумѣваюся, усумнѣваюся, сумнюся.

Воркотаніе—роптаніе, ропотъ, хухнаніе.

Воробецъ—врабій.

Воробчикъ—птичищъ.

Вороговаря—вражда.

Ворогую—враждую.

Ворогъ—врагъ, супостатъ.

Ворожбитъ—вражбитъ, волхвъ.

Ворожбитво—враженіе, волшба.

Ворожу—вражу.

Воронъ—вранъ.

Воронъ ночный—вранъ нощный.

Ворота—врата.

Воротило ткацкое—вратило ткущихъ.

Воротный аратаръ—вратный дверникъ, вратникъ, свузникъ (sic).

Вориъ (sic)—ропщу, хухнаю.

Впередъ—предъ.

Вподозрено маю—взираю (sic).

Вспоспитости—обще.

Впровожаюся—водворяюся.

Вродъ—вредъ, раны, гной.

Вродоватый—вредный.

Всегда—присно, всегда.

Всередині—внутръ, посредѣ, внутруду.

Всеобризно—весма.

Все що живо—всяческая.

Вскокъ—абіе.

Вспакъ—противообразнѣ.

Вспаняле—влѣпоту, вресноту, изящне.

Вспомагаючій—съпоспѣшникъ, успѣшный.

Вспомагаю—ползую, успѣваю, поспѣшествую, поспѣшаю.

Вспоможеня—успѣхъ.

Встанливъ или пилный—тщаливъ.

Встеченя—вскоктаніе, неистовство.

Встидливе тапую—говѣю.

Встидливый—цѣломудрій.

Встидъ—срамъ, студъ.

Встиркаю—ваяю, изваяю (sic), начертиваю.

Встремежливость—воздержаніе.

Вструченный—возграженъ.

Встькаюся—неистовляюся, скоктаю, скокощу.

Вспягаю—встягаю, въсклащаю.
Всходъ—степень.
Всходъ солнца—востокъ.
Всюди—веде.
Всякій—всякъ.
Всякимъ способомъ—всяко, всячески.
Втикаю—водружаю.
Въ той час—въ то время, въ еже, вънегда.
Вторнѣнья—зри *битва*.
Втѣленіе—воплощеніе, вочеловѣченіе.
Вуй, вуйко, уецъ — матчинъ братъ.
Вшакъ же—обаче.
Вшеляко — весма, всячески, всякъ, отнюдъ, бонію.
Вшетечество—блудъ, студодѣяніе, студодѣйство, нечистота, разсверѣпѣніе.
Вшетечество з кимъ полню—приблужаю.
Вшетечникъ—блудникъ, блудодѣй.
Вшетечница—блудница народная.
Выбавитель—спаситель, избавитель, спасъ.
Выбавленіе—избавленіе, спасеніе, свобожденіе.
Выбавляю—свобождаю, избавляю, спасаю, сохраняю, изимаю.
Выбадаюся—востязаю.
Выбадованіе—востязаніе, возысканіе.
Выбираю—избираю.
Выборнѣ—израднѣе.
Выборный — израдный, изящный, инокъ, лишній.
Выбранный—избранный, нарочитъ, найлучшій.
Вывертеня—разсипаніе, разореніе, развращеніе.
Вывертаю — превращаю, развращаю, обращаю, разоряю, опровергаю, воставляю.
Выводне—прителие.
Вышаняю — отлучаю, изганяю, отмѣтаю, извергаю
Вынанимъ быти — отлучитися.
Выложеніе—упокоеніе, угожденіе.
Выдаю—предаю.
Выньждаю противу или стрѣтаю—срящаю.
Вызволяю—зри *выбавляю*.
Вымиваю—послушествую, засвѣдителствую.
Выкладаю — толкую, сказую, прелагаю, изясняю.
Выкладнѣ—сказателнѣ.
Выкладъ—толкъ, толкованіе, сказаніе.
Выколюю—истикаю.
Выконтерфектованный — възрачный.
Выконтерфектованья або виписаніе, киталтъ—образованіе.
Выкриканіе — восклицаніе, воскликновеніе, вопіеніе.
Выкрикаю — восклицаю, вопію.
Выкупую—искуную.
Выкупъ—искупъ.

Выливиня—истуканіе.
Выливаю—истукаю.
Вылучаю—ищитаю.
Вылянный—истуканный.
Вымагаю—истязую.
Вымагую—истребляю.
Вымерзаю—изсякаю.
Выминулъ—убѣгъ, гонзе, гонзнулъ, избѣже.
Вымысли в убіорахъ—щанство.
Вымишляю—умишляю, изобрѣтаю, смышляю, спискаю, притворяю.
Вымовка—извѣтъ.
Вымовленя ся—отрицаніе, прирокъ, непщеваніе.
Вымовляюся—обѣщаю, отвѣтъ или извѣтъ творю, отрицаюся.
Вымовность—благоязычіе, благорѣчіе.
Вымовный—обрѣтословецъ, благоязичный, благорѣчивый, рѣчивый.
Вынайдованя—возисканіе.
Вынайдую—возискую, востязую, изобрѣтаю.
Вынкаю—возникаю, изникаю.
Вынищую—упражняю, испражняю.
Вынощу—любопочитаю, пленцу, величаю, благословляю.
Выображеніе—образъ.
Выпартокъ или дитя изверженное—извергъ.
Выпасую—..., испасую.
Выпираю—испираю.
Выпитаніе — стязаніе, возисканіе.
Выпитую — состязую, испитословлю, истязую, испитую.
Выполненіе—совершеніе, исполненіе, кончина.
Выполняю—належу, совершаю, исполняю.
Выпорожненіе—истощеніе, умаленіе.
Выпорожняю—умаляю, истощеваю, испражняю.
Выпотрошую—истребляю.
Выпытую — испитую, истязую, испитословлю.
Выраженіе—изображеніе.
Вырастую—прозябаю.
Вырахованіе — сочетаніе, разсужденіе, сочисленіе.
Вырываю—исторгаю, истребляю.
Вырванія—отрыганіе.
Вырыгаю—отрыгаю.
Вырнаю—происхожду.
Выродъ—скверный, скверпавый.
Вырозумьваю—сразумѣваю.
Вырозумьваніе —съразумѣваніе, мудрованіе.
Вырозумьніе — разумѣніе, свѣдѣніе, вѣдѣніе.
Выростокъ—отрокъ.
Вырѣзанный—изваянъ.
Вырѣзованіе—изваяніе.
Вырѣзую—начертаваю.
Вырѣкаюся — отмѣщуся, отмѣтаюся.
Высихаю—изсякаю, изсихаю.
Выславленіе—празднованіе.
Высокій — выспрный, крайный, вышный.
Высокая пѣснь—степенная пѣснь

Высокій розумъ—мудрованіе.
Высокодмикурую—великомудрствую, велерѣчую.
Высокои мысли—высокоумный
Высоко о себѣ розумѣю—высокомудрствую, любопочитаюся.
Высокость—преимѣтелство, величество.
Высокость — выспрь, высота, явленіе.
Высокоуміе—гординя.
Выспа—отокъ морскій.
Выставность—ухищреніе.
Выставный—ухищренный.
Выстерегаюся—уклоняюся, сопрятаюсь, прятаюсь, испрятаюсь.
Выстигаюся—ристаю.
Выступокъ—кривина, грѣхъ.
Выстя—исходище.
Выстя съ плачу—мычаніе.
Высущую—изсякную (sic).
Вытучую—истощеваю.
Вытьчка конная—ристаніе.
Выхваленіе—любочестіе, величаніе.
Выхваляю—восхваляю.
Выхованецъ—питомецъ.
Выхованя—жизнь.
Выхованю—выкормляю.
Выходка—проходка.
Выхоженя — исходъ, распущеніе.
Выхожу противу кого — стрѣтаю, срящу, влекуся.
Выцвичоный—ухищренный.
Вышпотитель або зрадливый—навѣтникъ.
Вясняюся—озаряюся.
Вѣданіе—свѣденіе.
Вѣдаю—вѣмъ, свѣмъ, разумѣю.
Вѣдомство—вѣжство.
Вѣдомость даю—возвѣщаю.
Вѣдомца—свѣдитель.
Вѣдро — черпало, почерпало, водоносъ.
Вѣйка...—повѣка (sic).
Вѣкъ долгій—долгота дней, долгоденствіе.
Вѣлꙁотность—влага.
Вѣно—посагъ, прика (sic).
Вѣнчаю — молюся, благовѣствую, привѣтствую, привѣтъ творю.
Вѣра—уставъ, веленіе, преданіе, доꙁлятъ (sic).
Вѣра правдивая—православіе, благовѣріе, благочестіе.
Вѣршъ—ꙁранесъ, ꙁранесловіе, стіхъ, рекловѣсть (sic), сословіе.
Вѣтръ—духъ, вѣтръ, трусъ.
Вѣщій — прозорливецъ, пророкъ, прозряй.
Вѣщованіе — балство, волшебство.
Вѣщокъ — балій, волшебникъ, волхвъ.
Вѣялница—трусъ.
Вязаніе — юза, уза, хранило, хранилище, узница, узилище.
Вязанка—уза або юза.
Вязень—плѣнникъ, юзникъ або усвязень.
Вяну або присядаю.

Г.

Гадаю—належу, насилую, насилствую, насиліе творю, принуждаю, накощу.

Гадина—змія.

Гадка, шфаніе или и притча—стязаніе, возисканіе, вопросъ, предложеніе.

Гай, ий—словоужасіе (sic),—оль, огъ.

Гайворонъ—вранъ.

Гакъ, гачокъ—вилица.

Гальръ—мѣдница, лента, сикль.

Галюбарда або роатина—дреколь.

Гамую—сопрятоваю (sic).

Гамъ або мисурка—шлемъ.

Ганба—безчестіе, гажденіе, поносъ, попошеніе, укореніе, укоръ, злохуленіе, обличеніе, смущеніе, съмѣшеніе.

Ганблю—злословлю, обличаю.

Ганю—хулю, порицаю, посрамляю, укоряю, соменьшаю, попираю, пятвю, постиждаю, досаждаю, поемлю.

Гарфа—бряцало, гусль.

Где—идеже, камо.

Гербъ—знаменіе.

Герстникъ—изящникъ, съоружникъ, подвижникъ, страдалецъ, оружникъ.

Гетманство—игемонія, владычество, самодержство.

Гетманъ — стратигъ, воевода, тисящникъ, вождъ.

Гимнъ—пѣснь, пѣніе.

Гину — изнемагаю, истаеваю, погиблю.

Гинучій—погибающій, гиблемій, гиблющій.

Гипокрисую—лицемѣрствую.

Гипокрити — лицемѣръ, лицемѣритель, притворитель, притворникъ.

Глина—бреніе, скудель.

Глиняный — бренный, скудельничій.

Глубокость — бездна, глубина, пучина.

Глупій—безуменъ або буй.

Глупство—безумство, безуміе, неистовство, неразуміе, безсовѣтіе, юродство, глупство, щанство.

Гнываюся—кручиняюся, недугую.

Гнываются на мене—отмѣтаютъ мя.

Гнывливе—неистове.

Гнывливый—яровидный, сердовидный.

Гнывъ—ярость, гнѣвъ, вражда, кручина, напасть, бѣда.

Гнывъ застарѣлый—злопомнѣніе.

Гнывъ з горячой милости—ревнованіе.

Гнюснимъ чиню—огнюшаю.

Гнюснимъ ся ставлю—огнюсаю.

Гнюсно—уныло, щанственнѣ.

Гнюсность — уныніе, небреженіе, щанство, нечистота.

Гнюсный—унилый, немощный, небрегій, малодушный, мягкій, небрежникъ.

Гнюснью — униваю, огнюсаю, стужаюсь.

Говорю—глаголю, вѣщаю.

Годилося—достояше, лѣпо бѣ.

Година—часъ, годище.

Година—часецъ.

Годинникъ—часословъ.

Годится—достоитъ, подобаетъ, лѣпо есть, лѣть есть, мощно.

Годне—достойно, изрядне, влѣпоту, врѣсноту, изящнѣе.

Годнимъ чиню—сподобляю.

Годность—достояніе, достоинство.

Годность отримуючій—удостоеваемый, вѣнчаемый, убѣждаемый.

Годный—достоенъ, праведенъ.

Годный вѣры — подобовѣрный, достовѣрный.

Годный ся стою — сподобляюся.

Гожу—разсмотряю.

Гожу до целю—измѣряю.

Гойный—любоподателный, любопочитатель, обилный, изобилный, преизобилный, изобилованъ, щедръ, храбрій.

Гойный на гость—страннолюбецъ.

Гойнь дарованя — любочестіе, любопочитаніе.

Гойнь дарую—ущедряю, щедру, любопочитаю.

Гойнь почитаю—любопочитаюся, любезнѣ прилежу, нещаднѣ даю.

Голий—нагий, худий.

Головный—соборный.

Головнѣйшій—роднѣйшій (sic).

Головы больніе — головоболіе, главостуженіе, тажкоглавіе.

Голодность—алканіе, алчба.

Голодный естемъ—алчу.

Голодомъ мрю (sic) — гладомъ таю, гладствую.

Гололеница—голоть.

Голопупокъ—птенецъ.

Голосу неспособнаго—худогласенъ.

Голосъ—гласъ.

Голосъ вдячный — благогласное вѣщаніе.

Голца або гулка — з листвіемъ вѣтвь, розга, ваня, вѣія.

Голубка—голубица.

Голю—брію, брю або рену (sic).

Голюнка—голенъ, глезно.

Гомоню—молвлю, плищую, вопію.

Гомонъ—молва, плищъ, вопль, мятежъ.

Гоненіе—изгнаніе.

Гонитва — уристаніе конское, подвигъ, страданіе, бой.

Гоноръ—прагненіе, любочестіе.

Гончарскій—скуделничій.

Гончаръ—скуделникъ.

Гоны — поприще, стадій, стадіонъ.

Горбатый—слякъ, сляченъ.

Гордость—гордыня, презорство.

Гордый—кичливъ.

Горжу — гнушаюся, презираю, отмѣтаюсь, отмѣщуся, неражу, унедостояю, пренебрегаю.

Горкій—горекъ.

Горливость — рвеніе, ревнованіе, ревность.

Горло—гортань.

Горнецъ—медяный конобъ, глиняный скудель.

Горожа — плотъ, оплотъ, градежъ (sic).

Горохъ моченый—ляща (sic).

Горохъ рогатый або крупи—погутъ (sic), слонутокъ.

Горсть чого—рукоятіе.

Горчица—горушица.

Горячость слонечная — жаръ, пекъ.

Господа—виталница.

Господарный—строителный.

Господарство—мшелоимство.

Господаръ—строитель домовый.

Господою стою—гощу, витаю.

Гостинный домъ — виталница, всеприятелище, гостинница.

Гость пріймуючій — страннопріимецъ.

Гость — иноплемененъ, страненъ.

Готую — належу, съоружаю, съустрояю.

Граница—предѣлъ.

Гризеніе в животѣ—стуженіе болесное.

Гризуся—ухапляюся.

Гробъ—жупице, гробъ.

Грожу—плещу.

Грозба—запрещеніе, прещеніе.

Громада—соимище, соимъ, соборище, толпа, чета.

Громъ або перунъ—тутно, трѣсновеніе, молнія.

Гроши—имѣнія.

Грошъ сребрный — дидрахма, цата.

Гроши любячій—сребролюбецъ.

Грубость — толща, дебелство, дебелость.

Грубянъ — дебелохудожникъ, препростъ.

Грудь—сосецъ.

Грузность—тина.

Грязь — бреніе, тина, тименіе (sic).

Губа—уста, устна.

Губка—морская губа.

Гублю—погубляю, растлѣваю.

Гуливый — медленноязычный, коснoязычный.

Гуденіе—воскликновеніе.

Гуканіе—воскликновеніе.

Гукъ — звукъ, кличъ, плищъ, вопль, мятежа молва, щукъ (sic).

Гултяй—прелесникъ, лстецъ.

Гумно—житница.

Гунка—милотаръ (sic).

Гуня—милоть.

Гусеница—усеница.

Гуфенъ—стояніе.

Гуфъ або войско—полкъ, полчище.

Гучу—зри гомоню.

Гуща—чащъ, чаща.

Гущевина—густиня, частиня.

Г.

Ґанокъ—предверіе, дворъ, сѣнь.
Ґвалтовне—зѣло.
Ґвалтовный—зѣлный, нуждный, насилствующъ.
Ґвалтъ—насиліе, нужда, напрасство, устремленіе, зѣлность.
Ґвалчу—насилую, насилствую, принуждаю, напрасствую.
Ґдижъ—и, убо.
Ґды—егда, когда, внегда, елма.
Ґезъ—скоктаніе.
Ґеометрія—землемѣріе.
Ґжуся—скоктаюся.
Ґиґантъ—исполинъ.
Ґмазъ—закровъ (sic).
Ґнюсный—зри гнюсный.
Ґраблюся або чешуся—копошаюся.
Ґрифъ—ногъ, ногнатка (sic).
Ґроно—гроздъ, народокъ, отрасль.
Ґрубянъ—зри грубянъ.
Ґрунтъ—основаніе, фемеліонъ.
Ґузи на рукахъ—ствердѣлы, упорнилны (sic).
Ґузъ—пугва.
Ґуся що на шіи носятъ—узлоношеніе или узоношеніе.

Д.

Давно—древле.
Давнодавный—мимошедшій, ветхій, предварній (sic).
Далей—болей, болшей, множае, проче, вящшей.
Далекій—долгій.
Далеко—камо, далекъ.
Далеко болшей—колми паче, множае паче.
Дамо—дамы.
Дань или поборъ—урокъ.
Дарда—дреколь, суліца.
Дарды носячій—дардоносецъ.
Даремный—напрасный.
Дармо—всуе, туне, без ума.
Даръ—даръ, корванъ.
Дахъ—здо, кровъ, покровъ.
Даю—подаю, дарствую, дарую.
Даю достатокъ—удовляю.
Даю до схованія—предаю.
Дбай—ради.
Дбалость—радѣніе.
Двакротъ—дванци, дажды.
Двери—врата, двери.
Дворность—ухвщреніе.
Дворскіи жарты—шутовная, радостворная.
Двоуменъ—двоедушенъ, близнецъ.
Двѣ точки або пункти—двоточіе, двоеточіе.
Дебръ—лѣсъ, дебрь, ... стремнина.
Декретъ—судъ, судба, уставъ, преданіе, совѣтъ.
Деликатъ—препасницикъ.
Деликатство—сластолюбіе, гортанобѣсіе.
Делья—опона, одежда, тирта.
Депозитъ—покладъ.

Дерево—древо.
Дерево на пнь—стебль.
Деревяный—древяный.
Державца—стяжатель, обятель.
Державца свѣта—миродержитель.
Держаніе — стяжаніе, содержаніе, держава.
Держу—съдержу.
Держуся кого—гоню.
Держуся запевне або упевняю—извѣствую.
Дерзкій—напрасный.
Дерзко—дерзостнѣ, дерзко.
Деспектую—безчещу, укоряю.
Деспектъ—укоризна, укореніе, безчестіе, оклеветаніе, хула, хуленіе, глумленіе.
Дешевость—суета.
Дешевый—трекуплный (sic), суетный.
Дзенкъ—гласъ, брменіе.
Дзвенкъ красный—благогласное вѣнцаніе.
Дзвенкъ чиню—шатаюся.
Дзвонокъ—звонецъ.
Дзвукъ—звяцаніе.
Дивакъ — самогодный, дерзкій, презоривый, гордостенъ, стропотный, яростенъ, напрасный, сверѣняйся.
Дивно чиню—удивляю.
Дивный—чудный, удивляемый.
Дивъ якій—дивъ, чудо, дівство, щудъ.
Дигнитарства — санъ, достоинство.
Дикій—дивий, сверѣпъ, прудкій.
Дикое що—животное безсловесное.
Диханіе—духъ, диханіе.
Дичаю — свѣрѣпѣю, разсверѣпѣваю.
Дичъ—свѣрѣпѣніе или сверѣпство.
Для—ради, за, дѣля, дѣлма.
Для него—его ради.
Для того—за еже, сего ради, таче, убо, яко, во еже.
Для чего—воскую, чесо ради.
Дмухаю—дму.
До—къ.
Добре—благо, прямо, право.
Добре терплю—благостражду.
Доброволне — волею, изволеніемъ, произволеніемъ, произволителнѣ, барзо.
Добродый—благодѣтель.
Добродыйство—благодѣтелство.
Добродыйство показую—ублажаю.
Добродыйство заживать—благопострадать.
Добрый—благій, добрый, цѣлъ, правый, говѣнный, благовѣнный.
Добрый день або поводженіе доброе—благоденствіе.
Добрый часъ—время благопріятно.
Добрая вѣра—благочестіе, зри вѣра добрая.
Добрая воля—благоволеніе, произволеніе, угожденіе.
Добрая вѣсть — благовѣстіе, благовѣщеніе.

Добрая мисль—благодушіе.

Добрая слава—благоискутство (sic).

Доброе—благое.

Доброе здоравіе—благоимство.

Доброе любячій—благолюбецъ.

Доброе мовлю—благословлю.

Доброе розумѣніе — благоимѣніе, благоразуміе.

Доброи мисли зижнаю—благодушествую.

Доброи славы—благоискусный. благоискуствуемый.

Доброго сердца—благосердій.

Добротливость — благостиня, благодѣтелство, благость.

Добротливый — благоувѣтливый, благоволителный, благодѣтелный, благочестивый.

Доброть—благость, благостиня.

Добьшаю—достизаю.

Довбаю—ваяю.

Доводнѣ — прителнѣ, подоболѣпно, подобовѣрно, достойнѣ, праведнѣ, по достоянію, в лѣпоту, в рѣсноту.

Доводъ — указаніе, умышленіе, извѣтъ.

Довоженіе—извѣствованіе.

Довожу—произношу.

Довцьный—коварный, умный, благоумный.

Довцьнъ—благоразуміе, благоуміе, остроуміе, благоухищреніе, коварство.

Довьдашися—навикнути, увидѣти.

Довьдуюся—навѣцаю, навикаю.

Доладаніе — удобство (sic), домышленіе.

Доражаніе—сохожденіе, сънисхожденіе, угодіе, упокоеніе.

Доражаю—благоугождаю, угождаю, доброблажу, сохожду, сонсхожду, догадуюся.

Доражаючій — снисходителный.

Доганяю — постизаю, уханую, понуждаю.

Доглядую—блюду, храню, соблюдаю.

До дня—(sic)—совершеннѣ, даже, опасно.

Додьваю—нужу, насилую, удручую, стужаюся, озлобляю, возмущаю.

Дожждаю—зри доганяю.

Дожчъ идетъ—дождитъ.

Дозорца—смотритель.

Дозрьваю—совершеннѣ расту, дозрѣваю.

Дозрьлость—съзрѣніе.

Дозрьлый—достилый, зрѣлъ.

Докончеціе—кончина, скончаніе, наконченаніе, совершенство.

Докторъ—врачъ.

Докука—стуженіе.

Докуль—доколѣ.

Докучаю—зри додѣваю.

Докучникъ — стужитель, насиловникъ, насилствующій, нудитель, притужный.

Долгое — протяженное, долгое, зѣлное.

Долгость—часу растояніе.

Долготерпячій — долготерпеливъ, долготерпеливый.

Долгливость—скорбъ, искушеніе, треволненіе.

Долина—удолъ, удоліе, разлой.

Долъ викопанный — ровенникъ или истуденецъ, ровъ.

Доля—случай нужный.

Домашнывый—намѣстный, домашный.

Домнѣманіе—умишленіе.

Домнѣмаю — мню, ненщую, вмѣняю, умышляю.

Домовство—зри мшелъ.

Домовый—домашный.

Домовый рядъ — домостроительство.

Домокъ—храмина, хлѣвина.

Домокъ с пѣску—пирище.

Домышленіе—разсмотреніе, умышленіе, допущеніе, изволеніе.

Домышляюсь—разсмотряю, разсмотрѣваю, разумѣваю.

Домъ—жилище, храмъ, кровъ, домъ.

Дорога—путь.

Доброѣсть — многоцѣнность, честность.

Досвѣдчаюсь — навыцаю, навыкаю.

Досвѣдченіе — искусъ, искушеніе, напасть, разумѣніе.

Досвѣдченный—искусный.

Досить—довлѣетъ, доволнѣ.

Досить чиненія—достотвореніе.

Доска златая—исталъ златъ.

Доскопале — всесовершеннѣ, всеконечнѣ, опасно, извѣстнѣ, всяко, весма, всячески, всѣцѣло.

Доскопалость — совершенство, исполненіе, цѣлость.

Доскопалый — опасный, всесовершенный, всецѣлый, истинный, цѣлъ, цѣлый.

Достатечне—зри доскопале.

Достатечный—зри доскопалый.

Достатокъ — преизобиліе, лишеніе, удовленіе, обиліе, нескудость.

Достаю — стяжаваю, стяжаю, держу.

Достойность—величествіе, достоинство.

Доступую—получаю, улучаю.

Дотиканіе—касаніе, прикосновеніе, озязаніе.

Дотикаюся—прикасаюся, касаюся.

Дохожу — достизаю, умышляю.

Дочасный—привременный, временный.

Дочка—дщерь.

До шкоди привожу—напрасствую.

Дощепту — опасно, всесовершеннѣ.

Дощка—доска, дщица.

Драбина—лѣствица.

Драбъ—оруженосецъ, дардоносецъ, дароносецъ.

Дражню—раздражаю, подражаю, посрамляю.

Драгаръ—кровъ.

Драпачитный—драчивъ.

Драница—доска, дека.

Драпѣжство—хищеніе.

Драпѣжца—хищникъ.

Дрижаніе — шатаніе, трепетъ, колѣбаніе, утерпяніе, страхъ, ужасъ, говѣніе

Дрижу — трепещу, колѣблюся, утерпаю.

Дрижу як конь на вытьчки — шатаюсь.

Дрождь — тина.

Другій разъ — вторицею, другойци.

Друкарня — типографія, печатня, штанчва.

Друкаръ — типографъ.

Друкую — ваяю, изваяю, печатую, типомъ издаю.

Друкъ — до двиганія носило.

Дручу — борю, належу, сражаю, озлобляю, ополчаюсь, накощу.

Дуда — пречудница, сопль, сопѣль.

Дударъ — пречудникъ.

Дудокъ — вдодъ (sic).

Дуже — крѣпко, доблѣ, зѣло, доблественнѣ, юношески.

Дужественъ есмь — ни знемагаю (sic), не немоществую, неослабѣваю, крѣплюся.

Дужій — доблій, доблественный, жилищный, твердый, крѣпкій, силный, зѣлный, храбрый, ратный.

Дужость — храбрость, мужество, крѣпость, мужедоблестіе.

Дума о себѣ — мудрованіе, высокоуміе, гордость.

Дуреніе — луженіе.

Дурень — безуменъ, буй, юродъ или уродъ, несмысленъ, зродословъ.

Дуру — лужду.

Дурѣю — неистовлюся, юродствую.

Дурячій — лядячій.

Дуфаніе — дерзновеніе, необиновеніе, отрада.

Духовный человѣкъ — внутрный человѣкъ, мысленный, умный.

Дую — дму.

Дѣвка — дѣвица.

Дѣвчина — юнота.

Дѣдництво — отчество, достояніе, наслѣдіе, жребій.

Дѣдичъ — наслѣдникъ.

Дѣлитися не могучій — несѣкомый, нераздѣлный.

Дѣлимый зажизаю — гобзую, пресыщаюсь.

Дѣлне справую — мужаюсь, храбрствую.

Дѣлный — шумный, юношескій.

Дѣлъ — участіе, дѣлъ.

Дѣтей множество — многочадіе.

Дѣра — скважня.

Дякованіе — благодареніе.

Дякую — благодару, *дякую тебѣ* — вѣмъ (sic) ти благодать, имамъ ти благодать.

Дякъ — дѣтоучитель, грамотникъ.

Е.

Едвабъ—шолкъ, ...
Единакъ—инокъ.
Единецъ—инокъ, монахъ.
Единомысно—иподушно, обще.
Единороженъ—инорогъ, единорогъ.
Единостайно—единодушне.
Единочадый—единородый, иночадый.
Еднакъ—и убо.
Еднаніе-ходатайство, смиреніе.
Едначе—посредникъ, ходатай.
Еднаю—ходатайствую, крощу, укрощаю, молю, смиряю. приповѣдаю, кратю (sic).
Еднаючій—смирителный.
Едно—точію, кромѣ.
Едность—единостайность, соединеніе, община.
Ездный—сълузникъ.
Ей—слушне, истинно.
Елементъ—стихій.
Елита—утроба.
Енталогія—родословіе.
Епитида—рыза верхняя.
Если—аще.
Еслиже—ежели. ащеже.
Еслижъ—теди, ащеже.
Естемъ—есмъ.
Еще—паки, еще.
Еще не стался—не у бысть.
Еще бо вѣмъ не—не убо.

Ж.

Жагель—парусъ, вѣтрило, ядрило.
Жадаю—желаю.
Жадною мѣрою—никако же, ничимъ же.
Жакъ або студентъ—тщатель, спудей.
Жалоба—вретище, власяница.
Жалобу отправую—сѣтую.
Жалую—плачиве окаяваю, щажу, некуся, сѣтую, ревную.
Жаль—жалость, болѣзнь, риданіе, ревность, ревнованіе, образіе.
Жаль ми на кого—недугую.
Жарливость маю—ревную.
Жарлокъ—гортанобѣсецъ. ласкосердій.
Жартливый—кощунникъ, смѣхотворца.
Жартовнии рѣчи—шуточныя, радостворная.
Жартую—кощунствую, блядословлю, смѣхословлю, любезно и радостно вѣщаю.
Жду—терплю.
Же—во еже.
Жебракъ—нищій.
Жебы—да.
Жело—жало, стрицало.
Желѣдба—печаловенъ, желѣнъ, укоризна, укореніе, оклевета-

ніе, безчестіе, пороченіе, сѣтованіе.

Жельзной шіи—жестоковыйный.

Жемчугъ—перла, бисеръ, маргарита.

Женитва—бракъ.

Женюся—брачуся, посягаю.

Жертовникъ—очистилище, требище.

Живность—пища, жизнь.

Живностю опатрую — питаю, ухлѣбляю.

Животъ—духъ, жизнь, животъ, требухъ, утроба, матица, ложесная.

Живу—обитаю, живу.

Жилки маленкіи—стежки духа, огорненіе духа, жилище, артиріи, живіолъ, стихій, составъ.

Жило—жилище.

Жиловатый—жилищный.

Жировный—паственный.

Жито—пиро.

Жмуреніе—мженіе.

Жмуру—мжу, смѣжаю.

Жнецъ—жатель.

Жниво—жатва.

Жолвъ морскій—червленица.

Жолнѣрская шата—хламысъ.

Жолнѣрскою ся бавлю (sic)—воинствую.

Жолнѣръ—воинъ.

Жоломнѣйка—сопль.

Жолудокъ — животъ, трибухъ, сирище, стомахъ.

Жолудь—желудь, жиръ.

Жона—жена, супружница.

Жона отпаная—пущеница.

Жоночій обычай наслѣдую—женсвую.

Жорна—жерновъ.

Жродло—источникъ.

Журавель—у студнѣ водоважца.

Журба—печаль, скорбъ.

З.

За—внѣ, внѣудъ, возъ.

Забава—закоснѣніе, замедленіе, коснѣніе, неудобство, упражненіе.

Забавляюсь—закоснѣваюсь, медлю, замедлѣваю, косню, упражняюсь.

Забавно—косню (sic).

Забиваю—зарѣзую, заколюю.

Забитіе—забвеніе.

Заборона—препона.

Заборонитель — возбранникъ, возбранитель.

Забороняю—возбраняю.

Забыляю—предпріймую.

Завада—реть.

Заверненіе головы—бѣснованіе, неистовство, изумленіе.

Завертаю въ сторону—уклоняюсь.

Завижу—ревную.

Завистникъ доброму — ревнитель, ревностенъ, ревнивый.

Зависть добрая — ревнованіе, рвеніе.

Заводникъ—ристатель.

Заводи (sic)—страдалчество. подвизаніе, борба.

Заводъ (sic)—бѣжу, страдалчествую, подвизаюся, боруся.

Завоеваніе—плѣнъ, плѣненіе.

Завоеванный — емлемый, плѣнникъ.

Завой—сударъ.

Заволай—вопій.

За волею Божею—волею Божіею.

Заволую—вопію.

Завора—верія, развора.

Завестыжаю—обличаю, изобличаю.

Завтра—утро, утрѣ.

Завтреніе—утреня.

Завтрешный—утречный, заутреный.

Завше—всегда, выну, присно.

Завше учуся—глумлюся (sic).

Завьса—верія.

Загадка—заданіе, притча, прикровеніе, прикровенъ глаголъ.

Загадую—гадателствую, назнаменовую.

Загамовую—престатитворю(sic).

Заглохаю—оледенѣваю.

Заглядую — сматряю, назираю, приничу, приницаю.

Загорода—ограда.

Загорожаю—ограждаю.

Загороженіе—огражденіе.

Загроженіе — прещеніе, запрещеніе.

Загрожую — запрѣщаю, призапрѣщаю.

Загубляю — истребляю, испразняю, упразняю.

Задаваю кому що—належу.

Задатокъ—залогъ.

Задеваю—задѣваю.

Задержаюся—удерживаюся, отступую.

Задерженіеся — терпеніе, воздержаніе.

Задержую—воспріемляю, удержую, утоляю.

Задокъ—задняя.

Задуманіе—изумленіе.

Заживаю—пріемлю.

Зажмуреніе—зри жмуреніе.

Зажмурую—смѣжаю.

За зле маю—недугую, стужаюся.

За зле мя маютъ—имѣютъ мя тяжко, стужаютъ ми.

За зле маючій—недугователь.

Зазираніе—наблюденіе.

Зазираю — назираю, смотряю, пренебрегаю, преобыжаю.

Зазросливый—зависный.

Зазрю—ревную.

Зайзрость — зависть, ревность, ревнообразіе (sic).

Заикаючійся—косноязычный.

Заикуючійся — косноязычный, косногласенъ, зри гугнивый.

Заисте—явѣ, ей.

Заказъ — прещеніе, завѣтъ, заповѣдь.

Закалъ—порокъ.

Закаменьлость до покути — умиленіе (sic).

Закаменьлый—жестокъ.

Закаменьлою сердца—жестокосердій, закаменѣлѣйшій, жестоковыйный, жесточайшій.

Заклепленіе—камара.
Закликаю—воззиваю.
Заклиначъ — волхвъ, волшебникъ, обаватель, обованникъ.
Заклинаю—обаваю.
Заключаю—затворяю.
Заколоченіе — смущеніе, соклащеніе (sic).
Заколочую — мяту, наваждаю, поемлю, смущаю.
Заколюю—закалаю.
Законъ подаю—возаконяю.
Законъ пріймую—возаконяюсь.
Закритіе—закровь.
Закрито—покровенно, невѣдомо, неявленно.
Залеценіе-врученіе, составленіе.
Заледвь—едва, негли, аще, простѣ.
Заличаю—составляю.
Заложеніе — сложеніе, основаніе, оемеліонъ.
Замешканіе—зри забава.
Замешкиваю—закоснѣваю.
Замикаю—запираю, заставляю.
Замкни—затвори, зеклени верія.
Замкненіе—заключеніе.
Замовляю—обавляю.
Замужъ иду—посагаю.
Замучую—мяту, молвлю, наваждаю, поемлю, возмущаю, восплищаю.
Замшникъ або римаръ—усмошвецъ.
Замѣна—залогъ.
Замѣшиваю—зри возмущаю.
Замѣшеніе—зри гукъ, бунтъ.
За мя—мене ради.
Заневоленіе—плѣнъ.
Занедбаваю—зри взгоржаю, пренебрегу.
Заночовую—облегаю.
Запалчивость—ярость, реть.
Запалчивъ—яростенъ, ярь.
Запалююсь гнѣвомъ—ярюся.
Запасникъ—подвижникъ.
Запасництво—зри битва.
Запахъ хорошій—благоуханіе.
Запахъ смердный—зловоніе.
Запевне — извѣстно, известнѣ, явѣ, твердо, истинно.
Запираю—затворяю, заключаю.
Запираюсь—отвергаюсь, отмѣщуся, отмѣтаюся, отскакую.
Заплата—дань, мзда, наимъ.
Заповѣдаю—завѣщеваю.
Заповѣдь—завѣщаніе, заповѣдь, завѣтъ.
Запомогаюся—приспѣваю, преуспѣваю, спѣю.
Запора—верія, развора.
Запорока (sic)—порокъ, сучецъ.
Заправды—воистинну, истинно, в лѣпоту, въ рясноту, явѣ, истовѣ.
Запрѣніеся—отреченіе.
Запустѣваю—оледенѣваю.
Заразъ—абіе.
Заростую—оледенѣваю.
Зарѣзаніе—закаланіе.
Зарѣзую—закалаю.
Заручаю—прирѣкаю, обручаю.
Зарученіе—обрученіе.
Засиланіе—заточеніе.
Засилаю—заточаю.
Заслона—завѣса, катапетасма, щитъ.

Заслоняю — осѣняю, защищаю, застѣняю.

Засмѣялся—возсмѣяся.

Засмѣялся трохи—осклабился.

Засмучаю—опечаляю.

Засмучаюся—опечаляюсь.

Застава—залогъ.

Заставлюючійся за кого—возбранный.

Заставлююсь — востягаю, восхлащаю.

Заставую—залагаю.

Заставуюся —предстателствую.

Застарѣлый—престарѣлый.

Заступаю — воспріемлю, подъемлю.

Засѣдаю—возлегаю.

Засѣдаю на кого—присѣжу.

Зась—паки.

Затаенно—зри закрыто.

Затвердѣваю—ожестѣваю, оледенѣваю.

Затвердѣлость—умиленіе.

Затвержаю—ожесточаю, ожещаю, окаменяю.

Затраченіе—губителство, всегубителство.

Затрудненіе—неудобство.

Затрудняю справу—накощу.

Затѣняю—осѣняю.

Затубованый—оклощенный.

Заулокъ—халуга.

Заушникъ—клеветникъ, шепотникъ, оглаголникъ.

Захованіе чиню—угождаю.

Захованый — щадимый, соблюдаемый, лежачій, отложенный.

Захователь—зри вибавитель.

Заховую—блюду, соблюдаю, храню, сохраняю, назираю, наблюдаю, спасаю, избавляю, щаджу.

Заходъ—западъ.

Захожу кому въ дорогу—зри выхожу.

Захорѣваю — немоществую, изнемогаю.

Зацне—преводителнѣ, велично.

Зацность — величество.

Зацный—благонарочитъ, изящный, преславный, неначаемый.

Зацного роду—благоплеменный, благородный.

Зацнѣйшій—лучший.

Зачервонѣваюся — почервонѣваю.

Зашкода—повреда.

Зашкоженіе—поврежденіе.

Зашкожую—повреждаю.

Заятраюся—недугую.

Збазненіе—блазнь.

Збанъ—скудель.

Збиваніеся—зри бой.

Збиваюся—страдалчествую, боруся, подвизаюся.

Збиранія (sic) *вокругъ*—сообращеніе.

Збираю—обымаю.

Збираю въ купу—ищитаю, сопрятую.

Збираю скарбъ — сокровыществую.

Збираю вино—обемлю (sic) лозу

Збитіе—збіеніе.

Збоже—жито.

Зборъ—сонмъ, сонмище, соборъ, соборище, толща, торжище.

Збройный — всеоружный, вооруженъ.

Зброя—бронь.

Збунтованіе—зри бунты.

Збурую—разсипаю, разаряю.

Збытный—лишный, излишный.

Збытнее богатство—лихоимѣніе, лихоимѣтелство, лихоимство, вящшество, лишество, мшелоимство.

Збытнее богатство збираючій—срамнопріобрѣтатель, мшелоимецъ.

Збъюю до купи — сращаюсь, исрищуся, стицаюся, сорастаюся.

Збѣгъ—стеченіе.

Збѣгъ—бѣгунъ, бѣглецъ, бѣжалецъ.

Зваду чиню—распрѣваю.

Зваднца—клеветникъ, ковникъ, крамолникъ, расколникъ или потворникъ, оболгатель, наводникъ, двоесловникъ, двоязыченъ, дѣдко, зри бунтовникъ.

Зважую—возмущаю, крамолю, лежу (sic), облегаю.

Зведеніе—совращеніе.

Зверхность—власть, держава.

Зверхный—внѣшній.

Зверхнѣйший—верховный.

Зверху—внѣ.

Зветшалый—ветхый, обветшалый.

Звиню—брящаю, брячу, звеню.

Звитяжаю—побѣждаю, одолѣваю.

Звитяженъ бываю—повинуюся, покаряюсь, умаляюсь.

Звитязство—побѣда, одолѣніе.

Звитязца—побѣдитель.

Звлаща—паче, найпаче, обаче, но убо, акибы.

Зводникъ—лестецъ, умопрелщатель.

Звожу—прелщаю, возставляю.

Звыклемъ—предпріятій есмъ.

Звыклость—звычай, нравъ, обычай, предпріятіе, имство, имѣтелство, твореніе.

Звыклый—обычайный, обычный.

Звысокости—свышше.

Звѣздиръ—звѣздословъ.

Звѣрный покормъ—звѣроядина.

Звѣрско—безсловеснѣ.

Звѣръ—зри животно безсловесно.

Звязки—укрой, новой.

Звязокъ малженскій — брачный союзъ.

Звязокъ—уза, юза, союзъ.

Звязую—связую.

Знажаю — согласую, припоручаю, совѣщеваю, засвѣдителствую, зганбляю, посрамляю.

Зганбеніе—зри ганба.

Зганяю—зри ганю, ганбю.

Згибель—пагуба, погибель.

Згиненіе—всегубителство.

Згиняю—згибаю.

Зглажую — зри внѣвечъ обертаю.

Згнило—щанственнѣ.

Зитьнаю ґрано—сожинаю грозди.

Зюда—миръ, единомысліе, единомышленіе, сложеніе, согласіе, единство, соединеніе.

Зюдливый — единомысленный, единосообразный, смирителный.

Зюжий—ключаемый.

Зюжость—ключимость.

Зюла—весма, бохма, отнюдъ, всяко, всяческая.

Зюршеніе — соблазнь, блазнь, преткновеніе, претиканіе, грѣхъ, щапство.

Зютованіе—сотвореніе, устроеніе.

Зютовляю—сотворяю.

Зромажеціе — соборъ, состояніе, составъ.

Зрубьваю—одебелѣваю, огустѣваю.

Зуба—зри згиненіе.

Зустьлый—усиренный.

Зущаю—усиряю, огущаю, оледенѣваю.

Зґелкъ—зри замѣшаніе.

Зґрунту—зри згола.

Здается—мнится, видится.

Зданіе—разумъ.

Здаюся—являюся, возненщуюся.

Здобычь—добытіе.

Зрада—ложъ, кознь, навѣтъ, лесть, прелесть, лщеніе, предателство.

Зрадливый—навѣтникъ.

Здражаю—прелщаю.

Здрайца—запинатель, прелесникъ, клеветникъ, навѣтникъ, лестецъ, предатель, прелагатай.

Здрой—источникъ.

Здужую—одолѣваю, премаґаю.

Здумьваюся—удивляюся, усумнѣваюся, изумнѣваюсь, изумлюся, недоумѣваюся, ужасаюся, сумнѣюся, сомнѣюсь, недоумѣніемъ одержимъ бываю.

Здумьніе—недоумѣніе, неудобство, ужасновеніе, ужасъ.

Зебраніе—проторъ, притяженіе, приобрѣтеніе, соборъ.

Зеднаніе—умовленіе.

Зедноченіе—соединеніе, зри згода.

Зезволеніе—благоволеніе, спредсявзяте, обѣтъ, воля, изволеніе, произволеніе, предложеніе, намѣреніе, сложеніе, миръ, реченіе.

Зезволяю — избираю, изволяю, рачу, помаваю, совѣщеваю.

Зеленость—злакъ.

Зеленыи свята—пятьдесятница, пентикостія.

Зелживость—зри ганба.

Зелжоный — посмѣянъ, поруганъ, поруганый, досаду пріемъ.

Земокъ нашъ, вашъ,—странепъ.

Зенсованіе—врежденіе.

Зестіе—ликъ, состояніе, толща, сотеченіе.

Зестіе сньваковъ або мужикъ—ликъ.

З заду—созади, зади.

З збитку—отизбитка.

Зищеніе—исполненіе, совершеніе.

Зкидаю—извергаю.

Злитоване—милость, милосердіе, милостиня, простиня, прощеніе, помилованіе, сострадание, соболѣзнованіе, щедрота.

Злитовуюсь—состражду, соболѣзную, ущедряю, щедру.

Злицаю—вовѣряю, возлагаю.

Злічаю—восперяю, воскриляю.

Зло—злоба, безчеловѣчіе, лукавство, строптивость.

Злорьчіе—зри ганба.

Злорьчую—зри ганю, порѣкаю.

Злостникъ—беззаконникъ, лукавозлобивъ, неблагоразуменъ, непреподобенъ, строптивъ, скварнавый.

Злото виборное—искуса златая.

Злочинство—злодѣйство.

Злочинца—злодѣй.

Злый—золъ, строптивый, растлѣнный.

Злый обычай—зри злого приложеня.

Злый прикладъ—соблазнъ.

Злого прироженя—злонравный.

Злупеніе—расхищеніе, разслабленіе.

Злучаю—растворяю, совокупляю, смѣшаю, составляю.

Злучаюсь—сочетаваюся.

Злученіе—сочетаніе, совокупленіе, союзъ.

Змаза—порокъ.

Змазаніе—скверна, нечистота.

Змерзаю—оледенѣваю.

Змерканіе—сумракъ.

Змертвыхъ встаніе—воскресеніе, еслы хто презъ кого иншого встаетъ.

Змертвыхъ встаніе—если самъ презъ себе встаетъ з мертвыхъ, воскресеніе [1]).

Змилованіе—зри злѣтованіеся.

Змиловуюся—зри злѣтовуюся.

Змова—съмиреніе, миръ.

Змовлююсь—совѣщаюсь.

Змолочую—стлачаю.

Змордованный—истомленный, изможденный.

Зморщенный—вресканый.

Зморщка—вреска.

Змоцненіе—утвержденіе, укрѣпленіе, крѣпость.

Змоцняю—утверждаю, укрѣпляю.

Змышленіе—лицемѣріе, притвореніе.

Змышлячъ—лицемѣръ.

Змышляю—притворяю, лицемѣрствую.

Змышляючій—притворитель, лицемѣръ.

Змѣраю на що—намѣраю.

Змѣшую—растворяю, зри злучаю.

Змѣщаю—вмѣщаю.

Знагла—внезапу, весьма, бѣхма.

Знаемость—разумѣніе.

Знаемый—знаемъ, вѣдомъ.

[1]) Въ подлинникѣ отличаются эти два выраженія тѣмъ, что въ первомъ слово *з мертвыхъ* написано съ надстрочными буквами *р* и *х*.

Знайденіе—обрѣтеніе.
Знайдуюсь—обрѣтаюсь.
Знакъ—знаменіе, воспоминаніе.
Знаменитость—преимѣтелство, превеличество, предъпріятіе.
Значеніе—знаменованіе.
Значеный—знаменитый, благонарочитъ, изрядный, изящный, великъ, преимѣяй, первый.
Значу—являю, сказую, назнаменую.
Знахожу—обрѣтаю.
Знаю—вѣмъ, разумѣю.
Знебачка—непредвыденнѣ.
Зневага—зри ганба.
Зневажаю—зри гаию.
Зневоляю—порабощаю, зри ганблю.
Зненацка—внезапу, напрасно.
Зниженіе—сонисхожденіе.
Зникаю—ищезаю.
Знищеніе—умаленіе, побѣжденіе, оскудѣніе.
Знову пойди—паки гряди.
Зной—жаръ, скваръ.
Зносить—отраднѣ.
Зношу—воспріемлю, пріемлю, подъемлю, терплю.
Зныдѣваю—уныва́ю.
Зныдѣлый—унидѣлый, унилый.
Зобохъсторонъ—обоюду, зособна.
Зову—гласу, гласаю, возиваю.
Зогненный—согбенъ.
Золотарь—златарь, сереброкузнецъ..
Золотый—златникъ.
Зопсованіе—истлѣніе, растлѣніе, разрѣшеніе, рѣшеніе.
Зопсованое—растлѣнное, лестное.
Зопсовую—разоряю, разсипаю, растлѣваю.
Зоплги—возрази, изрини.
Зоря—заря.
Зособна—особь.
Зостатка—отизбытка.
Зпихаю—возражаю.
Зпоеніе—соузъ.
Зпровожаю—низвожду.
Зпрудка—зри зненацка.
Зраняю—уязвляю.
Зраховую—исчитаю, сочисляю.
Зренина—зѣница.
Зрожуеться—угобжаеться.
Зрозумѣваю—внимаю, внемлю, соразумѣваю, мудрствую.
Зрозумѣй—внемли.
Зрозумѣло—внимателно, розумно.
З розуму зводитель—умопрелщатель.
Зростъ—возрастъ.
Зрублюю—сострояю.
Зрѣдка—намалѣ.
Зряженіе—строеніе, судьба.
Зтворжаюсь—возмущаюсь.
Зупелне—зри досконалне.
Зупелность—зри досконалность.
Зупелный—зри досконалный.
Зухвалный—дерзокъ, дерзостенъ, дерзый, непокоривый.
Зызоватый—косый, косвенный, разноокій.
Зыскъ—приобрѣтеніе, прибытіе, сонисканіе, прибытокъ, стяжаніе.

Зыскъ чынячій—прибыточный.
Зычливый — присный, рачитель.
Зычу—желаю.
Зьваю—зѣяю, прозияваю.
Зьдлость—напрасство, бѣда, напасть.
Зьдлый—лютый, безчеловѣчный лютъ, дивый, напрасный, безстуденъ.
Зьліе—быліе, зеліе, зель, тросковь.
Зьнка або человьчокъ у очи—зѣница.

И.

Играчъ—сопецъ.
Игриско—мѣсце, игралище, плясалище, бѣсилище, подвигъ, тризнище, позоръ.
Игри справуючій—сѣновникъ.
Игуменъ бывшій—проигуменъ.
Иду—граду, шествую.
Ижъ—за еже, во еже, елмажъ, понеже, яко, якоже.
Изали—уболи.
Избыти—спастись, избавитися.
Изиблій—истребленный.
Иле—елико, елма.
Иле кроть—елижды, колькроть.
Имаюсь—емлюсь.
Ими—емли.
Иначей—инако.
Иначей зовутъ—або иное значить, образословимый (sic).
Инквизиція—истязаніе вины.
Инквизиціючиню-вины истязую.
Иншимъ кшталтомъ — инообразно.
И овшемъ—и убо, истинно, извѣстно, въ истину.
Истинъ—вѣрно, истинно.
Истность—существо.
Исторія—сказаніе, повѣсть.
Истотне—зри заправды.
Истотный—истовый.

К.

Кагапецъ—свѣтилникъ.
Кадило—ладанъ.
Кадь—делва.
Кадь винная—точило.
Кажу—пеую, растлѣваю.
Казалница—сѣдалище, катедра.
Казаніе—народовѣщаніе, проповѣдь слова божого, проповѣданіе.
Казаніе кажу—проповѣдословлю.
Казка—баснь.
Казнодья — проповѣдникъ, соборникъ.
Казнь—вины.
Кайданы—вериги, путы.
Калвикаторъ—ристатель.
Калита—чпагъ.
Калюжа—ровъ.
Калъ—тина, тимѣніе (sic), ровъ.
Камень млинный—жерновъ.
Камѣнь—камень.

Камѣнь верхный млинный — жерновъ оселскій.
Капя—пилюкъ (sic).
Капларъ—книгочій.
Капланство—жречество.
Капса—зри калита.
Карацень—броня.
Караніе — наказаніе, приятіе, казнь, ученіе удержаніе, язва.
Караю—казню, наказую, истрясаю, воразумляю, уразумляю, уязвляю, досаждаю, вини истязую.
Караючій—казнитель, казняй, казатель, наказатель.
Карность—ученіе.
Кармазинъ—червень.
Карти играю—хартіи употребляю, тавліи употребляю.
Карчмарь—гостинникъ, всепріятникъ.
Катедра—зри казалница.
Катъ—мучитель, спекуляторъ, паличникъ, рядникъ, слуга народный.
Кафаръ що воду тягнетъ—водовожца.
Каюся — з болестію умиляюся, сокрушаюся.
Кваплюся — спѣшуся, спѣюся, тщуся, понуждаю, припонуждаю, постизаю, устребляюся вседушно.
Квасно—кисло.
Кватнъ—кій...
Квашеніе—сланутокъ.
Квестія—вопросъ, противоположеніе, противорѣчіе, прекословіе, недоумѣніе.
Квѣтъ—красный злакъ.
Келихъ—склянница, кубокъ.
Киваніе—маніе, маяніе, мановеніе, помаяніе, накиновеніе.
Киваюсь—згибаюсь, колѣбаюся.
Кидаръ—клубукъ.
Кидаюсь на коно—устремляюся.
Кій—жезлъ, палица.
Кисло—кисело.
Кистка—стручецъ.
Кишеня—чпагъ.
Кламство—ложъ, зри тая же.
Кламца—ложъ, зри зрайца.
Клейнотъ—гривна, увясло.
Клекощу—крокощу, хлохощу.
Клепало—бряцало, было.
Клепецъ—оскордъ.
Клирикъ—чтецъ, читатель.
Клирошанинъ—клирикъ.
Кличу—возглашаю, глашаю, возиваю.
Клокотаніе—хлохотаніе.
Клопотъ—страданіе.
Клубы—лядвы, бедры.
Клуня—житница.
Клѣтка—дѣлателница, камора, клѣщики (sic).
Клямка—развора, верія.
Кляча—подяремникъ.
Книжникъ—дидаскалъ.
Кобилки—пружіе, прузи, сверціе.
Коваль—ковачъ, кузнецъ.
Ковчанъ до стрѣлъ—тулъ.
Ковшъ—почерпало.
Коутъ—пѣтель, алекторъ.
Кождодневный—всегдашній, на-

сущный, насущественный, присный.

Кождый—всякъ, койждо, кождо.

Кожемяка—усмаръ.

Коли—егда, когда.

Колибка—колесница.

Колка—боль сердечный, коленіе, умиленіе.

Колко—колико, елико.

Колкокроть—зри иле крать.

Колкость—количество.

Колиьръ—обиляръ.

Колодязь—студенецъ, кладязь, кладецъ, роденникъ (sic).

Колосокъ—стручецъ.

Колотникъ или потворникъ—смущаяй, зрадца, смущенникъ.

Колочу—пакощу.

Колъно—нѣдро, лоно.

Колья—чреда.

Колю—уханяю, угризаю.

Коляція—пированіе, вечера.

Комната—зри клѣть.

Комора—зри клѣть.

Коморка—колибка.

Коморникъ—подсусѣдникъ, сеяникъ, содомникъ (sic), слуга.

Компутъ лиѣби—согляданіе.

Конви—водоносъ, почерпало.

Конецъ—кончина, конецъ, исполненіе.

Конечне—ей.

Коники—зри кобилки.

Конный—всадникъ.

Конституція—состояніе.

Контентація—достотвореніе.

Контентую—удовляю, довляю.

Контентъ естемъ—доволенъ есмь.

Конфекти—сладости.

Кончаръ—улица.

Конь—клюся (sic), конь.

Конъктурую—усмотряю, соразсмотряваю.

Копаю—копитомъ конисаю.

Копенякъ—хламисъ.

Копериникеръ—що на мѣди рисуетъ або печати рѣжетъ, ваятель.

Копья—гвоздъ, архетипонъ, антиґрафонъ, парадиґма, коніе.

Корабелное начиніе—ядрило.

Корабль—ковчегъ.

Корецъ—кобель, кобль, спудъ.

Коритися—малитися, смирятися, покорятися, охуждатися.

Корито—поило.

Корма—кормило, стиръ, гребло кормилное.

Кормя—бранно, паствина, пища, питаніе, паства.

Корнетиста—сопецъ, пищанникъ.

Корнитъ—сопѣль, сопль.

Коробка—спудъ.

Коробникъ—пударъ.

Корова—крава.

Короватый—коравъ.

Корона—вѣнецъ.

Корона святителская—митра, увясло.

Коронованіе—вѣнчаніе, увязаніе.

Коронуюю—вѣнчаю, вязаю вѣнцемъ.

Коропатва—рябка.
Корости—красти.
Коростѣль—крастель.
Короткій—краткій.
Корчма—гостинница, всепріятелница.
Корчмарь—зри карчмарь.
Кортьніе—потравы, сладости.
Кости играю—зри в капсы.
Котвица—зри котва.
Котелокъ—панвица.
Котелъ—конобъ.
Котляръ—ковачъ мѣды, мѣдный кузнецъ.
Который—иже.
Котрий—елици (sic), кій.
Котрое—кое.
Котрого—его же.
Котрой стороны—коей страны.
Котрому—ему же.
Коханіеся в собѣ—самоугодіе, самолюбіе, тѣлоугодіе.
Коханка—рачителница.
Коханокъ—рачитель.
Коханый—любимый, вожделѣнный, довлимый, другъ, рачитель, возлюбленный.
Кохаюсь—благоволю, наслаждаюсь, ревную, упитовляюся (sic).
Кошникъ—кошница, спирида.
Коштованіе—начинаніе.
Коштовный—частный, преимѣяй, первый, благообразный.
Коштую—вкушаю, начинаю.
Коштъ—изнуреніе.
Кошуля—срачица, хитонъ.
Кошъ плетеный—кошница.
Кравецъ—кроитель, ризошвецъ.
Крадкомъ—отай, втайнѣ.
Крадѣжство—татба.
Краина—страна.
Краса—ухищреніе, доброта, лѣпота, честность, утварь, благолѣніе, украшеніе, красованіе.
Краса приправная—красованіе.
Красатись—щаиствоватися.
Красный—благолѣпный, благоподобный, изрядный, лѣпій, коварный, ухищренный, лѣпотный, добрый.
Красомовца—вѣтий, риторъ, хитрословъ, рѣчотворецъ.
Крата в брамѣ (sic)—хлябь (sic).
Кревлюся—гобзую.
Кревность—немощъ, ужичество.
Кревный—препскрный, ужикъ.
Крейда—мѣлъ.
Кресло—стулъ, полкружникъ.
Кресъ—кроторія, нарокъ, предѣлъ, черта.
Кретъ (sic)—кроторія.
Крещеніе—баня, крещеніе.
Кривда—обида, досада, неправдованіе, неправда.
Кривжу—обыжу, неправдую, беззаконую.
Кривий—косвенный, стропотный, согбенъ.
Кривоокій—косвенный, разноокій.
Кривоприсяжца—неправедно кленнйся.
Кривость—кривина.

Крикъ—вопль, вопіеніе, кличъ, плищъ, мятежъ, молва.

Крикъ чиню—возмущаю, плищъ творю.

Криница—источникъ.

Криска—черта, йота.

Кричу—зри гомопю.

Краю—таю, утаеваю.

Кровъ банками пускаю—ваяю, изваяю, начертаваю.

Крогулецъ—крагуй.

Крокъ—степень.

Кролевскій столецъ—престолъ.

Кролюю—царствую.

Кроль—царь, скиптрофоръ, монарха.

Кромѣ—освѣне.

Кропиви—стволіе.

Кропля—капля.

Кругжуля—круга и круги.

Кругъ всею неба—твердь.

Крукъ—вранъ.

Крукъ—гакъ, висилица.

Крупи—слануток.

Крушецъ—руда.

Крыло—перія.

Крыла распростираю—раскриляю.

Ктиторъ—создатель, сооружитель, сотворитель.

Ксіонже—князь, народоводитель.

Кубокъ—чаша, потыръ, кратиръ, стклянница.

Кугляркій—призорный.

Кугляркство—призоръ, призрачіе, призракъ, привиденіе, мечетъ.

Куколь—плевели, плавеліе—множественнаго числа; куколь у иноковъ называется клобукъ.

Кумовство—приемничество.

Кумъ—приемникъ.

Куншту—смѣхословлю.

Куншту—смѣхотворство.

Купа—составъ, толпа, состязаніе.

Курва—блудница.

Курвство—блудъ, скверна.

Куря—врабій, птица.

Кусаю—угризаю, ухапляю.

Кусаюсь—угризаюсь.

Куситель—искуситель.

Кутась—пугва.

Кутя—коливо, колюва.

Куфа—вать, ровъ (sic).

Кухня—щегнюша.

Кучка якая колвекъ—куща, колиба, селеніе, сѣнь, село.

Кушеніе—искушеніе, начинаніе.

Кушу—искушаю.

Кушуся—ополчаюся, постизаюся.

Кшталтую—образую, творю.

Кшталтъ—благоимство, имѣтелство, образъ, устроеніе.

Л.

Лаодне—присердно (sic).

Ладанъ—кадило.

Лазня—баня.

Лазуство—скитаніе.

Лайно—мотило, гной.

Лакненіе—алканіе.

Лакну—алчу.

Лакомство—лихоимство, лихоимѣніе, сребролюбіе.

Лакотникъ—ласкосердій, ядецъ, гортанобѣсецъ.

Лакотокъ—уживаніе, ласкосердіе, пресыщеніе.

Лакотяный—скорпеный (sic).

Лапцужокъ плетеный—тресня (sic).

Лапцухъ—уза, юза, веріе.

Лапцухъ золотый—гривна злата.

Ласиться—ласкаетъ.

Ласка—благодать.

Ласкавость—благостиня.

Ласкавый—благодатный, благодѣтелный, благоугодный, благосердій.

Ласкотаніе—скоктаніе.

Ласку показую—уважаю.

Ласьне—лицемѣріе.

Латаный—скортный.

Латво—удобно.

Латвость—удобство, благомощіе.

Латвочинный—удобезденъ (sic), латвый до пойманя.

Латвый—удобный.

Латвѣй—удобѣе.

Лаю—запрещаю, досаждаю, язвляю, порицаю, оглаголую, зазираю.

Лаяніе—гажденіе, злохуленіе, лаятелство, обличеніе.

Ларъ—ложъ, зри зрадца.

Лу—лжу, клевещу.

Левъ—леонъ, левъ.

Легкій—воспѣренъ, пернатъ.

Легкимъ чиню—восперяю, воскриляю.

Легко—нетяжко, нетяжественнѣ, ненавистнѣ (sic).

Лекомисный—легкота, непостоянный.

Лебуменами опатрую—ухлѣбляю.

Легце важу—зри ганблю.

Лечу—воспераю, воскриляю.

Ледащо збираючій—мшелоимецъ.

Ледва—едва.

Лененіе—сіяніе, блистаніе.

Ленуся—сіяю.

Ленья—правило, черта.

Лескотаніе—зри лоскотаніе.

Лечъ—же.

Лжа—ложъ, зри зрада.

Лженіе—зри лаяніе и ганба.

Лжѣй—отраднѣе.

Ли—егда.

Лина грубая—велблюдъ (sic).

Листокъ—хартія.

Листъ—посланіе, грамота, епистолія.

Литера—писмо.

Литость—милость, зри змилованіе.

Литостивый—щедрый, благодѣтель.

Литость показую—зри литовуюсь.

Лихва—росты.

Лихота—окаянство, окаяніе.

Лице—ланита, зракъ, постасъ, собство, съставъ.

Личба—число.

Личбу чиню—слово говорю, стязаюся о словесы.

Личбу здиймую — зри личбу чиню.

Личманъ—чисма (sic).

Лiоси—жребія.

Лодо (sic)—лодія, корабецъ.

Ложко—ложе, одръ.

Ложница — чертогъ, невѣстникъ.

Локоть—мѣрило.

Лоскотаніе—скоктаніе.

Лоскочу—скоктаю, скокочу.

Лотрикъ—поясникъ.

Лотровскій—непреподобный.

Лотрская штука—тожъ що и лотръ.

Лотръ—скверный, скверпавый, омраженный, непреподобнодѣлатель.

Лука—удолъ, село, расло.

Лукъ—чеснокъ.

Лукъ—оружіе.

Лупѣжца—хищникъ.

Лупъ—користь, обраща (sic).

Луска—рибная чешуя.

Лущинка (котораго орѣха або що жолудь выпадаетъ)—плѣска.

Лысая гора—краніево мѣсто.

Лысій—плишивъ.

Лысина—плѣшъ.

Лытка—листа (sic).

Лѣвый—шуй.

Лѣдъ—голодь, ледъ.

Лѣкарня або домъ, що лѣчатъ—врачебница.

Лѣкарство — биліе, балство, лѣчба, цѣлба, ликованіе.

Лѣкарь—балій, врачъ, цѣлитель.

Лѣниво—щапственнѣ.

Лѣнивство имаю—щапствую.

Лѣнивый—упилый, лѣнивъ, дебелый, немощный, гнюсный, лѣностивъ, праздный, нетягъ.

Лѣнивѣю—упиваю, стужаюся, ослабѣваю, лѣнюся.

Лѣность—гнюсъ, уныніе, щапство.

Лѣпше—лучше, уніе, уне, унше.

Лѣпшій—лучшій, унший.

Лѣска—жезлъ.

Лѣта—времена, годы.

Лѣтаніе—пареніе.

Лѣтаю—парю, прудко неру, теку.

Лѣторасль—отрасль, народокъ.

Лѣторастка — пружіе, розга, сучецъ.

Лѣхтарь—свѣщникъ.

Лѣченіе—цѣленіе, врачевство, врачеваніе, исцѣленіе, врачба.

Лѣчу—цѣлю, врачую.

Любимый—желаемый.

Люблю—вожделѣваю.

Люблю велми—ревную.

Любовъ—раченіе, согласіе.

Любовъ горячая—рвеніе, раждеженіе, раченіе, ревнованіе, ревнообразіе.

Любую—благословляю.

Любячій Бога—Боголюбецъ.

Любячій доброе—благолюбецъ.

Любъ—или, аще же.

Людемъ подобаюся—человѣкоугодіе.

Людзкій—друголюбивъ, друголюбный.

Людзкость—страннолюбіе, друголюбіе.

Людъ—народъ.

Люнатикъ—лунящійся на новъ (sic), бѣсится (sic).

Лютій—дивій, свѣрѣній, жестокій.

Лютость—сверѣпство, безчеловѣчіе, сверѣніе, бридость.

Лядвы—лядвія, лядвины.

Лянинъ—людинъ.

Лякаюсь—ужасаюся.

Лякливый—малодушный.

Ляментую—плачу, рыдаю.

Ляментъ—плачъ, риданіе, сѣтованіе, пореченіе.

Лямпа—свѣтилникъ.

Лятра—бедры.

М.

Маестатъ—престолъ.

Маетность—имѣніе, держава, стяжаніе.

Маетный—имовитъ.

Макула—порокъ.

Малженство—женитба.

Маліованіе—поваленіе, образонаписаніе, натреніе, иконное воображеніе.

Маліованный—поваленный.

Маліованный образъ—иконный зракъ.

Малта—піфикъ.

Малюю—живописую.

Малярство—живописателство, иконное писаніе, образонаписаніе, живописателно художество.

Маляръ—иконникъ, живописецъ, зоґрафъ, живописатель, иконописецъ.

Мамка—доилица, кормилица, питателница.

Мандатъ—заповѣдь, повелѣніе.

Манелъ—занятіе.

Манка—шуйница, шуя, рукавъ.

Мантачъ—лестецъ, зри баламутъ.

Мара—мечтаніе, зри куґлярство.

Маркотаніе—зри воркотаніе.

Маркотливъ—ропотникъ, ропотливый, ропотивъ.

Маркочу—зри ворчу.

Мармаровый—мраморный.

Марморъ—мраморъ.

Марне—туне, всуе, безума.

Марность—суета.

Марнотравство—изнуреніе, истрошеніе.

Марнотравца—изнуритель, лотига.

Маршалокъ—архитриклинъ, служебначалникъ.

Мары—одръ, рака.

Масть—шаръ.

Матерія—вещество, вещь, грѣза.

Матица—утроба, животъ, ложесна, брухъ.

Маю — имамъ, имѣю, держу, одержу.

Маю баченіе — маю возглядъ, намѣраю.

Маю волю—хощу.

Маючій—имий, имѣяй.

Мгла—мракъ, примракъ, тма.

Мненіе ока—мановеніе, маяніе, накиновеніе.

Молость—малодушіе.

Мдлый—малодушный.

Мдлью—малодушествую.

Медведица—мечка.

Меду плястръ—сотъ.

Межа—межда.

Менжне що справую—мужаюся, храбрствую.

Менжний—зри дужий.

Менжство—зри дужесть.

Мнованіе—именованіе, нарицаніе.

Мерзеный—зри лотръ.

Мерзитъ мя, мерзю чимъ—гнушаюсь, недугую.

Мерзость - безсластіе, бридость, несладость, нечистота, бѣда, скорбь, туга, болѣзнь.

Мертвость—умерщвленіе.

Мешканецъ — обитатель, обиталникъ.

Мешканіе—житіе, жилище, гражданство, село, селеніе, скинія, обиталище, храмина, куща, сѣнь, обитель.

Мешканіе займую — вселяюсь, водворяюсь.

Мешканьечко — кровъ, хлѣвина.

Мешкаю — жителствую, живу, обитаю.

Мнаю—помизаю, мизаю.

Мигдаловое древо—клянишъ.

Мнитить въ очахъ—мжитъ.

Милосердіе — благостыня, благость.

Милосердіе показую—зри злитовуюсь.

Милосердія годный — умысленный.

Милосердный — благоутробный, простителный, милостивъ.

Милосница—рачителница.

Милостникъ—рачитель, ревнитель.

Милость горячая—зри любовъ.

Милость утробы—благоутробіе, благостиня, любовъ.

Миліонъ—тма, легеонъ.

Милый—благопріятный, желаемый, любимый, изрядный, изящный.

Миля—поприще.

Мірянинъ—людинъ.

Миса широкая—діскосъ.

Миска—блюдъ, поница.

Мисюрка—шлемъ.

Митра—увясло.

Млинный камень—жерновъ.

Млинокъ ручный—жерновъ.

Млоденецъ—младенецъ, юнота и юноша, отрокъ.

Многократь — множицею, многажды, многащи, намнозѣ, колькрати.

Многомовность— многоглаголаніе, велерѣчіе.

Многомовный—велерѣчивый.

Множуся—возрастаю, умножаюся, гобзуюся, спѣю, преуспѣваю.

Множтво — множество, многое, бездна.

Мнѣманіе—мнѣніе, ненщеваніе, мечтаніе, васнь.

Мнѣманьемъ дослѣжу — разсмотряю.

Мнѣмаю—мню, ненщую, вмѣняю, мечтаю.

Мнѣмаючій—ненщеватель.

Мови нѣкчемния—блядословіе, лихословіе.

Мовеніе—вѣщаніе, глаголаніе; *мовеніе о великихъ речахъ*—велерѣчіе.

Мовлю—глаголю, вѣщаю.

Мовность—велерѣчіе.

Мовный—велерѣчивый, многовѣщанный.

Модрый едвабъ—синета.

Можно—мощно.

Можность — зри владычество, господство, держава, могуство, зѣлность.

Можный—велможный, велможа, зри дужий.

Мозокъ—мозгъ.

Мозоль на рукахъ—утерилины, ствердѣлы (sic).

Мокну—омокаю.

Мокрота—влага.

Молва—глаголъ, слово.

Молитва—моленіе.

Молоденецъ—зри младенецъ.

Молоденкій—юношескій.

Молодица—юнотка.

Молодость—юность.

Молодостный—юностный.

Молодый—юный, младый.

Молодее вино — мустъ, мощъ (sic).

Молотба — вершба, вершитба, млаченіе.

Молотокъ, которимъ струны направляютъ,—било.

Молотокъ робячій—млатобіецъ.

Молотый—сомленый.

Молотъ—млатъ.

Молчаніе—безмолвіе.

Молюся за кого—ходатайствую.

Монастиръ—обитель.

Монета—дидрахма, златица.

Монисто—гривна, утварь, украшеніе.

Мордерца—мучитель, томитель.

Мордованіе—томителство.

Мордую—томлю.

Море—составъ водный, озеро.

Морочный—мрачный.

Моршу—посмражую.

Моръ—моръ, губителство, смертоносіе, всегубителство.

Мосіондзъ—прудъ (sic).

Мостокъ—мясо, груды говяжи.

Мотузъ—уже, вервь.

Моцаръ—исполинъ, изящъ.

Моцне що справую—зри менжне.

Моцно—зри зѣло, дуже.

Моцный—зри дужий.

Моцованіе—зри валка.

Моцовникъ—подвижникъ.

Моцуюся—подвизаюся.

Моцъ—сила, держава, дѣтель; *моцъ божая*—маніе, мановеніе, маяніе.

Мошенка—мошонка, зри вацокъ.

Мошки—мшица.

Мрокъ—мракъ.

Мругаю—моргаю, зри мигаю.

Мудрость—разумъ.

Мудрость любячій—любомудръ, философъ, любопремудръ.

Мудростію ся забавляю—мудрствую.

Мудре—прямо.

Мудрецъ—философъ, любомудръ.

Мудрый—умный, худогъ, мыслный, искусный.

Мужа не знаючая панна—неискусомужная, неискусобрачная, не познавшая мужа.

Мука—страсть, страданіе, мученіе.

Мулъ—мескъ.

Мунштукъ—брозда.

Мурави—лѣхъ, лѣха.

Мурящокъ—мравый.

Муръ—стѣна.

Мусъ—насиліе.

Мученикъ—страдалецъ, страстотерпецъ.

Мучу—блядословлю, смѣхословлю.

Мщеніе—месть.

Мщуся—отмщеваю.

Мылня—баня.

Мыслы прозорливіи—промышленія, мечтанія.

Мыслію понятіе речи—умная, мыслная.

Мысль—помышленіе, умъ, разумъ.

Мытникъ—мытарь, мытоимецъ.

Мышленіе—мудрованіе.

Мышлю—мудрствую, помышляю, вмѣняю, воспоминаю.

Мѣзерія—окаянство, бѣдность.

Мѣзерный—бѣденъ, бѣдный, умиленъ, окаяннѣйшій.

Мѣй на баченью—ради.

Мѣлемъ—имѣхъ.

Мѣлемъ волю—хотѣхъ.

Мѣнута—зри мгненіе ока.

Мѣняю—измѣняю.

Мѣра—правило, умѣреніе спуду (sic).

Мѣры не маючій—безмѣрный.

Мѣрность—воздержаніе, цѣломудріе, честность, мѣра, умѣреніе.

Мѣрный—мѣрный, умѣренный, смиренъ.

Мѣру до целю—намѣряю, разсмощряю (sic).

Мѣскій—градскій, гражданскій.

Мѣсто—градъ.

Мѣсце замѣренное—намѣреніе.

Мѣсяцъ—луна.

Мѣсячникъ—лунящійся.

Мѣховникъ—усмошвецъ.

Мѣхъ—ярта (sic).

Мѣшкорѣзъ—мошнорѣзъ.

Мѣшокъ—зри вацокъ.

Мѣщанинъ—гражданинъ.

Мѣщка—гражданка.

Мяккій—благоувѣтливъ, благоугодителный.

Мясо сушеное—сушеница.

Мята—мятва.

Н.

Набоженство—служба, благочестіе, преподобіе.

Набоженство отправую—благочествую.

Набожный — благоговѣйный, умиленъ, говѣнъ, преподобный.

Набываю—стяжаю, стяжаваю, притяживаю, снабдѣваю, сонискаю, приобрѣтаю.

Набиваю непристойне—мшелоимствую.

Набываючій—стяжатель.

Набытокъ — зри имѣніе, здобычъ.

Набытокъ непристойный — мшелъ, навалность, стремленіе, устремленіе.

Наважую—наляцаю.

Навой ткацкій—вратило ткацкое.

Навспакъ—воспять.

Навѣдитель—посѣтитель.

Навѣжаю—посѣщаю, присѣщаю.

Нагабаніе—навѣтъ, нужда, насилство, гажденіе.

Нагабаю — понуждаю, насилствую.

Нагана—порокъ.

Наганы годенъ—пороченъ, укоризненъ.

Нагло—внезапу, абіе, напрасно.

Наглость—продерзость, сверѣпство.

Наглый — напрасный, напрасливъ, сверѣпъ, стромителенъ.

Наглю—належу.

Наглядаю—назираю, наблюдаю.

Наглячій—належай.

Нагорода—мзда, воздаяніе, возданіе, даръ.

Нагороду рицеромъ даючій—подвигоположникъ, даровникъ.

Надаремне—безума, всуе, туне, всяко, отюдь, вотще, тщетно, бошію.

Надворѣ—внѣ, внѣуду.

На дворъ—вонъ.

Надглядаю — назираю, наблюдаю.

Надгробокъ—епитафионъ, катафалкъ.

Наддеръ—попремногу, попрезлиха, изобиліе, презящество, презълишество, премножество, преимѣтелство и тому паче неизрѣченно, лишше.

Надзираю—зри надглядаю.

Надимаю—кичу.

Надкланяюсь—ничу.

Надмѣваніе або надсподѣваніе.

Надобный—изрядный, изящный.

На долъ смотрячій—посуплен.

Надорудю(sic)—наружи, приручно.

Надприроженье—преестественнѣ.

На другомъ мѣсци—другоици.

Наделушность — презпотребство.

Надто—зри наддеръ.

Надто маю—изобилую, избыточествую.

Надто размножую—тое жъ.

Надуто—хупаво.

Надутость—гордость, напыщеніе, хупавость, киченіе, надменіе, превозношеніе, кручина.

Надутый—напыщенъ, хупавъ, напрасниръ, самоугодный, гордостенъ, презоривъ, отяглаваемый, посупленъ, дерзый, яростенъ.

Надхожу—надстою.

Надѣюся—уповаю.

Надѣя—надежда, надѣяніе, упованіе.

Надѣи немаючій—отчаянный.

Надѣю трачу—отчаяваюсь.

Надѣявся—уповахъ, начаявся.

Надъ—вишше, паче.

Надъ власность—выше мѣры, существеннѣ.

Наежджаю—устремляюся.

Назадѣ иду—послѣдую, послѣдствую.

Назадъ—воспять.

Назбытъ—зри наддеръ.

Названный—рекомъ, зовомъ.

Назвиско—имя.

Називаніе—нарицаніе, именованіе.

Назначенный— назнаменованъ, избранный, нарекованный, нареченъ, уставленный.

Най—пре.

Найбарзѣй — паче, найпаче, израдпѣе, колми паче, множае паче.

Найболше—премножество, множае паче.

Найгразаніе—зри ганьба.

Найгриваю—изобличаю, подражняю, ругаюся, посмѣваюся, поругаюсь, подражаю.

Найлѣпше—врѣсноту, влѣпоту, изящнѣе, послѣдователнѣе.

Найлѣпшій—найлучшый, нарочитъ, добрѣйшый, лучшый, изрядный.

Найменшый—премалъ.

Наймую—наймаю.

Наймилъ—наялъ.

Найнизшый—преисподный.

Найпереднѣйшее—преизящнѣйшее, преизящное, преднастоящее.

Наказую—вразумляю, руководствую.

Накариніе—уцѣломудріе.

Накладаю—задѣваю, налагаю, изнуряю.

Наклоняюся—ничу.

Наколенный—набоденный.

Накормленіе—насыщеніе.

Накормленный—насыщенный.

Накормлюю—насищую.

Наливка—изливалница.

Налогъ—правъ (sic).

Наложница—заложница.

Нальганіе—належеніе.
Нальгаю—настою.
На малихъ мѣсцахъ—на малѣ.
Наметы робячій — скинотворецъ, сѣнотворецъ.
Наміотъ—село, селеніе, скинія, сѣнь.
На многихъ мѣсцахъ—на мнозѣ, многойцѣ, множицею.
На обохъ мѣсцахъ—обонполъ, обоюду.
На обѣ стороны—обоюду.
На особности—особѣ, наединѣ.
На остатокъ—на послѣдокъ, послѣди, прочее, наконецъ.
На очи выкидаю—обличаю.
Напасникъ—дерзокъ, дерзитель, напраснывъ, досадитель.
Напастую—напаствую.
Напасть—бѣда, искушеніе.
Наплечникъ—нарамникъ.
Напой вшелякій окромъ вына—оловина.
На полы—полма.
Напоминаніе—нравоученіе, наказаніе.
Напоминачъ—научитель, наказатель, руководитель.
Напоминаю—увѣщеваю, обличаю, увѣряю, зри наказую.
На порохъ стираю—истнѣваю.
На порохъ стертый—истеренъ.
На потымъ—тоже по семъ.
На початку—искони, исперва. вначалѣ.
Направляю—исправляю, устрояю.
Напрасниръ—зри напрасникъ.
Напрасно—зри знагла.
Наприкраюся — накощу, стужаю.
Напуцньваю—разботѣваю.
Напущеніе—попущеніе.
Народу повѣданіе — народувѣщаніе.
Нарушеніе—истненіе.
Нарѣканіе—плачъ, вопль, риданіе, ропотъ, хухнаніе.
Нарѣкаю—ропщу, негодую.
Наскакую—угнѣтаю, сотѣсняю, нахожу.
Насѣдовца—подражатель, подобникъ.
Насѣдую — подражаю, гоню, подобляюся.
Насмѣваюся—поругаюся, ругаюся, уничижаю, унедостояю.
Насмѣвиско—агавіе, огавность.
Насмѣявца—пересмѣшникъ.
Настрояю—устрояю.
Наступца—пріемникъ.
Насыщеніе—ситость.
Насъ, ны, наю—двойственнаго числа.
Натираю—устремляюся.
Натрентъ — буесловъ, велеречивъ, оплазивъ.
Натура — естество, имство, имѣнство.
Натягаю—напрягаю, наляцаю.
Наука — наказаніе, поощреніе, уставъ, ученіе, догматъ, поученіе, указаніе, устроеніе, веленіе.
Науки початокъ—оглашеніе.
На умѣ маю—мудрствую.

Научаю — поучаю, вразумляю, соглашаю.

Научаюся—навикаю, познаваю, разсмотряю.

Наученіе—учительство.

Наушница — усерягъ, усерязь, обушеніе.

Нахиляю—преклоняю.

Нахиляюся—тое жъ.

Начинье—сосудъ, орудіе.

Нашинецъ—нашинъ.

Наюченіе—наважденіе.

Небаченіе—презорство,стропотность.

Небезпеченство — неизвѣство. бѣда.

Небезпечный—блязненный.

Неблудячій—неблязненъ.

Небозчикъ—усопшій, преставльшийся.

Неболеніе—безболезніе.

Небоязливъ—дерзостный.

Небоязнь—безстраніе, дерзость.

Небрежій — небрежникъ, малодушенъ.

Небылый—несущый.

Невдячность — нерадостотворность.

Невдячный—неблагодаренъ, неблагоразуменъ.

Невинность незлобіе,беззлобіе.

Невинный—неповинный, неповиненъ, непорочный, непороченъ.

Невиннымъ зостаю—извиняюся.

Невоздержный—ласкосердій.

Неволникъ—плѣнникъ, рабъ, рабычичъ, сѣновный.

Неволничый—рабий.

Неволничая пристойность — раболѣніе.

Неволство—стражба.

Неволя—работа.

Невоптливе—явѣ.

Невстидаюся—не обинуюся.

Невстидливость — безстудство, безсраміе, напрасство.

Невстидливый — безстудный, студодѣй, безсрамный, мѣдноличенъ.

Невчасный—безвременный.

Невымовный — неизреченный, неизглаголанный, неизслѣдованный.

Невыповѣдимый — тое жъ.

Невѣдомость—невидѣніе.

Невѣсенюкъ—малакія, мяккый.

Невѣстка—сноха.

Негинучее—негиблемое, неизнуряемое, неиждиваемое, нестрастное.

Негніючій — нетлѣнный, неувядаемый.

Негоднимъ чаню—унедостояю.

Негордый—некичливъ.

Не даю покою—стужаю, озлобляю, возмущаю, удручаю.

Недбале—нерадиве, щанственнѣ.

Недбалецъ—нерадивъ, малодушный.

Недбалость—небреженіе, нераденіе, ослабленіе, нерадствіе, щанство.

Недбаю—небрегу, неражу.

Недовѣрокъ—маловѣрный.

Недовѣрство—маловѣріе.

Недогаданьеся—недоумѣніе, недоумѣваніе, неудобство, недоумѣтелство, недомышленіе, недомислимость, таинство.

Недогоненный — недостижимъ, недостиженъ, непостиженъ.

Недолугій — маломощный, бѣдный, вредный.

Недоносокъ—извергъ.

Недорькій—косноязичный, медлеязичный, мудноязичный.

Недосажалъ—недоходилъ.

Недосвѣдчоный — неискусенъ, отверженный, невѣстливъ.

Недостатечность — худость, окаянство, окаяніе.

Недостатокъ — лишеніе, оскуденіе, скудость.

Недостаткомъ—оскудно.

Недостаточный—лишенъ, лишаемый, худый, нищій, скудный.

Недостиженный—зри недогоненный.

Недужъ—недолугъ, немощный, немощенъ.

Не единаче—не токмо.

Не есть—нѣсть.

Не жалую—не щажу.

Не жалуючи—нещадно.

Незбожность—нечестіе, безчестіе.

Незбожный—нечестивый.

Незвадливый—не лестный.

Незваленный — непреборимъ, непреборимый.

Незгода—разногласіе, разгласіе, иноду́шіе, иноду́шность, распрѣваніе, распря, зри—бунты.

Незгодливый—стропотенъ, стропотивъ, стропотный, напрасниръ, сверѣпѣяйся, гордостенъ, презоривъ, яростенъ, зри—бунтовникъ.

Незичливый—лукавъ.

Незличонный—безмѣрный, нечнетный, безконечный.

Незлосливость — незлобіе, беззлобіе.

Незлосливъ—беззлосливъ.

Незрахованный—зри незличонный.

Неимовѣрно—неувѣрително.

Неистовъ—неразуменъ.

Нелатвость—зри недогаданьеся.

Нелатвый — неудобный, прудный (sic).

Нелюдзкій—безчеловѣчный.

Нелюдзкость—безчеловѣчіе, безсловесіе.

Немилосердный—немилостивый, жестокъ, немилостивъ, неблагоутробенъ, безщедротъ.

Немилость—нелюбовь, немилосердіе, несладость.

Немного—сцѣгло.

Немовятко—отроча, дѣтище.

Немогу—недугую, немоществую, изнемогаю, болѣю, стражду.

Немогучій втекти — неизбѣжный.

Не могучій дати о себѣ справы—безотвѣтенъ.

Неможная речъ—немощно.

Немощь—недугъ, болѣзнь.
Ненавижу—враждую, ненавижу.
Ненавистный—стужитель.
Ненависть—вражда.
Ненамовный—неувѣтливъ.
Ненаприкраюся—снисхожу.
Нендзи—бѣда, нищета, убожіе, убожество, окаянство, окаяніе.
Нендзный—нищій, худый, умыленный, окаянный.
Нендзую—вреждаюся.
Необичайный—безмѣстный.
Неовраженіе—невреждеиіе.
Неогорненный—неосязанный.
Неодмѣнный—непреложный.
Неознайменный—безвѣстный.
Неопатрно—неосмотрително.
Неохендожный—безобразный.
Неошацованный—драгоцѣнный, неоцѣнный, многоцѣнный.
Непевность—неизвѣство.
Непевный—непостоянный,..., сомнѣнникъ.
Непилно—наддѣлателнѣ (sic).
Неплодная жени—неплоды, не плодящая, не рождающая.
Непобожный—непреподобный.
Не подаюся—не повинуюся.
Неподейзроный—непорочный, безпорочный, незазорный.
Неповстяливъ—продерзивъ.
Непогода—зима, волненіе, буря, обуреваніе.
Непожитечный—неключимый, безуспѣшный, непотребенъ, неискусенъ, ненадежденъ, пренебрегаемый, безмѣстенъ.
Непокаяніе—умиленіе.
Непокой—мятежъ, зри—бунты.
Непоправленъ—неисправленъ.
Непотребне—паче, преизлишше.
Непотребно—неключимо, лишше, множае, вотще, затще.
Непотребный—зри непожитечный.
Непотребнымъ чиню—упражняю.
Непоцтивость—порокъ.
Неправость—беззаконіе.
Непрекошный в диспутаціи—безпрекословный.
Неприемность—стуженіе.
Неприймую—отрицаюся.
Неприкраяніе—схожденіе.
Неприкраючій—сходителнѣйшій.
Неприкруся—снисхожу.
Неприязнь—вражда.
Неприятель—врагъ, навѣтникъ, суперникъ, супостатъ.
Непорушенье—непошествіе.
Непорушный—постоянный.
Непорядокъ—нестроеніе.
Непослушенство—ослушаніе, преслушаніе, непослушаніе, противленіе.
Непосполитый—преизящникъ.
Непристойно—злонарочно.
Непсукчійся—нетлѣнный.
Неразсудно—неразнственно.
Неразумный—неблагоразумный, нероздѣлный для суптелности, несѣкомый, непресѣкомый.
Нерихло—косно.

Нерихло чинк— косню.
Неромность—неразнствіе.
Нерядница—блудница.
Несвѣдость — невѣденіе, невѣжество, неразуміе.
Несказанный— невиновѣдимый.
Несказителность—нетлѣніе.
Несказителный—нетлѣнный.
Несладость—мерзость.
Не слухаю—не повинуюся.
Не смакуе—негодую.
Не смачность—безсластіе, несладость.
Несмертелный—безсмертный.
Несмѣлость—малодушіе.
Несмѣлый — малодушный, бездерзновенъ.
Несмѣю — сомнюся, обинуюся, стыждуся.
Необлазненіе—безпошествіе.
Неспанье—бденіе, бодрость, забдѣніе.
Не сплю—бодрствую.
Несподѣванный—нечаемый, непачаемый, непредвидѣнный.
Неспоро—косно, безуспѣха.
Неспорый—безуспѣшный.
Несправедливость—неправда.
Несправедливый—беззаконникъ.
Нестиваетъ ми—оскудѣваю.
Нестатечный—зри непевный.
Не стойтежъ—увы, горе, уфъ.
Несыть—ненасыть.
Не тилко—не токмо.
Не трафнѣ—неискусне.
Неублаганный — неукрощенъ, жестокъ, некротокъ.
Неупамованіе—необузданіе.
Неужитъ—жестокъ.
Неукрочонъ—зри неублаганъ.
Неукъ—невѣжа.
Неумислнѣ—подѣлнѣ.
Неумѣстно—щапственнѣ.
Неумѣстность — невѣжество, щапство.
Неуставичность—непостовство, неразуміе.
Неуставичный — непостоянный.
Нефалшивый — цѣлъ, цѣлый, правый.
Не фолговалъ—не сходилъ.
Нефрасовитость — безпечаліе.
Не фрасуюся—благодушествую.
Нехай—да.
Нехлюя—зри недбалецъ
Нецнота — беззаконникъ, нечестивый, непреподобный, неблагоразумный.
Не цнота—нечестіе.
Не цнотливе живу—щапствую.
Нечаемый — непачаемый, противъ всѣхъ мнѣнію, нечаянно, преславнѣе.
Нечеканье—нечаянье.
Не чистаю ложа синъ—прелюбодѣйчищъ.
Не чисто живу—щапствую.
Нечистость — разверѣнѣніе, скверна, нечистота.
Нечистый—нечистъ, малакій, порочный, растлѣнный, скверный, скверненый.
Нещастный—страстный.
Нещастье—бѣда, злоключеніе, злополучіе, лукавство.

Нещирость—лицемѣріе, лицемѣрство, лицепріятіе.
Нещирый—неискусенъ лицемъ, лукавъ.
Нива—браздна, удоліе.
Нива межи горами—удолъ.
Нива оранная—возоръ.
Нижчиючій—истребителный.
Низка червоная—копра.
Низкій—смиренный.
Низко лежу—низложу.
Нищу—изнуряю.
Нищью—таю, истаеваю, топнѣю.
Новина—странна, нова (sic).
Новини чиненье—новосѣченіе, новотвореніе.
Новициятъ—новакъ.
Ногутъ—горохъ, слапутокъ.
Ножъ восный (sic)—стругъ.
Норовъ—нравъ.
Носъ—ноздрія.
Ночный (sic)—долгій часъ, нощное поприще.
Ночую—нощеваю, обнощеваю.
Ношеніе—монисто, обшлягъ.
Ныдѣю—нью, уныва́ю.
Нынь—днесь.
Нынѣшній—настоящій.
Нырка—бубреги (sic).
Нѣжли—нежели, даже.
Нѣкоторый—нѣкій, нѣкто.
Нѣкчемная—растлѣнная, гнилая.
Нѣкчемно—суетно, мерзко, мерзостно.
Нѣкчемнѣйше—гнюснѣе, гнюснѣе.
Нѣтъ—нѣсть.
Нѣчого доброго—зри лотръ.
Нѣчого ми до того—нѣчто же къ мнѣ се.
Нюханье—обоняніе.
Нюхаю—обоняю.

О.

Обавленьеся—обиновеніе.
Обавляю—низлагаю, разоряю.
Обавляюся—зри несмѣю.
Обачую—съразумѣваю, намѣряю.
Оббѣяю—обтичу, обтицаю.
Обвиненіе—оглаголаніе, порицаніе.
Обвиняю—осуждаю, окаеваю.
Обволиваю—возглашаю напередъ.
Обволиваетъ—трубитъ.
Обвязка—обязало.
Обгортую—обхожу.
Обезславеніе—охужденіе, зри ганба.
Обезстудилъ—обезсрамилъ.
Обертаніе—обращеніе, возвращеніе.
Обертанье вколо—съобращеніе.
Обецаю—обѣтую, обѣщаю, обѣтоваю.
Обецный—здешній.
Обжирство—чревообяденіе, чревобѣсіе.
Обжирца—чревобѣсецъ.

Озазираю—укаряю.

Обитель—монастырь.

Облапеніе—лобзаніе, сплетеніе.

Обличіе—видъ, лице.

Облокъ—примракъ.

Облокъ дощевый — смерчъ, смрацъ, пявица.

Облуда — мечтаніе, призракъ, привиденіе.

Облудне чиню—лицемѣрствую, лицемѣрія употребляю, притворяю.

Облудность—лицемѣріе, лицемѣрство, лицепріятіе.

Облудный—лукавый, лицемѣрный.

Облуженье—обстояніе.

Облюбенецъ—женихъ.

Обмова—важденіе, оглаголаніе, клеветаніе.

Обмовляю—клевещу, оглаголаю, оболгаю.

Обмовца—оболгатель, оглаголникъ, клеветникъ, хулникъ.

Обмываніе—умовеніе, крещеніе.

Ободъ—окруженіе.

Обоетный—обоюдунъ (sic).

Обожуюсь—возникаю, воспраняю (sic).

Обозный—свузникъ.

Обозокъ—полчище.

Обозъ—полкъ.

Обозъ обточенный—ополченіе.

Обозъ становлю—ополчаюся.

Обозу становитель — ополчитель.

Обозомъ ставаю—обточую.

Оболженіе—зри ганба.

Оборона—возбраненіе, заступленіе, стражба, защищеніе, совѣтъ.

Оборонно чиню — утверждаю, укрѣпляю.

Оборонца—заступникъ, поборникъ, защитникъ, предстатель, покровитель, протекторъ.

Обороняю—заступаю, побораю, предстателствую.

Оборочаюся—назадъ воспящаюсь.

Обосторонный—зри обоетный.

Обожаю—напаствую, неправдую, озлобляю.

Ображаюся—приражаюся, озлобляюся.

Ображеніе—прираженіе, претиканіе.

Образа—обида, обидѣніе.

Образъ—икона.

Образъ ясный—образъ свѣтелъ.

Обредный—шкаредъ.

Обридливость—мерзость.

Обридливый — злообразный, шкаредный.

Обротъ—узда, брозда.

Обрушаю—раздражаю.

Обрушаюсь—порицаю, оглаголую.

Обтяженіе—стуженіе.

Обтяжаю — отягощаю, озлобляю, стужаю, удручаю, возмущаю.

Обувъ—обуща, сапоги, плесница, сандаліи.

Обфите — богатно, обилно, изобилно, лишше, множае, зѣлно.

Обфитость — гобзованіе, доволство, изобилство, презѣлно преспѣющій избитокъ, преизлишество, зри—достатокъ.

Обфитый урожай—тое жъ, що обфитость.

Обхоженье—обходъ, обхожденіе, празникъ.

Обхожую около — обхожу, обтичу.

Общую—сообщаюсь.

Обыватель — тоземецъ, населникъ.

Обычай — законъ, правило, нравъ, заповѣдь, предпріятіе, устроеніе, съустроеніе.

Обычай милый—сладкый нравъ.

Обычаю злого—злонравіе.

Обычайность—благонравіе, благообразіе, стидѣніе, сопрятіе, честность, цѣломудріе, ухищреніе.

Обычайный—лѣпый, благонравный, мѣренъ, красный, изрядный.

Обѣтница—обѣтъ.

Обѣтованье—совѣтъ, обѣщаніе.

Обѣщаніе—зри обѣтованіе.

Обѣщаю—зри обецаю.

Обявенье—откровенье.

Обявляю—являю, откриваю, обличаю.

Овечка—агница.

Овощъ—овощі.

Овця—агница.

Овчатко—агня.

Овчее стадо—паства.

Овчина—милоть.

Овшеки—и убо, негли, весьма, всяко, всячески.

Овшемъ—и убо.

Огиджую—обваждаю, облагаю, оглядую, намѣряю.

Огляданіе—виденіе.

Огневия—огневица, огнь, жеговица, трясовица.

Огниско—огнь.

Огнисто—жератчано (sic).

Оголошеніе—возгласъ.

Оголошую—оглашаю.

Оголюю—брію, обросную, обтираю.

Огонь роскладаю—огнь возгнѣтаю.

Оґонъ—ошибъ, опашъ.

Огородникъ—градарь, вертоградарь.

Огородница—зеліе.

Огородъ — ограда, вертоградъ, овощникъ.

Огортую—содержу, навершаю, осязаю.

Ограничую—уставляю.

Огурство — агавство, агавіе, ослушаніе, зри—лѣность.

Оданье—преданье.

Одвѣрный—дверникъ, вратный, вратарь.

Одвѣрокъ—прагъ.

Одинаю—востланяю (sic).

Оддаленьеся—ошаяніе.

Оддаляюся—отстою, освѣняюся, ошаяюся, ошаеваюся.

Оддухъ—духъ.

Оддѣленье—отлученье.

Оддѣленный—отлученный.

Оддѣляюся—зри отдаляюся.

Одежда—одѣяніе, риза, иматизма.

Одежди ошарпанная—рубище, рубы.

Одержаніе—пріятіе.

Одержую—улучаю, пріимую.

Одестье—отшествіе.

Одніимую—испразняю, упразняю.

Одинъ разъ—единою, единощи.

Одмѣнный—ползокъ (sic).

Однимъ разомъ—зри одинъ разъ.

Однимъ умысломъ—обще.

Одновляюся—паки назидаюся, обновляюся.

Одурѣніе—неистовство, бѣснованіе.

Одѣлаю—одѣяю, одѣваю.

Одѣдиченье—наслѣдіе, достоинство, достояніе, жребій.

Одѣдиченое—наслѣдованно, сопричастно.

Одѣдичую—наслѣдую, наслѣждую.

Одѣнье верхнее—скутъ.

Одѣнье плохое—портъ.

Оженяюся—посаґаю.

Оженился—поялъ помощницу.

Ожидаю—подемлю, терплю, варяю.

Ѡдоба—красованіе, зри—краса.

Ѡздоровленье—устребленіе.

Ѡздоровляюся—устребляюсь.

Озеро—озеро, ровъ, сонмъ или составъ водный.

Ознаймую—сказую, являю.

Ознаменую назнаменовую, провѣщеваю.

Озяблость—изсякновеніе.

Ой—негли, либо.

Ой добро—благо же, часомъ радость, *ой*—часомъ шидерство значитъ.

Оказало—свѣтло, явленне, явственно.

Оказалый—ухищряемый.

Оказія—извѣтъ, явленіе, киченіе.

Оклевечую—осуждаю, ненависть творю.

Оклену—озлорѣчую.

Окно, где соль робятъ (sic)—слатина.

Оковы—вериги, узи.

Около, окрестъ, количнъ мовячій—окрестъ глаголнѣ.

Окраса—зри краса.

Окрикъ—молва, грохотъ, зри крикъ.

Окромѣшный—внѣшний, свѣтлый.

Окромъ—точію, кромѣ.

Окрутенство—зри лютость.

Окрутный—зри лютый.

Окрутъ—корабль, ковчегъ.

Окрухъ хлѣба—крома.

Окунь—перкъ.

Окупъ—искунъ, искупленіе.

О куртѣхъ—нѣтоглашеніе.

Олбримъ—исполинъ, ґиґантъ, ґиґансъ, щудь.

Олей—зри олива.

Олива — олей, масло деревяное.

Оливки—масличіе.

Оливная судинка—ячайце.

Оливное дерево—маслина.

Оловo—киситиръ.

Олтаръ—освятилище, святиня, очистилище, ублагалище, жертовникъ, требище.

Омана—прелесть, мечтаніе.

Оманяю—прелщаю.

Омацую—ощущаю.

Омдлѣваю—малодушествую.

Омешканіе—медленіе, зри забава.

Оменкую—косню, укоснѣваю, медлю.

Омочую—омокаю.

Омылка — погрѣшенія, блудъ, прелесть, поползновеніе, поползіе, ..., умиленіе.

Омылный — ложъ, блазненный.

Омыляюсь — погрѣшаю, облазняю.

Онуча—портъ.

Оный—онсица.

Опакъ—..., зади, воспять.

Опасуюся—препоясуюсь.

Опатритель—строитель, учитель, наставникъ.

Опатрне — смотрително, разъсмотрително.

Опатрность—ухищреніе, многоспитаніе, смотреніе, согласіе, утваръ, честность, украшеніе.

Опатрный—благовѣнный, непрелестный, смотрителный, ухищренъ.

Опатрую—строю.

Опачина—весло, гребло.

Опачный—стропотный.

Опекунъ — заступникъ, защитникъ, поборникъ, предстатель.

Оперезуюсь—зри опасаюсь.

Опираюся — воспящаюсь, пружаюся.

Описую—уставляю.

Опитъ—возисканіе.

Оплёвую—оплеваю.

Оплотки—халуги.

Оплошаю—охуждаю.

Оплошеньеся—охужденіе.

Оповѣдаетъ—трубитъ.

Оповѣданье — возвѣщеніе, возглашеніе.

Опоганюю—оскверняю.

Оподаль—подалѣ.

Опока—камень, камикъ.

Опрочъ—зри окромъ.

Опрѣснокъ—безквасіе.

Опрятненье—сопрятаніе.

Опущаюсь—унываю, ослабѣваю.

Опущонный—лишенный.

Опѣкаюся—заступаю, строю.

Опять—паки.

Орало—рало.

Ораторъ—вѣтий, риторъ, хитрословецъ, рѣчетворецъ.

Орацію складую — составляю слово.

Орачъ — тяжатель, земледѣлатель, землеѣлецъ, ратай, зри ролникъ.

Орелъ великій — грифъ, погнатка.
Орудіе—оружіе, мечъ.
Осада — стражба.
Освѣдчаюся — засвидѣтелствую, послушествую.
Освѣчую—озаряю.
Оскардъ—оскордъ.
Оскаржатель—поемникъ, клеветникъ, шепотникъ.
Оскарженіе—порицаніе, оглаголаніе.
Оскаржую—ваджу, оклеветую, насочаю, поемлю, облаґаю, обваждаю, порицаю, ябедничу.
Оскираюся—осклабляюся.
Оскомины набиваю—оскотиниваю (sic).
Ослабѣваю — изнемогаю, уныває, стужаюся.
Ослабенье—ослабленіе, гажденіе, хуленіе.
Ослобоженье—освобожденіе.
Осмѣвую—укаряю, досаждаю.
Осмѣявъ мя — досадивъ мнѣ, поругася мнѣ.
Осмѣянный—поругаемый, поруганный, досаду пріятъ.
Особа — видъ, лице, собство, съставъ, ѵпостасъ.
Особы шанованіе—обиновеніе.
Особливый—лишший, особный.
Особнѣ—особѣ, наединѣ.
Особно стою—разстою, разностою.
Оставеніе—прощеніе.
Оставленъ бываю — лишаюсь, лишаемъ бываю.
Остатечный—прочій, послѣдный.
Остатокъ—избитокъ, лишеніе.
Остеінъ—пострѣкатель.
Остерегаиье—блюденье.
Остерегаюся—охибляюсь.
Остригаю—зри оголюю.
Остриженье—обрененіе.
Остробѣнье—устребленіе.
Островъ—отокъ морскій.
Острога—стрекало.
Острогъ—стѣна.
Острожность—бодреніе.
Острожный—зри опатрный.
Острожный естемъ—опасуюсь.
Острость розуму- благоразуміе.
Острый—трудный.
Осужаю—оглаголую, осуждаю, облаюю.
Осуженье—осужденіе, порицаніе, оглаголаніе.
Осяганье—осязанье.
Осягаю—осязаю, стяжаю, стяжеваю, притяжу, паки притяжу.
Отбиваю—отбираю, отражаю, отрѣяю, отрѣваю.
Отбираю—воспріемлю.
Отважуюся—понуждаюся, устремляю ся вседушно.
Отведенье— отвожденіе.
Отверненіе—отвращеніе, уклоненіе.
Отвертаю всторону—уклоняюся.
Отволожую—отвлажую, таю.
Отволока—отложеніе.
Отворяю—отверзаю.

Отганяю—отражаю, отрѣваю, отрѣяю.

Отдаляюся — растою, разностою.

Отдатокъ—возданіе, воздаяніе.

Отдѣленье—отлученье, ошаяніе.

Отдѣленный—отлученъ, отдѣленъ.

Отецъ всему свѣту—патриархъ вселенскій.

Отецъ зацный—попъ, презвитеръ.

Отискую—притяжую, паки притяжу.

Откидаю—отражаю, отрѣваю, отрѣяю.

Откола—коль, откуду.

Откритье—откровеніе.

Отлеглый—несущий.

Отложеніе—отдѣленіе, отлученіе.

Отлучаю—упражняю.

Отлучаюся — растою, розностою.

Отлученный—отдѣленъ, отлученъ.

Отмовляюся—отрицаюся.

Отмѣна — премѣна, преложеніе, премѣненіе.

Отмѣтованье—отрицаніе.

Отмѣтую—отражаю, отрѣваю, отрѣаю.

Отновляю—устрояю, поновляю.

Отношу—восприемлю.

Отнюдъ—весма, всяко.

От оного часу—отселѣ, отзде.

Отповѣдникъ—навѣтникъ.

Отповѣдь—отвѣтъ, отвѣщаніе.

Отпорода — наслѣдіе, достояніе, жребій.

Отпорца—тожъ.

Отпочиваю—почиваю, предпочиваю.

Отпочиенье—отрада.

Отпущаю прощаю, отдаю, раздрѣшаю, оставляю, ослабляю, угаждаю.

Отпущенье—прощеніе, оставленіе, раздрѣшеніе.

Отпыхаю—отрѣваю, отражаю.

Отребины—отребіе.

От сего мѣсца—отзде, отсюду.

От сего часу—отселѣ, отнелѣ, отзде, отсюду.

Отскочилъ—отвержеся.

Отступникъ-расколникъ, схисматикъ, раздорникъ.

Отсюль—отзде, отсюду.

Оттинаю—отсѣцаю.

Оттручаю—отражаю.

Отрученье—отриновеніе, отраженіе.

Отрученъ—маломъ не упалъ, преклонихся пасти.

Отчизни — отечество, отечествіе.

Отчичъ—наслѣдникъ.

Отщепенецъ—схизматикъ, расколникъ, раздорникъ.

Отщепенство-схизма,расколъ, раздоръ, распря, сѣченіе.

Офѣра—жертва, приносъ, приношеніе, закланіе, треба.

Офѣра цало паленая—всесожженіе.

Офѣрованіе—жрѣніе, корванъ.
Офѣровникъ—жрецъ, священнодѣйственникъ, тайнодѣйствіе (sic).
Офѣрую—жру, жертвую, приношу, рѣжу.
Охендожка — одежда, одеяніе, иматасма.
Охендожный—зри красный.
Охендожство — утваръ, украшеніе, честность, ухищреніе.
Охолода — упокоеніе, ослаба, отрада, сладость, сласть, сладострастіе.
Охороняюсь—охабляюся.
Охота—усердіе.
Охотне—нетяжестнѣ, ненавистнѣ (sic).
Охотный—благоувѣтливъ.
Очарованье — обава, обаяніе обавленіе.
Очекиваю—терплю.
Очекиваніе—терпеніе.
Очеркненье—окруженіе, околеніе.
О чомъ—о чесомъ.
Ошаленье—изумленіе, неистовство.
Ошартанецъ—рубищеносецъ.
Ошуканье—ложъ, прелесть, ..., прелщеніе, лщеніе.
Ошукати—яти.
Ошукачъ—прелестникъ.
Ошукиваю — лещу, прелщаю, лихоимствую.
Ошуетъ—прелестникъ, запинатель, клеветникъ.
Ощажую—щажу.
Ощупъ—..., дреколь, ратище.

П

Пава—кинносъ.
Павѣза—щитъ, плишъ.
Павѣментъ—подъ, помостъ.
Пагорокъ—холмъ.
Падѣнье—надежъ, зри омилка.
Падолъ заросльій—дебрь.
Пазуха — недро, ядро, занадрія.
Палацъ—полата.
Палецъ—перстъ.
Пампушокъ—сковрадъ.
Памятаю—памятствую.
Памятка—память, поминаніе, воспоминаніе.
Память—умъ, разумъ.
Панна—дѣва, дѣвица, дѣвая.
Пановаціе—господствіе, владычество, началство, настоятелство, могутство, область.
Пановъ—панвица.
Панскій—владыченъ, господень.
Панско—господственнѣ.
Пантофлѣ—выступци.
Пануюю—обладаю, господствую, державствую.
Пануючій—владичественъ, господственъ, обладаяй, началствуяй.
Панцѣръ—броня.
Панянка—юнота.

Панъ—владыка, господь, начальникъ, властелинъ, обладаяй.

Панъ молодый—женихъ.

Папьжъ—папа.

Папьръ—бумага, хартія.

Паръ—духъ.

Пара шатъ—измѣна рызъ.

Парґамьнъ—кожа.

Паркинъ—забрало.

Паростка—отрасль, приросль.

Партачъ—белохудожникъ.

Парусъ—вѣтрило, ядрило.

Пархи—прокази.

Паршивый—прокаженъ.

Пастухъ—скотопитатель

Патронъ—зри опекунъ.

Паша—пажить, паствина.

Певне—но, убо, явѣ, истинно, извѣстно, вѣрнѣ, ей.

Певное—извѣстное, опасное.

Певность—извѣство, опаство.

Певный—твердый, нарекованный.

Педаґоґъ—пѣстунъ.

Пелґримъ—пришлецъ, странникъ, странный.

Пендзель—стручецъ.

Пендъ—стремленіе.

Первородство—первенство, перство (sic).

Первость—первенство.

Первястки—первородная.

Перебачаю—небрегу, прощаю.

Перевертенье—превращеніе, низложеніе.

Перевертаю—опровергаю, превращаю.

Перевожуся—пропошуся, преносилаюся.

Перевышшаю—преспѣваю, преуспѣваю, превосхожу, преймаю.

Превышаючее—превосходящее, превышающее.

Перевышенье—преспѣяніе, преимѣтелство, превеличество.

Переглядую—съзерцаю.

Перегорода—прегражденіе, законъ, средостѣніе.

Перегорожую—прегражданю.

Переди спутованіе—прѣніе, увѣщаніе, увѣщеваніе, препрѣніе.

Перейшолъ—прейде, отиде, мимошедъ, преплывъ.

Перекладачъ—апоґрафонъ.

Перекладъ—зводъ, архитиконъ, антиґрафонъ, апоґрафонъ.

Перекупецъ—скупникъ.

Перелещенье—прелщеніе.

Перелещую—прелщаю.

Перемичую—сочетаваю.

Перемагаю—одолѣваю.

Перемагаю в мовѣ—заущаю, затикаю уста.

Перемагалися—бѣждахуся.

Переможеніе—одолѣніе.

Перемѣненье—измѣна, измѣненіе, преображеніе.

Перемѣшую—возмущаю, озлобляю, удручаю, запинаю, претикаю.

Перенесенье—преложеніе, преселеніе, пренесеніе.

Переношу окомъ—презираю,

пренебрегаю.

Перенощуся—преселяюсь, зри перевожуся.

Перепираю—увѣщеваю, препѣраю.

Переписъ—зри перекладъ.

Переполохъ—зри ужасъ, ужасновеніе, страхованіе.

Переправляюся — зри перевожуся.

Пересльдую—созерцаю.

Пересмотрюю—соглядаю.

Переставаю—престаю, пребываю, почиваю.

Перестанье—упражненіе.

Перестереганье — соблюденіе, сохраненіе.

Пересторона—то жъ.

Перестрахъ—зри переполохъ.

Перестрашую—изумляю, . . . , ужасаю, стужаю, устрашаю.

Пересьпаю—паствую, препинаю, пакощу.

Перетинаю—пересѣцаю.

Перехитрую—обхожду.

Переходень—переселникъ.

Переходячее—преходящее, превозвышающее.

Переходъ з мьсца на мьсце—преселеніе.

Перечка—прѣніе, пря, рвеніе, распря, тяжба, распрѣваніе.

Перешкода — препона, спона, претиканіе, возбраненіе, пакость, пакощеніе, занятіе, препятіе.

Перешкодца—запинатель, пострѣкатель.

Перешкожую — зри перемѣшую.

Перло—бисеръ, женчугъ, маргаритъ.

Перо—періе.

Перо до писанія—трость, писеръ (sic), графія.

Перси—лоно, нѣдра, сосца.

Персона—зри особа.

Перунъ—громъ, молнія, тутно, трѣсновеніе.

Перханье—пареніе.

Перше—прежде, первѣе, даже, ажъ.

Перший—прежный, первый.

Перший овощъ—начатокъ.

Петаль златъ—доска златая.

Петлица—петель, петля.

Печалованье—попеченіе, опасеніе.

Печаловитый—попечителный.

Печатникъ—печатаръ, знаменитель.

Печатую—знаменую.

Печать—знаменіе.

Печера—вертепъ, пещера.

Печерка—пирище.

Пещота—сладострастіе, разсверѣпеніе.

Пієнкность—зри краса.

Пієнкный—зри красный.

Пиво—оловина.

Пилно—тощно, опасно, расмотрителнѣ, извѣстно.

Пилность—тщаніе, потщаніе, бодреніе, належаніе, присѣдѣніе, дѣланіе, опасеніе, опаство.

Пилную — надстою, прилежу, належу, присѣжу, тщуся.

Пилный — тщателный, потщателный, благоприсѣдителный, опасный.

Пилный слухачъ — вниматель, внушитель, опасный.

Пирогъ елейный—хлѣбъ масличенъ.

Писанія способъ—писало.

Писаръ—книгочій, книжникъ.

Писаніе—гуденіе.

Пискаю—якаю, ячу, скомлю(sic).

Пищалка — пищаль, свѣриль, сопѣль, трость.

Пищки—пищали.

Планети — планиты, мамрены (sic).

Пласконосый—тупоносый.

Пластовый медъ — страдовный медъ.

Платца—мздовоздаятель.

Плахта—вретище, власяница, скутъ.

Плачливе жалую—очаеваю.

Плачу—ридаю, слезю, сѣтую.

Плачъ—вопль, сѣтованіе, риданіе.

Плачъ жалостный—риданіе.

Племя—ищадіе, жилище.

Плесна ножныи—плесень.

Плечи—плещѣ, мышца.

Пліотка велерѣчивый—баснотворецъ.

Пліотки—оплатство, басны(sic).

Плодность—плодовитость, ситость.

Плодный—плодовитый.

Плодъ—чадо.

Плотъ—градежа, оплотъ, градежъ, плотъ.

Плугъ—рало, орало.

Плѣвки—кожи.

Плѣсень—тля.

Плюгавецъ — скверный, нечистый, сквернавый.

Плюгавство—отребье, скверна, нечистота.

Плюскъ—слишателный, щукъ.

Пляга—пагуба, зри—моръ.

Плястръ—плястиръ.

Плястръ меду—сотъ.

Пляцъ травою зарослый — лѣски, лѣхъ, лядина.

Пляцъ, иде игри и шармѣрства отправуютъ—тризнище, позорище, подвигоборище.

Побиваю—уязвляю, ураняю.

Побитье—рана, язва.

Побожность—благочестіе, преподобіе, благобоязненіе, благовѣйство, ревность.

Побожный—зри набожный.

Поборъ—дань, урокъ.

Побудка—поощреніе, воздвиженіе, подражаніе, подобіе.

Побуженье—то жъ.

Побуждаю—понуждаю, припонуждаю.

Повабленье—обава, обавленіе, обаяніе.

Побавляю чарами—обаваю.

Повага—поважность, достоинство, гординя, честность, тяжесть.

Поважный—високосердый, тяж-

косердый, благообразный, тяжекъ.

Поважный людъ—людъ тяжекъ.

Поважнѣ—господственнѣ, косно.

Повинность або часть—достояніе.

Повинный—природный, своеплеменный, ужикъ.

Повиноватство—ужичество.

Повинутье—повиновеніе.

Поводиръ—руководитель.

Поводить ми ся—добре спѣю.

Поводъ въ правѣ—винителный.

Поволженье доброе—спѣяніе.

Поволность—благоуміе.

Поволный—преклонный.

Повоненье—уханіе, обоняніе.

Поворозъ — уже, ужы, вервіе, вервія, вервь.

Повстаніе—востаніе.

Повторе—двоично, вторицею.

Повшехный—насущный, присный, всегдашный.

Повѣданье—вѣщаніе.

Повѣдачъ—вѣстникъ.

Повѣдаю—вѣщаю, глаголю.

Повѣка—вѣжда, вѣя.

Повѣренье—врученіе, повѣреніе.

Повѣсть—слово.

Повѣсть добрая—благовѣстіе.

Повѣтріе—моръ, зри—моръ.

Повѣтрье—аеръ, воздухъ.

Повѣтъ—страна, предѣлъ.

Поганбенье—зри ганба.

Поганбляю—зри ганблю, изношу въ позоръ.

Погане—язици.

Поганинъ—язичникъ.

Поганскій—языческій.

Поганый—зри плюгавецъ.

Поглядане—зрѣніе, виденіе.

Погода—ведро, извѣтъ, благоутишіе.

Погожесть—ключимость.

Погожий—благоключимий.

Поголовье—поглавіе.

Погоржаю—отмещуюся, отмѣтаюся, отрицаюся, преобидѣхъ (sic), зри взгоржаю.

Погоршенье—соблазнъ.

Погубляю—растлѣваю.

Погубляючій—губитель.

Поданье—преданіе, уставъ, веленіе, догматъ, правъ, предѣлъ, предателство.

Подарокъ—даръ.

Подвигаю—подвизаю, воставляю.

Подвиженье—воздвиженіе.

Подвика—сударъ.

Подвойский — проповѣдалникъ (sic).

Подвори (sic)—предверіе, сѣнь, дворъ.

Подвязка—вузъ сапожный.

Подданный—обладаемый, начинаемый, подначалный.

Поддане́ся—повиновеніе, повинутіе.

Поддаюся — покаряюся, повинуюся.

Подезренье — зазоръ, порокъ, зазрѣніе, осужденіе, окаеваніе, непщеваніе.

Подезрено—зазорно.

Подезренькій—зазорный, порочный.

Подеймую — воздѣю, возставляю.

Подиръ—рыза дончая (sic).

Подкладаютъ мя—подчиняюся.

Подложница—заложница, наложница.

Подлость—худость, ..., суета.

Подлый—худый.

Подлыаю—покоряюся.

Подлыйшій — худѣйшій, меншій.

Поднесъ—подялъ.

Подножокъ—подножіе.

Подношу—воздежду.

Подпущаю—подощряю, обощряю.

Подпятье—воздѣніе, воздѣяніе, подятіе, приятіе.

Подобаю—благоугождаю.

Подобающее—простѣ, негли.

Подобенство—притча, образъ, подобіе.

Подоблю—угаждаю.

Подоблюся собѣ—любоночитаюся.

Подобникъ—подражатель.

Подобно—подоболѣнно, любодостойно.

Подозренье—мнѣніе, зри подезренье.

Подолки у шатъ—умети, воскрилія ризъ, отребы.

Подоптанье—попираніе.

Подоптую—попираю.

Подорожникъ—зѣлье троскотъ.

Подорожное—напутіе.

Подорожный—путникъ, странный.

Подошва—плесница, сандалъ.

Подписъ—подписаніе.

Подполомикъ (sic) – опрѣснокъ...

Подругъ—клеврѣтъ, другъ.

Подступокъ—навѣтъ.

Подтинаю—подсѣцаю.

Подушка—возглавіе.

Подущаю—навѣтую, наущаю, поощряю, предобущаю.

Подущенье—навѣтъ.

Подхождую—прелщаю.

Подчашій—виночерпій, виночерпатель, черпчій, черпающий.

Подщувачъ—навѣтникъ.

Подщуваю—зри подущаю.

Подѣлнѣ—зри надѣлателнѣ.

Подѣлье—подѣліе, наддѣланіе.

Подъ заслоною—присѣннѣ, присѣненнѣ.

Подъ претекстомъ — ненщеваніемъ.

Поеднанье—миротвореніе, мированіе, упокоеніе, покой.

Пожадливость—похоть, вожделѣніе, желаніе, сладость, сласть, безстудіе.

Пожаданный—желаемый, вожделѣнный.

Пожадаю—желаю, вожделѣваю, похотствую.

Пожеваю—комкаю.

Пожитечный — благопотребный.

Пожитокъ—польза, успѣхъ.

Пожитокъ маю—успѣваю.
Пожитокъ чиню—тоежъ.
Пожитокъ чинячій—успѣшный.
Позверхность якои речи—явленіе.
Позволенье—изволеніе, прощеніе, произволеніе.
Позволяю—изволяю, прощаю.
Поздоровленье—цѣлованіе.
Поздоровляю—цѣлую, лобизаю.
Позираю—зрю, вижу.
Позирай—зри, виждь.
Познаемости — предпріятіемъ (sic).
Позна́ю—увѣмъ.
Позно—поздно, коснѣ.
Позовъ—сказнь.
Позиванье—пойми (sic), поносъ, поношеніе.
Позиваю—поемлю.
Позивачъ—потяжникъ.
Позискую—приобрѣтаю.
Позичанье—заемленіе.
Позичаю—взаимъ даю.
Позичаю собѣ—заемлю, заимствую.
Позичаючій—заемникъ.
Позичалникъ—заимодавецъ.
Позосталый—прочій, лишенный.
Позосталое — лишенное, оскудѣвшее.
Позрѣнье—возрѣніе.
Позѣваю—зри зѣваю.
Поимати—яти.
Поимаю—емлю.
Поимай—емли, поемли.
Поималъ—ятъ, ялъ.
Поиманный—ятый, ятъ.
Поймованье умомъ — смыслъ, смышленіе.
Поймую—вмѣщаю.
Покаляный—зри нечистый.
Покаляю—скверню.
Поки—доколѣ, доидеже, доиелѣже.
Покиванье—маніе, маяніе.
Покивую—возмаваю, возмаяю.
Покладаю—полагаю, вмѣняю.
Покой—смиреніе, миръ, упокоеніе, безмолвіе, покой, мированіе, ослаба, отрада, упражненіе.
Покой королевскій—полата, чертогъ.
Покольнье—исчадіе, чадо, дѣтище, родъ, степень.
Покора — смиреніе, смиренномудріе.
Покораю—повинуюсь.
Покормъ—пища, брашно, снѣдь, съиѣдь.
Покормъ звѣрный—звѣроядина.
Покореній—зри покорній.
Покоренье—послушаніе.
Покорная мудрость—смиренномудріе.
Покорне мудрую — смиренномудрствую.
Покорный—смиреній, благоугодительный, смиренъ.
Покорнѣйший—тиннайший.
Покоряюся—смиряюся.
Покоштованье—начинаніе.
Покревность—ужичество, родъ, ищадіе.
Покревный—приискрный.

Покрива—стволіе.
Покритье—присѣненіе.
Покропястый—разноличный.
Покуль—зри поки.
Покуса — страхованіе, искушеніе, мечтаніе, искуситель, діаволъ, дѣдко.
Покушенье—искушеніе.
Поле — село.
Поллаю — плѣжу, пресмыкаюся.
Ползячее низу—плѣжущее.
Полизачь шальровъ-ласкосердій, гортанобѣсецъ.
Полкаю—поглощаю.
Полискованье — блистаніе, сотѣненіе (sic).
Полиція—гражданство.
Поличаю—почитаю, воминяю.
Поличенье—сословіе, сочисленіе, согляданіе.
Поличокъ—лапита, скриня.
Полкъ—чета.
Полкненье—поглощеніе.
Полночный вѣтръ—сѣверъ.
Половы—плевы.
Половый—пелесый.
Положилемъ—предложихъ.
Полонъ—плѣнъ.
Полотно—платно.
Полохливый—страхливый.
Полочу—плакаю.
Полталярокъ—сребрникъ.
Полуденный вѣтръ—югъ.
Полудне—югъ, пладне (sic).
Полукопокъ—копно.
Польпшенье — цѣломудріе, исправленіе, умиленіе, полза.
Польпшую — уцѣломудряюсь, исправляюсь.
Поля розмѣры—волоки, лапы.
Помагачъ—споспѣшникъ, помощникъ, заступникъ.
Помагак—пособствую, воспріемлю.
Помазаю—помащаю.
Помешканье—жителство, гражданство.
Помикаю—потязаю, привлачаю.
Помираю—скончеваюсь.
Помиренье—зри покой.
Помноженье—растеніе (sic).
Помножуюся—зри множусь.
Помовляю—порѣкаю, порѣцаю.
Помолоденку—юношески.
Помочь—помощъ, полза, стражба, умиленіе.
Помощникъ—зри помогачъ.
Помпа—гордость, киченіе, явленіе, напищеніе, гордѣніе, щанство.
Помста—мщеніе, месть, отмщеніе.
Помсту чиню — отмщаю, лицую (sic).
Помститель — местникъ, отмститель.
Помышленье—помишленіе, помисль, мечтаніе.
Помышляю—воспомынаю.
Поневажъ—понеже, елма, елмаже.
Поневолный—нехотимъ.
Понижаюсь—смиряюсь.
Пониженье—зри покора.
Понижонъ бываю—повинуюся.

Понижаю—зри ганблю.
Понуренье—погруженіе.
Понуряю—погружаю.
Понюханье—обоняніе, обуханіе.
По обохъ сторонахъ—обоюду, обоямо.
По оной сторонѣ—обонъ полъ.
Попасую—поядаю.
Попихаю—порѣваю, рѣю.
Поправа—зри полѣпшенье.
Поправляю—исправляю, строю.
Поправляюсь—зри полѣпшаюсь.
Поправуючій—строитель.
Поприсягаю—заклинаю.
Попростацку—неискуснѣ.
Попросту—спроста.
Попудливость—ярость.
Попудливый—зѣлный.
Попущаю—оставляю.
Попущенье—ослаба.
Попьлъ—попелъ, пѣсокъ.
Порада — совѣтъ, совѣщаніе, совѣтованіе.
Порадца—совѣтникъ.
Поражаю—язвлю.
Пораженье—рана.
Поражка—сѣчъ.
Поражку маю—вреждаюсь.
Поражую—совѣтую.
Поранокъ—утро, утріе.
Порану—заутра.
Поранѣшный—утрный.
Пораняюся—ураняю.
Порахованье—зри поличенье.
Пораховую—сочисляю.
Порвистый (sic)—стромителенъ.
Порываю—похищаю, восхищаю.
Поровнанье—сочетаніе, соразсужденіе, соравненіе, равенство.
Поравниваю—соравняю, сосуждаю.
Порогъ—прагъ.
Порожне—всуе, вотще, тупе, тще, тоще, тщетно, безъ ума.
Порожневанье—упражненіе.
Порожный—празный, тощъ.
Порожную-празную,упразняюся.
Порожняя слава—тщеславіе.
Порохно—согнитіе.
Порохъ—прахъ, персть.
Портъ—пристанище.
Поручаю — вручаю, вовѣряю, предаю, полецаю.
Порушенье—движеніе.
Порушую—движу, поколѣбаю.
Порадно—чиннѣ.
Порядный—чинный, строителный.
Порядокъ—чинъ.
Посагъ—вѣно.
Посадзка—подъ.
Посвѣдчаю—засвѣдителствую.
Поселство даю—ходатайствую, посланіе дѣю.
Посель — вѣстникъ, молитвенникъ, ходатай.
Посесію держу—державствую.
Поскакую—неру.
Послизненье — поползновенье, поползеніе.
Пословица—порекло.
Послушенство—послушаніе.
Послушеный бываю—повинуюсь.
Посмивиско—поруганіе, порадованіе.

Посмикую — потязую, привлачаю.

Посохъ—жезлъ, ...

Посполите—обще.

Посполитовникъ—общникъ.

Посполитый — общій, собранный, обичный.

Поспѣхъ—спѣхъ.

Посромоченый—постидній.

Посромоченье—зри ганба.

Посромочую—зри ганблю.

Поставаю—возникаю.

Постановенье — предложеніе, произволеніе, устроеніе, намѣреніе, правило, догма, вирокъ.

Постановленье—уставъ.

Постановляю—узаконяю, полагаю, вмѣняю.

Постановилемъ — предложихъ, утвердихъ.

Постать—зракъ, упостасъ, имство, имѣнство.

Постеля—ложе, одръ.

Постерѣгаю — блюду, ощущаю.

Посторонный—странный.

Пострахъ—страхованіе, зри переполохъ.

Пострѣленный—вонзенный.

Пострѣляю — вонзаю, устрѣляю.

Пострѣлъ—вонзеніе.

Поступокъ—спѣхъ.

Поступую—спѣю.

Постягаю—утоляю.

Постягаюсь—огрѣваюсь, ошаеваюсь, ошаяюся.

Постягливость — воздержаніе, ошаяніе.

Постягливый—воздержный, воздержателный.

Постягнутися — отступити, удержатися.

Посудокъ—орудіе.

Посупленье—зри стескность.

Посуха — зной, скваръ, пекъ, варъ.

Посѣдаю—стяживаю, стяжаю.

Потаемне—отай, тайнѣ, тайно.

По тамъ той сторонѣ—онюду, обонъ полъ.

Потварца—клеветникъ.

Потворяю — клевещу, накощу, оклеветую.

Потваръ—клевета, клеветаніе, напасть, искушеніе.

Потвержаю—увѣряю, увѣщеваю, засвѣдителствую, благоволю.

Потверженье—извѣщеніе.

Потиканье—поползновеніе, устремленіе.

Потикаю — стрѣтаю, срѣтаю, срящую.

Потикаюсь—поткуюсь, борюсь, ратую.

Потканье—стрѣтеніе, стремленіе.

Потичка—зри бой, валка.

Потокъ—водотечъ, источникъ.

Потомство—исчадіе, чадо, дѣтище.

Потомъ—та же, по семъ, паче.

Потрава—пища, брашно.

Потравляю—улучаю, ухищряю.

Потреба—нужда, насиліе, треба.

Потребно — ключимо, нужно, ключаемо.

Потребный — ключимый, ключаемый, достойный, искусный.

Потребны суть — потребствуютъ.

Потребованье—требованіе.

Потребую — требую, потребствую.

Потручую—зри попихаю.

Потупа—рогъ.

Потужность—зѣлность, велелѣпота.

Потужнѣ—доблѣ, доблественнѣ, ...

Потупленіе—судьба, судъ.

Потупляю—окаеваю, зазираю.

Потѣха—порадованіе, сласть, сладость.

Потя—птица.

Потягаю—потязаю, повлачаю.

Потяненое—потяженое, зѣлное.

Поболгую—ослабляю.

Похвали—плесканія.

Похваляю — ублажаю, превозглашаю.

Похватую—похищаю.

Похибляю—погрѣшаю.

Похилность—соустроеніе.

Похиляюся—воскланяюся.

Похлѣбство—ласканіе, лесть, лещеніе.

Похлѣбца—ласкатель, потаковникъ, насоритъ (sic), притранезникъ, транезолизатель.

Похлѣбую—ласкаю.

Похмѣлный—шуменъ.

Походистый—стромнителенъ.

Походня—свѣтилникъ.

Похожую—похожду.

Похотъ до чого—предспѣяніе.

Поцалованье—лобзаніе.

Початокъ—начало, архиоглашеніе.

Початокъ стиха—грапесіе.

Початокъ або якой речи сума—главизна.

Початокъ подаючій—оглашенникъ.

Початокъ чинячій—виновный.

Почекай ми—долготерпи о мнѣ.

Почесть—говѣніе.

Почетъ—чета, причетъ.

Почки—бубреги, ядра, ниры.

Почтенный—блаженний.

Почтивость—честность, говѣніе.

Пошанованье—говѣніе.

Поясъ—обрусецъ.

Правда—истинна.

Правду мовлю—истинствую.

Правдиве—истинно, достовѣрно.

Правдивый—правый, истинный, цѣлый, цѣлъ, сущый.

Право—во истину, убо.

Право—законъ, заповѣдь, догма.

Право становлю—законополагаю.

Правость—правота, правина.

Правица—десница.

Правый—десный.

Пранье исти—алканіе, алчба.

Пранье пити—жажда.

Прагну—жажду.

Прагнулъ—возжадахся.

Празникъ—празнованіе.

Практика—пророчество, будущихъ вещей провозглашеніе.

Практикую—пророчествую, отвѣждаю.

Практицтво—соглаголаніе, сословіе.

Праса винная—тиска, точило.

Праца—работа, трудъ, дѣланіе, усиліе, справа.

Працовитость—трудолюбіе, дѣланіе.

Працовитый—трудолюбезный.

Працу задаю—утруждаю, движу, тружу.

Працую—работаю, труждаюсь, подвизаюсь, вреждаюся, стражду.

Працъ полный—трудный, многотрудный.

Прачка—бѣлица.

Пребачаю—пренебрегу, небрегую, небрежу, презираю.

Пребаченье—небреженіе, презорство.

Пребываетъ—лежитъ.

Преветная дѣра—сопль проходный.

Превзятость—преимѣтелство, величествіе.

Превзятый—преимущый, превзящный.

Превротность—стропотность.

Превротный—злоправный, злухитрецъ, лукавый, лукавъ, стропотивенъ, развращенъ.

Превышшаю—превосхожду.

Превышшенье цноти—устремленіе душѣ, предстателство, представленіе.

Преданіе—веленіе, правъ.

Предводитель—вождь, держащый.

Преднспутовую—препрѣваю, затикаю уста, заущаю, увѣщеваю.

Предмова—предословіе.

Предмьстіе—предградіе.

Предмьщане—предграждане.

Предназначеный—пронареченный, прознаменанный, предизбранный, преопредѣлный.

Предный—предпочтенный.

Преднь—предводителнѣ, изящнѣ.

Предсьевзятье—предложеніе, благоволеніе, произволеніе, намѣреніе.

Презящный—преизящный.

Презначенье—образованіе.

Презренье—смотреніе, осмотреніе, судбы строеніе.

Презрочистость—сіяніе, свѣтъ.

Презрочистый—свѣтлый, чистый.

Презъ мьчъ—убоемъ.

Презъ онаго—онымъ, чрезъ онаго

Прекванитованье—разсверѣпѣніе.

Прекладаю—предлагаю.

Преложеные—властели, владики, господіе.

Преложаный ветемъ—держав-

ствую, господствую, владичествую.

Преложоный—наставникъ, настоятель, преимущный.

Претисъ--зри перекладъ.

Преіюрка—крастель.

Препона—зри перешкода.

Препоцу чиню—возбраняю, зри перемѣшую.

Препущаетъ—преносилаетъ.

Пресажую—перепошую.

Пресажаючійся — тщателный, потщателный.

Пресваренье — заущеніе, препрѣніе.

Преслѣдованье—гоненіе, изгнаніе.

Преслѣдовца—гонитель.

Преслѣдую—гоню.

Престолъ болванскій — требище.

Престолъ в церкви — жертовникъ, олтарь.

Претекстъ—прирокъ.

Пре то—тѣмъ, сего ради.

Пречъ—вонъ.

Прибитокъ—зри зискъ.

Прибѣлаю — теку, притѣкаю, притичу, срищусь.

Привертаю—устрояю.

Привиденье—зри куглярство.

Привижуюся—мечтаюсь.

ривикаю — обикаю, обучаю, поучаю.

Привлащаю—присвояю.

Привлащенье — свойство, присвоеніе.

Привожу—произношую.

Привѣшенъ бываю—прицѣпляюсь, привязуюся.

Пригана—уколъ, зри ганба.

Приглядаю—прозираю.

Приглядаюсь—созерцаю.

Пригода—случай, примѣтъ (sic).

Пригожій—зри красный.

Приготованье—устроеніе.

Приготовляю--соустрояю.

Придаетъ ся—ключаетъ ся, случаетъ ся.

Придатки—восприятія.

Придатокъ — прилогъ, приложеніе.

Призвичаюся—навикаю.

Призвичаилемъ ся — предпріятый есмъ.

Призвоите—лѣпо, влѣпоту.

Призволенье—изволеніе, маніе, мановеніе, сложеніе, обѣтъ.

Призволяю — засвѣдителствую, исповѣдую.

Признаваюсь—исповѣдуюсь.

Приймую — воспріемлю, принимаю, сопричтаваю.

Прійти маючій—грядущий, будущий.

Приказанье—зри право.

Приклада — сочтаніе, соразсужденіе.

Прикладаю—прилагаю.

Прикладаюся—прилагаюсь.

Прикладъ — образъ, указанье, указъ, притча.

Приклич—призови, пригласи.

Приклякаю—преклоняю колѣнѣ.

Прикрите—присѣнѣ, присѣ-

пенпѣ, прикровенпѣ, осѣпенпѣ.

Прикро ми—гнушаюся.

Прикруся—стужаю, озлобляю, удручаю, обтягчаю, возмущаю, труды дѣю.

Прикрый—прискорбный, трудный, стужателенъ, притужный.

Прилбица—шлемъ.

Прилежу—заступаю, предстателствую, поспѣшествую, удовляю.

Приличую—причитаю, прилагаю.

Приложити—прибавити.

Прилучаю—прицѣпляю.

Прильпляю—прицѣпляю.

Примноженье—ростъ, растеніе.

Примножую—умножаю.

Примушаючій — насиловникъ, нудитель.

Примушенье—насиліе, бѣжденіе.

Примушую—насилую, понуждаю, увѣждаю, настою.

Примѣряю—сравняю, сравнаю, сочиняю.

Примѣрье—сложеніе, обѣтъ.

Примѣтъ—случай.

Принагляю—зри примушаю.

Принагляючій—настояй.

Принятье — принятіе, подня тіе.

Припадаючій—подобающій, лѣпый, подобный.

Припадки—привинтія.

Припадокъ—зри пригода.

Приседрую—упещряю, украшаю.

Припливаю — притѣкаю, притичу.

Приплоджую—плодъ приемлю.

Приповѣданье—моленіе.

Приповѣсть—притча, образъ.

Приповѣстье—штучные извитія словесъ.

Приподобанье—приподобленіе.

Припоминанье—приповѣданіе.

Припоминаю—воспоминаю, произношаю, приповѣдую.

Приправованье—устроеніе.

Приправую—притворяю.

Припрятую—сопрятовую.

Припѣкаю кому—зри примушаю.

Приравниваю—сравняю, сочетаю, уподобляю, сравнаю.

Прировнанье—сравненіе.

Прирожденье—естество.

Прирядую — припоручаю, согласую, совѣщеваю.

Приряжаю—сочиняю.

Прислужую—угаждаю.

Присмаки—пристроеніе.

Присмотрую—призираю.

Присмотруюся—созерцаю, соразумѣваю, усмотряю.

Приставъ—приставникъ, пѣстунъ.

Пристань—пристанище.

Пристойне влѣпоту, врѣпоту, лѣпо, послѣдователнѣ, изящнѣе.

Пристойность — лѣпота, рѣпота.

Пристойный—лѣпый, красный, подобный, подобающый, приличный.

Пристоитъ—лѣть есть, подобаетъ, достоитъ, подобиться.

Пристосовую—строю, сочиняю.

Приступъ—извѣтъ.

Присяга—рота.

Присягаю—клепуся, рочуся.

Присягый—ротникъ.

Присягу показуючій—ротникъ.

Притворяю—причиняю.

Притворъ—сѣнь, дворъ.

Притомность—прибытіе.

Притомный—настоящый.

Притрафленье—случай.

Притрафляюсь — прилучаюсь, приключаюсь.

Приучуюся—навицаю.

Прихваткомъ—наддѣлателнѣ.

Прихилность—приклоненіе.

Приходень — прихожый, пришлецъ, пришелецъ, страныкъ, странный, приселныкъ, иноколѣныкъ, иноколѣница.

Прихожу—гряду, прихожду.

Приходъ—приобрѣтеніе, притяжаніе, проторъ.

Приходъ—пришествіе.

Причастіе—комканіе.

Причащаюся—комкаю.

Причетныкъ—клирикъ.

Причина чому—виновный, повинный.

Причиненье—извѣтъ, моленіе.

Причинокъ — придатокъ, прилогъ, приложеніе.

Причиняюся — ходатайствую, приповѣдаю.

Пришолъ—пришелъ, приснѣ.

Пріязнь—друголюбіе, любовь.

Приялъ—подялъ.

Приятелско — истинно, преискрно.

Приятелство—ужичество, любовь.

Приятель—другъ, ужикъ, клеврѣтъ.

Прияю—желаю, рачу.

Проба—искусъ, правило.

Пробую— искушаю.

Провожу- проваждаю, руководствую.

Проводникъ—наставникъ, вождь, настоятель, руководитель.

Продкую—первствую (sic).

Продкуючій — превышаючій, предваряющый, преимѣяй, предводитель, наставникъ, первый, игуменъ.

Продолжаю — закоснѣваю, замедлѣваю.

Продолженье—закоснѣніе, замедленіе.

Продуха в водѣ—хлябы.

Продруханье—истрезвеніе.

Прожно—зри надаремне.

Прожность—суета.

Прозба—молитва, моленіе.

Прозванный—нареченъ.

Прозвиско—имя, незимя (sic), порекло.

Проклинанье—рета.

Проклинаю—рочу.

Проклинаюся—рочуся.

Прокураторство — соглаголаніе.

Прокураторъ—вѣтый, соглаголный.

Проливаю—изливаю.

Промиселъ—промышленіе.

Промьнокъ—назвиско, презимя, порекло.

Пронырство—сообращеніе, лукавство.

Пропастный—преисподный.

Пропасть—тина, бездна, тма, преисподняя, хлябъе.

Проперецъ—знаменіе.

Прорва—хлябь.

Прорвистый—стромнителный.

Пророкую — прорицаю, совѣтъ даю.

Проростую—прозябаю.

Просливаю—промикаюся.

Простацкый станъ—простакъ, невѣжда, невѣгласъ, смиренный, оглашенъ.

Простацтво—невѣжество, невѣдѣніе, неразумѣніе.

Простирадло—плащеница, пенява

Просто—прямо, противу.

Просто—праволучно, право.

Простую—управляю.

Простый—цѣлъ, цѣлый, худый, общый, обычный.

Простый человѣкъ — поселянинъ.

Простяница — людянинъ, невѣжа народный, особница.

Протекстуюся — засвѣдительствую, послушествую.

Противко—противъ, прямо.

Противленьеся — противленіе, сопротивостояніе, ..., сопротивословіе.

Противная мова — сопротиворѣчіе, сопротивоположеніе, противословіе.

Противникъ — навѣтникъ, сатана, сопостатъ, суперникъ.

Противность—скорбъ.

Протхлань—хлябь.

Протягаю — пробавляю, продолжаю, возвращаю.

Прохира—пронырливецъ, пронырливый.

Проходка—обходъ, глумленіе.

Прохожую—хожду, глумлюсь.

Прошеный—бѣдимъ, молимъ.

Прошеніе—моленіе.

Прошлое—мимо шедшое, преплывшое, предваршее, прежде бывшее, мимотекущее, преходящее, постигшее, прошедшее.

Прошу—молю.

Прошу пилно—бѣжду.

Прудко — абіе, скоро, внезапу.

Прудко бѣжачій — быстроточный.

Прудкость—скорость.

Прудкый — пернатъ, скорый, скоръ, борзый, сверѣпый, напрасный, стромнителенъ.

Прутъ—жезлъ.

Пруюся—отмѣтаюся, отрицаюся, отмѣщуся.

Пряденый—сотканый.

Нечистливый — малакія, нечистость.

Нестротина—нестрота, нещреніе, порокъ.

Нсую — вреждаю, раздрѣшаю, сокрушаю, растлѣваю.

Нсуй—вреди, сокруши, раздрѣши.

Нсуючій — вредитель, разоритель.

Нтаство—птичьство.

Нтахъ—птица.

Публика—позоръ.

Публице—народнѣ.

Пугаръ—потиръ, чаша.

Пудреніе—устремленіе.

Пужаю—изумляю, устрашаю.

Пукли—мохри.

Пукльръ—навѣжъ (sic).

Пунктъ—срока.

Пупокъ—пупъ.

Пупяшокъ—на деревѣ пупъ.

Пусто—тще.

Пустошитель—губитель.

Пустошу—погубляю.

Пустую — безчинную, безчинствую.

Пута—вериги, оковы.

Пухлина—гной, трудъ водный, кручина, надиманье.

Пухну—надимаюсь.

Пуча на древѣ—пружіе, акриды.

Пуща—пустиня.

Пытаніе—вопросъ, истязаніе, стязаніе, возисканіе.

Пытачъ—истязатель.

Пытаю—истязую.

Пытаюсь — вопрошаю, истязую.

Пыха—гординя, гордость, славолюбіе, высокоуміе, киченіе, величаніе, напищеніе, хупавость, презорство, напрасиство, кручина.

Пышаюсь—гордюсь, величаюся, кичуся, великомудрствую.

Пышный — гордый, величавый, гордъ, гордостенъ, высокоуменъ, напыщенъ, ухищренъ.

Пѣвень—пѣтель, алекторъ.

Пѣкованье—попеченіе.

Пѣнязь дробный—мѣдница, кодрантъ, лепта.

Пѣрье—пѣріе.

Пѣрьемъ оброслый—пернатъ.

Пѣсней спѣваніе—пѣснопѣніе.

Пѣчъ—сучало.

Пятно—печать, знаменіе.

Пятна натресканые — язвы, рани натресканія, язна.

Р.

Радный панъ або радца—совѣтникъ.

Радость — веселіе, сладость, сласть, сладострастіе, смѣхъ, грохотъ.

Радшей—радѣй, паче.

Радъ барзо—любовнѣ, нетяжестнѣ (sic).

Ражу—совѣтую, увѣряю, увѣщеваю.

Разъ—единощи, единою.

Рамя—мышца.

Рана—язва.

Раный — уязвленный, уязвителный.

Раны задаю—язвляю, уязвляю, досаждаю.

Раны задаючій—уязвляючій.

Раный—утреный.

Раню—язвлю, досаждаю.

Ратунокъ—помощь, полза.

Ратушъ—престолъ, судилище, судище.

Ратую—пособствую, поспѣшествую, свобождаю, удовляю.

Рахованье — словоположеніе.

Рахую—сословляю, сочетаваю, умышляю.

Рачачи—бѣдячи.

Раченый—бѣдимъ.

Рачу—бѣжду.

Рачъ—хтѣй.

Рву—терзаю, трѣзаю.

Ревно плачу—рыдаю.

Реготаніе—смѣхъ, хлѣхотаніе, грохотъ, хохотаніе, треволненіе.

Реючу—хлехощу.

Ресентъ—канцляй, книгочій.

Реестръ — сочисленіе, сословіе.

Режимьшокъ—мѣшкорѣзецъ.

Ремесло—художество, хитрость, ученіе, начинаніе.

Ремесникъ — художникъ, хитрецъ.

Ременецъ — возвузъ, сапожняя (sic).

Ремьный—усмѣнный, усмѣнъ, кожаный.

Ремьнь—кожа.

Ретязъ—разворъ, верія.

Реторъ—риторъ, вѣтый, хитрословецъ.

Речевисте—чувственно.

Ржа—тля.

Ринистокъ—ровъ, токъ, приятелище, исходище.

Робакъ—червь.

Роблю—дѣлаю, труждаюсь.

Робота — трудъ, тяжба, дѣло, стражба, дѣланіе.

Работникъ — дѣлатель, тяжатель.

Ровесникъ—сверстныкъ.

Ровность — сравненіе, равенство, подобность, токмина.

Ровный—ровенъ, точенъ, подобный, таковъ.

Ровный в силѣ—ровносилный, сопротивосилный.

Ровняю—сравняю, подобляю.

Ровняюсь—подобляюсь, сравняюсь.

Ровъ — ровенникъ, студенецъ, сусѣкъ, ровъ.

Рогатина—дреколь, сулица, ратище, луща.

Родзай—рожденіе, ищадіе, чада.

Родина—родъ, рожденіе, исчадіе.

Рожа—шипокъ.

Роженый—прискрный.

Роженье—рожденіе.

Рождуся — рождаюся, происхожду.

Рожечка—жезлъ, вѣтвь, ваія, вѣія.

Розбаченье—разсмотреніе, разсмощреніе, мудрованіе.

Розбачую — разсмощряю, размышляю.

Розбиваю -разбываю, разсѣкаю, просаждаю.

Розбиранье — зрѣніе, стязаніе, возисканіе, обиновеніе.

Розбираю вмысли -разсмощряю, размышляю.

Розбойникъ—хищникъ.

Розбуяюсь—разсвѣрѣпѣваю.

Розбѣганье—стремленіе.

Розважанье—зри розбиранье.

Розважаю себѣ—внемлю себѣ.

Розвязую—разрѣшаю, рѣшаю.

Розиньваюсь—негодую, огорчеваюся, полютѣваю.

Розполошую—росповѣдаю.

Роздаваю—раздаваю, строю.

Роздираю—растерзаю.

Роздичую — разсверѣпѣваю.

Роздѣленный естемъ—разстою.

Роздѣлне—строчне.

Роздѣляю — раздѣляю, упражняю, рѣшаю, раздаваю, строю.

Роздѣлъ—глава, предѣленіе.

Розеймую—упражняю.

Роззявляю—разширяю.

Розника—сухва, сухопль.

Розкидую—разоряю.

Розливаю—разливаю.

Розлично—различно, разнственно.

Розлечаю—раздѣляю, разликую.

Розмаите различно, разнственно, многообразнѣ, всеобразно, всяко.

Розмаитый—различный, многообразный.

Розмаитыми—многими.

Розмова—бесѣда, гаданіе, омилія, ..

Розмовленье — бесѣдованье, бесѣда.

Розмовляю за кимъ—ходатайствую, ходотаю.

Розмышленье — размышленіе, смышленіе, мудрованіе, разсмотреніе, разсмощреніе, зрѣніе, видѣніе.

Розмышляюсь — поучаюсь, размышляюсь, обинуюся, глумлюся.

Розмѣтую—разоряю.

Розмякченіе—ослабленіе.

Розненье—разногласіе.

Розное—разнственное, различное.

Розность—разнствіе, различіе, разноличіе, разногласіе, разнство, сопротиворазнствіе.

Розношу—расповѣдаю.

Розный естемъ—розню, разнствую.

Рознюсь—разликуюсь.

Розохочую—поущаю, поущряю, предобручаю, подвизаю.

Розпираюсь—раздѣляюсь.

Розпорошую—изнуряю, испрашаю.

Розправую—розличаю.

Розпростираю—разширяю.

Розрадитель—строитель.

Розрадовуюсь—разливаюся отъ радости.

Розрвиньє — распря, раздоръ, сѣченіе, разногласіе.

Розриваю—растерзаю, просаждаю.

Розростуюсь—гобзую.

Розрухъ—крамола, молва, смущеніе, плищъ, раздоръ, расколъ, нестроеніе, развѣтъ, грохотъ.

Розрухъ чиню—крамолю, смущаю, молвлю.

Розрухъ чинячій — сковникъ, ковникъ, распрѣватель, крамолникъ, распретворецъ.

Розсипаю—изнуряю.

Розсипую—разстаю.

Розславленье—разношеніе.

Розславляюся - промчуся, расповѣдаю.

Розсмотрую - смотряю, разсмотряю.

Розстань—распутіе, исходище.

Розсужаю — разсуждаю, сматряю, разсматряю, разсмотряю, востязую.

Розтовкую—разтручаю, розбываю, разсѣкаю, истнѣваю.

Розторгую—растерзаю.

Розумный—разумный, разумычный.

Розумное—разумное, словесное, размыслительное.

Розумытелный — мудрый, разуменъ, благоухищренный, красный, умный, мысленный, цѣломудрый.

Розумьньє - мнѣщеваніе, мнѣніе, виденіе, разумѣніе, разумъ, познаніе, сказаніе.

Розумью—разумѣю, мню, вмѣняю, вомѣняю.

Розумьймо—вонмѣмъ

Розумъ—умъ, умышленіе, ухищреніе, коварство, разумъ.

Розумъ знаменитый—мудрованіе.

Розумъ злечаю—умъ воперяю, воскриляю.

Розгодъ—проторъ.

Розчиняю—разчиняю.

Розчка—вѣтвь, розга, вѣя, жезлъ.

Розшарпаю—разхищаю.

Розшафовую — иждиваю, изнуряю, истрошаю.

Розширенье—народованіе.

Розширяю—разширяю.

Рокъ—годъ, годище, лѣто.

Ролныкъ — тяжатель, земный дѣлатель, земледѣлецъ, пахатель, ратай.

Роля сама плодячая — никнущая.

Роса замерзлая—златина.

Росказано ми—повеленъ есмь...

Росказанье—заповѣдь, повеленіе, завѣщаніе, маніе, маяніе, мановеніе.

Росказую—повелѣваю.

Росказуючій—повелитель.

Роскошний животъ—роскошь, сладость, сласть, сластолюбіе, сладострастіе, услажденіе, утѣшеніе, пространство, пространное питаніе.

Роскошникъ — сластолюбецъ, ласкосердій.

Роскошую—наслаждаюся, упитаюся, пресыщаюся, питаюсь пространно.

Росненіе (sic)—растеніе.

Росолъ—слатина.

Роспаленье — роздеженіе, кручина, распаленіе.

Роспаленьеся—возгорѣніе.

Роспалина — щѣль, вертепъ, скважина.

Роспачаючій—отчаянный.

Роспачую—отчаеваюся.

Роспачь—отчаяніе, нечаяніе.

Роспорошую — расточаю, разоряю.

Росправа—подлога, подложеніе.

Росправне—строчне.

Росправный—обрѣтословецъ.

Росправую—росчиняю.

Роспуста-невоздержаніе, ласкосердство, досада, студодѣйство, студодѣяніе, ослаба, разсверѣпѣніе.

Роспуста—распутіе, исходище.

Роспустный—студный.

Роспустный естемъ—шатаюсь.

Роспутье—зри роздорожа.

Роспущаю—рѣшаю, роздѣляю, устремляюся.

Роспущаюся — ослабѣваю, разсверѣпѣваю, устремляюся.

Роспущенье—стремленіе.

Ростеркъ — молва, смущеніе, плищъ, мятежъ, пря, распря, крамола, раздоръ, распрѣваніе.

Ростираю—ослабѣваю.

Ростопляюся—таю, истаеваю.

Расторгую—растерзаю.

Ростропность-остроуміе, остроразуміе, цѣломудріе, умудрованіе, вѣжество, разумъ.

Ростропный—умный, мыслный, цѣломудрный, вѣжа, смыслный.

Ротмистръ—ротникъ.

Рошть—сковрада, огнище.

Рубаха—срачица, хитонъ, рубище.

Рудель—кормъ, кормило, гребло кормилное.

Рукоесть—рукоясть.

Рукоемство—зареченіе.

Рукоимя — емецъ, поручникъ, испоручникъ.

Румеґаю—оживую, двеґую (sic).

Руменую—меризаю (sic).

Румянецъ—поваплеціе.

Рура—врутка.

Руринки—ятра.

Ручникъ—попявица, рукомыкъ.

Рушаюсь—движуся.

Рыбакъ—рыбитвъ, рыбарь.

Рыґель у замку—верія.

Рыза долная—подиръ.

Рыза верхная—эпотида.

Рыкаю—лаю.

Рымарь—усмошвецъ.

Рынокъ—купилище, торжище.

Рысованіе — кроеніе, начертаніе, поваплеціе.

Рысую—крою, чертаваю, сѣнопишу.

Рыхло—абіе, скоро.

Рыцерский—юношеский, храбрый.

Рыцерство—мужедоблестіе, побѣдная, побѣдителная, храбрость.

Рыцеръ—воинъ.

Рыцеръ выборный — исполинъ, защитникъ, мужедоблественникъ, побѣдникъ, противоборецъ.

Рычу якъ левъ—рыкаю, шатаюся.

Рыю—саяю, рѣю.

Рѣдко—на малѣ.

Рѣзачка—хороба, дусерія.

Рѣзникъ—закалатель.

Рѣзъ—заколеніе.

Рѣный—волчецъ.

Рѣчникъ—вѣтый, соглаголникъ.

Рѣчъ — вещъ, пря, трудность, потреба.

Рѣшу—разрѣшаю.

Рядно—вретище, власяница, рубище.

Рядца—строитель.

Рядъ—правленіе, устроеніе.

Рядъ веду—правлю.

Ряженье—строенье дому, смотреніе, домоправленіе.

Ряжу — правлю, исправляю, царствую, справую.

С.

Сайдакъ—тулъ.

Садъ—рай.

Сажавка—купель.

Сажаю в темницу—связую, вовергаю в темницу.

Сакраментъ—тайна.

Салата—лѣсная желтяница.

Саля — восходница, прикровникъ сѣнный, дворъ.

Самородный—самодѣланъ.

Саранча—прузи, пружіе, акриды.

Сваруся—которуся, распрѣваю, крамолуюся, тяжуся, боруся, ратую.

Сварилися—бѣждахуся.

Сваръ—котора, крамола, пря, распря, любопрѣніе, прекословіе, прерѣканіе.

Свекруха—свекровъ, свекра.

Свербитъ—прокаженъ.

Свербитъ в очахъ—мжитъ.

Свербѣти—каноскатись.

Сверщокъ—сверщъ.

Свистюлка—свирѣль, цѣвница сопль, сопѣль.

Свищу—свиряю.

Свобода—отрада.

Свободитель—спаситель.

Свободитися—спастись, отлучитися.

Свой — властный, свойственный, присвоенный, усвоенный, свойскій.

Свое мнѣманье — самомнѣніе, самохотѣніе.

Своявольне—пустошне, безчинне.

Своявольникъ — студодѣй, самочинникъ.

Своявольность—презорство.

Своявольный—непокоривый, студодѣй, напыщенный, своечинникъ.

Свояволью — безчинную, безчинствую, разсверѣпѣваю, шатаюсь, которуся.

Своя воля—безчиніе, безчинство, пустошь, разсверѣпѣніе, непокорство, напыщеніе, напрасство, ослаба, досада, котора.

Своя дума—зри свое мнѣманье.

Свѣдокъ—свѣдитель, послухъ.

Свѣдомость—вѣдѣніе, свѣдѣніе.

Свѣдомый—искусный.

Свѣдоцтво—свѣдителство.

Свѣдчу—свѣдителствую, послушествую.

Свѣдчуся—сіяю (sic).

Свѣтлость—свѣтъ, сіяніе, заря.

Свѣтлый—цѣлъ, цѣлый, правый.

Свѣтъ—міръ, вселенная.

Свѣта панъ—міродержца.

Свѣта сотвореньe—міра твореніе.

Свяꙗтованье—баснословіе, блядословіе.

Свяꙗтливый—обрѣтословецъ, баснословецъ, блядословъ.

Святобливость—святба.

Святобливый — преподобный, говѣйный.

Святости—святыня, тайны.

Священнодѣйство—таинство.

Священникъ — жрецъ, священнодѣйственникъ, тайнодѣйственникъ, іерей.

Священство — чистителство, жречество.

Священя—празднованіе, праздникъ.

Себе—ся.

Сегосвѣтное—житейское, мирское.

Секретарь—тайникъ.

Секретнѣ—духовнѣ.

Секретъ—тайна.

Село—весь.

Селянинъ—поселянинъ.

Селяне—народніи поселяне, ниварѣ, особници.

Сентенція—судба.

Серга—усерязь, усеряга.

Сердечне—присердечно, мужески, мужественнѣ, усердно.

Сердечное порушенье—движеніе сердечное, страсть, пристрастіе.

Сердитость—ярость, рвеніе.

Сердитый—яростивый, жестокій.

Середный—средный, соумѣренный.

Серенъ—лѣдъ, голоть, слана.

Сержуся—яруся, надимаюсь.

Серпи—лани.

Серца траченье—униніе, небреженіе.

Серце трачу—униваю.

Сивизна—сѣдина.

Сикавка—сморщі.

Сикофантъ—клеветникъ.

Сила—моцъ, крѣпость, держава.

Силляба—слоꙗ.

Силность—зѣлность.

Сильный—зѣлный, юношеский.
Сило—плѣница, сѣть, мрежа, тенетъ, пугло.
Силоизмъ — противоположеніе, противорѣчіе, умышленіе, смышленіе, недоумѣніе.
Синый сдвабъ—синета....
Сипливость—синота.
Сипливый — медленоязычный, косногласный.
Скаженье—растлѣніе, разореніе.
Сказанье—разумъ.
Сказителность—тля, тлѣніе.
Сказца—разтлитель.
Сквапливый—наглый, напрасный.
Скиба—вспаханная толща.
Скиваю—помаваю.
Скидачь—низложитель.
Скидаю—низлагаю.
Складка—согласіе, слогъ.
Складую—составляю.
Складъ—силляба.
Склесенье — прилѣпленіе, прилогъ.
Склепы—гажа (sic).
Склепъ—камара.
Склиюю (sic)—прилагаю, прилѣпляю.
Склонный—благоувѣтливый.
Скляница—стклянница.
Сковорода—сковрадъ.
Сковранокъ—щуръ.
Скора—кожа.
Скора овчая—милоть.
Скора отетрия (sic) — цапа, ящеръ.
Скорникъ—усмаръ.
Скорпиный—скорпеный.
Скорченый—слякъ, слукъ, сляченъ, согбенъ.
Скорченье—сокращеніе.
Скорчую—сопрятаю.
Скорупяный—скуделний.
Скривженье—неправдованіе.
Скриня—ковчегъ, влагалище.
Скрипки—гусли.
Скритый—лукавый, понурливый.
Скробатись—копошатись.
Скрозь—чрезъ, сквозѣ.
Скромне—опрятно.
Скромность—честность.
Скромный — благоугодителный, кроткый, кротокъ, миренъ, мирный, соумѣренный.
Скромнѣйшый—кротчайшый.
Скроны—скранія.
Скруха—сокрушеніе, умиленіе.
Скруху маю—умыляюсь, сокрушаюсь, сокрушаю, сотираю, сломляю, сосѣцаю.
Скупо—сцѣгло, стигло.
Скутечие—дѣтелнѣ.
Скутокъ—дѣло, изводство.
Слабый—клосенъ, немощенъ.
Славетный—нарочитый, нарочитъ, изрядный, изящный.
Слина—плюновеніе.
Сличный—лѣный, зри красный.
Слово—глаголъ, рекло.
Слоневъ дозорца — слопоначалникъ.
Слонъ—елефантъ.
Слота—слань, слана.

Служебничій—рабій.

Служенье—служеніе.

Слухаю—слушаю.

Слухаю пилно—внимаю, внушаю, внемлю.

Слухай пилно—внемли, внуши.

Слушне—въ лѣпоту, въ распоту, изящнѣе, послѣдователнѣ, лѣпо, подобно, лѣть есть, подоболѣпно, подобоискусно, достойно, подобающее.

Слушный—приличный.

Слызкій—ползкій, ползокъ.

Слымаки—зелвы.

Стьдъ—стопа.

Стьдомъ за кимъ иду—послѣдую, послѣдствую.

Стьповоронъ—нощный вранъ—на нирищахъ и здѣхъ любитъ обитати.

Слюбовное—благонарочное.

Слюбую—обѣщаю, обѣтую, обѣтъ творю.

Слюбъ—обѣтъ, обѣщаніе.

Смакъ—сласть, сладость.

Смачная потрава—сласть, сладость.

Смарую—умащаю.

Смерканье—сумракъ.

Смертелный—мертвенный.

Смерть—скончаніе.

Смокъ—змій.

Смокъ, що воду тянетъ—водоважца.

Смола—пекло, сажа.

Смотренье—смотреніе, глядъ.

Смотрю—зрю, блюду.

Смотрю до цели—намѣраю.

Смотри—зри, виждь.

Смродъ — попраніе, скверна, тина.

Смутный — дряхлъ, дряхлый, дряселъ, тяжекъ, тяжкосердый.

Смутный убіоръ—вретище.

Смутокъ—печаль, скорбь, рыданіе, сѣтованіе, тяжкосердіе, дряхлость, кручина.

Смучуся—дряхлую, дряселую, печалую, стужаюся, тяжкосердствую.

Смыслъ—умъ, разумъ, мудрованіе, чувство, умышленіе, смышленіе.

Смьвалство — смѣхотворство, смѣхотворства гражданство.

Смьле—дерзновеннѣ, не обинуяся.

Смьлость — дерзновеніе, дерзость, необиновеніе, великодушіе.

Смьлый—дерзокъ, дерзкый, дерзый, дерзостенъ, продерзатель, великодушный, напрасливъ.

Смьлый естемъ—смѣю, дерзаю, необинуюся.

Смьтье—уметь, отреби, попраніе, изгрѣбы.

Смьхъ—жартъ, глумъ, подражаніе, грохотъ.

Снадніи — нетяжестнѣ, ненавистнѣ.

Снать—негли, васнь либо нѣщо, простѣ.

Снитъ ми ся—сонія вижу.

Снозы, що на вола кладуть — сонузница.

Снѣданье—заутрникъ, нѣцеръ (sic), ваятель (sic).

Сокира—сѣчиво.

Сокира до муру—оскордъ.

Сокъ—глѣнь.

Соловий—славый.

Солодкій—сладкій, слащъ.

Солома—стебліе.

Солоная земля — слатина земная.

Сонъ—соніе, виденіе.

Сотрятую — сокровищую, сокриваю.

Соромаюсь—стижуся, обинуюся, срамляюся, червонѣюся.

Соромъ—срамъ, студъ.

Соромяжливость — стидѣніе, обиновеніе.

Соромяжливъ—посупленъ.

Сорочка—срачица, хитонъ.

Состави в костехъ—глезны.

Составъ в членкахъ—составъ.

Сочевица—сочиво.

Спадокъ—наслѣдіе, жребій, достояніе.

Спадокъ—надежъ.

Спаняле—щанственнѣ.

Спилностю — прилежно, сприлежаніемъ.

Спилностю що чиню—ухищраю.

Спираюся—стязаюся, прюся.

Списую—плѣтую, сплѣтаю.

Спихаю—возряжаю.

Сповиноваченье —сонмѣтелство, соемленіе, сообщеніе, сочтаніе.

Сповѣданье—чаяніе, упованіе, надежда.

Сповѣдаюсь—исповѣдаюсь.

Сповѣдь—исповѣданіе.

Сподѣваюся чого—ожидаю.

Спокойный—мирный, миренъ.

Сполечникъ—обещникъ.

Сполечность—сонмѣтелство, соемленіе, сообщеніе, сопребываніе, сочтаніе, общеніе, сближеніе.

Сползахваченье — совосхищеніе.

Сполкованье—тожъ, що и сполечность.

Сполкуюсь—сочетаваюся, общаюся, сообщаюся, сопребываю.

Сполкуючій—обещникъ.

Сполне—сполечне, единодушно, единомысленно, купно, единогласно.

Сполництво — участіе, причастіе.

Сполохуюсь—ужасаюся.

Спорный—суперникъ.

Споръ—пря, прекословіе, прѣніе, рвеніе, противленіе, реть, тяжба, распря, любопрѣніе.

Споряжаю—устрояю, учиняю.

Споряженье судбы—благостояніе.

Способный—десный, приличный.

Способъ—образъ, устроеніе.

Спотикаю—стрѣтаю, срѣтаю, срящу.

Спочатку—искони, изначала, вначалѣ.

Справа—упражненіе, умышленіе, смышленіе.

Справедливе — праведнѣ, въ правду, послѣдовательнѣ, изящнѣе, въ лѣпоту, въ ряспоту.

Справедливость—правда.

Справедливый—праведный, преподобный.

Справный—строительный.

Справованный—дѣйствуемый.

Справованье—устроеніе, искусъ.

Справую—исправляю, прохожду, дѣйствую, сотворяю, восхожду, строю.

Справы—дѣянія, дѣла, дѣтели.

Справца—дѣлатель, наставникъ, настоятель, вождь, строитель.

Спросность—суета.

Спросный — шкаредный, шкаредъ, безмѣстный, злообразный.

Спроста—бошію, убо, ... , всяко.

Спротивляюся—возражаю.

Спряґаю—сочтаваю, сочетаваю.

Спрятъ домовый—мшелъ, сопрятаніе, рѣшина.

Спѣванье—пѣніе.

Спѣванье високое—пѣснь степенная.

Спѣванье погребное — рыданіе гробное.

Спѣжарня—житница, хранилище, хранило.

Спѣшу—спѣю.

Спѣшуся—спѣю.

Срамный удъ—луна (sic).

Срамота—срамъ, студъ, безчестіе, досажденіе, поносъ, укоризна, укоръ, оклеветаніе, омѣшеніе, смущеніе.

Срамоченье—поношеніе, поносъ.

Сребра пробуючій — сребропескусникъ.

Сребролюбячій—сребролюбецъ.

Сроґій—дывий, безчеловѣчный, жестокъ, лютый, безстуденъ, неотрѣченъ, неумолимъ, несердоболь, немилосердъ, неблагоутробенъ, немилостивъ, звѣрообразный, грозный, лютъ, лютый.

Сроґость—жестота, безчеловѣчіе, немилосердіе, сверѣніе, сверѣнство.

Срожуся—озлобляюся, огорчеваюся, сверѣпѣю, сроґого взроку, яровидный, звѣрообразный.

Ставаюся—бываю.

Ставъ—сонмъ водный.

Стадникъ—оревъ.

Стадо овчее—паства.

Стай—стадій, стадіонъ, поприще.

Стайня—стояніе.

Сталость—доблесть, мужество, крѣпость, благостояніе.

Сталося—бысть.

Сталый—благоприсѣдительный, добль, доблественный, мужественный, крѣпкій, постоянный, десный.

Сталый естемъ — доблествую, мужествую, крѣпилюся, великодушествую, храбрствую.

Сталый на всякіе бѣды - великодушенъ, храбрый.

Сталаю разуму — великодушенъ.

Становиско — станъ, пристанище.

Становлю—уставляю.

Становлю домъ—потикаю домъ или обозъ.

Станъ—санъ, достоинство, . . .

Стиране великое — многопечаліе, попеченіе, промишленіе, угодіе, страсть, неполученіе.

Стиранье найбольшое—опаство.

Стиранесь—печаловане, попеченіе, подвигъ, страданіе, прилежаніе, печаль, мшелоимство.

Стираюся—пекуся, печалуюся, подвизаюся.

Стираючійся—тщаливый, тщателный.

Старецъ—старѣйшый, старѣйшина.

Стародавный—древный, ветхый.

Старожитный—тое жъ.

Староста—книгочій, епархъ, предстатель, предсѣдатель.

Староство—настоятелство.

Старость—сѣдина, матерство.

Старший—наставникъ, предводитель, предсѣдатель.

Старший надъ шармирми—тризноположникъ.

Старшинство—народоводителство, настоятелство, предсѣдателство, достоинство.

Старшинствую—правлю.

Старый—ветхый, древный.

Статечность—зри сталость.

Статечный—зри сталый.

Статечніе речи—тщиво.

Статутокъ христіянскій — уставъ, правъ, веленіе, преданіе, зри — правостафированье, ухищреніе.

Стафируюся—ухищряюся.

Стверждаю—утверждаю.

Створенье — тварь, созданіе, сотвореніе.

Створитель — содѣтель, творецъ, сооружитель, воздатель, сотворитель.

Стебелье—стебліе.

Стежка—стезя, путь.

Стерегу—блюду, брегу, храню, присѣжу.

Стереженье—блюденіе, береженіе, храненіе, присѣдѣніе.

Стережи—спабди, спаси, избави.

Стережись—спабдися.

Стертый—истненъ.

Стертье на порогъ—истненіе, истнѣніе.

Стираю — сокормляю, сокрушаю.

Стираю на муку—истнѣваю.

Стирка—сударь.

Стирникъ — управитель, кормчій.

Стиръ — гребло кормилное, кормъ.

Стовченъ—сотлаченый, сокрушенный.

Стону — изнемогаю, немоществую.

Стодола—житница.

Столецъ—полкружникъ. сѣдалище.

Столица—престолъ, ѳронъ.

Столяръ—древодѣля, ...

Сторожа—кустодія, стражба, храненіе, хранилище.

Сторона—страна.

Сторонюсь—устраняюся, освѣняюся.

Стосъ—составъ.

Страва—пища, ядь, снѣдь.

Стравленъ бываю—умучаюсь.

Стравляю—умучаю, иждиваю, изнуряю.

Страдный — бѣдный, страстный.

Стражъ—зри сторожа.

Страфунку—по случаю, приличнѣ.

Страховище—пугало, страхованіе.

Страшило—зри страховище.

Страшный — лютый, грозный, ужасный.

Страшу—мяту, наконцу, ужасаю.

Страшуся—ужасаюся, мятуся.

Стричокъ—вервь, вервія, уже.

Строжъ—стражъ, кустодій.

Стромоловъ—стремглавъ.

Стросканый—дряхлый.

Строфованье—обличеніе, хухнаніе.

Строфую — обличаю, показую (sic), порицаю, оглаголую, злословляю.

Строфуючій — обличитель, обличникъ.

Струплывъ—прокаженъ.

Струченый—возраженъ, низверженъ.

Стручокъ—стручецъ.

Стручую—возражаю.

Стрьла—ратище.

Стрьлянье—верженіе.

Стрьчаю — стрѣтаю, срѣтаю, срящу.

Студенецъ—ровъ, ровенникъ.

Студентъ — спудей, ученикъ, тщатель.

Студень—зима.

Студня—кладязь, кладенецъ.

Стукъ—мятежъ, молва, мятеніе, топотъ.

Ступень—степень.

Стыдаюся—стижуся, срамлюся, обинуюся.

Стьна—забрало.

Стьнныкъ меду—сотъ.

Стягаю—сообязую.

Судилище—судище.

Судина—орудина.

Судина для оливы—чванецъ

Судовый домъ—преторъ.

Судъ—судба.

Сукно—портище.

Сукня—верхняя риза, одежда.

Сукцессія—приемничество.

Сумма якого писанія—глава, главизна, оглавленіе, смышленіе.

Сумненье—совѣтъ, разумъ.

Супортокъ—праща.

Суптелне—нетелесне, духовнѣ.
Суптелность-ухищреніе, благоухищреніе.
Суптелный—восперѣнъ, тонкій, точеный.
Сурма—сопль.
Сурмачъ—пищалникъ.
Суровость—безчеловѣчіе.
Суровый—зри сроґій.
Суспѣкованый—пороченъ, укоризненъ.
Сусѣдъ—сосѣдъ, подругъ, судомникъ.
Суть—предстоитъ.
Сучокъ—сучецъ.
Сушъ (sic)—сухъ, голый, сухль.
Сфальшованое — прелюбодѣичное, растлѣнное, лестное.
Сфуканье—язва.
Схадзка—сотеченіе, собраніе.
Схиляю—приклоняю.
Сховую—храню.
Схороняетъ ся—сопрятаетъ ся.
Сынонъ учиненье—сыноположеніе, учиненіе, усыновленіе.
Сѣдаю—возлѣгаю.
Сѣдаю на лаву—воскланяюсь.
Сѣку—уязвляю.
Сѣножать—травникъ.
Сѣны—кровъ, предверія.
Сѣпачъ—рядникъ.
Сѣрка—сѣра, жупелъ.
Сѣтка—сѣть, мрежа, тенетъ, сило.
Сѣтникъ—ситовое.
Сюди—сѣмо.

Т.

Таблица—скрижаль.
Тибличка—влагалище.
Таемная — тайная, таинственная, таинственнѣйшая, недовѣдомая.
Таемне—тайно, отай, духовнѣ.
Таемница—тайна.
Тайстра—чпагъ, пира, спирида.
Таковый—сицевый.
Такъ—тако, ей, сице.
Таланть—шесть сотъ червоныхъ.
Талѣръ—дискосъ.
Тамошный обиватель — туземецъ.
Тане—туне.
Танецъ—ликъ.
Танецъ справую—ликовствую.
Таность—смиреность.
Танцу поважене — ликованіе, ликовствованіе.
Танцую—ликую.
Тарча—щитъ, навѣжъ, плѣжъ.
Татаринъ — скифъ, скифинъ, сраципъ.
Тишъ—селеніе, сѣнь, село, скинія.
Тварь—лице, возрѣніе.
Твердость—жестота.
Твердый — жестокый, жестокъ, твердъ, неотреченный, постоянный.

Твердого карку — жестоковыйный.

Твердѣю—жестѣю.

Твердезлюся—трезвлюся.

Твердезый—трезвый, бодрый.

Твержу—извѣствую, провѣщеваю.

Теды—убо.

Телеснькъ—ласкосердій.

Тельчка—о трехъ лѣтехъ юница.

Темница — уза, юза, узница, юзилище, стражба, твержа, селеніе, твердиня.

Темность—тьма, сумракъ.

Темность грубия—тьма осяжимая.

Темный —мрачный.

Теперьшный—настоящый.

Теперьшне мешканье—настоящее житіе.

Теперъ—нынѣ, днесь.

Термошуся—пружуся.

Термѣнъ—уставъ, предѣлъ.

Терпетина—теревиндъ.

Терплнвость—терпеніе.

Терплнвость великия — долготерпеніе.

Терплнвый—пожадателный.

Терплю — стражду, подемлю, приемлю.

Тесельство роблю — древодѣлствую.

Тескность—туга, бѣда, безсластіе, несладость, туга съ тяжестію, негодованіе.

Тесля—древодѣля, зодчій.

Тестаментъ—завѣтъ.

Тешу—ваяю, изваяю, начертаваю.

Тиранство—томленіе, мучителство, насиліе, насилованіе.

Тиранъ—мучитель, томитель.

Тиранъзую—насилствую.

Титулъ—титла, надписаніе.

Тихо—без шуки, тое жъ безъ шума, безъ плюскости.

Тихость—тишина, отишіе, безмолвіе, кротость, несмущеніе.

Тихый — кротокъ, тишайшый, благоугодителный.

Тканье—тченіе.

Тлумачъ—сказатель.

Тлумокъ—тайстра, бремя.

Тлустость—толща, тукъ.

Тлустый—мождаанъ.

Тлуща — обстояніе, народъ многъ.

Тоболя — тоболецъ, зри — тайстра.

Товарискій—обычный.

Товариство — дружба, дружество, состояніе.

Товаришка — жона, сожителница, другиня.

Товаришъ — клевретъ, другъ, подругъ, сожитель.

Товаришъ в дорозѣ—сопутникъ, сопутшественникъ.

То—сіе, тожде.

Тогди—южъ, таче.

Тоосвѣтный — мудрецъ внѣшнный.

Тоестъ—сіе, тожде, сиесть, сиричъ.

Тожъ—таче.

Токмо—толма.

Толко—толико, течію, кромѣ.

Толко разовъ—толикощи, . . .

Толкованіе—сказаніе.

Толокно—мѣлта (sic), прясло.

Толстость—толща.

Толстый—дебелый.

Топитью—таю, истаеваю.

Тополя зеленая—тереванжъ.

Топоръ—сѣчиво.

Торба—зри тайстра.

Торпаю—терзаю, влеку.

Торговникъ—торжникъ.

Торгъ — торжище, тризнище, купилище.

То то—тоже, сіе.

Тошню—тужду, нью, тужу.

Травлю—иждиваю, изнуряю.

Травлю в жолудку—изсучаю.

Травлю з кимъ—приждиваю.

Трамъ—бервно, бервено, слѣмя.

Трапенье—бореніе, стуженіе.

Трапенъ естемъ—мятуся.

Траплю—бору, напаствую, ополчаюся, стужаю, труды дѣю, удручаю, озлобляю, возмущаю.

Трафляюсь—ключаюсь, приключаюсь, случаюся.

Трафунокъ—случай, притча.

Трачу — погубляю, изнуряю, иждиваю.

Трвалый — добль, мужественъ, крѣпкій, твердый.

Трваю—пребываю, терплю, подемлю.

Трвога — возмущеніе, соклащеніе, крамола, молва, мятежъ, мятеніе, смятеніе.

Трвожу—возмущаю, соклащаю, смущаю, крамоляю.

Трвожуся—мятуся, крамолюся, смущаюся, сомнюся, низпадаю.

Треба—требѣ, подобаетъ, лѣпо есть.

Требенецъ—евнухъ, каженикъ.

Трезво—цѣломудрно.

Трезвость — цѣломудріе, цѣломудреніе.

Трезвый—цѣломудрный, цѣломудреный, бодрый.

Тремтанье — зри трепетаніе, стенаніе, колѣбаніе, раслабленіе.

Тремчу—трепещу, стѣню, колѣблюся.

Трефництво—кощунство, гражданство (sic).

Трефную—кощунствую.

Трефный—. . . . кощунникъ.

Трибуналъ—судище, судилище.

Триумфую—в побѣдѣ являюся.

Триумфъ — побѣдняя, побѣдителная, одолѣніе, натрижнеиіе (sic), . . .

Троска—туга, дряхлость, попеченіе.

Троскливый—дряхлый, попечителный.

Тростина—трость.

Троха—велми стигло, стиглѣ.

Трощуся — молвлю, смущаюся, уживаю, стужаюся.

Троякий помостъ на пряску—

треверстныя основы на тризнищи.

Трояко—трегубо, треверстно.

Трудно—невозможно, нѣсть возможно, немощно.

Трудность — упражненіе, стуженіе, неудобство, недоумѣніе, таинство, недоумѣваніе, недомышленіе, недомыслимо, неможеніе, лукавство.

Трудоватый—прокаженъ, прокаженный.

Трудъ—проказа.

Труженье—подвигъ, страданіе.

Трумна—рака.

Трутизна—ядъ, ядъ смертоносный, отрава, балство.

Тручаю—рѣю, порѣваю.

Трясенье земли—трусъ.

Трясуся—трепещу, колѣбаюсь, стеню.

Туга—раченіе.

Тугий—жилищный.

Туженье клѣщаю (sic) — зри тескню.

Тулакъ—лестецъ.

Тулянье—скитаніе.

Туляюся — скитаюся, облужаюся.

Тумултъ—плищъ.

Тупканье—топотъ.

Тупкаю—клеплю.

Тупий—немощный.

Тупость—немощь.

Турбаторъ — расколникъ, раздорникъ, смущаяй, зри—ростеркъ чинячій.

Турма—зри темница.

Турнья—клопотъ, сваръ, молва.

Турчинъ—сарацинъ, скифъ.

Тутешный—здешный.

Тутъ—зде.

Тученье—насищеніе, питаніе.

Тучу—умащаю, насищаю.

Тщый—тощъ.

Тъждень—седмица, неделя.

Тъжъ—убо, и убо.

Тѣло—плоть.

Тѣломъ грубый—многоплотный, дебелый.

Тѣнный—сѣнный, сѣновный.

Тѣнь—сѣнь.

Тѣшу посполу—сослаждаюся.

Тѣшусь—красуюся.

Тяблица—скрижаль.

Тяжаръ на серцу—тяжкосердіе.

Тяжкость—тягота, тяжесть..... рана.

Тяжкый — тяжекъ, неотреченный, притужный.

У.

Убіоры—остегны.

Убіоръ оздобный—украшеніе.

Убираюся—попираю.

Ублашенье—умилостивленіе, очищеніе.

Ублагаю—умилостивляю.

Убогій—бѣденъ, нищый.

Убогихъ халупки—холуги.

Убожество — убожіе, окаяніе, окаянство.

Убозство—нищета, худость.

Убранье—надраги.

Убьлаю—угонзаю.

Уважаю—внемлю, внушаю, востязую, воспоминаю, разсмотряю, сматряю, умышляю, сославляю.

Уважный—благоискусный, внимательь, увнушитель, благословный.

Уволняю—упражняю.

Уволняюся—упражняюся.

Увѣдалъ—познаплъ.

Увязаю—углебаю, унзаю.

Увясло—митра.

Угожую—совѣщеваю, согласую, припоручаю.

Уголница—мѣра у тесель, правило.

Уголъ—грань, уголъ.

Угорьжую (sic)—удружаю.

Угразаю (sic)—углебаю.

Ударьнье—претиканіе.

Удатие—праведнѣ, по достоянію, въ лѣпоту, достойнѣ.

Удаю на що—устремляюся.

Удило—брозда.

Удка—удица.

Ужалуюся—жалѣю, умиляюся, раскаеваюся.

Уже—абіе, скоро.

Ужежъ—убо ли.

Уживаю—гобзую, наслаждаюся, раскаеваюся, употребляю, приемлю, дѣйствую.

Ужитечный—добродѣтелный.

Ужитый — благоувѣтливый, добродѣтелный.

Узда—брозда.

Уздоровляю—устрабляю, исцѣляю.

Узнанье—разумѣніе, познаніе.

Указую—сказую, являю, розмовляю, назнаменовую.

Уколяю—занзаю, прободаю.

Укоренье—зри ганба.

Укормльнье—пресищеніе, упитованіе.

Укормляю — упитоваю, пресижаю.

Укоряю—потязаю, поемлю, поручаю, повлачаю.

Укосий—косвенный.

Укосость—кривина.

Укривженье—обида, обидѣніе.

Укривжоный—обидимый.

Укривжоный естемъ—вреждаюся.

Улженье—отрада.

Уливаю—истукаю, изваяю.

Улица—стогна, халуга.

Улица широкая—площадь.

Уличка—межда.

Уломность — бѣда, немощъ, вредъ.

Уломный—бѣдный, немощный, вредный, несовершенъ.

Ульченье—исцѣленіе, устраба.

Ульчую—исцѣляю, подаю исцѣленіе, устрабляю.

Уменшаю—оскудѣваю.

Уменьшенье — умаленіе, оскуденіе, истощаніе, истощеніе.

Умерлый — мертвый, усопшый, преставлшийся, опочившый.

Умерть—успеніе, смерть, преставленіе.

Умешканіе—водвореніе.

Умираю—преставляюся, усипаю, умираю.

Умисле—самохотѣніемъ, устроеніемъ.

Умова—закладъ, сложеніе, сроченіе.

Умовляю—совѣщеваю, согласую, припоручаю.

Умовляю кого—увѣщеваю.

Умовляюся с кимъ—совѣщеваюся.

Уморенье—умерщвленіе.

Умощняю—возмагаю, утвержаю.

Умышляю—смышляю.

Умьетность—мудрость, умѣніе.

Умьетный—коварный.

Унижоность умислу—смиреномудріе.

Унья—соединеніе.

Упадокъ—паденіе, падежъ, бѣда.

Упевненье—извѣствованіе.

Упевняю—извѣствую, увѣряю, увѣщеваю, достовѣрне творю.

Упевняючее—увѣщателное, вѣрователное.

Упережаючій—проц҃уменъ, предваряючій, первый.

Упережую—варяю, упредваряю, предиду, предпостизаю.

Уплетьнье—соплетеніе.

Уподобанье—благоволеніе.

Уподобуюся—угаждаю.

Упокоренье умислу—смиреномудріе.

Упоминаю—наказую.

Упоминаючій—обличный, обличитель.

Упомятствуюся—уцѣломудряюся.

Упорный—жестокій, напрасливъ, самосродный, гордостенъ, сверепѣяйся, непокорителный, напыщенный, дерзый, яростенъ, презоривый.

Упорожняюся—упражняюся.

Упоръ—необузданіе, непокореніе.

Управляю—исправляю, руководствую.

Управуймо—руководѣмъ.

Упрейме—отъ сердца, присердно, вистнѣе (sic).

Упреймость—усердіе.

Упрошую—умоляю, упрошаю.

Упусть в ставу—хлябь.

Упьренный—воспѣренъ.

Уразумъ (sic)—коварство, вѣжество, художество умное.

Ураченье—убѣжденіе.

Урачоный—блаженный.

Урачую—убѣждаю, учествую.

Уробленіе—сооруженіе, воздѣланіе.

Уробляю—сооружаю, творю, сотворяю.

Урода—зри красота, краса.

Уродливый—зри красный.

Уростаю—возрастаю.

Урупанье—зри ганба.

Урупаюся—поношаю, поругаюсь.

Урядникъ—наставникъ, вождь, строитель, предсѣдатель.

Урядництво—настоятелство.

Урядный санъ—достоинство, устроителство, учителство.

Уряд господарскій—строеніе, домостроеніе, домоправленіе.

Уряду того—службы сія.

Усилованье—начинаніе.

Усилую—належу, убѣждаю, понуждаю, подвизаю, нещадно даю.

Усиловуючи—бѣдящи.

Усиновленіе—усиновеніе, усиновленіе, синоположеніе.

Укромленный—смиренный.

Укромляю—умучаю, укрочаю, смиряю.

Услугованье—служеніе, упокоеніе.

Усмиряю—сопрятаю.

Усмотрую—сразумѣваю, соразумѣваю, разсмотряю.

Усмьряю—утоляю.

Усмьханье—осклабленіе.

Усмьхаюсь—осклабляюсь, умикаюсь.

Успуть—поспать.

Успокоенье—миръ, умиреніе, смиреніе, угодіе.

Уставилъ—постановилъ, назнаменовалъ.

Уставичне—всегда, присно, во вѣки.

Уставичный—благоприсѣдителный, присный, искрный.

Уставленный—нарекованный, нареченный.

Уставленная робота—зарочно, цѣло (sic).

Устаю—исчезаю, оскудѣваю, таю.

Устерьгаюсь—сохраняюся.

Устигаю—спѣю.

Уступаю—попущаю.

Утарчка—рать, борба, подвигъ.

Утвержеиье—утерждение, держава.

Утертая дорога—протрутень путь, протрутень.

Утеченье—гонзеніе.

Утискаю—оскорбляю, стужаю, смиряю.

Утискованіе—стуженіе, укоризна, зри—ганба.

Утискую—скорблю, стужуюся.

Утисненье—обстояніе, попеченіе, печаль, скорбь, тѣснота.

Утопляю—потопляю, погружаю.

Утрапенье—озлобленіе, треволненіе, бѣда, печаль, злоключеніе, злополучіе.

Утрапленый—бѣдный.

Утрапленъ бываю—озлобляюся, низпадаю.

Утрапляю—озлобляю.

Утрата—тщета, вредъ, изнуреніе, иструшеніе, преторъ.

Утратникъ—ласкосердій, изнуритель.

Утраченый—лишенный.

Утрачую—изнуряю, иструшаю, отщетѣваюсь, тщету приемлю.

Утученый—мождаанъ.

Утьканье—гонзеніе, бѣгство.

Утькаю—гонзаю, избѣгаю.

Утьга—роскошъ, услажденіе.

порадованіе, утѣшеніе, красованіе.

Утѣшую—утѣшаю.

Уфатиꙗованный — истомленный.

Уфатиꙗовуюсь—истомляюся.

Уфанье—упованіе, надежда.

Уфаю—уповаю, надѣюся, извѣствую, дерзаю.

Уфность—дерзновеніе, обиновеніе, упованіе, надежда.

Уфолꙗованье — щадѣніе, отрада, попеченіе.

Ухо—ухо, край, обушіе.

Ухороненье—избытіе.

Ухороняюсь—избываю.

Участництво—наслѣдіе, участіе, причастіе.

Участникъ—обещникъ.

Учинокъ—дѣло, дѣланіе, дѣтель, начинаніе.

Учиняю—сотворяю.

Учитель—учитель, наказатель.

Учитися способный — учителный.

Учоный—искусный, научонъ.

Учта — гощеніе, учрежденіе, вечеря, пированіе.

Учту справуючій—пировникъ.

Учтивость—говѣнье, почесть.

Учтивость кому чиню—говѣю, почествую.

Учтивый—честный, говѣнный, благоговѣнный, благообразный, добродѣтелный, благонравный.

Учу — поучаю, учу, руководствую.

Учуся—навикаю.

Учченый—почтенный.

Учченье—почествованіе, упокоеніе, говѣніе.

Ушакъ дверей—наддверная, надверія.

Ушанованный—блаженный.

Ушко иголное—ухо.

Ушкоженье—обида, обидѣніе.

Ушкожую—обижу, неправдую.

Ущипаю—ухапляю, угризаю.

Ущиплиость—ругательство.

Ф

Фалди—рысны (sic), тресна.

Фалдистый—тресноватый.

Фалшивый—лукавый.

Фалшованье—лестное, прелюбодѣичное, растлѣное.

Фалшъ—блудъ, лукавство.

Фарба—шаръ.

Фартухъ — епедитъ, обязало, надраги.

Фаска—делва.

Фасти (sic)—зело.

Фацелитъ—сударъ,...

Фиꙗ—смоква.

Фиꙗовое дерево—смоковница.

Фиꙗ дикихъ дерево—черничіе. сикоморія.

Философія—любомудріе.

Философскій—любомудрій.

Философъ — любомудръ, любопремудръ.

Филя—время.
Филя на водѣ—волна, волненіе.
Флетня—сопль, сопѣль, цѣвница.
Флиси—гребцѣ.
Фляша—фаска.
Фолварокъ—село.
Фолґа—отрада, ослаба.
Фолґую—щажу.
Фолґуючи—щадя, снисходителнѣ, отрадпѣ.
Форма—образъ, зводъ.
Форма найпершая—первообразіе.
Формованье—образованіе, изображеніе.
Формую—образую, ухищряю.
Фортель—ученіе.
Фортуна—блаженство, полученіе.
Фортуна чія—случай.
Форытаръ—звозчикъ, управитель.
Франца—френчуя, проказа.
Фрасовали—востужиша, пакостиша.
Фрасованый—унилый, дряхлый.
Фрасовливый—печаленъ, опечаленъ, прискорбенъ, посупленъ.
Фрасунокъ—туга, дряхлость, безсластіе, негодованіе, бѣда, печаль, скорбь, сѣтованіе, желѣтба, желѣнь, посупленіе.
Фрасунки—многопечаліе.
Фрасую—мяту.
Фрасуюся—тужу, дряхлую, дряселую, молвлю, скорблю, опечаляюсь, печалую, стужаюся, униваю.
Фратъ—пронирливецъ, пронирливъ.
Фримарчу (sic)—измѣняю, ..., запрещаю, обличаю, явлю, порицаю, зарицаю.
Фуканье—зри ганба.
Фундаментъ—фамеліонъ, основаніе, вина, начало.
Фундаментъ закладаю—основаніе полагаю.
Фундуючій—основатель, зватель.
Фунтъ—мнасъ.
Фѣґура—образъ.
Фѣстула—воскликновеніе.
Фѣяра—сопль, сопѣль.

Х.

Хапаю—емлю, похищаю.
Характеръ—обвѣшеніе, узоношеніе.
Хатки убогихъ—халуги, кущи.
Хваленье—славословіе.
Хвалити—угодити.
Хвалю—славлю, составляю, благословляю, блажу, благочествую, величаю.
Хватаю—зри хапаю.
Хворостъ—рождіе, хврастіе,...
Хвостъ—опашъ, ошибъ, хоботъ.

Хвѣюся—влаюся, зиблюся.

Хвѣяньє—влаанье, маанiе.

Хелпливость—любочестiе, мудрованiе, кичениє, шатанiе, величанiе.

Хелпливый—любочестенъ.

Хелплюся—любопочитаюся, кичуся, величаюся.

Хендогый—добрый, юношескый, лѣный, красный.

Хендого—сочиниѣ, юношески.

Хиба—точiю, кромѣ.

Хибляю—погрѣшаю.

Хитляность—лицемѣрство, лицемѣрiе, опламство, лицепрiятiе.

Хитляный — велерѣчивъ, буесловный, любопитный, лицемѣръ, лукавый, блядивъ.

Хитрость—сообщенiе, извитiе, лукавство, коварство, ухищренiе, ученiе, козньь.

Хитрый—коварный, лукавый, ухищренный.

Хитрая зрада—козньь.

Хлипаньє—воскликновенiе.

Хлипаю—плакаю, плачуся, съ воздиханiемъ восклицаю.

Хлопецъ—дѣтищъ.

Хлопъ—поселянинъ, селянинъ, селникъ.

Хлюба—зри хелпливость.

Хлюблюся—зри хелплюся.

Хмара—сумракъ теменъ, примракъ теменъ, облакъ.

Хмариться—дряселуетъ.

Хованьє—сокровище, кровъ.

Хованю—храню.

Ховзкый—ползокъ, ползкый.

Хожєньє—хожденiе, шествiе.

Хожу—хожду, шествую.

Хороба—недугъ, язва, болѣзнь, страданiе, недугованiе, вредъ, немощь.

Хороба долгая—многовременно страданiе.

Хороба неульчонная—вредъ неудобь лѣкуемъ.

Хорованiе—зри хороба.

Хороше—лѣпо, хупаво.

Хороший—зри красный.

Хорошость—зри красота.

Хоругвъ—знаменiе.

Хоружый—знаменоносный, знаменоносецъ.

Хорую—недугую, немоществую, болѣзную,....

Хорый—недужный, немощный.

Хоть—хотяй, хочажъ, аще же или и убо, убо, поне.

Хоть—изволенiе, хотенiе, жажель (sic).

Хочу—хощу, волю, желаю.

Храпъ на кого—васнь.

Хребетъ—задняя, плещи, междорамiя.

Хромый — клосенъ, клосый, вредный, маломощный, клоспецъ.

Хроненьеся—говѣнiе.

Хроповатый—трудный, сухъ, притруденъ.

Хтивость—желаніе, вожделѣніе, похоть.

Хтивость маю—вожделѣваю, желаю, похотствую.

Хустка—сударъ, убрусецъ, главотяжъ.

Хутливый—тщаливый.

Ц.

Цапа—ящеръ.

Царигородъ—цариградъ, Константинополь, Византія.

Цвѣтникъ—рай.

Цвѣченіе—обученіе, устроеніе, навикновеніе, благоискуство, вѣжество, наказаніе, глумленіе, поощреніе, ученіе, вѣжа.

Цвѣчу — наказую, вразумляю, обучаю.

Цвѣчуся—навицаю, поучаюся, глумлюся.

Цеберъ—водоносъ, ровъ.

Цегельникъ—плинтоникъ.

Цегла—плинтоа, кирпичъ.

Цедула—свитокъ.

Целникъ—мытарь, митоимецъ.

Цель—намѣреніе, благоизволеніе, благоволеніе, предложеніе, предсевзятье.

Церковный—соборный, склесіархъ.

Церковъ—святыня, святылище.

Цесарство—владычество, игемонія, самодержество, могутство, держава.

Цесарь—кесарь.

Цетнарь—талантъ.

Цехъ—содружество.

Ца—еда, едали, убо, тѣмже.

Цибуля—червленый лукъ.

Цибуля ческая—лукъ.

Цимбали — бряцало, кимвалъ доброгласенъ.

Цинамонъ—кинамонъ, корица, каситиръ.

Ципарисъ—кипарисъ.

Цистерна—источникъ, кладязь, кладенецъ, сусѣкъ.

Цитра—гусль, бряцало.

Цитриста—гудецъ.

Цицка—сосецъ.

Цицки—сосци, перси.

Цнота—добродѣтель, благость, святба, сила.

Цнотливый—добродѣтелный.

Цорка—дщерь, дщи.

Цудность—зри красота.

Цудный—зри красный.

Цьрмь—сапоги.

Цьрмарь—швецъ, сапогошвецъ.

Цьлованье—лобзаніе.

Цьлую—лобзаю, лобжу.

Цьлый—цѣлъ, всесовершенъ.

Цьха—знаменіе.

Цьхую—знаменую.

Цякивость—оплатство.

Цякивый — велерѣчивъ, любопытный, буесловъ.

Ч.

Чарованіе—обава, обавленіе.
Чаровникъ—балий, волхвъ, волшебникъ, чародѣй, обаватель, обаянникъ.
Чаровница—балія.
Чары—волшба, волшевба.
Чары на шии ношенье—узлоношеніе, узоношеніе.
Чарами труючій—чароотравникъ.
Часъ—время.
Часъ—грань, часть.
Часъ певный або намѣренный—кресъ, нарокъ.
Чата—наскокъ.
Чаша—келихъ, кратаръ, стклянница, чаша.
Чашникъ—черпчій, черпающій.
Чвертка—коробка, спудъ.
Чекаю—чаю, ожидаю, терплю, подемлю, предваряю, варяю, предпостизаю.
Челюсти—скранія, ланити.
Чему—воскую, почто.
Чепецъ—вѣнецъ.
Червецъ—червоность, чермность.
Червоная нитка—конура.
Червоность—оброщеніе, чермность.
Червоный—чермный.
Червонюсь з сорому—срамляюсь, рдѣюсь.
Червъ—тля.
Черга—чреда.
Черевикъ—сандалій, плесница, сапогъ, обуща.
Черево—чрево, утроба.
Череда—чреда.
Черезъ—замимо, презъ, чрезъ.
Черезъ него—нимъ.
Черезъ тебе—тобою.
Черезъ мене—мною.
Черезъ нихъ—ними.
Черезъ весь животъ—чрезъ все житіе, по всему житію.
Чрезъ волю божію—волею божіею.
Черенный зубъ—членовный.
Черепаха—жельвъ.
Чернецтво—иночество.
Чернецъ—мнихъ, инокъ, монахъ, калугеръ, еллинецъ (sic).
Черница—монахиня, мниница, инокиня.
Черпуха—кокулица.
Черпаю—черплю, черпаю.
Черствый—бодрый, юношескій.
Чеснокъ лѣсный—лукъ.
Честный—говѣнный.
Честую гости—страннопріимаю, угощаю, страннововожу.
Честь—пиръ, учрежденіе.
Чести пращенье—любочестіе.
Чинишъ—дань.
Чиню—творю, сотворяю, соделоваю.
Чирвстый—зри черствый.
Чирство—юношески.
Чисто—право, цѣломудрно.
Чистость—чистота, честность, цѣломудріе, ясность, свѣтъ.
Чистый—благоговѣнный, цѣло-

мудрый, цѣломудрный, цѣлый.
Члонокъ—удъ, составъ, степень.
Члонокъ встидливый—срамный удъ, дѣтородный удъ.
Члонки—члены.
Чоботарь—швецъ, сапожникъ.
Чоботъ — сандалый, сапогъ, плесница, обуща.
Човенъ—корабецъ.
Чого—чесого.
Чоло—чело.
Чоловѣкъ—чловѣкъ.
Чорнокнижникъ — волшебникъ, волхвъ, чародѣй.
Чортъ—діаволъ, сатана, кудесникъ, кудесъ, прелестникъ.
Чрезъ—презъ, мимо.
Чудный—чудовный, нечаемый, неначаемый, чудесный.
Чужоземецъ — иноплеменникъ, иноязычникъ, иноземецъ, странѣнъ, иноколѣнникъ.
Чужоземка—иноколѣнница.
Чужоложу—любодѣйствую, прелюбодѣйствую, прелюбыдѣю.
Чужолоство—блудъ, любодѣяніе, прелюбодѣяніе, прелюбодѣйство.
Чужый—туждъ, туждый.
Чуйность—трезвеніе, бодрость, ..., радѣніе.
Чуйный—бодрый.
Чуприна—власы.
Чутье—бденіе, бодрость.
Чую—бодрствую, трезвлюся.
Чуючій—бодрый, тщаливъ.
Ченье (sic)—говѣніе.
Чу (sic)—говѣю, блажу.

Ш.

Шабалтасъ—чпагъ.
Шаламая—цѣвница.
Шалене—неистово.
Шаленство—неистовство, бѣснованіе, неразуміе, изумленіе.
Шаленый—неистовъ, несмысленъ, тяжкосердый, нечестивъ.
Шаленье—неистовство.
Шалѣю—неистовляюся, бѣснуюся.
Шаля—мѣри, превѣса.
Шаную—говѣю.
Шарлатъ—багоръ, баграница.
Шартаніе—хищеніе, рѣтба, рѣніе, рѣяеніе.
Шартанина—хищеніе.
Шартачъ—хищникъ.
Шартаю—похищаю, рѣю, терзаю.
Шата—одежда, риза.
Шата долгая—утвореніе.
Шатанъ—сатана, діаволъ.
Шатеръ—сѣнь, скинія, станъ.
Шафарство—строеніе.
Шафарь—домостроитель, строитель, скупникъ.
Шафранъ—крокосъ.
Шахи—шахматы.
Швецъ—усмошвецъ.
Шедивость—сѣдина.
Шелюгъ—пѣнязь.

Шемранье — ропотъ, роптаніе, хухнаніе, шатаніе, сренство.
Шемру—ропщу, хухнаю.
Шемручій—ропотливъ.
Шепетливый — косногласный, козноязичный, медленоязичный.
Шестинеделка—роженица.
Шибала—презоръ.
Шибеничники—палачныки.
Шидаръ—ругатель, кощунникъ.
Шидерство — руганіе, огавіе, огавство, кощунство.
Шиджу—ругаюся.
Шинкаръ—винарекъ.
Ширмерство—борба, страданіе, подвигъ, подвизаніе.
Ширмую—подвизаюся, восподвизаюся.
Ширмьръ—подвижникъ, страдалецъ, тризникъ.
Широкость—пучина, широта.
Широкость мьсца—растояніе.
Широце—пространно, отрадно.
Шишакъ—шлемъ.
Шия—тилъ, выя.
Шкапа — робленая, подяремникъ.
Шкарадный — шкарадъ, студный, срамный, сквернавый.
Шкарадная мова—срамословіе, блядъ.
Шкода—тщета, вредъ, лукавство.
Шкоду подеймую — общетѣваюся.
Шкоду чиню—отщещаю (sic).
Шкодливый—тяжекъ, лукавенъ, вредный, пакостный, тяжкосердный.
Шкодую—тщету приемлю, подемлю.
Шкожу — вреждаю, пакощу, обижду, повреждаю, неправдую.
Шкодца — вредитель, пакостникъ,подстрѣкатель,губитель.
Шкодъ—вреди.
Шлюбъ—обѣтъ, обѣщаніе.
Шляхетность — честность, чесность.
Шляхетный—доблый, древний, ветхый.
Шмата—рубъ.
Шматина—рубище.
Шнуръ теселскый—правило.
Шопа—сѣнь, скинія, станъ.
Шпетность—безобразіе.
Шпетный—злообразный, шкаредъ, шкаредный.
Шпетная мова — срамословіе, блядъ.
Шпечу—посмраждаю.
Шпиклиръ — житница, хранилище, хранилница.
Шпиранье—пареніе.
Шпираю—пару.
Шпираютъ о мнѣ—истязуюсь.
Шпиталь—болница.
Шпѣгованье—согляданіе.
Шпѣгую—соглядаю.
Шпѣгуютъ мя—истязуюсь.
Шпѣгъ—исходникъ, соглядатай, прелагатай, сходникъ, позоритель.
Што—что.

Штортиста—пресудникъ.
Штортъ—пресудница.
Штука—извитіе, хитрость, коварство, ученіе.
Штука лотровская—скверпавый, скверный.
Штучный—коварный.
Шуба—утвореніе, милоть.
Шубравецъ—рубищеносецъ.
Щуканіе—возисканіе.
Щукаю—ищу, возищу, возискаю.
Щуля—шуя, шуйца.
Щумленье—шатаніе.
Щумлю—шатаюсь.
Щумъ—звукъ, щукъ.
Щутство—смѣхотворство.
Щутъ — рубыщникъ, смѣхотворца.

Щ.

Щадьнье—щаженіе, попеченіе.
Щасливый—блаженный, благополучный, десный, благоденственъ.
Щасливство—блаженство.
Щастить ми ся — благоденствую, благополучаю, гобзую, изобилую.
Щастье — блаженство, благоденствіе, благополучіе, полученіе, случай.
Щастя кому причиняю—блажу.
Щебетливость—блядословіе.
Щебля в трапезъ—щегнуша.
Щеканье—лаяніе.
Щекаръ—лаятель.
Щекаю—лаю.
Щепаю—исцѣпѣваю.
Щире—истиннѣ, вѣрнѣ, незлобивѣ, приискрно.
Щирость—незлобіе, независть, цѣлость, независтное.
Щирый—незлобивый, независтный, неумитный, простый, нелестный, приискрный, невѣжда, цѣлый, цѣлъ, правый.
Щодробливость — благостиня, милосердіе, щедрота.
Щедробливость противу гостей—страннолюбіе, щедрота.
Щодробливый—страннолюбивъ, страннопріятенъ, благій, милостивъ, щедрый, щедръ.
Щока—крань.
Що на то—прочее, опотомъ.
Щось—нѣчто.
Щуплый—тенкій.
Щьлина—скважина.
Щьпить—отирати свѣчки, оцѣщало.

Ю.

Южъ—болше, таче, доселѣ.
Южъ к тому—паче до селѣ.
Южъ не—не к тому.
Юрґелтъ—урокъ.
Юрность — разсверѣпѣніе, нечистота.
Юхтовый—кожаный, усмѣнъ.

Я.

Ябедникъ—клеветникъ.

Ябедничество — вражденіе, порѣченіе, клевета.

Ябедничу—клевещу, вражду на кого, порѣкаю, оскаржаю.

Яблоко грановитое — полное зерятъ, шипокъ.

Явне—явнѣ, явленно, явственнѣ.

Яворовый—репиненъ.

Яворъ—репина.

Ягода винная недозрѣлая—народокъ.

Ягоди—скрани, скранія.

Ядерный—младый.

Ядѣніе—ядъ, яденіе.

Ядъ—отрава, ядъ, идъ.

Яжда—яжденіе.

Язичокъ—зѣлье троскотъ.

Язичокъ у ваги—правило.

Языкъ—народъ.

Язя—балія.

Якая—елика, яковая.

Якійсь—нѣкто, нѣкій, етеръ.

Яко бы—аки бы, аки.

Яковость—качество, количество.

Яковый—каковый.

Якось — яковось, яско (sic), яково.

Якъ—яско (sic), како, коль, елма.

Якъ болше—колми.

Якъ много—елико.

Яма—ровъ, жупище, ровъ, сусѣкъ, язвина, разсѣлина.

Ямка—пещера, пирище.

Ярина—зеліе.

Ярмарокъ—торжище.

Ярмо—иго.

Ясиръ—полонъ, плѣнъ.

Яскиня—вертепъ, закровъ, пирище, язвина.

Ясность — свѣтлость, сіяніе, свѣтъ.

Ясность вимовы — обротность языка, благоязичіе, благорѣчіе.

Яства—ядъ, яденіе.

Ястребъ—крагуй.

Ятровка—повинная, ятровъ.

Институт литературы ЦИК СССР им. М. Горького

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ указателѣ источниковъ:

стран. II, строка 2 снизу: ꙗхлх. слѣд. читать: ꙗхлѕ.

Въ текстѣ:

стран. 40, строка 10 сверху: *русскою*, слѣд. читать: *росскою*.
„ 42, „ 4 снизу: польскія, „ „ *польскія*.
„ 61, „ 6 снизу: *уся*. „ „ *уся*,

Въ словарѣ:

стран. 19, строка 11 сверху: упорнилны, слѣд. читать: утерпилны.

FEB 1 3 1986

PG
3815
Z5

Zhitetskii, Pavel Ignat'evich
Ocherk literaturnoi
istorii malorusskago narieehiia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY